

ПОЭЗИЯ

Галина РУДАКОВА	«О РОДИНЕ (12+) ПЕЧАЛЬ НЕУТОЛИМА...»	3
Дмитрий СВИНЦОВ	«ГДЕ ПЛАЧУТ (12+) ЯМБЫ И ХОРЕИ...»	42
Зоя МАЛЯРЕНКО	(12+) «ИГРА ВООБРАЖЕНЬЯ...»	97
Андрей ПОПОВ	«В МОЛИТВЕ (12+) НУЖДАЕТСЯ ВСЯКИЙ...»	112
Светлана СУПРУНОВА	«КУДА ОПЯТЬ (12+) ПУТИ ВЕДУТ?...»	205

КРИТИКА

Юрий ЛИННИК	О ПОЭЗИИ (12+) ГАЛИНЫ РУДАКОВОЙ	5
--------------------	------------------------------------	----------

ПРОЗА

Юлия НИФОНТОВА	НЕ ХОЧУ (16+) В НОРМАНДИЮ! <i>повесть</i>	7
Галина ТАЛАНОВА	БЕГ ПО КРАЮ, <i>повесть</i> (журнальный вариант), окончание (16+)	44
Юрий БЛИНОВ	В ЗЛАТОКИПЯЩУЮ (12+) МАНГАЗЕЮ, <i>роман</i>	

ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Надежда БОЛЬШАКОВА	ОТКРОВЕННО... (12+) ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ	98
---------------------------	---	-----------

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ

Николай КОНЯЕВ	ЗАСТУПНИК СВЯТОЙ РУСИ (АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ) (12+)	114
-----------------------	--	------------

Борис ГУЦИН	1914. ПОЧТИ (12+) НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ	200
--------------------	--------------------------------------	------------

ДЕБЮТ В «СЕВЕРЕ»

Ростислав МОШНИКОВ	«КАК В МОРОЗЫ (12+) ТЕПЛЕЕТ СЕРДЦЕ...», <i>стихи</i>	141
---------------------------	---	------------

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Иван РОГОЩЕНКОВ	(12+) «ДУХА НЕ УГАШАЙТЕ...»	142
------------------------	--------------------------------	------------

Литературный конкурс журнала «Север» СЕВЕРНАЯ ЗВЕЗДА

Михаил ЯКОВЛЕВ	БЕРЕЗОВЫЙ СОК; (12+) АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА, <i>рассказы</i>	149
-----------------------	---	------------

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алексей ФИЛИМОНОВ	ОБРАЗ МАСТЕРА (12+) У БУЛГАКОВА И НАБОКОВА	207
--------------------------	---	------------

СЕВЕР

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ

Алексей КАЗАКОВ ЧАРОДЕЙНАЯ ПЕСНЬ
РИММЫ КРАПИВИНОЙ (12+) **214**

ПЕРСПЕКТИВА

Елена ПИЕТИЛЯЙНЕН ЯЛГОРА:
ИЗ МЕЧТЫ В РЕАЛЬНОСТЬ (12+) **221**

О ЧЕРК

Вениамин ЯШИН СОЛОМЕНСКИЙ ЛЕСОЗАВОД –
140 ЛЕТ ИСТОРИИ (12+) **224**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Иван ЩЕЛОКОВ «НЕТ НУМЕРАЦИИ... ПОЭТОВ»,
размышления на полях
всероссийского альманаха
«День поэзии – 2013» (12+) **232**

Вениамин СЛЕПКОВ О ВРЕМЕНИ И О СТРАНЕ (12+) **236**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ 240

Журнал «СЕВЕР»

идет по подписке во все регионы России.

Журнал поступает в администрации
областей и республик Северо-Запада.

Содержание журнала не обязательно
отражает точку зрения редакции
на затронутые темы.

За точность фактов и цифр
ответственность несут авторы.

Редакция пока не имеет возможности
платить авторский гонорар.
Авторам высылаются журналы
с их публикациями.

Редакция оставляет за собой право
не вступать в переписку с авторами,
произведения которых не будут
опубликованы.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

При использовании материалов,
опубликованных в журнале, просим
непреренно ссылаться на «СЕВЕР».

 (8142)

гл. редактор 78 47 36

отв. секретарь. 78 47 36

отделы: 78 48 05

прозы,
поэзии,
публицистики

E-mail:

sever@karelia.ru

Для рукописей:

sever-journal@mail.ru

Наша страница в Интернете:

<http://sever-journal.ru>

Адрес редакции: 185035, г. Петрозаводск,

Пушкинская, 13, журнал «Север»

АУ редакция журнала «СЕВЕР»

Галина РУДАКОВА

живет в Холмогорском районе.

Автор 6 книг, в том числе

4-х поэтических сборников: «Созвездие любви» (2002),

«В памяти сердца» (2005), «Даль синеокая» (2007),

«Цветок лазоревый» (2011).

Лауреат областной литературной премии

им. Николая Рубцова (2005 г.).

Публиковалась в журналах «Молодая гвардия»,

«Двина», «Новая Немига литературная» (Белоруссия),

«Невский альманах» и др.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Галина
РУДАКОВА**

*Архангельская
область*

«О родине печаль неутолима...»

ЗИМНИЙ ДЕНЬ ПРОЛЕТЕЛ

Зимний день пролетел,
словно сойка лесная,
в утайку.

Вечерую,
привычная с детства
к короткости дня.

А последнее солнце
расщедрится вдруг,
заиграет,

Дальним светом своим
ненадолго согреет меня.

И блуждающий луч
вспыхнет вдруг на стекле
и в межрамье,

Предзакатные блики
запляшут на дальней стене...

Здесь весной каждый день
был, как наша любовь,
нескончаем

И не гасла заря,
отражённая в каждом окне...

Но сейчас глухозимье,
закатное солнцехождение.

От восхода к закату
весь путь измеряю рукой...

Может, давнее счастье
скользит мимолётною тенью?

Всё тускнеет... мгновенье...
и солнце ушло на покой.

Полусвет... полутьма...
и опять на оконницах иней...

Не привязан ты сердцем,
как я, к этой стылой земле!..

Свет далёкой любви,
что осталась в сердечном помине,
Словно солнечный луч,
всё горит на морозном стекле.

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Снежит...

Повсюду

снежинки лепит.

На каждой ветке — зимы припасы.

А может, всё это детский лепет

И жизнь зимою ничто не скрасит?

Но стоит воздух глотнуть остудный —

И вдруг увидишь рябины гроздь,

К дороге выйдешь — а там (о чудо!)

Услышишь ясно: поют полозья.

Везут ли сено, везут ли ёлку?

Видать, излажены сани с лета.

Что лучше запаха хвои колкой?

Лишь запах луга да запах леса.

Стожок у дома заиндевелый

Под снежной шапкой рыжеет чёлкой...

Ах, с этим надо же что-то делать:

И с этим утром, и с этой ёлкой!

А муж с утра уже топит баню

И дров играючи наполнил.

О чём там, с ведрами, жёнки бают?

Кого-то хают, кого-то женят.

Да полно, хватит! На новогодье

О мелком, суетном думать бросьте!

...Пораньше в баньку пойдём сегодня.

Нарядим ёлку. Наедут гости.

ВОТ ТАК И ЖИВЁШЬ

Вот так и живёшь — тёплой памятью лета,

Пока не повеяло холодом Леты,

Да чудится в запахе лиственной прели

Весна, что любовь приносила в апреле...

И ты, как природа, меняешь свой имидж:

Лицо и одежду, причёску и имя,

И в жизнь твою люди приходят иные...

Так было и будет и присно, и ныне...

А зло и добро вдруг меняют обличье,

Меж правдой и ложью всё меньше отличие, —

Вот так, всё внезапно меняя местами,

Нас трогает время своими перстами:

Кого-то — наградой, кого-то — расплатой...

А ты остаёшься — с любовной растратой

И смотришь на листья, что ветры раздули,

Сквозь это прозрачное время раздумий.

* * *

О родине печаль неутолима...

Опять иду, волнением томима,

Искать слова — то в поле, то к реке,

За стаей птиц, что ветрами гонима,

И слово, словно посох пилигрима,

Сжимаю зачарованно в руке...

И слово, что ещё в душе таимо,

Вдруг вырвется на свет неутолимо,

Поднимется, как лилия со дна,

И видишь вдруг: усыпано цветами

Всё озеро души, чьё имя — память.

А в нём ещё такая глубина!..

А вот звездою слово замерцало,

И ожило озёрное зеркало,

И сотней бликов вдруг отозвалось.

И ближний берег с жёлтыми стогами,

И тихий свет ромашек над лугами —

Всё в это слово тихое сплелось.

Юрий ЛИННИК

г. Петрозаводск

О поэзии Галины Рудаковой

У меня культовое отношение к Русскому Северу. Он – моя религия. Молитвенная связь с ним – с его красотой и чистотой – питает мою душу.

Многое в нашей стране развеяно и размётано. Но Русский Север сумел сохранить ключевые ценности нации. Он наша память. Недуг амнезии нельзя одолеть без него. Уповаю на Русский Север!

Тем дороже мне голос Галины Рудаковой. Он звучит с берегов Северной Двины – из ныне почти обезлюдивших мест. Читая её стихи, я вспоминаю Николаем Клюевым Красную Лягу на Каргопольщине: там среди пустого пространства стоит шатровый храм – один-одинёшенек, вокруг ни души. Голос Галины Рудаковой я сопрягаю с этим храмом.

Красная Ляга на расстоянии помогает россиянам.

Галину Рудакову слышат!

Не всё потеряно – надежда всё-таки есть – отчаиваться не надо.

В поэзии Галины Рудаковой я обретаю духовную поддержку. Нить преемственности! Идущая от Михаила Ломоносова, она пронизала поэзию Николая Рубцова – оба многим обязаны Северной Двине. Казалось бы, навсегда ускользнувшая, она подхвачена и укреплена Галиной Рудаковой.

Идя вдоль этой нити, я попадаю в космос русского крестьянства.

Галина Рудакова – его поэт.

Хотелось сказать: последний поэт! Но ведь это говорили и о Сергее Есенине, и о Николае Клюеве, и о Николае Рубцове. Не спешили мы с некрологами нашей деревни?

Как ни перемалывали крестьянство, оно явило поразительную живучесть. Галина Рудакова тому живое свидетельство. В её душе сохранно пребывают накопления веков. Поля книги – как граница сруба: внутри стоит ключевая прозрачность. Пей и высветляйся!

У Русского Севера был иммунитет против сил распада и разложения. Он сохранил высокий нравственный строй. Отзывчивость, участливость, сердечность – вот его этические императивы. Всё это есть в стихах Галины Рудаковой. Они лучатся добротой. Искренность их абсолютна. Эти качества кажутся реликтовыми в нашем холодном и жестоком мире. Поэтому поэзия Галины Рудаковой имеет особую значимость в масштабе всей России. Быть может, она согреется у далёкого двинского костерка? И снова станет душевно щедрой, человеческой?

Поэзия Галины Рудаковой – как прозрачайшее стекло, обладающее магической силой: припадая к нему, вижу пространство избы – всматриваюсь в бесценные детали.

*А в избе у тебя – тени прошлого зыбки,
В потолочине низкой – колечко для зыбки, –
В ней когда-то тебя
с тихой песней качали,
а твой рост на дверном косяке отмечали.*

Изумительные стихи! Каждая подробность в них несёт огромный эмоциональный заряд. Потому и навёртываются слёзы.

В микрокосме избы текла мудрая, размеренная, опытом веков проверенная жизнь. Северный крестьянин крепко стоял на земле. Хозяйство велось рачительно. Поэтому находились средства, которые вкладывались в красоту. Недалече от Галины Рудаковой находится Пермьгорье с редкостной по красоте церковью XVII в. Её воспел И.Э.Грбарь. А какие прялки там делались! Сирины на золотистом фоне: от них веяло сказочным духом. А расписные туеса! А яркие вышивки!

Всё это окружало Галину Рудакову с детства. И вошло, впиталось в её стихи.

Важно подчеркнуть: в этих стихах нет никакой стилизации. Они предельно естественны.

Вот хорошая задача для краеведа: составить словарь Галины Рудаковой. Народная речь – поморьска говоря – входит в её стихи сама собой как дыхание. Или как сердцебиение. Нарочитой игры диалектизмами тут нет и в помине.

На каждой ветви – зимы припасы.

То есть украшения. Баской – красивый.

Иногда свои стихи Галина Рудакова сопровождает примечаниями. К примеру, колоритное слово *иссада* поясняется так: «место, куда приставал пароход, чтобы выпустить пассажиров, когда ещё не было пристаней». Сразу встаёт целая картина: двинский берег – череда сёл и деревень – высадка пассажиров по шатучим мосткам. Видите среди них Николая Рубцова?

Простая деревенская жизнь предстаёт у Галины Рудаковой в ореоле поэзии.

*А муж с утра уже топил баню
И дров играючи
наполнил.*

Наполнил: до чего же звонкий глагол!

Галине Рудаковой отпущен дар живописания словом. Многие её стихи – как свежие этюды:

*Здесь в сугробах увяз каждый кусточек,
Утонула деревня в снегу,
Дом родной, словно старец, окуржовел,
Унимая метелей разгул.*

Внизу сноски: окуржовел – покрылся изморозью. Но в самом слове есть что-то морозное, льдистое! Будто оно сплошь покрылось мохнатым инеем.

И ведь сколько подобных набросков с натуры – точных и выразительных – рассеяно в стихах Галины Рудаковой! Это мастер пейзажной лирики. Образы быта ей тоже удаются:

*Словно в одном карандашном рисунке:
С бабушкой мы за столом своедельным,
Мама в жакетке, с хозяйственной сумкой...*

Будто перебираешь старые коричневые фотографии! Забытая деревенская жизнь проходит перед тобой в своей непритязательной, но такой пронзительной и трепетной красоте.

Галина Рудакова – русская крестьянка. И большой русский поэт. Она не любит идилий и буколик – в её стихах много горькой правды. Но много и света! Он бьёт из двух источников: это сказочное прошлое – и это чаемое будущее.

Оно есть у России.

В этом меня убеждает поэзия Галины Рудаковой.

*Все впечатления и мнения, выраженные
в этой повести, — это мнения только
выдуманных персонажей и ничьи больше.
С уважением, автор*

Юлия НИФОНТОВА
г. Барнаул

НЕ ХОЧУ В НОРМАНДИЮ!

*Человек, который ищет
Бога вне себя, похож на пастуха,
который ищет барашка в горах,
а тот у него за пазухой.
Будда*

1. ПРОРОЧЕСТВО

*— Девочка, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?
— Вемдей и похер-хакером!*

Хочу рассказать вам про самое удивительное событие в моей жизни — про моё путешествие во Францию. Эка невидаль, скажете? Покруче видали! Конечно, для какой-нибудь пресыщенной столичной штучки это обыденное дело — в Париж на уик-энд смотаться. Но для меня, нищей училки из глубокой сибирской провинции... Невероятное везение! С моей самой низкой социальной ступеньки это всё равно что в космос слетать.

Ну да ладно, расскажу по порядку. Дело было в тепер уже далёком «две-тыщщи-лохматом» году, сразу же после бандитских девяностых, когда мы и осознать-то ещё не успели, что лихолетье на убыль пошло.

Все авантюры в застойном болоте моего существования всегда начинаются с Лолки... Лолка звонит всегда не вовремя. Мало того, что она может запросто разбудить глубокой ночью, так ещё бесконечные Лолкины монологи затягиваются бессовестно долго. Она шепчет, вскрикивает, сама себе удивляется, сама с собой сорится... «Театр одного актёра» продолжается до тех пор, пока я не падаю на подушку замертво, проваливаясь в спасительный сон, не в силах больше выдерживать пытки. А неуёмная Лолка взхлёб продолжает страстный монолог, густо пересыпанный задорным матом.

Временами, когда натруженное ухо начинает болеть от долгого соприкосновения с телефон-

**Памятка для клиенток
международных брачных агентств,
а также руководство для желающих
выехать за границу по визе невесты:
«Mon amie et mon ange —
madame Hülune Lelandais
de la Normandie».**

ной трубкой, я укладываю её на подушку рядом с собой и могу на несколько минут позволить себе забыть о том, что веду международные переговоры с Францией. Но, похоже, Лолке совершенно и не нужен активный слушатель. Она упивается одной лишь счастливой возможностью просто говорить на родном языке. Поэтому так яростно и самозабвенно кричит и шепчет, плачет и смеётся, ругается и декламирует стихи... Главное, что по-русски!

С Лолкой мы вместе учились в школе. Таким, как я, всегда достаются роли второго плана, моё амплуа «подружка героини». И я была подружкой Лолки, а она – героиней! Яркой, дерзкой, своенравной...

– Мужик без машины несостоятелен так же, как женщина без ребёнка. Но у нас-то ещё всё спереди!

– Не знаю... У тебя, может, и спереди. А мне уже надеяться не на что... Скажи... ну, а ты вообще как – по Родине совсем не скучаешь?!

– ?..

– Что молчишь?!

– Не знаю даже, как тебе понагляднее объяснить. Ну вот представь себе, сидел какой-нибудь мужик в тюрьме всю жизнь. Его там били, унижали, насиловали... Полжизни из-под лавки не вылезал... А потом вдруг р-р-раз! И выпустили на свободу. Вернулся он домой, а там – семья, ждут, любят. Всё вокруг нормально, с ним уважительно разговаривают, вкусная еда, чистая постель, никто не напрягает. Только-только он стал к нормальной жизни привыкать, человеком себя почувствовал... А ему эки звонят из той камеры и спрашивают – ну, ты чо там, не соскучился ещё?! Вот примерно так!

– Господи, да неужели у нас до такой степени всё плохо?!

– Скажу больше, Ленчик, вы в аду!

Помню, как-то в классе восьмом маялись мы на обязательной летней отработке. В нашей стране бесплатного труда нет, кроме труда детей, учителей, солдат и заключённых. Но нам повезло. Лолка вообще с детства – проныра. Поставили нас на пару в теплице цветы поливать. Другие дети на солнцепёке капусту полют под «прицелами» надзирателей и ещё более безжалостных од-

ноклассников, а мы – красота! – спокойно вдвоём польём всё и – свобода!

За три недели мы с Лолкой всю жизнь друг другу рассказали, все тайны проболтали, все песни пропели... и стали по-настоящему родными людьми. Утро начинали с того, что подолгу сидели за теплицей – просыпались, всё-таки организм уже на каникулы настроился. Потом потихоньку, не спеша приступали к работе и начинали распеваться. После двух-трёх исполнений рок-оперы Рыбникова «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты» замолкали, так как рассказывать было уже нечего. Но однажды, в последний день практики, нас будто прорвало:

– Давай, – говорит Лолка, – пофантазируем, что с нами со всеми после школы будет. Вот представь, что прошло лет эдак десять-двадцать...

Нас понесло. Мы придумывали своим одноклассникам самое невероятное будущее, раздавали им самые несвойственные роли и хохотали как безумные. Тормозной толстой хохлушке Сайке (Тосе Сайко) напроорочили карьеру фотомодели в журнале для извращенцев. Забитенькой, с неправильным прикусом Зюзе (Соне Зюзиной) – ревнивого, страстно влюблённого воздыхателя – Отелло. Хулигану, двоечнику и хроническому второгоднику Рюкзак (Вовке Рюзову) – степень кандидата наук. Смешному, похожему на Винни Пуха увальню Дрюлику (Андрею Пальчикову) – брутальную криминальную биографию. Круглой отличнице Людочке злорадно пожелали не поступить в институт.

– А с нами-то что будет? – спросила я Лолку, когда немного отпустил очередной приступ смеха и стало возможно говорить, понимая сказанное.

– Ты, Ленчик, школу ненавидишь всеми фибрами души, значит, будешь училкой, пока не полюбишь школьные застенки до фанатизма. А я буду очень богатой, мне больше ничего не надо. И тогда джинсы у меня будут настоящие, американские, и красная длинная машина, и самые обалденные парни. За деньги я себе всё куплю: и образование, и уважение, и любовь...

Если бы мы только могли знать, что все наши самые невероятные фантазии жизнь не только исполнит с точностью до запятой, но и приумножит. Тоська не превратится в скелетообразную

манекенщицу, а, переплюнув наши пророчества, превратится в телеведущую и актрису популярных сериалов — Таисию Сайк.

Самая страшенькая Зюзя первой выскочит замуж, именно у неё будет не только крепкая многодетная семья, но и медаль матери-героини. Как утверждает Лолка, заниженная самооценка — фундамент счастливого брака!

Рюкзак вырастет до доктора наук, будет бесконечно долго парить студенческие мозги преподавателем философии в университете.

Дрюлик станет Князем — крутым властителем МКАДа, всесильным держателем бензозаправок вокруг столицы.

А несчастная Людочка останется молодой вдовой с малолетним ребёнком на руках. И, окончив школу с золотой медалью, будет вынуждена работать уборщицей, пока капитально не сопьётся. Поверить в это *тогда* было невозможно. Но то, что Лолка обязательно преуспеет в жизни, я не сомневалась, хотя, конечно, и предположить не могла, что она станет мадам Фонтен и будет владеть поместьем в Нормандии с домом, похожим на дворец.

Как ни странно, выросла Лолка в унижительной нищете под градом насмешек и тумачков «ребят из нашего двора». У неё не было грозного защитника папы, и сумасшедше любящая мамаша не выбегала на помощь, слыша отчаянный Лолкин плач. Поэтому издевались над ней безнаказанно и самозабвенно. Дети — самый жестокий и безжалостный народ. Поверьте мне как педагогу с многолетним стажем. Лолка с детства была хорошенькой, умной, бойкой, но... Залатанная школьная форма с короткими рукавами... Бесплатное питание в школьной столовке... Летом — пионерский лагерь на три сезона...

Воспитывала её бабушка. И все в классе были совершенно уверены, что Лолка — круглая сирота. Когда на последнее родительское собрание в выпускном классе заявилась расфуфыренная, нездешне красивая Лолкина мамаша, держа за руку обворожительного мальчика-мулата — младшего Лолкиного братишку, да ещё и вывалила на выпускной бал невероятную сумму — все были просто поражены. Шампанское из-под полы в период сухого горбачёвского указа тоже достала инопланетная Лолкина маман. Но, видимо, на этом её благотворительность и закончилась.

После того как отгремели школьные выпускные балы, Лолка не побежала, выпучив глаза, как все остальные, штурмовать вузы, а устроилась продавцом в ювелирный магазин — поближе к любимому жёлтому металлу.

— Нет, я ничо не пóняла! Где радостный визг? Жё нё компран па?!² Где спасибо, любимая? Ты меня слушаешь вообще?! Алло!!!

— Ой, Лолочка, извини, я пропустила. Ты что-то сказала?

— Жениха тебе нашла! Миллионер!!! А ты, соня, так и проспишь счастье-то своё!

— Какого жениха? Где нашла?

— Помнишь, я по весне на тебя брачное объявление подавала в газету «Бонжур»? Тебе ещё одни негры отвечали. А тут железный вариант. И, представляешь, живёт рядом — соседний виляж³. Просекаешь? Теперь надо всё успеть. Собирайся в Нормандию! Куй железо, пока Горбачев!

Лунный свет заливал холодным голубым сиянием унылую пустынную местность. Тут и там гнулись от резкого ветра реденькие чёрные кусты. Словно злобные пустынные демоны с песчаных дюн, кидали в лицо колючий песок, который забивал рот, глаза, волосы...

— Надо же, а я совсем не такой себе Нормандию представляла! Куда бы спрятаться от этого пронизывающего ледяного кошмара?

На горизонте горбатым силуэтом, словно выгнутая спина гигантского зловещего дракона, возвышался горный хребет. Я шла на ветер, согнувшись в три погибели, но ненавистные порывы пробирали до костей. Волосы били по щекам, превращаясь в твёрдые сосульки. Моё плохонькое платьице несколько не спасало от холода. Колотила крупная дрожь, зубы стучали, сотрясая подбородок. Голова отказывалась соображать, наверное, мозги тоже промёрзли, стучала только одна мысль: «Нужно добраться до гор — там спасение!»

Очнулась я от безумного предгибельного состояния в полумраке тесной пещеры. Костёр посреди пыльного грота почти догорел, и я придвинулась к теплу так близко, что угли обжигали ноги. Постепенно сознанию возвращалась ясность, и я стала разглядывать неприветливое убежище. Повсюду валялись обглоданные кости, а в дальнем углу тёмными про-

валами глазниц тарасился на меня длинный лошадиный череп.

Вдруг вход в пещеру заслонила мощная фигура, поросшая косматой рыжей шерстью. Существо двигалось бесшумно, только подойдя ко мне вплотную, обдало горячим смрадным дыханием и недовольно зарычало. Это было ужасное соединение человеческого и звериного. Оно было явно разгневано бесцеремонным вторжением в его жилище.

Волосатая морда придвинулась к моему лицу, почти касаясь, буравила злобными красными глазками и скалила жуткие мокрые клыки. Его тёплая слюна капала мне на плечо.

Существо явно ждало, когда я подниму глаза. А я всё отводила и отводила взгляд. Тогда чудовище схватило меня железной хваткой, сковав движения и подавляя волю. Меня абсолютно парализовал липкий душераздирающий страх. Я поняла, что выхода нет, и стала медленно поднимать глаза. Когда наши взгляды встретились, я увидела перед собой мутные, дремучие глазёнки животного, которому чужды человеческие законы жалости и сострадания, которому ничего невозможно объяснить. И тогда я осознала своё бесспорное превосходство, и чувство торжества над диким звероподобным существом захлестнуло меня.

Монстр взвыл как ошпаренный и, впившись когтями в плечи, вонзил острые клыки в мою шею...

2. ВЛЮБЛЁННЫЙ ХОББИТ И ВОЛШЕБНЫЙ ФЭН-ШУЙ

*Надо всё успеть, покуда грудь высока...
(Из песни бит-квартира «Секрет»)*

У меня никогда не было высокой груди. Кажется, что я родилась уже старой и толстой. Даже в пятнадцать лет моя грудь выглядела грудью пятидесятилетней женщины, вскормившей несколько детей. Увы! Природа обидела, и это при таких красивых родителях. Не уродка, конечно, но общение с зеркалом никогда не приносило радости. Ноги короче, чем хотелось бы. Глаза чуть меньше, чтобы считаться красивыми. Нос кнопкой.

Невзирая на все изуверские диеты, коими я се-

бя систематически изнуряла, мне так никогда и не удалось надеть короткую юбку. Исходя из того, что нормальные здоровые мужики клюют исключительно на стройные женские ноги... итог моей жизни был очевиден и печален...

При такой невыдающейся внешности и книжно-бабушкином воспитании произошло то, что должно произойти, — мне тридцать два года и я не замужем. Всё закономерно. Невестой меня назвали лишь однажды — в старшей группе детского сада. Потом коварный жених — мальчик Коля — выбрал себе более симпатичную и лучше одетую девочку Вику. Но меня из благородства не бросил. И мы дружили втроём. Наш тройственный союз Коля объяснял окружающим так: «Вика — это моя тайна, а она, — стеснительно указывая на меня, — мой секрет». Лучше бы сразу бросил.

Позже, конечно, изредка появлялись ухажёры. Но безрезультатно. Те, которые нравились мне, не обращали на меня никакого внимания, а навязываться я считала ниже своего достоинства. А тем, кому нравилась я... Каждый был безобразен по-своему.

Можно было бы, конечно, закрыть глаза и рискнуть. Но не могла я, перешагнув через себя, отдаваться на первом свидании, терпеть маты, расплачиваться за себя в автобусе, когда рядом стоит состоятельный мужчина в предвкушении соития. Да много чего не могла. Посмотрю молча и больше стараюсь не общаться с таким жлобом. Ни на что сверхъестественное я не претендовала, но хотелось хоть элементарного ухаживания. И любви.

Но никто за всю жизнь не подарил мне даже букета цветов (похотливые папаши учеников не в счёт), не повёл по собственной инициативе в кафе, не пригласил танцевать. Наоборот, «женихи» стремились запрыгнуть мне на загривок и проехаться по полной программе. Пребывая в первоначальной иллюзии и думая, что у человека просто пока нет денег, я приглашала сама, платила, угощала, звала в гости. «Женихи» охотно шли, пользовались и неизменно пытались овладеть мной при первой же возможности на моей же территории. После отказа неизменно исчезали навсегда, удаляясь на поиски новой удобной и более сговорчивой дуры. В этом отношении меня чётко сориентировала мудрая и прагматичная Лолка:

— Запомни, Ленчик, любовь измеряется деньгами. Насколько мужик готов раскошелиться, настолько он тебя и любит. Ведь когда любишь — готов всё отдать!

Жизнь не давала мне ни одного шанса, хоть была я очень влюбчивой девушкой. Страдала себе втихомолку, и ни одного дня не проходило без слёз. Лет до двадцати пяти я ещё носилась со своей девственностью в поисках достойного кандидата. Ближе к тридцати была согласна на любого более-менее адекватного, при наличии чувств смирилась бы даже, наверное, с женатым. Но героя, способного на этот беззаветный подвиг, найти так и не удавалось. Когда на горизонте замаячила стыдная перспектива навсегда остаться старой девой, выручила опять же хитроумная Лолка.

После официальной части встречи выпускников она потащила одноклассников к себе домой, по дороге к компании прибились парни из параллельного класса. Накачавшись до поросячьего визга, к полуночи все расползлись. Лолка ушла спать в бабушкину комнату, оставив меня с одним из малознакомых одноклассников — Димой-пианистом. Он был сильно пьян и вряд ли представлял, какую важную миссию ему предстояло выполнить. Но оставаться девственницей в мои годы было уже просто неприлично. И я решила...

На душе осталась осадок опустошённости и недоумения. И это всё?! Быстро, больно, нелепо, пусто. Единственное слабое оправдание, которое я придумала этому гадкому акту, — то, что Дима-пианист был очень красив, похож на известного певца — признанного короля эстрады. С тех пор я выключаю телевизор, когда на экране маячит этот постаревший, обрюзгший от осознания своего невыносимого величия, изрядно потёртый эстрадно-королевской жизнью нелепый дядька.

Но ничего не бывает напрасно, зато теперь я точно знала, что мне не нужны отношения, особенно интимные, без чувств. Но вот только неумолимое время текло, а отношения с чувствами никак не заводились...

Да и когда было глупостями заниматься? Сначала школу нужно было заканчивать с серебряной медалью, ещё и одновременно с музыкалкой. Бабушка тогда сильно заболела, перенесла инсульт. Как родители меня в младенчестве к

ней подкинули, так мы с ней всю жизнь и живём вдвоём. Доход наш всегда — только с голоду не умереть. Пришлось подрабатывать в детском садике музыкальным работником. После окончания пединститута пошла работать в школу учителем музыки. Это ад крошечный, одним словом, каземат! Кто в этой шкуре не бывал, тот меня вряд ли поймёт.

— Пацаны! Атаc! Музыкачка идёт! Музыкачка идёт!

— Лен Санна, а у нас сегодня самостоялка будет? А?! Лен Санна! Лен Санна! — со всех сторон галдят мои оглоеды, для которых эти уроки музыки — законный отдых после зверских физикхимий-математик.

Я даже отчество своё стала ненавидеть, как мученик ненавидит инструмент пытки — какие-нибудь щипцы для вытягивания кишков.

Учительница по правоведению принесла как-то в школу свод судебных законов одной из стран северной Европы. Оказалось, что у них человек, более пяти лет проработавший в школе, не имеет права свидетельствовать в суде — деформация личности на фоне агрессивной психотравмирующей среды. Наши все согласились.

Весь день словно находишься внутри осинового роя. Живая жалеющая масса окутывает и не замирает ни на миг. Помню, Лолка как-то рассказывала, что у них в открыточном благополучном дворике случилось страшное — дикие осы поселились в почтовом ящике! Тут же примчались бдительные французские спасатели в спецкостюмах на большой машине с мигалкой и победили злостных нарушителей порядка при помощи шланга с отравляющим газом. Эх, мне бы хоть одного такого спасателя...

Но вернёмся к российским реалиям — юное гиперактивное поколение в подмётки не годится истеричным коллегам и в особенности начальствующим дамам в климаксе. Всем вокруг чего-то от тебя надо, и ты заранее в чём-то виновата. Не вовремя сдала журнал, план, отчёт, не досмотрела, прогнулась недостаточно низко, не в той клеточке закорючку поставила. Дёргают, дёргают, дёргают... К концу работы выпита до капли вся кровь. Тут не до женихов! Да и где их взять — кругом одни бабские задницы, одна противнее другой. Физруки-трудовики не считаются, как говорит Лолка, если мужчина работает в школе — это не мужчина.

Хотя... есть у нас один молодой человек, Сергей Сергеевич – историк. Этот в школе явно долго не задержится. В науку пойдёт. Фанатично увлечён своим делом. Наверняка втихоря на кухне диссертацию пишет. Ученикам взахлёб рассказывает много интересного, иногда далеко уходя от школьной программы. Таких чудиков дети любят:

- Уматный тип!
- Прикольный чувак!

Считают его за блаженного, конечно, но прощают всё. И небольшой росточек, и еврейскую картавость, и даже то, что, вещая очередную архаическую байку, историк, впадая в раж, начинал бессистемно махать руками, выпучивал круглые чёрные глаза, горящие диким восторгом, не замечая, что обильно оплёвывает собеседников. Сначала его прозвали «Радзинский», но потом прижилась сказочная версия пятиклашек – «Хоббит».

Он постоянно находился в состоянии одержимости какой-нибудь идеей, каждый раз – новой. На этот раз его сознание помутилось под натиском очарования древнего искусства фэн-шуй.

– Это не игрушки, а правильная организация пространства! Многие недооценивают, и зря. Вы не поверите, Елена, *оно* работает!!!

– Что работает, Сергей Сергеевич?!

– А что хотите. По желанию можно активизировать любой из секторов. Если правильно и по науке. Обустроишь сектор «помощников и путешествий» – поедешь куда захочешь. Южный – деньги, слава. Потом идёт сектор любви и партнёрских отношений... – Хоббит всё лопотал и лопотал своим высоким, почти женским голосом с такой скоростью и напором, проглатывая слова, словно за ним гнались злоумышленники, охотясь за тайнами древних китайцев.

– А если я, к примеру, хочу всё сразу: и деньги, и любовь, и путешествия?..

– Всё в наших силах, но больше трёх секторов запускать нельзя, а то они будут гасить друг друга. Для начала необходимо составить план квартиры и определить стороны света по компасу, – обрадовался Хоббит, уловив в моих глазах интерес и вспыхнувшую надежду. – Могу вам помочь, Леночка, с удовольствием!

«Могу вам помочь» – с чего бы это? А глазищи-то как горят! Чёрные, блестящие! И кудряшки такие трогательные к шее прилипли...

А ведь он явно и настойчиво симпатизирует. Коварный гном! Мне стало одновременно и приятно, и досадно. У людей нормальные мужики, а ко мне какой-то недорослик из Средиземья льнёт!

Хоббит подошёл к обустройству моего жилища со свойственными ему серьёзностью и активностью. Бабушкина хрущевка была тщательно измерена, составлен точный план, разбит на прямоугольники, каждый из которых отвечал за важные сферы в судьбе обитателей.

Все выходные пришлось горбатиться, чтобы убогая квартирка хоть мало-мальски соответствовала придирчивым требованиям мастера. Во-первых, были явлены свету многолетние залежи бумаг и завалы старья. Затем выброшены на помойку шесть огромных мешков с ненужными вещами. Думаете, у вас меньше? Я тоже так думала, пока в мой дом не ворвался воинствующий Хоббит.

Из дома были вынесены сломанные, но ещё пригодные стулья, ветхие половики, вся вышедшая из моды одежда. Избавленная от хлама и тщательно промытая крохотная однушка стала казаться просторнее и выше.

– Это очень хорошо, что у вас всего одна комната – фэн-шуй быстрее заработает! – приговаривал Хоббит, развешивая купленные в переходе талисманы. – Чувствуете, Леночка, как воздух стал свободно циркулировать?

От моего низкорослого, но обаятельного друга я узнала, что всё в мире построено на взаимодействии стихий. И есть стихии дружественные, нейтральные и враждебные. Дерево питает огонь, из огня получается земля (пепел), в земле таится металл, из металла можно выделить воду, вода питает дерево – круг замкнулся. Чтобы в доме поселилось счастье, интерьер должен быть максимально приближен к этой схеме, чтобы не нарушать гармонию.

Теперь в комнате помещались три совершенно безумных натюрморта, призванных впустить в мою пропащую жизнь деньги, любовь и приключения. На подоконнике, шкафу и журнальном столике располагались хороводы из предметов, символизирующих стихии: огонь, земля, металл, вода, дерево. Друг за другом по кругу шли свечи, затем керамические кружки, к ним примыкали металлические ложки, стек-

лянный стакан с водой. Деревянные брусочки, позаимствованные в школьной столярке, замыкали круг, утыкаясь в оплавленные свечи.

Догоревшие до основания огарки несколько раз сменились на новые свечи. Я теперь почти каждый вечер попеременно зажигала в моих «магических кругах» живой огонёк. Смотрела на него и мечтала о любви и достатке, о далёких неведомых странах и зелёных загадочных островах.

Заканчивался учебный год, впереди замаячила призрачная перспектива каникул, непременно обгаженных ремонтом класса, который в нашей школе возлагался на безотказные учительские плечи.

*Если вы педагог и женщина,
Сколько дней вас тяжёлых ждёт:
Менструация — ежемесячно,
Аттестация — круглый год!*
(Ольга Такмакова)

Шёл четвёртый час извращённой пытки под названием педсовет. Повестка подобных сборищ известна всем несчастным узникам бастилии заранее. Сначала нас с чем-нибудь поздравят елейными ненатуральными голосами. Потом будут медленно, но верно давить, пока кто-то не взорвётся. Начнётся перепалка. После того как все переругаются и когда уже не останется больше ни сил, ни эмоций, нам объявят об очередном разрушительном новшестве в системе образования.

И на этот раз всё шло по плану: сначала нас поздравили с завершением учебного года, затем стали подводить итоги — досталось всем! Затем сообщили о новых правилах заполнения бумажек, ужесточении ведения экзаменов (не кашлять, не оглядываться, не ходить в туалет в течение пяти часов). А на закуску сообщили о повышении зарплат, но предупредили, чтобы сильно не радовались, так как в реальных деньгах мы его не увидим.

Все наши всегда очень боялись этого очередного повышения зарплат. После каждого такого облагодетельствования, когда на всю страну усердно трубили о том, что учителям снова повысили зарплату, раздражая тем издерганное население, реальные учительские доходы неизменно уменьшались за счёт сни-

жения доплат за проверку тетрадей, классное руководство и прочих лазеек, о которых, конечно, никто в прессе не распространялся. Каждое такое повышение-унижение предвещало личное посещение педсовета замзава районного отдела образования «анамсиРОНО», лоснящегося и по-свински кругломордого товарища Е. Е. Самосвалова (бывшего военрука нашей же школы):

*«Коллеги, формально мы можем
влиять на внештатную
переходную ситуацию
финансирования
надтарифно-
го фонда
только исходя из сумм
сложения протарифицированного
и на фиксированную сумму штатного
тарифа и реально проплаченных процентов
бюджетной экономии не аттестованных офици-
альными документами вычетов для провер-
ки ревизионной комиссией своевременно
погашенных текущих поквартальных
задолженностей. Мы можем влиять
на надтарифный фонд только
исходя из суммы сложения
снижения тарифной
и экономической
оптимизации.
Поэтому-то
мы ж тут
ни при
чём,
да
!»*

Из строгой речи замзава «анамсиРОНО» никто из слушателей не понял ни слова, но всем стало абсолютно ясно, что очередная обдираловка нищенских учительских кошельков неминуема и жаловаться опять некому.

День педсовета традиционно считался потерянными из жизни. Но не сегодня. Мы сидели с Хоббитом на «камчатке», и он рисовал мне красивые и подробные схемы — как пройти к волшебным лавкам с товарами и литературой по магии фэн-шуй.

3. БРАКОВАННОЕ АГЕНТСТВО

*Даже если вам немного за тридцать,
есть возможность выйти замуж за принца...*

(Из песни Верки Сердючки)

— **П**редставляешь, сегодня от твоего Месье мессаж пришёл, а я портабл в «Рено» у люквера на паркинге забыла. И фикс вообще отключила — слишком большие фактуры в этом месяце.

Это означало, что от моего жениха пришло сообщение, но Лолка забыла мобильник в машине, когда пошла в магазин, а домашний телефон отключила, потому что слишком много набежало повременной платы. Понимать её становилось всё труднее и труднее. В речь вплетались новые французские слова, и фразы приобретали чуть слышный грассирующий акцент:

— А твой-то такой жантí! Такой жантí⁴! Лапочка! Он хоть и пожилой, но я бы с таким ей-ей не отказалась!

— И сколько ему?!

— Вообще-то, шестьдесят два, но ты не бзди, мон ами! Выглядит он так, как русские мужики в сорок с маленьким хвостиком. Кстати, с хвостиком у него тоже всё в порядке. Это тебе не наши алкаши-импотенты.

— А ты откуда знаешь? — насторожилась я.

— Его младшему сыну всего пять лет! И жена развод не даёт. Так что тебя по-любому выпустят. Официально он пока женат. Слышь, как повезло-то тебе! На этой неделе жди перевод по «Вестерн-Юнион» — две тыш-ши евро. Вызов тебе уже идёт по скоростной почте!

— Лолка!!! Он же на тридцать лет старше меня!!!

— Ничего. Зато его бывшая мадам младше тебя на четыре года. Старый конь борозды не испортит, хотя, конечно, и глубоко не вспашет...

— А вдруг я ему не понравлюсь? Я такая толстая! Ни одеть, ни обуть!

— Понравишься. Ты ещё ихних баб не видала. Скоро узнаешь, что ты — мисс Вселенная! А пока загранпаспорт оформишь, килограмм десять с тебя как не фиг делать слетит, не заметишь. Как только деньги получишь — пулей в ментовку, оформляй паспортину по самой горячей сетке, как можно быстрее. Денег не жалея. Месье пылает от любви, если надо —

ещё вышлет. Сёдня заглянула к нему в спальню, а там на его подушке — твоя фотка!!!

— И часто ты к нему в спальню заглядываешь?

— Ага! Ревнуешь?! Заработало!!!

Разговоры с Францией теперь происходили чуть ли не каждый час, если Лолка долго не звонила, у меня начиналась тихая паника. Какая она всё-таки умница! Подруга руководила и направляла каждый мой шаг. Подсказывала и давала неопенимые советы. Если бы ещё обходилась без мата... Хотя куда же без него?

— Лол, если даже всё наилучшим образом получится, то как же я бабушку одну оставлю?! Она же беспомощная, старенькая совсем. Всё на мне.

— А что, к ней визитёры разве не ходят? — искренне удивилась Лолка, словно впад в беспамятство, изображая из себя коренную европейскую мадам, будто она вовсе не в курсе наших отечественных реалий.

Я знала, что визитёры — это работники французских социальных служб по уходу за престарелыми. Может, подобные особи на территории России где-то и водятся, только мало кому посчастливилось их видеть. Тут вам не Франция, где на каждого старика по нескольку визитёров в день. И это говорит мне Лолка — девушка, выросшая в семье, где у одной стены стояла кровать с парализованной прабабушкой, а у другой стены на ободранном топчане доживал свой век дедушка в маразме. Как дала бы этой Лолке по башке, чтоб не выпендривалась!

— Лолик, как же я с Месье общаться-то буду? Я ж в школе английский учила-учила, да так и не выучила.

— Ничего, в Нормандии добрая половина населения англичане, и вообще на английском говорят все, а уж он — тем более. Я, когда во Францию приехала, кроме привет-пока и эпохальной фразы Кисы Воробьянинова «Месье-о! Жё нё манж па си жур!», ни слова не знала. Так мы с моим дебилом Луи друг другу сердечки на салфетках рисовали — это не мешало мне выйти за него замуж.

— Может, мне самоучитель купить, аудиуроки включать?

— Давай, конечно, только это бесполезно. Французский по сложности на первом месте в мире.

— Сложней английского?

— Аглицкий ему и в подмётки не годится! В инглише хоть слова возможно отделить друг от друга...

Я постоянно находилась в приподнято-возбуждённом состоянии, граничащем с безумием. Первый раз в жизни решилась заявиться в кабинет к директрисе Раисе с беспрецедентно-наглым заявлением, что в свой отпуск я намерена предательски-подло ехать отдыхать, а не клеить до изнеможения обои в кабинете музыки.

Каждое лето я меняла эти проклятые обои, которые уже в октябре от холода падали на пол, печально шелестя. И это несмотря на любые суперкрепкие клеи. Зимой в классе доходило до девяти градусов, дети сидели в шубах, шапках, варежках и с красными носами. Зато бывало удивительно тихо и спокойно. Директриса Раиса, опасаясь родительских жалоб, в порядке исключения разрешала ученикам заниматься в моём кабинете в верхней одежде. Ребята, пригревшись, впадали в «зимнюю спячку», а я нарочно включала убаюкивающую мелодию... Просто счастье какое-то!

Иногда меня охватывала паника и сомнения изматывали душу:

— Лолочка, а вдруг мне с этим Месье придётся вместе век доживать?! Как он хоть выглядит-то? Ну, какой он? Опиши...

— Он миллионер, дура, и какая разница, как он выглядит!!! Ладно, фотки вышлю по Интернету. Зайдёшь в кабинет информатики, если чо, информатичка тебе поможет. Но ты, когда его увидишь, то сильно в обморок не падай. Да — лысый. Да — старый. Но от него такая энергетика прёт! И запах миллионов! Вообще, настоящая мужская красота так глубоко запрятана, что её можно только в морге при вскрытии обнаружить. Вот представь, вскрывает патологоанатом черепную коробку, а там такие мозги!!!

— Какое-то кровавое сравнение...

— Ты ещё своего Месье не видела. Смотрела «Молчание ягнят»? Вылитый доктор Лектор.

— ...

— Чо молчишь? Возбудилась?..

Когда я, еле сдерживая жестокий нервный колотун, ждала загрузки фотографии, то ещё надеялась на то, что Лолка пошутила в своей неподражаемой резкой манере. Но на меня глядел коричневый от загара, моложавый и поджарый «Энтони Хопкинс».

Письмо на французском голосило о любви, о желании скорейшей встречи, о мечтах и радужных перспективах. Внизу была подпись, но вместо «твой любящий, с тысячько поцелуями Ганнибал Лектор» стояло «твой любящий, с тысячько поцелуями Франсуа Буйе». Замаскировался, людоед!

Ладно, если даже съест меня, бедную овечку, зато во Франции! И пусть только хоть что-нибудь сдвинется с места в моей пустой жизни, хоть что-нибудь наконец произойдёт!..

Догадываясь, что я ломаю голову над подарком к её дню рождения, Лолка строго предупредила:

— Смотри, золото мне не покупай! Здесь оно более высокой пробы, совсем другого оттенка — светло-жёлтое. Наши отечественные безделушки по сравнению с европейскими сильно красным отдают. Когда сюда приехала, у меня многие интересовались, почему я ношу украшения из меди?

По совету любимого Хоббита я приготовила имениннице то, чего во Франции, по-моему мнению, точно не было — накупила книг по фэн-шуй. Это ей точно понравится, ведь подруга так любит всё кардинально менять.

Но непредупреждённая Лолкина бабушка, зная о пристрастиях внучки, купила целый золотой комплект: цепь с кулоном, дутый браслет, два колечка. Чтобы не огорчать старушку, пришлось мне везти всю эту красоту через границу, напялив на себя, как «в лесу родилась ёлочка», чтобы не заполнять никаких деклараций.

— Так, теперь слушай внимательно историю вашего знакомства. Не вздумай ляпнуть, что едешь к жениху и не отрицаешь возможности остаться во Франции! Говори, что любишь Родину, а главное — обожаешь свою работу, жизни без неё не представляешь! Решающая и наиглавнейшая бумажка в консульстве — справка с работы, что ты работаешь там-то и там-то и не уволена. Говори, что изучаешь

французскую культуру — едешь на ознакомительную экскурсию. С Месье познакомилась случайно, через соседей (то есть через меня). Потом вы долго переписывались на почве взаимных историко-географических интересов...

— Что за чушь?!

— Ты слушай, чего говорю! Они верят в любую удобную чушь. Тут всё годится, кроме правды. Главное, выучи все данные Месье: телефон, факс, адрес, как выглядит, когда день рождения. А ещё лучше скажи, что у тебя в России жених и ты его безумно любишь. Короче, ври всё, чтобы они даже не заподозрили, что ты можешь здесь остаться...

— А я что, разве могу остаться?..

— Ну, это в лучшем случае. Ты заказала рандеву в консульстве? Без назначенного времени визу не дадут. Кстати, звонок в посольство стоит примерно рублей восемьсот. Все страховки купишь у барыг в очереди. К воротам приходи первая. Не жди, пока метро откроют. Заказывай такси на полпятого утра, чтоб в очереди первая была, а то растопчут...

— Лола, а как же те, кому всего этого не скажали?

— Это уж как повезёт. Многие назад домой повернут. Самое главное — вырваться!

— Лол, я целыми днями с бумагами бегаю, некогда даже купить себе чего-нибудь новенького из одежды. Надо ведь как-то выглядеть, а я себе, извините, даже забыла, когда трусы покупала.

— Ты только не вздумай наряжаться! Тут все в люди ходят так, как мы на картошку ездим. Я вечернее платье из России привезла — до сих пор висит, не надёвано. Тебе главное — сюда попасть, тут уж мы Месье раскрутим по полной. А трусы тебе, солнце моё, очень на это надеюсь, вообще не понадобятся...

По Лолкиному совету я обратилась в брачное агентство «Ламбада», там мне предстояло выпросить «Памятку для выезжающих во Францию» с заветными телефонами визового отдела и ещё множеством нужных сведений. Ушлая Лолка строго предупредила, чтобы я в агентстве врала что угодно про путешествующих родственников, только ни в коем случае не раскалывалась, что еду к мужику по приглашению: «Если сдуру сбрыкаешь — уж они тогда

«обуют» и тебя, и Месье на кругленькую сумму! А что поделаешь, это их профессия».

В «Ламбаде» я состояла уже несколько абсолютно бескрылых лет. Видимо, я была сразу же признана хронически бесперспективной. Хотя, когда у меня брали деньги, были чрезвычайно любезны, вселили надежду, и даже сама хозяйка мне ослепительно улыбалась. На следующий же день о моём существовании крепко-накрепко забыли, а когда я робко пробовала позвонить, то мне грубо и безапелляционно дали понять, что такая корова, как я, не нужна никому на всём белом свете.

На моё счастье, в офисе не было никого из тех, кто зачислял меня в соискательницы элитных женихов, видимо, все они, умело пользуясь остаповендеровскими способами отъёма денег у населения, повыходили замуж более чем удачно и в данный момент, сняв белые штаны, нежились на райских пляжах Рио-де-Жанейро.

И всё же одна из наследниц Великого Комбинатора случайно задержалась и теперь стучала по клавиатуре, одновременно разговаривая по телефону. Клиентка на другом конце провода наверняка ещё не успела оплатить услуги агентства, поэтому с ней разговаривали медоточивым ангельским голоском. В каждом слове слышался незаретушированный подтекст, что теперь серая бытность «счастливицы» расцветится всеми цветами радуги. Отныне жизнь станет похожа на сказку, полную захватывающих приключений и бесконечных головокружительных романов — то есть всем тем, что было обещано и мне, когда «ламбандитки» обдирали меня на «символическую» сумму, равную моей зарплате.

Данная служительница «фабрики грёз» представляла собой банально-собираемый образ секретарши: юбка бесстыже короткая (до сики, как моя бабушка выражается), бюст напоказ, ногти нарощенные, да и ресницы, похоже, тоже...

Увидев меня, «секретарша» растянула губы в приторно-сладчайшей улыбке, но, узнав, что я не очередная жертва, пришедшая в поисках, кому бы побыстрее отдать деньги за возможность помечтать о принце, произвела молниеносный допрос. Кто я? Зачем пришла? Для каких целей мне понадобилась «Памятка для выезжающих»? Я волновалась. Путалась в показаниях... И, похоже, была полностью проз-

рачна, как начинающий воришка, робко пытающийся надуть тёртого урку. Она, конечно, вычислила меня на первой же фразе. Но удивительно, не стала даже пытаться выводить на чистую воду. Смотрела пронзительно, понимая всё и видя неуклюжий обман. Словно приняв условия игры, выдала мне не только вожделенный буклет, но и схему, «как пройти в Москве к посольству Франции». Эх, рыбак рыбака... И вдруг совершенно неожиданно и резко пригвоздила:

– И где только вы их находите?! Тут сидишь целыми днями, из Интернета не вылезает. Два полка переберёшь и всё отстой – пустая порода. Я тут намеренно статистику выудила – так у меня волосы дыбом встали, причём на всех местах. Во Франции на одну потенциальную невесту – восемь женихов, в Англии – пять, а в нашей деревне Гадюкино на тринадцать баб – один замухрышка. О качестве я вообще молчу! У нас что ни девушка, то красавица, обеспеченная, с образованием. А мужик какой? Безработный пэтэушник на инвалидности и, как минимум, хронический алкоголик. И это в лучшем случае. И где только нормальных мужиков вылавливают?! Места, штоль, рыбные знаете?!

Забыв о конспирации, я начала что-то мямлить про подругу и её соседа... «Ламбандитка» равнодушно пропустила мой рассказ мимо ушей, будто и не спрашивала у меня ничего вовсе. Устало глядя поверх моей головы, она дарила мне опасный и бесценный опыт, стёрший с её лица последнюю молодую свежесть:

– Всё правильно. Чего тут ловить? Только сильно варежку не разевай. Они там сейчас тоже ушлые стали. Им русскую девку дешевле из России выписать, чем свою местную проститутку оплатить. Это они только с виду холёные. Среди русских мужиков я хороших любовников не встречала, тем более мужей. Тупые потребители. С импортными не сравнить. Бабы русские сами виноваты – всё на себе тащат от нехватки. Хотя, знаешь, за француза не ходи. У них постель и жизнь – две большие разницы. В сексе он нежный умелец, а в жизни злой, жадный, и не поверишь, что это один и тот же человек. У меня подруга в международном аэропорту в киоске работает, говорит, хуже французов покупателей нет. Как фран-

цузский рейс – хоть товар прячь. Всё перероят, перекопают, обгадят и ничего в результате не возьмут. Скрыги картавые! Самые щедрые ухажёры – итальянцы, только их страсть очень быстро заканчивается. А с немцем или англичанином сама с тоски вздёрнешься.

Сомнений не было – передо мной знающая коллекционерка, и мне, полному дилетанту в столь пикантном вопросе, конечно, стало интересно:

– Знаете, я бы с удовольствием с американцем познакомилась, мне кажется, они такие открытые.

– С американцем? Ты в своём уме? Мужик там, конечно, дрессированный, феминизмом пуганный, только чего мы там, в Америке, не видали-то?! Такой же беспредел, только круче.

– Ещё у меня мечта с детства – хочу в Иерусалиме побывать, а у евреев – самые крепкие семьи...

– Арабский мир и близлежащие территории сразу отпадают. Или, может, ты мазохистка?!

Я поняла, что это тупик и выбора нет! Хотя оставались ещё неизведанные «секретаршей» территории чёрной Африки. И, чтобы сохранить надежду, что есть ещё на земле порядочные мужчины, про японцев и аборигенов Австралии спрашивать я уже опасалась.

Весь следующий день я провела в банке, похожем на секретный бункер фюрера. Сначала получала деньги, отстояв три очереди и заполнив квитанции о международном переводе латинскими буквами. Затем в обратной последовательности перевела часть денег, предназначенных на билеты до Парижа и обратно, на имя бандюгана Дрюлика.

Дело в том, что заказанные Лолкой билеты не по грабительским ценам, которые предлагают в наших авиакассах, а по шадящим – через Интернет, нужно было оплатить раньше, чем я окажусь в Москве. В столице у меня было только два знакомых человека – это бывший одноклассник, а ныне криминальный авторитет Дрюлик и товарищ по музыкалке, рафинированная поп-звезда мелкого калибра Костя. Проще было бы обратиться к Костику, но расписание его жизни предполагало бодрствование лишь в ночные часы, поэтому пришлось договариваться с «братвой».

Вскоре я об этом не раз пожалела, но другого выхода всё равно не было. Деньги не сгнули бесследно в пучине криминальных разборок. Совсе нет. Билеты были выкуплены в срок, но мне пришлось, дрожа и сгорая от стыда, неоднократно выслушивать мрачные тирады моего brutального однокашника о том, как «круто он всех построил и раздолбал в их сраном агентстве». Пообещав на прощание обязательно «обращаться елиф чо», я дала себе зарок ни под каким видом больше не связываться со столичным криминалом.

К вечеру после беготни по бюрократическим кабинетам я едва волочила ноги. Нормальная еда и сон были забыты как пережитки прошлого. Фигура моя таяла на глазах. Как и пророчила Лолка, я сильно похудела, вся одежда на мне болталась, движения приобрели угловатую подростковую грацию, а в глазах пылал безумный яростный огонь.

Рухнув на диван, я была тут же поднята бесцеремонным звонком в дверь. На пороге стояла самая вреднющая из всех соседок в мире — баба Зельда. Пацаны во дворе называли её «хулиганский патруль» из-за привычки преграждать путь каждому человеку, входящему в наш подъезд. Непрошенный гость обязан был откровенно отчитаться перед Зельдой, куда он идёт, к кому и зачем.

С неистребимым любопытством, граничащим с ненавистью, Зельда многозначительно протянула мне большой пакет, испещрённый иностранными надписями и заклеенный разноцветными марками.

— Вот десять раз приносили, а тебя всё носит где-то. Велели лично в руки передать. Пришлось расписываться за тебя в куче документов. Чево это?! За чево я подписалась из-за тебя?!

— Да это так, ничего особенного. Журнал прислали заграничный. По музыке. Это для школы.

— А-аа... — разочарованно протянула бдительная блюстительница правопорядка. И я почувствовала, что стала досадной помехой на пути подробного, виртуозно сочинённого доноса в компетентные органы.

Да, вскрыть послание баба Зельда не рискнула, хотя я могу себе представить её конвульсивные муки. Мне даже после значительных усилий разорвать пластиковый конверт не удалось. Та-

инственный пакет подчинился лишь острым ножницам.

Мой любезный Месье прислал мне увесистый альбом с репродукциями «Импрессионисты Нормандии». На первой странице красивым размашистым почерком было написано по-английски понятное всем без перевода: «My dear Elena, I love you! Many kisses...» Но погрузиться в созерцание бессмертных творений импрессионистов Нормандии мне не позволил поздний телефонный звонок:

— Привьет, Русья! Се Сибири? Мадам Элина?! Я тэбья лублу! Я тэбья ошнь, ошнь жьду!

4. КОСТИК И СТОЛИЧНЫЙ ШОУ-БИЗНЕС

*Неужели из-за масти
мне не видеть в жизни счастья?..
(Песня из мультфильма «Голубой щенок»)*

*Чем талантливее человек, тем больше у него
проблем в сексе, потому что сексуальная и
творческая энергия исходят из одного источника.
Чем удачнее одна из этих сфер, тем вычурнее
и ущербнее вторая...*

**(Андрюша, самый высокооплачиваемый колдун
нашего города)**

С Костиком мы долгое время были близкими... но не друзьями, а скорее подругами. Основной из трагических оплошностей Костика было то, что он нисколько не скрывал своей принадлежности к сексуальному меньшинству. Осознание и поразительно упорная бравада этим качеством окончательно оформились к концу девятого класса. Поэтому несчастному «меньшевику» пришлось испытать на себе все «прелести» школьной гомофобии. Над ним нещадно издевались, могли открыто и безбоязненно оскорбить даже посреди урока. Парни его методично били и лишь на восьмое марта дарили цветы. Потом связываться с Костиком стало «западло», и к концу школы от него отстали и презирали молча. Лишь безбашенные семиклашки самозабвенно дразнили его всей толпой.

В музыкальном училище стало, конечно, несравнимо легче. Но дурная слава шла за

Костиком по пятам и настигала его на любом месте работы. Это только по телевизору или глядя на эстраду кажется, что мы живём в просвещённую эпоху демократии и все вольны жить как им вздумается. Но из суровой патриархальной провинции такие «белые вороны» вынуждены спасаться бегством.

Благодаря чуду Костик не озлобился на весь мир, а остался таким же удивительно открытым и общительным, каким создала его природа. Сочетание музыкальной одарённости, необыкновенно чистого голоса и невообразимой наглости позволило ему в рекордно короткие сроки прочно обосноваться в столице. Удачная карьера певца ночных клубов и ресторанов его, правда, мало устраивала, и он с настойчивостью заводного дятла рвался на большую эстраду.

Однажды в порыве отчаяния Костик позвонил в приёмную президента и попросил обратить внимание на свой несомненный талант. И тут ему покатило! Костика пригласили на певческий конкурс, который он с блеском выиграл и приобрёл пожизненный титул «Хрустальный голос Москвы».

После этого Костик смело шёл к любому спонсору и продюсеру и в конце концов попал-таки в нужную струю. Он так и потерялся бы из обыденной действительности, навеки перебравшись в родную среду голубого экрана, но отличная память не позволяла ему так запросто выбросить меня из жизни. Он помнил, что я была единственным на свете человеком, искренне его любившим, уважающим его талант, когда все остальные готовы были смешать «урода» с землёй. А может, Костик держал меня про запас, авось пригожусь? Но, так или иначе, мы поддерживали тесное дружеское общение, происходившее последние годы преимущественно по телефону. Я была в курсе интриг, романов, разнообразных обид моего друга и даже его навязчивого страха заразиться СПИДом.

Московский район, в котором проживал Костик, отличался удручающим однообразием серых свечек-многоэтажек и чем-то напоминал спальные окраины нашей общей малой родины. Нужную остановку я узнавала лишь по кричащей надписи на гараже «КАПИТАЛИЗМ — ДЕРМО!», намалёванной каким-то агрессивно настроенным и малограмотным поборником

диктатуры пролетариата. Мне предстояло провести неопределённое количество дней у Костика на съёмной квартире в ожидании решения вопроса с визой.

В единственной, но довольно просторной комнате царил невообразимый перманентный бардак. Все горизонтальные поверхности были обильно усеяны записными книжками, косметикой, дисками, визитками, сувенирами и плакатами с изображениями небесной Костиковой красоты во всех ракурсах. Трогать и менять вещи местами мне было категорически запрещено, так как, по мнению хозяина, всё лежало на своих местах. Это при том, что Костик с детства отличался педантичной аккуратностью. Об этом удивительном обстоятельстве напоминали лишь красиво развешанные по стенам концертные костюмы и поставленная рядком у стены вычищенная обувь.

Вскоре я поняла, что это не произошедшие в друге безалаберные перемены, а сам дикий образ жизни не позволяет даже подумать о том, чтобы потратить несколько драгоценных минут на бесполезную уборку. Между гастроями и концертами Костик умудрился оставить за собой работу в ночных клубах. И теперь без усталости «стриг бабло, пока пипл хаает».

Мы сидели на полу посреди всего этого безобразия, больше сидеть было не на чем, пили шампанское из горла — за встречу. Костик рассказывал, что помаленьку сколачивает свой коллектив музыкантов, скоро возьмёт обслуживающий персонал и встанет во главе небольшого коллектива. Ещё о том, что бьётся над записью диска, но от композитора не в восторге, хотя это известная распиаренная фамилия. А главное, ищет продюсера для сольной карьеры на большой сцене, и о сволочном тандеме раскрученного Свистуса с полюбовником, которые ставят ему палки в колёса из зависти. Про коварного депутата-толстосума Мишу, готового пожертвовать деньги на раскрутку молодого дарования только в обмен на интимные услуги.

Выслушав незамысловатый рассказ о женихе-французе, Костик почему-то яростно воспротивился моей решимости перебраться на жительство в Европу:

— Ты что, Ленк, серьёзно?! Ну, погулять там, свет поглядеть, себя показать. А вообще нав-

сегда?.. Чего там делать-то собралась? Окстись, коровушка! Настоящая жизнь она туточки – ин Москву! Так что сиди на попе ровно, не дёргайся.

– Ой, молчи, Костик, мне самой так страшно, аж душа навыворот!

Приканчивая вторую бутылку шипучего французского изобретения российского производства, Костик ударился в воспоминания, отчасти объяснившие мне его неприязнь к загранице:

– Помню, когда ещё в Барнеаполе на подиуме манекенщиком подрабатывал. Молодой, лет в шестнадцать. То надо было выйти на сцену и американскую фирму за спонсорские бабосы поблагодарить. А я ж всю жизнь немецкий учил, да и то как нам преподавали-то... – через пень-колоду. Выхожу – волнуясь жутко. Протягиваю букет бабе америкосовой и вдруг вместо «Феньк-ю» говорю «Фак-ю!» прямо в микрофон. Видать, фильмов американских обсмотрелся... У бабы глаза по восемь долларов! На морде и ужас, и восторг одновременно. В зале смех истерический. Я с тех пор комплексую перед иностранцами...

– М-да-а... Ну, ты даёшь, Константин! Знаешь, сыр такой есть, «Советский парафин» называется? То есть подразумевается – позорище ты моё.

– А вот касательно французоз, то про них мало что знаю, но, судя по репертуару в моём клубе, с рэпом у них совсем беда. Даже чёткий ритм не может разделить слов. Это так смешно звучит. На фоне ударов – одно бесконечно зажеван-н-ное слово... Хотя был у меня один Жан-Польчик... Кудрявенький такой... А ничего не получилось. Ты же знаешь, как я инфекции опасуюсь.

На широком барском матрасе, лежащем на полу, решено было спать по сменам. Костик уходил на свою ночную работу часам к десяти вечера, и я укладывалась спать после целого дня беготни по столице. Утром, часам к восьми, Костика привозило такси. Он устало вваливался в квартиру, увешанный костюмами и сумками с дармовыми трофейными деликатесами, доставшимися после банкетов и вечеринок. И я должна была освободить ложе. Виделись мы мельком, лишь рано утром в полусне и вечером впопыхах, когда Костик метался

между телефонными звонками и подготовкой к ночному шоу.

Рано утром меня разбудил звонок: «Наверное, Костик ключ забыл?» Со сна, не заботясь о безопасности, я открыла дверь и остолбене-ла. В дверь ввалился бледный и всклокоченный, но всё же не потерявший узнаваемости скандально-популярный эстрадный «звездун» Стас Пеньков с соответствующей кличкой «Пенёк», но активно внедряющий через СМИ другой творческий псевдоним – «Герцог Лучезарный»:

– Ты кто? Костя где?

– А? А-аа... он...

– Чё тормозишь, как из Московской области?!

– Костя сейчас придёт. Он на работе. Скоро будет, наверное...

– Слышь, подруга, у тебя часом подлечиться нечем? А то тут, короче, неважная тема. Их бин больно. Совсем. Притащился вот к вам на конец географии. Уважь по дружбе. Исключительно ради жизни на земле. Слышь?

Лучезарный Герцог Пенёк от меня явно чего-то добивался, а я никак не могла взять в толк, что ему было нужно. На моё счастье, на лестнице зашуршали концертные туалеты и в коридоре выросла пушистая ёлочка из пакетов с лицом Костика. Хозяина утреннее посещение коронованной особы поп-музыки явно не обрадовало:

– Что за пипец с утра пораньше? Что Дитэр опять Болен?

– Косточка моя! Ну где же ты, где, звёздочка ясная? Вам наш респект и уважуха! Тут, понимаешь ли, такие дела, короче... выручай подлеца в предпоследний раз...

– Любой каприз за ваши деньги. Только припомни, кто-то мне грозился оторвать орган обаяния. Уж не вы ли?! Ленка, чего стоишь? Иди отсюда! Нечего тебе слушать, маленькая ещё.

– Котик, ты чего? Какой орган? Когда?!

– Вот она, значит, земля-то круглая оказалась. А ну, пошёл!!!

Бесцеремонно вытолкав за дверь кумира миллионов, Костик мрачно ворчал: «Кидалово. Кидалово кругом...» В его статной высокой фигуре вдруг явно стало проглядывать нечто стариковское. Устало ссутулившись, он как заторможенный развешивал костюмы, раскладывая еду на полочки в холодильнике. Потом долго плескался в ванной. Но как только

Костик рухнул на вожденный матрац, за окном во всю мощь прогресса урбанизации взревела соседняя стройка. Затрещали отбойные молотки. Затрясли мироздание гигантские адские машины, вбивающие сваи в недра земли. Завизжали истеричные тормоза. Самозабвенно заматерились прорабы... В столице нашей Родины городе-герое Москве начинался новый трудовой день. Неумолимо ширились и росли кварталы в предвкушении неминуемого заселения новыми поколениями искателей счастья и приключений.

Вдруг обычно уравновешенный Костик подкочил как ужаленный и, завернувшись в простыню, словно в индийское сари, выскочил на балкон:

— Козлы-ы! Деби-илы! Чтоб у вас кайло отвалилось!

Но его высокоартистичные ругательства слились с индустриальным шумом и растворились в разноголосом хоре праздника труда и созидания. И тогда, раскинув руки, не в силах выплеснуть весь поток ярости на провинившийся город, Костик вдруг запел невероятно красивым сильным голосом: «Да, я — шут, я — циркач, так что же...» Всё смолкло. Над бескрайним строительным морем во внезапно оглохшей тишине был слышен только его чудесный густой голос. Покорившись перед дерзким талантом из провинции, Москва пристыженно замолкла и дослушала арию мистера Икса до конца...

Я выронила помаду и застыла от изумления и восторга. Успокоенный и совершенно прежний Костик повернулся ко мне и, как древний философ, завернутый в своё древнее философское одеяние, вещал:

— Вот мне, Ленка, как ни дёргайся, как ни ерепенься, а придётся под Мишу-депутата ложиться, а это всё равно что под паровоз. А ты, коровушка моя, какого-то французского дедушки испугалась. Он и мелкий-то, поди, как все французы? Фигня-война, главное — манёвры. Представь, что это твоя работа, и всё! Преподаватель музыки, ты как к своим служебным обязанностям относишься? Вот и давай старательно, прилежно, скрупулёзно — не для забавы, а исключительно за деньги. Ничего, выживем...

5. ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

*Царь: Это как же, вашу мать,
Извиняюсь, понимать?*

*Мы ж не Хранция какая,
Чтобы смуту подымать!*

(Леонид Филатов

«Про Федота-стрельца, удалого молодца»)

*Тюменская область похожа размером на Францию.
Больше на Францию она ничем не похожа...*

(Типа анекдот)

Чётко следуя всем Лолкиным инструкциям, Я примчалась к консульству затемно. До открытия тяжёлых дубовых дверей было ещё несколько часов, но, несмотря на это, в очереди я была уже четвёртой. В течение десяти минут очередь удвоилась, затем стала быстро расти и вскоре напоминала взбудораженную колонну первомайской демонстрации в славные доперестроечные годы. Вдоль очереди как из-под земли выросли столы, за которыми сидели всезнающие коммерсантки, торгующие медицинскими страховками, без которых войти в дубовую дверь не рекомендовалось. За отдельную плату ими заполнялись замысловатые анкеты. Тут же шныряли агенты транспортных компаний с веерами из рекламных проспектов.

Время побежало быстрее. И по мере приближения заветного часа открытия дубовых дверей очередь становилась всё оживлённее. Людская река забурилась, вспенилась, заволновалась. От стресса, голода и многочасового неподвижного ожидания люди кинулись нервно общаться, рассказывать свои истории, давать друг другу бесконечные советы:

— Тут надо знать, что и как сказать. А то откажут в визе. Они ж ничего не объясняют. Всё спросят: и кто приглашает, и зачем, и какие отношения.

— Почему такой допрос с пристрастием?

— Странный вопрос. Да потому что бегство русских невест за границу приобрело масштабы государственного бедствия!

— По телевидению запугивают документальными триллерами про маньяков-иностранцев, что, мол, женятся на русских, чтобы всю жизнь потом издеваться. Только бесполезно —

пуганные уже. Как будто свои не так! Там хоть с голоду издохнуть не дадут.

Когда до штурма неприступной крепости оставались считанные минуты, все возбудились ещё больше и были объяты выяснением одного всеобщего вопроса: «На какое время у вас назначено?» Рандеву начинались с 8.00, а моё время было 8.05. Я, не предчувствуя беды, назвала своё время. И тут выяснилось, что у огромного числа людей время на 8.00. Точь-в-точь, как бывает во всех поликлиниках, переполненных озлобленными больными, жаждущими немедленного излечения.

Я была нещадно отброшена от заветной цели на несколько часов барахтанья в потном людском месиве. Из жерла выныривал надменно-бесчувственный человекоподобный робот и, не замечая никаких криков, разборок и назревающих драк, запускал в счастливую жизнь строго по одному человеку.

Тем временем кипящая река решила выбросить такую мелкую щепку, как я, на грязный загаженный берег, оставив без единой надежды достигнуть океана. Теперь у всех в этой бесконечной очереди время оказалось назначено ровно на 8.00!

Положение становилось безвыходным. Консульство принимало страждущих только несколько часов. Тем, кто не укладывался, предстояло повторить всю процедуру штурма заново на следующий день, а таким образом я могла не попасть на самолёт. От ужаса, что все усилия могут пропасть даром, у меня ослабли ноги и похолодело внутри.

Во мне будто включился спящий доселе неведомый механизм, и я молча, с решимостью крошечного буксира, тянущего за собой громоздкую баржу, поплёрла против течения.

Я помню перекошенные злобой лица, захлёстывающие волны ненависти и тычки со всех сторон рвущихся в дубовые двери агрессивных монстров. Эта жуткая картина даже сейчас, спустя много лет, стоит перед моими глазами. Я не помню персонажей, но то состояние опасности, обиды и торжества несправедливости навсегда что-то изменили в моём отношении к человеческой природе отнюдь не в лучшую сторону.

Но я должна была противостоять и во что бы то ни стало вынести всё это. Безысходность

подсказала единственно правильную манеру поведения.

— Пропустите. Мне назначено. У меня на восемь ноль-ноль, — как заведенная монотонно твердила я, пробиваясь к райским воротам.

— У тебя же на восемь ноль пять!!! — орали вокруг. Но я усиленно делала вид, что ничего не слышу и не замечаю.

И вот когда вожделенная дверь была уже почти передо мной... Разъярённая слоноподобная тётка такого революционно-базарного вида, будто только что продавала стопками махорку и патроны, решительно преградила мне путь к счастью. (Неужели и она тоже надеется обрести нежную любовь в предместье Парижа?!) Захлёбываясь площадной бранью, комиссарша принялась толкать меня кулачищем в плечо, намереваясь раз и навсегда покончить с моей ничёмной классово-несознательной жизнью. И быть бы мне затоптанной ревущей, жаждущей возмездия, рвущейся на штурм Зимнего толпой революционных матросов... Но в эту самую секунду волшебная дверь отворилась! Отчаянно вырываясь из десятка вцепившихся в меня алчных потных рук, я кинулась внутрь, чуть не сбив с ног невозмутимого андроида.

Всё! Победа! Так вот что имела в виду Лолка, говоря: «Главное — вырваться!»

Прохлада. Полумрак. Будто из жерла адского пекла попала внутрь чудесного облака. Теперь мне больше никуда не нужно будет торопиться, психовать и рвать жилы — это где-то там... Тихие вежливые голоса задают простейшие вопросы, а я всё никак не могу опомниться и с первого раза правильно произнести даже собственное имя.

— В Интернете познакомились? — с подозрением интересуется аккуратный холёный клерк.

Но не тут-то было, не поймает, морда заграничная. Я-то знаю, что и как нужно отвечать. Дай бог моей Лолке здоровья, денег и море французских поцелуев!

И вот снова очередь. Но совсем другая. Неспешная. Вальяжная. Добродушно-расслабленная. У всех такой вид, будто никто никуда и не собирается лететь вовсе. Медленно и лениво загружаются на движущуюся дорожку сумки и чемоданы. Паспорта и билеты протягивают с непременно отсутствующим заспаным выражением лица.

Какие разные очереди! В России даже у дверей морга волнуется нервная толпа. Потому что жизнью учёные — вдруг не достанется. И ведь правы — иногда не достаётся...

Иноземцы, наверное, не приучены волноваться по этому поводу — им всегда всё доставалось, что положено. Избалованы. Десятый раз по всему аэровокзалу на трёх языках просят пройти на посадку некоего мистера. А его нет. Никто не подорвался как на пожар, подхватив авоськи. Никто не прыгает и не ругается, не извиняется — вообще не шевелится. Мистер не торопится, он в баре не допил свой виски с тоником или не сторговался о цене матрёшки в сувенирном киоске. И плевать. У него всё схвачено. Он не отвалил за авиабилеты гигантскую сумму в годовую зарплату. Главное: перейти черту — окажешься в волшебном серебряном мире с новыми запахами и переливами хрустальных колокольчиков перед каждым объявлением по радио. Нет проблем.

— Привет. Путешествие?

От неожиданности я вздрогнула — никак не ожидала, что в этом новом неведомом мире со мной так внезапно захотят общаться инопланетяне-небожители.

Передо мной стояло нечто — абсолютно бабязанского вида, если бы не пирсинг в губе и цветные татуировки, покрывающие предплечья с заходом на шею. Несмотря на то что фигура девушки представляла бесформенную желеобразную гору целлюлита, она была одета, словно без стеснения гуляла по пляжу, причём нудистскому. Приспущенные до неприличия необъятные шорты выставляли на всеобщее обозрение грязно-розовые стринги. Бывшая когда-то белой застиранная маечка не скрывала прелестей хозяйки, принципиально не носящей бюстгалтера. Хотя, я думаю, зря. Образ уверенной в себе на все сто иностранки был гармонично дополнен жирными нечёсаными волосами-сосульками и россыпями прыщей по всему круглому невыразительному лицу:

— Джейн. Сан-Франциско. — Девушка по-свойски хлопнула меня по спине, как делают бывалые кореша из соседнего ПТУ.

— Елена. Барнаул.

— А, Борнео?!

— Нет. Барнаул. Алтай.

— М-мм... Китай?!

— Нет же. Сибирь!

И тут Джейн посмотрела на меня тем безумным, полным ужаса, сочувствия, неверия и высшей степени удивления взглядом, на который я буду теперь обречена после каждого знакомства с любым иностранцем. Этот взгляд будет преследовать меня повсюду и выматывать душу, заставляя чувствовать себя двухголовым лабораторным уродцем, заспиртованным в большой колбе и выставленным внушать трепет публике.

— А за что тебя туда?..

Через пять минут я и Джейн поняли, что мы лучшие друзья, через десять — не представляли дальнейшей жизни друг без друга. Джейн рассказывала мне о своей жизни на ломаном русском:

— У меня всё маленькое и старое. Маленький старый дъомик — два этаж. Маленький старый бассейн — весь заросли, нужно чистить. Маленький старый автомобиль — часто ломается. Я бьедный! Я стьюдент. Только бой-френд хороший, красивый. Он здесь жить, ин Москоу.

Не обращая внимания на мой протест, Джейн открыла чемодан и стала с энтузиазмом показывать подарки от московского бой-френда. Лапти, по размеру подходящие для американской кошки Джейн, наверняка тоже маленькой и старой, открытки с видами столицы и прочий арбатский ширпотреб. Особую гордость Джейн испытывала, демонстрируя расписной павлопосадский платок, который тут же повязала на пояс:

— Так польечу! Я тоже фром Сайбирья!

Этот финт раскрепощённой американским образом жизни секс-бомбы моментально возымел должный эффект. Огромный серебристый зал ожидания заграничных дальнего следования, казавшийся поначалу безлюдным, оживился. Из дальнего угла кафе оторвался от экрана ноутбука тощий сутулый гражданин неизвестного государства и теперь неподдельно заинтересованно взирал на Джейн. Заулыбалась и радостно заплодировала одетая во всё белое низкоросло-черноголовая группа японских туристов.

Но особое внимание заслужила Джейн от странной компании мужчин ярко выраженной цыганской внешности, усыпанных золотыми украшениями (толстые цепи были даже на шиколотках), в аляповато-ярких рубахах. Громко

глядя, как и положено табору, они, не стесняясь, показывали пальцами на толстый зад Джейн, драпированный платком, двигались к нам. «Боже, что сейчас будет?! Не хватало ещё проблем с цыганской диаспорой! — страх моментально сковал меня. — Как отвязываться будем?»

Но бесстрашная Джейн, напротив, видимо, решила закончить свои дни в цыганской кибитке, по Бессарабии кочуя. Она нарочито выставила свой необъятный зад и стала им призывно трясти, всколыхнув ещё не тронутые залежи целлюлита. Ромалы впечатлились и стали, громко цокая, щёлкая пальцами, наперебой восклицать:

- О, белла донна!
- Поехаль з нами!
- Беллисимо!
- Уно итальяно.
- Телефонарэ?
- Аморе. Аморе.

Джейн, достигнув желаемого эффекта, залиvisto хохотала, запрокинув голову и сотрясая дынеподобные груди.

— Джейн, это ж что, итальянцы, что ли?!

Отдав должное неземной красоте и раскованности американской прелестницы, пёстрая компания, посылая бесконечные воздушные поцелуи и сыпля искрами из чёрных азартных глаз, спокойно удалилась. Неминуемого национального конфликта, которого я ожидала, к моему счастью, не случилось.

Итак, мне предстояло провести в небе целый день. Полёт, несмотря на то что был оплачен из кармана настоящего миллионера, происходил на самых дешёвых швейцарских авиалиниях и был отягощён пересадками на извечно политически нейтральной земле. Туда — в Цюрихе, обратно — в Женеве. Эти предстоящие пересадки меня особенно пугали. А вдруг не пойму объявлений на чужом языке и вообще потеряюсь?!

Опасения были напрасны. В Цюрихе мне даже не пришлось и шагу ступить самостоятельно — по ультрасовременному аэровокзалу из стекла и бетона пассажиров везли движущиеся дорожки, а через каждые три шага стояли служащие, в обязанность которых входило заглядывать в наши билеты и указывать направление. Знание языка оказалось совсем не нужно. Инопланетный серебряный мир уве-

ренности и комфорта предусматривает и страхует до мельчайшего нюанса.

Моим соседом в самолёте до Цюриха был классический англичанин — вежливый, чопорный и холодный. Я тогда ещё не знала, что все англичане, с которыми мне предстоит познакомиться, будут, как под копирку, похожи именно на этого джентльмена. Он галантно помог мне забросить чемодан в верхний багажный отсек, а затем на протяжении всего полёта без отрыва пялился в тонкий экран, с одинаковым заостренным безразличием впитывая как фильмы и мультики, так и инструкцию по использованию спасательных жилетов и ремней безопасности.

Я порядком проголодалась и с нетерпением ждала обеда. «Эх, там, наверное, та-ак вас будут кормить вкусно-о-о!» — вспомнилась мне мечтательно-завистливая фраза Костика. Каково же было моё разочарование, когда некрасивые, но вымуштрованные стюардессы с прилепленными на лица улыбками раздали пассажирам пластиковые коробочки с чуть тёплой лапшой. К ней прилагались запечатанные в целлофан вилка, нож и капля безвкусной горчицы. Мой сосед с истинно английской пронизательностью свой пакет даже не распечатал, а с выражением неистребимой скуки и отвращения к жизни механически заглатывал бесплатные коньячные чарки. Мне же пришлось довольствоваться тем, что есть, и давиться слипшимися комками, по вкусу, цвету и запаху напоминающими новорожденных белых мышей. Невольно вспомнились очаровательные феи из авиакомпании «Сибирь», предлагающие на выбор мясные отбивные, рыбу или курицу-гриль в термопакетах. Да-а, не ценим мы себя! Так ещё до прибытия первое сравнение в пользу родных пенатов стало навязчиво подкатывать к горлу с каждым клейким комком лапши: «Ну, что-то кормёжка-то европейская совсем поганенька!»

Когда из прозрачного рукава самодвижущиеся дорожки, минуя трап, перенесли пассажиров сразу на борт, прошло уже довольно много времени, и я вновь успела сильно проголодаться. Мы поднялись над горами, словно заселенными велюровым пледом ярко-изумрудного цвета. Маленький самолётик должен был

доставить пассажиров в Париж в аэропорт «Шарль де Голль». Но это была та же швейцарская авиакомпания, следовательно, стюардессы были ещё страшней, а на обед всё та же бесподобная лапша, только ещё холодной и безвкусней!

Ещё в небе я сделала для себя поразительный вывод, насколько, по сравнению с нами, ухожены, выхолены иностранцы-мужчины! И насколько, по сравнению с нашими же, запущены, расхристаны, неаккуратны иностранки-женщины! Вот что значит мужики не истреблялись в бесконечных войнах и «перегибах» культа личности — старик Дарвин был чертовски прав!

Моими соседками на этот раз были две подружки-китайки. Они всю дорогу без умолку болтали по-французски. А пожилая стюардесса, похожая на уставшую клячу, была с ними как-то особенно предусмотрительна и любезна. Почему? Это так и осталось для меня загадкой. Может, здесь особенно уважают Китай за численность населения и боятся, что рано или поздно необузданная животворящая сила взорвёт все мыслимые границы, разнесёт по всему миру китайский ген плодовитости... и очень скоро все мы станем чуть-чуть раскосы. Скорее всего, так оно и будет. На эту мысль меня натолкнул один из страстных Лолкиных монологов, вынырнувший из моего дырявого памятиохранилища.

Лолка рассказывала, как она тщательно готовилась к своему первому дню в настоящем французском университете. Она предвкушала, что наконец-то познакомится с коренными французами ровесниками. Подозреваю, что возраст её супруга, равно как и его окружения, далеко перешагнул пенсионный рубеж. «Наконец-то я освоюсь, расширю круг общения, социализируюсь по-настоящему!» — мечтала она, вероятно имея в виду более подходящего по возрасту любовника.

Затем длился долгий рассказ о том, как она красилась, выбирала наряд, с какими трудностями парковала машину, торопилась, бежала на высоких каблуках и еле нашла нужный корпус, но всё же опоздала... Представляешь, врываюсь в аудиторию, произвожу феерическое впечатление на своих сокурсников! Оглядываюсь... на меня смотрят сорок три китайца

и одна фиолетовая африканка из Конго! Это моя университетская группа...

Я ещё не знала, что на вопрос о том, откуда я, мне теперь придётся говорить, что я живу рядом с Китаем, потому что никто не знает, где находится Сибирь, а тем более Барнаул. Зато Китай знают и уважают все.

И вот, наконец, внизу закончились поля, расчерченные на квадратики и прямоугольники. Засверкал на закатном солнце разноцветный бисер огней большого города. Засуетились, закартавили вокруг. Стюардесса, которую в Барнауле не приняли бы работать даже вахтёршей в баню, изобразила этюд пантомимы, из коего пассажирам стало понятно, что пора пристегнуть ремни — наш авиалайнер приземлялся в далёкой неизвестной и совершенно чужой стране.

Я увидела их сразу. Хотя узнать моих встречающих было непросто. Лолка изменилась разительно! Похорошела до бессовестности и как-то заматерела. В её осанке появилось нечто самоуверенное, самодовольное, даже самовлюблённое. Одета ультрамодно, с небрежностью богатой и независимой женщины. Особенно поразила её необыкновенная причёска. В России таких ещё не делали. Впрочем, это была простая, неровная, очень короткая стрижка «французский выщип», но покрашенная слоями — цветовой переход от светло-орехового на чёлке к тёмно-вишнёвому на затылке.

Месье в жизни оказался высоким, подтянутым, мускулистым, с коричневым загаром и ослепительной снеговой улыбкой, с лучиками добрых морщинок у глаз. Передо мной стоял не каннибал Лектор, а скорее мистер Лок (как сегодня бы я его охарактеризовала) из сериала «Lost» (в российском прокате «Остаться в живых»). Мало того, он держал за руку третьего персонажа, о наличии которого я и не подозревала. Это был маленький ангелоподобный мальчуган лет пяти с огромными нереально синими глазами.

— Бонжур, мадам Элина! — произнёс малыш нежным голоском, и моё сердце подпрыгнуло и перевернулось, словно кусочек шоколада в бокале с шампанским. Я схватила ребёнка на руки

и закружила. Он засмеялся, будто зазвенела «Музыка ветра» из множества стеклянных трубочек:

– Сюпёр! Сюпёр!

Потом в просторном, размером с мою кухню, лифте мы спустились куда-то глубоко под землю. Это был подземный гараж. Там нас ждал серебристый автомобиль, напоминающий летающую тарелку. Месье был за рулём, меня усадили рядом на переднее сиденье, а Лолка с юным наследником миллионов уселись на заднее сиденье, но почему-то им так же необходимо было пристегнуться. Инфант к тому же был втиснут в малоприспособленное для жизни детское сиденье. Через несколько лет эти новые странные правила обрушатся и на российских детишек и их автородителей.

Вдалеке проплыл силуэт Эйфелевой башни, унизанной красными огоньками. Ехали долго, так что времени хватило, чтоб немного прийти в себя. По дороге выяснились холодающие мою душу обстоятельства. Лолка сбежала от мужа и живёт с любовником в гостинице.

– А мне-то теперь куда деваться? – ошарашенно пролепетала я, смутно догадываясь, в каком двусмысленном положении я оказалась перед Месье.

– Да не бзди ты! Всё что ни делается – всё к лучшему! Молчи и внимай. Ты чего как экстратэрэстр⁵ в самом деле?! – возмутилась подруга. – Поживёшь у Месье. У него на ранчо всегда куча дармоедов тусуется. Лучше сразу – в омут с головой. И привыкай! Ты чо, маленькая? Ты зачем сюда приехала? Лясы мы с тобой и по телефону можем поточить. Ты давай о судьбе своей задумайся. Когда-то надо и замуж выходить. Смотри, как он на тебя смотрит – как кот на сметану.

Мне стало стыдно, что мы так говорим о человеке, не стесняясь его присутствия. Я искаса посмотрела на Месье. Он тут жеотреагировал – дружески кивнул, улыбнулся лучистыми глазами, в очередной раз продемонстрировав безукоризненную белоснежную улыбку голливудского людоеда, накрыл мою ладонь своей – тяжёлой, загорелой и тёплой. Участь моя была решена.

6. ПРОСНИСЬ В РАЮ

*На французской стороне, на чужой планете
предстоит учиться мне в университете...*

Ехали мы долго, наверное, часа три. Если бы мне в это время показали карту страны, то я немало бы удивилась тому, какое глобальное по масштабу путешествие мы, оказываемся, проделали. Из столицы махнули в Нижнюю Нормандию.

Малыша звали непривычным двойным именем Эркюль-Пьер. Всю дорогу мальчик энергично лопотал, на что папа сдержанно ему что-то объяснял густым баритоном. Их диалог поначалу показался мне музыкой. «Надо же, такой маленький, а уже так здорово по-французски разговаривает!» – ловила я себя на восторженно-абсурдной мысли.

– Эркюль-Пьер – дважды царское имя, ведь Пётр Первый самый великий из ваших царей, а Эркюль на русский переводится как Геракл – правитель, герой античной мифологии. Мой сын – дважды царь! – с достоинством, граничащим с заносчивостью, познакомил меня Месье с сынишкой. Лолка переводила с неохотой и некой долей необъяснимого сарказма.

В Кан заехали поздно ночью. Я была в ошалело-дебильном состоянии, ведь не спала больше суток, и мне было уже безразлично, когда и как меня съедят. Но, высадив Лолку у гостиницы, где ожидал её новый любовник, я встрепенулась – не ожидала, что она вот так быстро оставит меня. Единственным гарантом стал малютка Эркюль. Ведь не станет же этот холёный каннибал набрасываться на меня при собственном ребёнке.

Выехали из города, напоминающего в загадочном ночном полумраке скорее Стамбул, нежели европейский сити. Дома низкие, с плоскими крышами, два-три, максимум – четыре этажа. Асфальт и каменные здания одного светло-серого цвета. И что сразу бросилось в глаза – очень мало растительности. Не город, а каменный мешок. Сколько едем – ни одного дерева! Не то что шикарные аллеи родного Барнаула!

Ой! Что это со мной?! Неужто взыграли скрытые славянофильские струны? Что-то

раньше я в себе такого не замечала. Всегда ду-малось наоборот: всё наше — это г...., а вот там, где-то далеко-далеко, в Европах, вот там она — настоящая жизнь, а у нас так — не жизнь, а недоразумение...

...Недоразумение, а расставаться с ним во цвете лет? Пусть даже это такое непролазно никчёмное существование. Но вот так за здо-рово живёшь всё равно не хочется. Подобные гнусные мыслишки полезли в связи с тем, что ехали мы уже не по ровной трассе, а, свернув на узкую лесную тропу, продирались сквозь смоляную мглу джунглей.

Деревья над нами сомкнулись, закрыв мох-натými шапками последние проблески ноч-ного неба. Там, в страшной чёрной глубине, зловеще ухали совы. С деревьев то и дело сры-вались жуткие и никогда мной раньше не ви-данные летучие мыши. Спаситель — Эркюль-Пьер — спал на заднем сиденье беспробудным младенческим сном, освободившись из пут пыточного кресла. А мы всё ехали и ехали... От напряжения и страха я превращалась в зомби — без чувств, только слегка подташни-вало от голода.

Наконец «летающая тарелка» свернула с лесной тропы и, въехав в необозримый двор, ещё с пяток минут подъезжала к дому, кото-рый из светлой полоски на горизонте превра-тился в настоящий дворец с огромными клум-бами, фонариками перед входом и массивной каменной лестницей. Рассмотреть все дос-топримечательности двора сил у меня не оста-валось.

Вместе с парой рослых далматинцев нас встре-тили мужчина и женщина, их голоса ласково журчали, а глаза изливали потоки тепла. Муж-чина подхватил на руки спящего «инфанта» и унёс в тёплое дворцовое чрево. А самая милая из всех женщин, коих я когда-либо встречала, в лёгком реверансе скромно представилась Мон-ник, тихо взяла меня за руку и повела по лестни-це на второй этаж, видимо в мою комнату. Боже! Это что ж, у меня теперь собственная служанка?! Быть не может!

Мы уже поднялись по лестнице, как снизу приятным бархатным баритоном меня оклик-нул хозяин:

— Элина! Гуд найт, май диа! Свит слип, — он теперь вновь потерял всякое сходство с экран-

ным маньяком, а выглядел престарелым прин-цем в своём шикарном заколдованном замке.

— Гуд найт, месье.

Моя комнатка была самой уютной из всех, что я видела в жизни. Тёмно-бордовые с золотом обои повторяли рисунок на тяжёлых ночных шторах. Такая же обивка на огромных мягких креслах, по размеру больше напоминающих средненькие диваны. Да-а... Два таких креслица до отказа заполнили бы мою «хрущобу». Кро-вать под настоящим балдахином (!) была широ-ка до неприличия. Все вещи и их назначение по-нятны и знакомы, но вместе с тем всё другое вокруг. Вот даже подушки на этой огромной кровати иностранные, не наши прямоугольные, а цилиндрические!

С комнатой соседствовал «свой» туалет и ду-шевая кабинка — не надо шариться по чужому дому, сгорая от стыда, в поисках отхожего места. На прикроватной тумбочке был включен совер-шенно необыкновенный ночной светильник: разноцветный земной шар из стекла неспешно вращался вокруг своей оси, а где-то посреди Азии было приклеено розовое сердечко с над-писью «Вагаоул». Всё вокруг мерцало рос-кошью, шиком и невиданным богатством. Вот такой вот вам фэн-шуй!

От умилённого любования меня отвлек тихий стук в дверь. На пороге стояли слуги. Мужчина занёс в комнату мой тощий чемоданишко и вы-шел, а милейшая Моник поставила на малень-кий стол поднос на ножках, на котором в изоби-лии располагались вкусности: блюдо с фрукта-ми, горячие пирожки из слоёного теста и целый кофейник горячего шоколада.

— Экскюзэ муа, мадам. Круассан. Кяфэ, — Моник лёгкими шагами обошла комнату, отк-рывая и показывая мне шкаф, встроенный в стену бар и сейф с цифровым кодом, напоми-нающий ячейку в камере хранения на нашем вокзале. (Зачем он мне? Что мне там хранить-то?) Затем подала несколько пультов: от теле-визора, вентилятора, обогревателя, кондици-онера и верхнего освещения. Я испытала лёг-кое смущение и муки совести зажавшегося колонизатора, когда она попыталась помочь мне раздеться.

— Ноу, Моник.

— Гуд слип, мадам.

Смиренная «Золушка» сделала наисмиреннейший книксен и беззвучно удалилась. Ошарашенная, я постояла ещё несколько минут посреди моих шикарных апартаментов и всё же на всякий случай заперла дверь.

Но первое, что я увидела, едва открыв глаза, была Моник, по-хозяйски орудующая в моей спальне, — она протирала мебель розовой губкой, распространяя запах чего-то химического. Теперь она не казалась столь безгранично милой. Как же я раньше не догадалась, ведь у домашней прислуги есть ключи от всех комнат. Я уже было хотела возмутиться столь бесцеремонным вторжением в мою частную жизнь, но в эту секунду Моник повернулась ко мне, улыбаясь самой сладчайшей из всех улыбок:

— Бонжур, мадам Элина. Брекфэст ин ливинрум, — она стала жестами показывать, что на первом этаже, в гостиной, меня ждут на завтрак. Уходя, она без моего согласия открыла настезь огромное окно...

И в комнату ворвался Рай! Я даже не подозревала, что за тяжёлыми шторами скрыта столь великолепная панорама. Окно располагалось непосредственно над входом в здание. От лестницы почти до горизонта тянулась дорога брусничного оттенка. По двум сторонам от дороги сияли на солнце совершенно изумрудные поляны, обрамлённые цветущими деревьями. И — о чудо! Деревья казались разноцветными: одно розовое, другое сиреневое, ослепительно белое, лиловое... Кроны столь плотно были усыпаны цветами, что совершенно скрывали листву. По нереально яркой траве гуляли самые красивые на свете кони — тонкие, словно точёные. Вдали резвились жеребята. Картина, больше похожая на сон, чем на явь.

Поляны от двора отделялись зелёной изгородью розовых кустов с огромными махровыми цветами-чашками. Ближе к дому были разбиты пёстрые клумбы. Комната наполнилась головокружительными ароматами мечты и счастья. Вдруг во дворе взвилась ввысь первая, самая высокая струя фонтана. Полилось, зажурчало. И одновременно откуда-то снизу поплыла нежная мелодия. Нет! Так не может быть! Уж как-то всё слишком идеально...

Вдруг в окно влетела огромная зелёная откормленная муха и без зазрения совести села мне на руку:

— Странно, а ведь это не простодырая муха из какого-нибудь Старо-Пердуново, а муха европейская, можно сказать, коренная французенка, — пришла мне в голову совершенно глупая мысль.

Месье и завтрак ждали меня на открытой белой веранде, утопающей в зелени. Я, смущаясь, села напротив. Как я буду с ним говорить, о чём? У нас ведь ничего общего! Месье мне ободряюще улыбался, предлагая выбор между кофе, белым и красным вином. Мягко, почти шёпотом спросил:

— Коффи? Уайт вайн о ред?

Я выбрала белое вино, чтобы хоть немного расслабиться. Месье кивнул Себастьяну, исполняющему в доме всю мужскую работу, и тот налил мне половину бокала. Но увидев, что я потянулась за окорочком, остановил мою руку, и на стол подали белую рыбу в фольге.

Так я получила первые познания аристократических закидонов Месье: рыбу — к белому вину, а мясо — к красному, и ни-ни по-другому. Вторым уроком было то, что охлаждать можно только белое вино и шампанское. Когда я однажды засунула в холодильник какие-то две элитные бутылки с «красненьким», Месье так орал, что думала, лопнет от злости.

Да, это потом мне стало ясно, как сильно Месье пытался пустить мне пыль в глаза в это первое французское утро. Фонтан вообще включали лишь по великим праздникам, потому что воду экономили, будто это не Франция, а деревня посреди Сахары. И окно было открыто в то утро вопреки моему желанию с видом на идиллический пейзаж главным образом затем, чтобы продемонстрировать бьющий фонтан. Именно для того, чтобы я могла по достоинству оценить безграничную щедрость и доброту Месье. Но как только желаемый эффект был достигнут и я, задыхаясь от восхищения, отправилась на веранду завтракать, фонтан был немедленно отключен. В основном он служил местом купания для гостивших детей и собак.

Но вернёмся к эпохальному по значению завтраку. Почему он так важен, спросите вы? Ну, во-первых, он разительно отличался от всех остальных французских завтраков тем, что в честь важного гостя (меня) подавали и

рыбу, и мясо, и всё, что хочешь... А все остальные завтраки не отличались таким разносолом.

Везде, где бы ни было в семье аристократов с приставкой «де» к фамилии или в дальней провинции в самом захудалом фермерстве, на столе — кофе, тосты (сухари, подсушенные в тостере) или круассаны, к ним — магазинный джем или шоколад. Причём шоколад кладётся сверху на хлеб и даже на булку, как бутерброд. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, а вот тебе булка, которую зачем-то непременно принято размачивать, засовывая в кружку, отчего горький напиток становится ещё противнее из-за обилия в нём плавающих крошек. Жуй шоколад ломтями и намазывай сверху приторной патокой, но при этом изволь оставаться стройной, как велосипед, потому что по французским меркам это очень-очень красиво.

Ну а самое главное, почему мне так важно обратить ваше драгоценное внимание на этот чёртов завтрак, это то, что мы с Месье стали общаться! Как и на каком языке, спросите вы? Боюсь, я не смогу ответить. Сначала на соединении «тарабарского» и жестов, потому что его так называемый «английский» звучал с таким жутким местным акцентом, что даже я — не ахти какой лингвист — это понимала.

Поначалу мы рисовали друг другу на салфетках некие символы — иероглифы. Началось с того, что Месье нацарапал на салфетке сердце, пронзённое стрелой, — знак, понятный всем в мире, на что я сдержанно ответила ему кривоулыбающимся солнышком.

Вскоре я адаптировалась к его интерпретации английского с нижненормандским. И мы бегло заговорили на какой-то жуткой гремучей смеси из неправильного «инглиша», обрывочного «френча», а также языков рук, глаз, интуиции и смекалки. Кроме нас самих, понять, о чём мы так смешно и эмоционально беседуем, не мог никто. А ведь, вы не поверите, мы целыми днями обсуждали совершенно разные темы: религия, политика, искусство, воспитание детей и др., спорили, доказывали...

Но так или иначе, далее я не буду подробно описывать, как именно происходило наше общение, потому что для меня самой это до сих

пор остаётся большой загадкой, а в диалогах постараюсь передать суть понятого с минимумом транскрипций.

7. ЖЕСТОКИЕ ЗАКОНЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЗАСТОЛЬЯ

*Ничто так не снимает сонливость,
как чашечка крепкого сладкого горячего кофе,
выплеснутая на живот.*
(Лисси Мусса, «3000 способов не препятствовать
стройности, или Сделаем из Тушки Фигурку»)

К полудню выяснились интересные обстоятельства: оказывается, кроме меня, в замке гостят две семьи, их комнаты рядом с моей — на втором этаже. Но «другие» почему-то не были приглашены к завтраку, а сразу после короткого знакомства разъехались по ресторанам.

Одно из семейств припёрло с собой не только многочисленное потомство, но и двух собак. Маленького мопсика пустили гонять по дому, а огромного сенбернара поселили во дворе в поразившей меня комфортабельной будке-палатке для собак. Точная копия обыкновенной «человеческой» палатки раскладывалась за несколько секунд, но была раза в три меньше, как будто предназначалась для туристов-гномов.

Вообще, принцип, по которому заводятся европейские знакомства, не поддается никакой логике. Одиноким старым дедом может дружить с гей-парой юных мулатов и тому подобные невероятные варианты. В нашем случае дружба имела хоть и слабую, но всё же мотивацию.

Семейство высокопоставленного парижского чиновника Себастьяна Лакарена с тремя детьми было приглашено на уик-энд, в частности, из-за жены главы — русской женщины Тамары из Подмосковья, или, как все её здесь величали на местный манер, мадам Тамара́, для того лишь, чтобы мне было с кем общаться. С этой же целью каждый вечер в дом Месье съезжались со всей округи все, кто более-менее мог понимать русскую речь: бабушка-армянка, владелица сети армянских закусовых, Илга — женщина-полицейский, бывшая гражданка Эстонии, сосед-англичанин Клайд с безвылазно гостящей у него русской любовницей Ирэн (Иркой из Ростова).

А вслед за ними вся русскоговорящая диаспора. Это теперь я отчётливо понимаю, что все они рвались не только от скуки посмотреть на меня как на шоу, а ещё и прикоснуться краешком души к потерянной родине, хоть послушать...

Вторая семья, разделившая с нами комнаты для гостей, — молодожёны Маржорí и Ксавьё. Как пояснил мне Месье, с Маржори они дружат давно, ещё с тех пор, когда она была совсем маленькой девочкой, а её новоиспечённого супруга-пуэрториканца впервые увидел два дня назад. Месье был явно восхищён своей давней подругой, и, как мне удалось выяснить, их дружба основывалась на любви к лошадям. Завотделением гинекологии Маржорí в детстве занималась конным спортом. А главное, о чём поведал мне Месье с влажным блеском в глазах, Маржорí — настоящая француженка!

В отличие от Месье, я восторга по поводу его юной подруги не испытывала. Хотя влияние конного спорта на настоящую француженку явно угадывалось. Маржорí была худой, голенастой, жилистой, с длинным узким лицом и вся коричневая, словно вороной масти. Но таких красавцев, как её супруг, я в жизни своей никогда не встречала. Хотя нет, видела на экране. Вот если совместить одухотворённое «слишком-много-знающее» лицо и животную грацию Нео из «Матрицы» и фигуру молодого Терминатора (в его лучшие догубернаторские годы), то получится он — Ксавьё, оливковый мускулистый тренер по фитнесу.

После «эпохального завтрака» Месье повёл меня показывать дом. Жилой оказалась только центральная часть, а два крыла были заперты и необитаемы. По словам Месье, он собирался сдавать комнаты квартирантам, во Франции это очень выгодный бизнес, и дом был уже полностью подготовлен принять жильцов. Но Месье ждал осени, когда цены взметнутся вверх и тогда сдавать жильё внаём будет выгоднее. Странно — терпеть под носом чужих людей, когда денег и так куры не клюют?..

Мы с бабушкой пробовали пустить на квартиру студентку в самые трудные голодные девяностые, но скоро отказались от этой затеи. Жить под одной крышей с чужим человеком оказалось невыносимо. Студентка курила, частенько приходила под утро, постоянно плескалась в

ванной и без умолку говорила по телефону. И когда только она успевала учиться?

Мы чувствовали себя как в общаге, как будто мы вовсе не хозяева. Табачный смрад, клубы испарений из ванной, вся квартира увешана её трусами, а под порогом вечно дежурит очередной «жених-однокурсник» лет сорока. Фу, вспоминать тошно! Уж лучше впроголодь жить, чем вот так-то...

Особенно меня поразил кабинет Месье. Огромные шкафы-витрины были сверху донизу уставлены блестящими кубками. Одна из стен полностью отдана под демонстрацию разноцветных лошадиных медалей из шёлковых ленточек, похожих на цветы. И всюду кони, кони, кони...

Из интерьера любому сразу становилось понятно, что это жилище конезаводчика, владельца элитных арабских скакунов. В доме тут и там были развешаны и расставлены изображения лошадей, но в кабинете с лошадиной тематикой просматривался явный перебор. Если картина, то обязательно бегущие лошади, если скульптура — неизменно вздыбленный конь, даже подлокотники на шикарном кресле хозяина в виде лошадиных голов. Чувствуешь себя неудобно, как в конюшне, — аж заржать хочется. Одно, правда, отступление от правил красовалось на широком подоконнике: вместо полноценного коня в окно печально, словно переживая свою неполноценность, глядел бронзовый атлетичный кентавр.

Сначала все эти кони были мне на одно лицо, точнее сказать — на одну морду. Но Месье гордо показал мне на фото в богатой раме и с придыханием и дрожью в голосе сообщил, что это — сам Аполло! Великий жеребец-производитель всех времён и народов! Оказывается, в большинстве своём это именно Аполло горделиво взирал отовсюду: с картин, многочисленных фотографий и даже с гобелена.

Месье решительно расстегнул рубашку и трепеща продемонстрировал мне изображение дорогого жеребца, которое всегда носил с собой, а точнее на себе — золотая цепь с Аполло-подвеской не отличалась изяществом, а напоминала пресловутую «голду» на шее бритоголового российского братка:

— Мой Аполло — очень-очень дорогой конь, он стоит столько — можно пол-Нормандии купить! — горячился Месье, после чего впал в долгий безутешный транс.

Как выяснилось позже, жена Месье, с которой он находился в состоянии боевых действий, пользуясь привилегиями бывшей хозяйки и имея все ключи, выкрала бесценного Аполл^о в тот момент, когда наивный трогательный Месье выгуливал сынишку на горнолыжном курорте в Альпах. Но доказать факт воровства не удаётся, так как мадам — опытный юрист, да ещё и грозит лишить Месье права видеть родное чадо. Ах, бедный-бедный Месье!..

Хозяин тактично предупредил меня, что вечером ожидаются многочисленные гости. Солнце клонилось к закату, но, несмотря на это, прислуга признаков жизни не подавала, мало того — никто не торопился закупать продукты и жарить-парить, прибирать-накрывать к приходу гостей, как это принято в русских традициях гостеприимства.

Если на родине главной статьёй расходов среднестатистического гражданина было и остаётся — статья продуктовая («Работаем на унитаз!» — возмущаются любимые коллеги), то в Европе покушать можно недорого. Обед в ресторане стоит чуть больше проезда на транспорте. Так чего ради, скажите, на кухне горбатиться и годы молодые терять? Конечно, ресторан входит в обиход каждого европейца с младенчества как место, где едят, а не злачное дымное заведение, где творится русский отдых — бессмысленный и беспощадный!

На круглом столе в гостиной всегда стояла огромная ваза размером с таз, полная фруктов, съесть которые не успевали. Поэтому систематически плесневела клубника, чернели и прокисали бананы, апельсины держались до последнего, но всё равно засыхали. А я чуть не плакала, на это глядя. Мы с бабушкой видели фрукты только по праздникам, а вдоволь — никогда.

Вообще, где бы мы впоследствии ни были, процедура приёма гостей у французов всегда шла по одной и той же неизменной схеме. Это в родных пенатах бегают с утра, суетятся и режут-режут бесконечные салаты — чтоб стол ломился.

— Мама, мама, к нам приехали Валуа и Дюпони, — кричат, например, ворвавшиеся в гостиную дети, а мама не всполошилась, не падает в обморок, в панике соображая, что метать на стол и как после этого неожиданного вторжения по-

том выжить — как сидела у телевизора нога на ногу, так и сидит. Потому что за границей гости — это не праздник, а практически повседневность.

После того как гости подъехали (одна семья может приехать на нескольких машинах, муж — на своей, жена — на своей и дети — на своих), следует долгий ритуал целования. Ходить на званый ужин принято не с цветами, а с низкокалорийными тортиками (на сухой слоёной лепёшке — горка железированных фруктов). Но это всё равно рациональнее, чем дорогой букет, который не сегодня-завтра придётся выбросить.

По французской традиции целоваться следует четыре раза, попеременно в каждую щёку. В процедуре обязаны участвовать все, включая детей. Затем вся «мелочь» отправляется восвояси на задний двор осваивать бассейн и играть в шары. А народ самостоятельно рассасывается по дому и двору и общается группами. После непродолжительного свободного времени к гостям выходит хозяин дома и с неизменным глупо-восторженным выражением произносит:

— Аперитив? — будто кто-то может отказаться, такого за всю историю Франции, думаю, не наблюдалось.

На аперитив обычно подают шампанское или белое вино с лёгкой закуской. Чаще всего роль закуски выполняет ассорти из разных солёных орешков, крошечные канапе или оливки с воткнутыми в них зубочистками. Короче говоря, приехавшим на обед людям предлагается пить быстростреляющее в голову вино на голодный желудок практически без закуски. Процедура может затягиваться на три часа. В течение «аперитива» отчего-то всем становится очень-очень весело. Флегматичные беседы оживляются всё более и более и грозят перерасти в цирковое шоу. Все друг друга любят, взрослые начинают играть и бегать с детьми. А уж таких покладистых и весёлых собеседников вы ещё вряд ли где встретите — никто не спорит до хрипоты, кто нужнее стране — Сталин или Жириновский, все согласны уважать любое ваше мнение.

Но, что особенно приятно измученной домашними застольями женской душе, это то, что кухней занимается исключительно сильная половина. Мужчины рубят дрова для барбекю или просто разворачивают купленную в магазине вязанку. Разводят огонь в «барбекюшнице» (сооружение напоминает каменный мангал и присутствию-

ет в каждом дворе). Деловито, с осознанием важности возложенной миссии, добытки сосредоточенно переворачивают на решётке замаринованное мясо, приготовленное в ближайшем гипермаркете. А в это время их мадамы дымят длинными тонкими сигаретами, болтают «ни о чём» и самозабвенно истребляют аперитив.

Наконец наступает время садиться за стол. Причём тарелки и приборы раскладывают приехавшие гости, не тревожа хозяйку дома, они же могут на досуге нарвать салат. Салат для французов — это не нарезанные в майонезе овощи, а одноимённое растение с зелёными листьями. Его рвут руками в произвольном порядке в большой круглый прозрачный таз и спрыскивают каким-нибудь купленным в магазине соусом, основу которого, судя по запаху, составляет уксус. Минимум жира, легко и полезно. Упор на зелень, морскую пищу и красное вино — праздник для желудка. Про культовое новогоднее блюдо — оливье — никто понятия не имеет, как и о мясе по-французски. Оливье — означает оливковое дерево, есть ещё выражение «алле ву!» — что-то типа «пойдёмте!», «давай пошли со мной!», а ещё это распространённая во Франции фамилия.

Застолье — время для мяса, неспешных бесед и красного вина. В разгар «обеда», который затягивается далеко за полночь, хозяин, вдруг будто вспомнив что-то важное, восклицает:

— Помó?

— Помó! Конечно, помó! — с энтузиазмом реагируют гости.

Застолье оживляется, и, как выражается Лолка, вечер перестаёт быть томным. Помокальвадос — это семидесятиградусный яблочный самогон, который гонят почти в каждом дворе. Благо, что недостатка в яблоках не наблюдается. Помо пьют из маленьких стопочек, напоминающих медицинские мензурки. При всей своей неприхотливости пить этот «вырви глаз» я не смогла, да что там говорить, его отвратительно было даже нюхать. Во время распития «огненной воды» Месье ударился в воспоминания своего героического прошлого и поведал о том, что когда он был молодой и горячий, то отважился посетить Санкт-Петербург и даже пил там русскую водку! При этом слушатели не смогли сдержать возгласов ужаса и восхищения перед безрассудством юного героя. Хотя, по сравнению с помо, любая вод-

ка — просто минеральная вода для лечения органов пищеварения.

Десерт предполагает выбор: сладкий ликёр или крепкий кофе с коньяком для тех, кто не намерен этой ночью терять время на сон. Такие несерьёзные сладости, как мороженое, покупной фруктовый компот, могут заинтересовать лишь младшее поколение. Пресловутый «посошок» тоже имеет место, но не в столь обязательной и навязчивой форме, присущей «посошку» русскому.

Расходятся гости далеко за полночь. Торопиться ни к чему, ведь многие из них если и пойдут на службу заработать на круассан насущный, то всего на несколько часов, до обеда. Не жизнь, а вечные каникулы!

Столько спиртного, как во Франции, я в жизни не пила!

Причём всеми вокруг поддерживался миф о том, что французы пьют очень мало, если выпивают, то только качественные эксклюзивные вина. Было такое: как-то Месье принёс из закров две пыльные, страшно дорожущие бутылки. На вкус вино оказалось невообразимой гадостью, сравнимой лишь с мочой старого монгола. И вино лилось рекой. Им утоляли жажду и запивали таблетки, разве что только руки не мыли. Причём шампанское не гнушались пить в больших количествах с самого утра — перед завтраком. Посреди стола в гостиной всегда стояла регулярно обновляемая бадья — пластмассовая бочка с краником. Каждый желавший мог подойти, наливать сколько угодно — просто так, без особого повода.

А вино не боятся давать детям самого нежного возраста.

И, что удивительно, несмотря на разливаемые винные реки, я ни разу не увидела ни одного пьяного. Нигде! Изрядно выпив на званом ужине, французы смело рассаживались по своим авто и разъезжались по домам. На мои удивлённые вопросы отвечали: «Ты что? Какая ещё полиция?! В нашей-то деревне?!»

Да, поистине: алкоголь в Европе — приправа к жизни, а в России — лекарство от неё...

8. ANFANT TERRIBLE — УЖАСНЫЙ РЕБЁНОК

Не так страшен чёрт, как его Малютка... Скуратов!
(Из архивов «КВН»)

Лолка на ужин приехала злая и одна, без своего нового любовника. Когда её спрашивали, она шипела что-то про его неотложную работу в Париже. На мои осторожные расспросы ответила философски уклончиво:

— Все дебилы, ну кругом все — де-би-лы! И мой не исключение. Единственное, что успокаивает, — мудрость приходит к мужчине сразу вслед за импотенцией, так что недолго ждать осталось, — из чего я сделала вывод, что новая Лолкина пассия по возрасту не на много младше покинутого супруга.

— Совсем у тебя, Лолик, крышу сносит. Любимому мужчине такое желаешь!

— Ничего, переживёт, крепче за меня держаться будет. И, кстати, главный орган любви — это сердце! А если есть ещё и деньги, то это идеал мужчины!

— Так ты что, из-за денег, что ли? — ужаснулась я.

— Нет, из-за красоты его небесной!!! — огрызулась подруга. — А вообще-то у него во-оот такая харизма!!!

Постепенно двор заполнялся автомобилями, съезжали гости. Вернулись с прогулок по пляжам-ресторанам мои соседи по этажу. Компания собиралась разношёрстная: экстравагантный друг Месье скульптор Но́бль, фермер-тяжеловес Берна́р с одинаково толстыми женой и дочерью, увядающая красавица Флора́нс с неприлично юным супругом теннисистом Мишелем.

Вскоре подоспел ещё более странный

треугольник: сосед-англичанин Клайд с любовницей Иркочкой и дочерью Келли. Девушки выглядели ровесницами, беспрерывно щебетали и внешне производили впечатление лучших подруг. А где-то в серой гуще британской столицы в самом чреве двухэтажной «трусцобы» томилась в напрасном ожидании отверженная пожилая супруга молодцеватого джентльмена...

— *А эта девушка знаете откуда?*

— ?

— *Из Сибири!*

— *Не может быть!!!**

— Бонжур! Коман сава?

— Сава! Трэ бьен! Сава?

— Мерси, сава!

— Лол, это что они все про сову какую-то говорят?

— Да это приветствие такое общепринятое, ну типа «как дела?». Ты смотри, — строго шепчет мне Лолка, — не вздумай кому сказануть, что ты из маленького сибирского городка. По европейским меркам, наш Барнаул — супер-пупер-мегаполис! Ихних виляжиков в один наш Индустриальный район таких с десяток влезет, а в наш Алтайский край три Франции войдёт. Ну, иди, делай «бэзю-бэзю» — целуй гостей то есть. Да, как хозяйка вынеси бон-бон для бебё⁶.

— Парле франсэ?

— Но. Англе!⁷

Замечательный вечер поплыл, потёк, побегал, понёсся и, наконец, взмыл на сверхзвуковой скорости в бесконечное космическое пространство. Как приятно и радостно на душе, когда вокруг беззаботные весёлые люди! Столько внимания и комплиментов я, наверное, не получала никогда в жизни. Что мне особенно понравилось, что столом и приготовлением пищи занимались исключительно мужчины. На свежем воздухе всё казалось удивительно вкусным. Они периодически приносили новые блюда: сначала приготовленную на огне белую рыбу (с дымком), потом самые эк-

* Не думала, что этот диалог будет неотступно преследовать меня.

зотические, пусть и магазинные, шашлыки, нашпигованные больше овощами, чем мясом, затем прокопченные на том же очаге фрукты!

Когда во дворе совсем стемнело, хозяин зажёл разноцветные фонарики, которые сделали пейзаж и лица фантастическими. Мы сидели за белым столом под большим зонтом, как в кафе. Месье включил тихую музыку, которая не мешала беседе. Но, когда зазвучала песня «Битлз» про жёлтую подводную лодку, все дружно подхватили и горланили три раза подряд. Так ливерпульская четвёрка помогла найти общий язык французам, англичанам, эстонцам, армянам и русским-уже-почти-нерусским. А рядом за зелёной изгородью в вечерней дымке ходили точёные белые лошади, напоминающие сказочных единорогов.

Любовница англичанина Ирка щебетала без умолку на корявом английском, изображая то вредную заведующую кафедры из института, где она когда-то работала, то самого Клайда, когда ему что-то не нравится.

Клайд выходил у неё особенно здорово. Ирка столбенела, делала «страшные глаза» и только быстро-быстро перебирала пальцами. Объект пародии сидел прямо, словно лом проглотил, со свойственной ему невозмутимостью и лишь изредка снисходительно ухмылялся. Длинноволосый гигант скульптор Ноэль ловко вырезал тонкими маникюрными ножницами из цветной бумаги профили-шаржи на всех присутствующих. Лолка открыто любовалась божественным Ксавье, что в глубине двора переворачивал на решётке поджарившиеся мясные кусочки.

Вдруг в самой атмосфере произошло некое негативное изменение. Мне сначала показалось, что подо мной пошатнулась земля. Идиллия рухнула в один миг, словно Нормандию накрыло смертоносное цунами. С диким гиканьем и нечеловеческим рёвом во двор ворвался разъярённый лев — «инфант» Эркюль-Пьер. Это в детской закончился диск с мультфильмом. Кто не спрятался, я не виноват! Первое, что сделал наследник всего этого благолепия, — с разбегу прыгнул в фонтан, окатив всех присутствующих холодными брызгами. Но рассерженный папа почему-то не подскочил, чтобы в праведном гневе наказать озорника. Все засмеялись, словно радуясь удачной шутке. Гости не возмутились, а, напротив, зааплодировали и стали подзывать «шутника» к

столу ласковыми голосами. Видя моё недоумение, Лолка шепнула:

— Молчи, училка. Здесь не принято делать замечание детям, особенно хозяйским.

Однако же, когда на поляну к взрослым попробовали сунуться трое русских детишек Тamarы, чтобы обратиться к родительнице с робким вопросом, когда же им наконец можно будет отправляться спать (на часах было половина первого ночи), грозная супруга высокопоставленного парижского чиновника посмотрела на отпрысков та-а-ак выразительно, что их как ветром сдуло.

Мудрый и добродушный Себастьян Лакарен взял Тamarу в жёны после очередного, уже импортного замужества с тремя детьми от трёх разных неизвестных российских мужей, видимо, поэтому французские правила на воспитанных в спартанском духе ребят не распространялись. Вообще, столь темпераментная и предприимчивая особа, как мадам Тamará, по-моему, и с десятком детей была бы нарасхват. Сыновья Тamarы демонстрировали чудеса дрессировки, и их присутствие в доме оставалось практически незаметно. Чего, к огромному сожалению, нельзя было сказать об «инфанте».

После окропления гостей водой из фонтана «вождь краснокожих», пользуясь прекраснотушным попустительством взрослых, отпустил с поводков собак. И теперь два далматинца гоняли по двору, производя шурум-бурум не меньше своего юного хозяина. Тот, никем не пойманный, успел за пару минут несколько раз перелезть через изгородь к лошадям и распугать весь табун. Когда и это не возымело должного эффекта на разомлевших от вина малоподвижных взрослых, «инфант» подбежал к столу и начал его энергично трясти, одновременно успевая смачно и метко оплёвывать собравшихся.

Падали и разбивались тонкие дорогие фужеры, оставляя на крахмальной белой скатерти тёмно-бордовые лужицы. Бутылка элитного вина перевернулась и обильно, словно кровью, оросила белоснежное платье Флоранс плодами урожая 1956 года. Бледный Месье, извиняясь, прошипел:

— Ён энстан, месье. Экскюзэ муа. Анфан тэрибль, анфан тэрибль!⁸

Оттащить «инфанта» от стола не было никакой возможности. Он вцепился в край мёртвой хваткой. А когда взбешённый отец всё же

неистово отёрнул и понёс орущего «дважды царя» в дом, то вслед за ними потащились осквернённая бывшая кипенно-белая скатерть, увлекая за собой всё, что на ней только что стояло.

У бедного Клайда случился паралич, и он выглядел теперь так же уморительно, как только что его изображала артистичная любовница.

Мне стало до слёз жалко бедного Месье, ведь кому как не мне было доподлинно известно, до какой степени бывают неуправляемыми современные расторможенные дети!

Расстроенный, словно прибитый, Месье появился на поляне, когда гости уже шумно прощались около своих автомобилей. Люди хохотали, многократно перецеловывались и вообще вели себя так, будто совершенно ничего не произошло. Растерянно пытаюсь изобразить беззаботность, дабы соответствовать общей благодушной атмосфере, Месье нелепо тыкался в чужие щёки, обнимал всех без разбору словно одеревеневшими руками.

Когда за поворотом скрылся последний гостевой экипаж, Месье резко повернулся ко мне и приблизился вплотную так, что я невольно залюбовалась золотой цепью, блестящей змейкой петлявшей в густых зарослях на его мощной груди. Он крепко прижал меня к себе, источая жаркие энергетические волны, вдруг словно ребёнок уткнулся мне лицом в шею. Внутри меня поднималось некое неведомое чувство, замешенное на жалости, страсти к непознанному, страхе и восхищении одновременно.

Несмотря на то что попала в мощный капкан объятий и от невозможности вырваться словно срослась со вторым телом, я чувствовала необъяснимую власть над этим приросшим ко мне человеком, что ещё недавно был совсем чужим, а теперь так неожиданно стал самым близким.

Поцелуи нежной тянущей волной накрыли с головой и выдернули из реальности. Сверкающий сгусток нерастроченной любви ярким солнцем перекачивался из его груди в мою и обратно...

Мы словно попали под волшебный фиолетовый купол, где были одни во всём мире. Сквозь тёмную пелену, застилавшую зрение, с трудом пробирались вверх, на второй этаж, как будто лезли в гору. Такому неуклюжему слепому су-

ществу с двумя парами ног и рук восхождение давалось с трудом. Мы задыхались, а наше общее сердце готово было выпрыгнуть наружу и скатиться к подножию бесконечной лестницы. Пространство искрило электрическими разрядами, и страсть распирала каждую клеточку общего организма.

От Месье исходил тонкий аромат полевых выюнков, а жадные горячие губы были нежны и настойчивы. Бордовый балдахин над моей кроватью медленно тронулся и поплыл. Всё вокруг закружилось, как на карусели, мы помчались всё быстрее, быстрее...

Как же так здорово может всё совпасть? Это мы совпали с ним, словно детская забава — пазлы, и получилась картинка, а точнее — новая счастливая картина мира, наполненного новыми яркими чувствами и красками!

Когда Месье разжал объятия, то показалось, что меня, будто новорожденного, выталкивают из мягкого тёплого материнского чрева. Как раз вовремя вспомнилось одно французское выражение (на подмогу пришёл бытописец Павел Федотов с полотном «Анкор, ещё анкор!» и одноимённая отечественная комедия).

— Анкор! Анкор! — взмолилась я и, как утопающий, вцепилась в Месье. Он посмотрел тепло и чуть насмешливо. Удивительно, до чего же прозрачные и ярко-голубые у него глаза, как два кусточка ясного июльского неба!

— Жё тэм. Жё тэм, ма пётит Элина...⁹

Месье снял с загорелой шеи кулон и протянул мне. Пушистые заросли на его могучей груди лишились гуляющего в них золотого Аполло́. Перед моими глазами проплыли шикарные перья, пока-пока-покачиваясь на широкополых шляпах секс-символов моего детства — киномушкетёров. И я вслед за ними шепнула судьбе и Месье:

— Мерси боку. Мерси боку!

Вдруг в коридоре послышалось некое шебуршание и в дверь градом посыпались тумачи:

— Папа́! Папа́! Папа́! Папа́! Папа́!.. — словно заводная китайская игрушка с противной пищалкой, в дверь бился неумный «инфант» и, судя по интонации, намеревался дойти до победного конца. Мне показалось, что свет померк, воздух сгустился — из преисподней дохнуло серой. А малолетнее исчадие верещало всё сильнее, временами переходя на

ультразвук, и сердито топталось на осколках моего хрустального замка.

– Мон пюпюс! Пюпюс!¹⁰ – чуть слышно прошелестел Месье.

Неожиданный финт, что выкинул перепуганный родитель «пюпюса» в следующую секунду, поначалу вообще не поддавался никакому объяснению. Месье скатился на пол, увлекая за собой и меня, после чего сверху накрыл одеялом. Но разведчик из него вышел никудышный, потому что проделал он это с невероятным грохотом. Меня распирал истерический смех и, чтобы не обнаружить перед противником место дислокации, Месье крепко прижимал моё лицо к своему шерстяному животу. Я задыхалась и от этого ещё пуше закатывалась в почти беззвучном, лишь иногда крякающем хохоте. Чтобы отделаться от медвежьих объятий Месье, я стала уползать от него под кровать. Он, в свою очередь, подозревая, что родимое чадо следит за нашими передвижениями в замочную скважину, схватил меня за ногу, не давая уползти, дабы не производить большего шума с шевелениями. «Пюпюс» колотил в дверь ногами и истошно орал. От смеха, переходящего в кому, я распласталась на полу абсолютно голая в полном изнеможении.

– Костик! Привет! У меня всё чудесно! Чудесно-расчудесно!

– Да я уш-ш слышу, – в голосе друга слышались скептические насмешливые нотки, но, чтобы усилить издевательский эффект, Костик продолжил общение исполнением арии приторным опереточным голосом, переходя на визг: «Я, кажется, влюбил... Я, кажется, влюбил... Влюбил-и-ила-ась!»

– Ладно, кончай завидовать. Ты-то как?

– Я-то? А зашибись! Новый диск пишу, новый клип снимаю, новой жизнью живу... По удостоверению помощника депутата в аэропорту без очереди и таможенного досмотра прохожу. Красота! – последние слова Костик почти прокричал. Я уловила в его интонации браваду обречённого на казнь. После непродолжительной паузы Костик добавил с вернувшейся к нему самоуверенностью: – И мой тебе совет: не путай работу с личной жизнью! Эх ты, к-коровушка.

9. МИЛЛИОНЕР В МАГАЗИНЕ

В любви все средства хороши, особенно наличные!

*Про Жратву и Другое (из Закона Гоблинов)
...№ 6. Нашёл Жратву или Другое и оно не приколочено –
тащи всё в дом, дома сожрётся.*

**(Лисси Мусса «3000 способов не пренебрегать стройности,
или Сделаем из Тушки Фигурку»)**

Главным развлечением во Франции у меня стал шопинг. Нет, не думайте даже, что мне покупали дорогие наряды и я стала капризной модницей. Ничего подобного! Просто, когда в округе из живых существ – в основном жеребцы да кобылы, а до ближайшего магазина нужно ехать двадцать минут на машине, поневоле поездки за продуктами станут источником незабываемых впечатлений. Почему, спросите, этим не занимается прислуга? Ответ: горничная и дворецкий – это такой же праздничный антураж, как и фонтан, и многое-многое другое.

Моник, правда, приходит изредка убираться, а её молчаливый супруг за отдельную плату ремонтирует электричество в доме, помогает дробить зерно для лошадей в специальной машине. Всю остальную работу, включая даже стрижку необозримых газонов, Месье из жадности делает сам.

Бедняжке Моник, конечно, не позавидуешь. Уборки ей достаётся много, особенно в чёрные дни, когда несносный пюпюс гостит у папá. Некоторые французские привычки поначалу могут привести в шок. Например, заходя в дом, никогда не снимать обувь и в ней же непременно заваливаться на постель! Особенно поражал Месье, когда, вернувшись после работ из конюшен, скидывал посреди гостиной пыльные джинсы, коим предстояло пролежать там несколько дней, дожидаясь Моник.

О мытье рук перед едой вообще никто никогда не вспоминал. Даже детей не особо заставляли соблюдать чистоту, не полоскали ежеминутно упавшие соски, не отбирали всё, что ташилось отпрысками в рот. Никому в голову не пришло бы отлупить малыша за то, что он облизывает свой сандалик, как непременно сделали бы некоторые параноидальные российские мамы. Несмотря на столь вопиющее антисанитарное поведение, повсюду царил чистота, дети не томились в тухлых боксах инфекционных отделений.

ний, словно в умытой пижонистой Франции микробов вовсе нет!

Однажды во время одной из увеселительных поездок в ближайший супермаркет километров эдак за двадцать запомнилась необычная погоня. Всю дорогу за нами гнались бабки-рокерши на зверском «харлее»! Отвязные старушки в «косухах» и кожаных банданах мчали быстрее ветра, демонстрируя миру многочисленные цветные татуировки и позитивное отношение к жизни. Когда дерзкая парочка всё же обогнала нашу машину, то одна из почтенных матрон развернулась к нам и, как сказал бы Виталик из 7 «В», показала обидный «факельный» палец. А что? Веселятся как хотят!

Я почему-то сразу представила свою бабулю в компании этих заграничных ровесниц. Моя робкая блюстительница нравственной чистоты и этикета, с детства запуганная произволом разнообразных часто меняющихся властей, на мотоцикле, в коже и клёпках — вот уж действительно умора!

На автостоянке рядом с машинами расположились большие тележки для товара, «скованные одной цепью...». Чтобы отсоединить тележку, Месье открыл собственным магнитным ключом замок, какие стоят сейчас на домофонах в наших подъездах. Пюпюс ловко запрыгнул в продуктовую телегу и помчался в боевом транспорте вперёд к новым диверсиям. Двери на фотоэлементах едва успели распахнуться перед боевой машиной.

«Мы едем-едем-едем...» вдоль бесконечных полок и останавливаемся у длиннющей витрины-холодильника, переполненной мясными деликатесами, как на фламандском натюрморте. В руках у Месье — самого обеспеченного покупателя этого супермаркета — неизменный калькулятор-антиквариат, почти дореволюционного вида, такие уже давненько списаны даже в самых захудалых совхозных конторах Тамбовщины.

Месье придиричиво рассматривает со всех сторон «эскалёр во» (телятина пластинками) по два с половиной евро и кидает его обратно на прилавок, выудив почти такую же упаковку, но с дешёвой индюшатиной по одному евро:

— Вкусно, а главное, недорого! — констатирует гордо.

Но малыш тут же нарушает идиллию, наказывая папашу за мелкобуржуазное скупердяйство. Смелый юный «Кибальчиш» хватает с проплывающей мимо его носа полки самую дорогую пачку отбивных, молниеносным движением прорывает вакуумную упаковку. Месье обречённо вздыхает, понимая, что теперь обязан купить испорченный товар, и кидает ненужные отбивные в тележку по соседству с любимым малюткой.

Но тот не привык останавливаться на достигнутом и тут же предпринимает новую попытку повернуть отсталое капиталистически-прогнившее классовое сознание в сторону отказа от материальных благ. Но теперь агент «пюпюс» действует более мудро, то есть исподтишка.

Не проронив ни слова и сохраняя хладнокровие так, что ни один мускул не дрогнет на ангельской мордашке, трепетно-аристократическим большим пальцем ноги поочерёдно и последовательно давит виноградины только что брошенной на дно тележки сочной лозы. Когда недотёпа-отец застучал его за этим занятием, пюпюс уже успел героически истребить больше половины вражеского винограда. Малыш бесстрашно и откровенно насмешливо смотрел прямо в лицо орущего взбесившегося буржуина. Мир не знал подобного героизма!

Подвиг не остался незамеченным — награда нашла героя! За проявленную смекалку и беззаветное мужество пюпюс был поощрён множеством разноцветных коробок с игрушками, яркими говорящими детскими книжками и дисками с мультиками. Сверху гору пёстрых подарков с еле просматриваемым под ними мальчиком венчал самый большой и дорогой рожок мороженого. Для других лиц, имеющих гораздо меньшую ценность для Месье, мороженое, как и остальные продукты, покупались большими упаковками по оптовым ценам, желательно со скидками.

Мимо женских отделов, в отличие от детских, Месье проходил, опустив взгляд долу, порывистым деловым шагом, будто спешил по важному делу, но по дороге ему предстояло идти мимо кучи мусора, глядеть на которую неприятно, поэтому нужно поскорее пробежать это противное вонючее место. Наверное, права была Лолка, поучая меня, глупую: «Любовь измеряется деньгами! Насколько мужик готов на тебя потратиться — настолько он тебя и любит. Это ж э-ле-ментар-но!» Из чего я сделала неутешительный вы-

вод, что Месье испытывает ко мне лёгкую симпатию на сумму, равную обеду в ресторанчике средней паршивости, истраченному бензину и выключенному тюбику солнцезащитного крема (я ж и предположить не могла, что здесь может быть так жарко!). Из списка явно выбивался золотой кулон-Аполло, но эту оплошность можно списать на случайный неуправляемый эмоциональный порыв. С каждым может случиться!

И вдруг аттракцион неслыханной щедрости:

— Элина́, а давай я тебе джи-инз (джинсы) куплю.

Я смутилась, очутившись в двойном положении: от подарка не хочется отказываться (это ж такая редкость!) и джинсы я никогда не осмеливалась надевать по причине полноты ног. Такова уж моя ужасная конституция — даже если я, замучив себя диетами насмерть, наконец умру от истощения и в гробу буду лежать скелет скелетом, то, несмотря на это, мои ножки будут приятно пухленькие.

— Элина́, джи-инз много должно быть. Лучше всего пять джи-инз или семь! Но можно больше. Джи-инз — это незаменимый!

Как-то раз Месье нечаянно сел на мои солнцезащитные очки и, конечно, их раздавил. Когда я, стесняясь и стораю от стыда, подвела Месье к стене-прилавку, изобилующему разнообразной оптикой на все вкусы, и посмотрела на него как можно жалостливее, демонстрируя богатому любовнику, что я сейчас почти инвалид по зрению, Месье, нисколько не страдая от чувства вины, твёрдо заявил: «Зачем тебе очки, скоро лето кончится!» Дело было 15 июля.

Цены указаны во франках, а рядом их эквивалент в евро. На вещах жёлтые бумажки — это сольдо, скидки по-нашему. Все мои новые французские подруги предпочитали тянуть до последнего, когда произойдёт окончательная уценка. И тогда сметали всё, что надо и не надо, главное, что цена максимально снижена!

Наряды местных дам показали мне, мягко говоря, странными, потому я категорически отказывалась от их многочисленных презентов от кутюр. Если бы я только могла предположить, какими ультрамодными станут у нас лет через пять рваные футболки, юбки с ассиметричными подолами, все эти мятые, как будто специально

изжужканные, линиялые одёжки с необработанными краями и швами наружу!

Один из самых ярких эпизодов, что врезался в память, связан с покупкой фруктов. Я уже рассказывала, как на столе от длительной невосребованности гнили бананы-апельсины и как их потом выбрасывали тазами...

Аттракцион невообразимой жадности и бесчестия начинался так: игнорируя расфасованные продукты, Месье подходил к прилавкам, где покупатели могли сами выбрать и положить в мешочек сколько угодно сладкой черешни, крупной сахарной клубники, оранжевых пушистиков-абрикосов.

Словно добропорядочный законопослушный гражданин, Месье накладывал по полмешочка и покорно семенил в середину торгового зала, где молоденькие юноши-продавцы взвешивали товар и наклеивали соответствующие ценники.

Суть в том, что, в отличие от барнаульских магазинов, где за каждым покупателем неотступно следят зоркие менеджерские очи плюс камеры слежения, видя в каждом потенциального ворюшку и угрозу обществу, европейские гипермаркеты столь огромны, а население столь наивно, что верит друг другу на слово. Тут даже таким солидным мужам, как Месье, есть опасность превратиться в закоренелого афериста.

Итак, взвесив покупки, Месье вновь возвращался к полкам, развязывал мешочки и без опаски докладывал до краёв сладкой черешни, крупной сахарной клубники, оранжевых пушистиков-абрикосов. И всё это на глазах родимого пюпюса.

На кассе аппарат считывал код: только название и цену, соответствующую половине украденных продуктов. Вот так не брезговал «владелец заводов, газет, пароходов...» и элитных арабских скакунов мелким жульничеством. «Это не то что мы! — как с досадой выражается бабушка. — Не украсть, не покараулить!»

Кстати, рассчитывать в магазине и в ресторане можно чековой книжкой и кредитной картой. Для этих целей у каждой кассы лежит прибор, напоминающий калькулятор на проводе, чтобы покупатель мог вводить номер и код. Прошло уже много лет, а в нашем родном городе таких услуг по сей день не всюду найдёшь.

Внезапно в самый неожиданный момент пю-

пюс, у которого закончилось мороженое, с размаху падает ниц. Корчась, как от судорог, он молотит руками и ногами по мраморному полу, требуя очередного подношения. Люди обходят безобразную сцену бочком, виновато улыбаясь. Я помню Лолкин наказ: «Здесь не принято делать замечания, особенно детям!», поэтому тоже скромно стою и люблюсь, как очаровательное дитя вьёт километровые канаты из своего папá.

Здесьние младенцы с молоком матери впитывают идею демократии, переходящей от свободы во вседозволенность. Наверное, поэтому европейские дети очень плохо приучаются к горшку и до 5 (!) сосут палец вместо соски.

Я вдруг увидела будущее пюпюса и то, каким он станет: красивый и надменный подлец, растоптавший безумно любящего отца.

Месье, напротив, демонстрирует стальную выдержку и нечеловеческое терпение. Ласковым голосом он уговаривает сынишку быть хорошим мальчиком и вести себя прилично. Неистребимый оптимист Месье бежит к киоску, где делают сладкую вату:

– Пюпюс, «Барба-папá»! «Барба-папá»¹¹!

Пюпюс не унимается, и нам приходится спасаться от бесчестия бегством. На пути к выходу дорогу преграждает толпа народа, идущего навстречу, — в магазин шумно вваливается большая группа американских туристов. Все толстые и все в шортах. Одна кассирша, кивая на них, что-то громко говорит другой. Обе заливаются ехидным беззастенчивым смехом. Месье весело переводит:

– Пора двери расширять, а то американцы не пролезут!

Мне, страдалице от жуткой предрасположенности к полноте, шутка не кажется смешной. Я не стараюсь скрыть возмущения от Месье.

– Во Франции так не любят толстых или это особое отношение к американцам?

– Глупости! Во Франции ценят шутку и понимают юмор! Французы самые лучшие!

– Только вот красивых женщин во Франции лишь по телевизору показывают. Если бы эти две тётки-кассирши родились в наших краях, то услышали бы про себя тоже много шуток.

Месье охотно соглашается и громко хохочет с открытым ртом, запрокинув голову.

10. ПРИЗРАК ТЕЛЕВИДЕНИЯ БРОДИТ ПО ЕВРОПЕ

– В наше время главное украшение стола какое?
– Телевизор!

(Из мультфильма «Зима в Простоквашино»)

Всё-таки телевизор — настоящий друг человека. Никто не может так быстро успокоить, как он, любимый! Первое, что я увидела на экране, была знакомая до боли передача «Кто хочет стать миллионером?», но вёл её почему-то не родной каждому российскому зрителю телеведущий всея Руси Макс «Алкин», как говорят юмористы, а очень похожий на него французский юноша. Единственное отличие состояло в том, что действующими лицами были французы. Боже, неужели все, что показывают на нашем телевидении, придумано в Европе?!

Переключая бесконечные каналы, я с удивлением узнавала интерьеры студий, ежедневные смешные сериалы, ток-шоу, игровые программы и другие «фабрики звёзд» (только если у нас это фабричный конвейер, то во Франции — «Стар академí» — академия звёзд).

Особенно радовала узнаваемостью реклама — подавляющее большинство роликов было из тех набивших оскомину, что наши отечественные зрители невольно зазубривают наизусть в раннем детстве. «Снесла курочка яичко, да не простое, а очень простое — фирма «Вэллдом»!» — смешил наивной интерпретацией соседский мальш. Приезжаем во Францию, а тут, оказывается, та же фирма, для которой осчастливить клиентов не только просто, а очень просто...

Только вот когда начинается на французском телевидении очередной рекламный блок, то громкость сама собой делается значительно тише, а следовательно, снижается и раздражение зрителя, замученного созерцанием навязчивого двигателя прогресса. Да и количество рекламы, бесцеремонно прерывающей интересный фильм в самый неподходящий момент, неизмеримо меньше.

Неужели соотечественникам в десятки раз нужнее знать, что именно порошок «Ариэль» подарит им альпийскую свежесть? Ведь когда рекламу гонят по российским ящикам, то звук, наоборот, врубают на всю мощь. И все, кто вооружён символом семейной власти — пультом от те-

левизора, реагируют мгновенным устранением источника раздражения и переключают на другой канал, а ежели и там притаился агрессивный противник, то телик на время вырубает и спокойно идут в туалет. Рекламная пауза, товарищи!

– Элина́, иди сюда скорей. Твой Барнаул показывают! – кричит Месье из гостиной.

Вбегаю в комнату. Всего две недели в разлуке с родиной, а, чувствую, соскучилась до слёз! Хоть посмотреть на родные лица... Вместо Барнаула показывают потоп на острове Борнео. А французам без разницы, Барнаул или Борнео, когда во рту каша, звучит почти одинаково.

К своему удивлению, я много смотрела художественных фильмов. Никто мне их, понятное дело, не переводил, но всё было и так понятно, потому что в большинстве своём это были комедии или трогательные детские фильмы про животных. Особенно запомнились два киношедевра, потому что они показывали Россию. К истинному положению эти потуги, правда, не имели никакого отношения, но за попытку – спасибо!

Первое кино тужилось изобразить родную сторонушку. Экзотическое поселение аборигенов Сибири в представлении смелого европейского режиссёра являло собой жидкую россыпь чёрных неказистых землянок, занесённых снегом. Декоратор явно ошибся климатическим поясом и вместо густых лесов сибирскую деревушку окружала ледяная пустыня без признаков растительности. Пейзаж явно демонстрировал ужасы полюса вечной мерзлоты, но входные двери в убогие хатки имели застеклённые окошечки и собачьи лазы внизу, а едва очерченные под толстым снежным покровом крыши были украшены резными флюгерами. Бесперывный кинематографический буран стремился превратить мою малую родину в один большой сугроб. Но под толщей никогда не тающего снега, в закопчённых допотопными лучинами избах обитали крупногабаритные нечёсанные православные батюшки. Все как на подбор с бородами ниже пояса, мохнатыми грозными бровями и недружелюбным характером. Униформа русского мужского населения состояла из безразмерной чёрной рясы и высокого чёрного колпака. Женщин в русских селеньях не было вообще. Видимо, устав останавливать коней на скаку и захо-

дить в горящие избы, все русские бабоньки взялись за ум и эмигрировали в просвещённую Францию. Оставленные без присмотра мужики впали в религиозный фанатизм и, безостановочно молясь, сильно мешали главному герою – молодому красивому французу – путешествовать по России. Увидев на прогрессивном, добром и открытом герое модную куртку, кроссовки и бейсболку, я с ужасом поняла, что фильм живописует современность.

И это был отнюдь не «Назад в будущее-4», и не какой-нибудь американский блокбастер про путешествия во времени. Американские фильмы на французском телевидении не то чтобы совсем запрещены, но как-то не востребованы, ведь есть свои французские, которые лучше всех! Даже слово «О кей!» говорить по телевизору не то чтобы нежелательно, но как-то не принято, ведь есть родной французский аналог «Дакор!» – этак гораздо лучше!

Второй фильм «про Россию» был из когорты старого, нудного, узкоформатного кино, которое так любят все интеллектуалы. Чёрно-белая лента. Восемьсотхломатый год. Революция. Узбекфильм. В грязном дребезжащем вагоне поезда едет молодая целомудренная узбечка. Вдруг к ней в купе заходит молодой политически грамотный узбек-красноармеец:

– Салам алейкем.

– Алейкем асалам, – испуганно бормочет и вжимается в угол смущенная девственница востока.

– Бонжур, мадам! Бонжур, месье! – томно переводит сексуальный баритон.

После приторно-леденцового образа французского телевидения особенно жутко было слышать дома с настойчивой регулярностью по родному ящику, что в любимом отечестве по всем каналам взрывают-убивают, ежедневно люди пачками страдают-погибают, и всё новые, и новые фрагменты тел разбросаны в радиусе километра...

Увлёкшись подростковым телесериалом про то, как юная манекенщица морит себя голодом и оказывается на краю смерти, забываю о бдительности и опрометчиво не запираю комнату. Моей оплошностью не преминул коварно воспользоваться террорист по кличке «Инфант», он же «Пюпос», он же «Дважды царь».

Боец молниеносно впрыгнул в тыл врага и метко запустил мне в голову увесистой телепрограммой размером с «Капитал» Карла Маркса. Телевизионные программы во Франции похожи на толстые модные журналы-каталоги, поэтому представьте, будто я получила в висок кирпичом. На долю секунды в глазах потемнело...

В следующий миг осознаю себя в конце коридора держашей за шкуру перепуганного плюпоса с занесённым над ним орудием в виде теле-бульжника. Вот так, наверное, и совершаются убийства в состоянии аффекта. Опомнившись, не спешу отпускать сорванца, с удивлением для самой себя садистски наслаждаюсь испугом и беспомощным состоянием жертвы. В синих (папиных) глазах плюпоса вижу проблеск сомнения — нет, не ударит. Видимо, «инфанта» наказывают лишь в крайних случаях, как, например, публичное оплёвывание гостей.

Но рамки дозволенного поставить необходимо. Опустив солидный томик, не скупясь, шлёпаю по плюпосовой заднице так, что на коже наверняка отпечаталась пятерня. Плюпос, не веря в происходящее, набирает в лёгкие побольше воздуха и, взревев, как пожарная сирена, мчится показывать боевое увечье отцу и сейчас точно донесёт на меня по полной программе.

*Ничего, ничего, ничего,
Сабли, пули, штыки — всё равно...*

Завтра плюпоса отправляют к матери. Французский суд — самый гуманный суд в мире, он

мудро распределяет радость общения с милым чадом поровну между родителями. Свои две недели мы с Месье оттарабанили, как говорится, «от звонка до звонка», теперь очередь плюпоскиной мамы, пусть она теперь свои две недели попляшет с ненаглядным крошкой-террористом. А у нас отпуск от этого монстра.

Ура!!! Начинается свобода!!!

Зато по телевизору запускают «Тур-де-Франс». Хотелось же мне увидеть на экране чисто французскую «изюминку», чтоб от всей мировой тележвачки отличалось, — ну вот, пожалуйста! По всем каналам в спины друг другу сосредоточенно пыхтят потные велосипедисты. А значит, по телеку смотреть больше не на что!

(Окончание следует)

Примечание

- 1 Ведьмой и парикмахером (из «детского» языка).
- 2 Я не понимаю (искаж. франц.).
- 3 Городок (искаж. франц.).
- 4 Приятный, милый (искаж. франц.).
- 5 Инопланетянин (искаж. франц.).
- 6 Конфеты для детей (искаж. франц.).
- 7 — Говорите по-французски?
— Нет. Английский.
- 8 Минуточку. Простите меня. Ужасный ребёнок, ужасный ребёнок! (искаж. франц.).
- 9 Я тебя люблю. Я тебя люблю, моя маленькая Елена. (искаж. франц.).
- 10 Мой малютка! Малютка! (искаж. франц.).
- 11 Искаж. от франц. «Barbe-à-papa» — «папина борода», т.е. сладкая вата на палочке.

□

Юлия НИФОНТОВА —
поэт, прозаик.

Окончила Алтайский государственный институт культуры и искусств. Публиковалась в литературно-художественных журналах «Алтай», «Бийский вестник», «Русское эхо», «Луч», «Московский вестник», «Роман-журнал. XXI век», «Наш современник» и пр. Автор шести книг, среди которых «Провода гудящих строчек», «Предчувствие», «Осколки матриархата», «Шиза в квадрате» и др. Лауреат литературных премий им. А. Пушкина (2007), им. А. Соболева, им. В. Бианки (2011) и VIII Артиады народов России в лиге мастеров (2006), «Золотое перо» (2012).

Член Союза писателей России.
Живет в Барнауле.

В журнале «Север» публикуется впервые.

ДО ЗАМЫСЛА*М.Пермяковой*

Ночь была, как день, бела.
 Был июнь и не был.

Золотые купола
 в разноцветном небе,
 словно яблоки висят,
 наливаясь звоном.

Словно жизнь прошла не вся
 по зеленым склонам.

Где еще пасут коней,
 но не ловят зверя.
 Там теперь среди камней
 затаились змеи.

Где гуляли до утра
 с песнею и пляской.
 Там колодец без ведра
 затянуло ряской.

Хорошо, что жив еще
 леший в чаще леса.
 Он колдует под хвощом
 над цветным замесом

для озер и куполов,
 в солнце бьёт, как в бубен,
 извлекает праздник слов
 из половы буден.

Помощи ничьей не ждя,
 ловкою рукою
 выгибает из дождя
 радугу дугою.

Наливает росы всклень,
 чтобы без опаски
 эта ночь на этот день
 не жалела б краски.

ВМЕСТО ПРОЩАНИЯ

Мы высохли, как корни дуба.
 И потому мы смотрим грубо
 На жизнь, бегущую от нас
 Куда-то вдаль, куда-то влево.
 Где ты, как прежде, — королева,
 А я не опускаю глаз,
 Когда ты сбрасываешь платье
 И падаешь в мои объятия
 В последний раз, как в первый раз.

Мы костенеем от тревоги,
 Что надо подводить итоги
 И собираться налегке
 Туда, где днями и ночами
 Апостол Пётр гремит ключами,
 Держа ворота на замке.
 Где плачут ямбы и хорей,
 Как правоверные евреи,
 Творя молитву в уголке.

Но все ж еще нас запах хлеба
 Пьянит, еще над нами — небо,
 Еще на солнце вьется шмель.
 Воркуют голуби под крышей.

И мы еще живем и дышим,
 За жизнь цепляемся, как хмель
 Цепляется за стены дома.
 Поскольку мы, конечно, Номо,
 К тому же — sapiens — почти.
 И наши чувства, наши мысли
 Не одряхтели и не скисли,
 Как наши детские мечты.
 Когда крутились карусели
 И на лошадках мы летели
 К высокой цели,
 непочти-
 тельно, смеясь над страхом.

Когда-то все мы станем прахом
 И нас развеет сизый дым.

Мы высохли, как корни дуба.
 И все-таки сдаваться глупо
 На милость жестокосердных зим,
 Кроящих нам метельный саван.
 И потому еще мы с вами
 Живем.
 Да победиши сим!

Галина ТАЛАНОВА

г. Нижний Новгород

БЕГ

ПО КРАЮ

повесть
журнальный вариант

27¹

Фёдор как-то для неё совсем незаметно обосновался в их доме: звонил по телефону, прося таким вкрадчивым голосом к телефону Андрея, что Лидочке казалось, что кто-то на том конце провода всматривается в чёрную трубу телескопа, пытаясь разглядеть поближе звёзды, но видит в нём лишь своё кривое и блестящее отражение; протирал и без того весь в глубоких проплешинах диван.

Лидочка давно призналась себе, что она скучает без него — будто сумерки на жизнь опускаются, изымая из неё краски. Становишься большим, дальтоником, видящим только чёрных кошек, неторопливо переходящих тебе дорогу.

Фёдор приходил не к ней. Она была приложением к мужу, как бы его тенью. Она и старалась по возможности стать такой плоской расплывчатой тенью, прилипшей к стене или мебели, не подающей звонкого голоса, похожего на полнокровный весенний ручей, весе-

ло перебирающий клавиши городских водостоков. Иногда она даже уходила в их спальню и тихонько там сидела мышью в норке, представляя себя кошкой, выходящей на охоту. Потом не выдерживала — и шла в гостиную. Иногда её вытягивал из спальни Андрей. Чаще всего это происходило, когда муж хотел, чтобы она что-нибудь им сварганила съестное. У них были свои разговоры — и она оказывалась в них лишняя. Некий субтитр для слепых, которому позволено только повторять чужие речи. Сидела на краешке кресла, подпирая раскалённую щёку ладошкой, поставив руку на подлокотник. Её и не замечали будто. Или это ей лишь так казалось?

В один отпускной и щедрый на тепло июль муж пригласил Фёдора к ним на дачу. На рыбалку.

В то лето Фёдора стало неожиданно так много, что он будто стал членом их семьи. Сидели за огромным дачным столом, хрустели прожаренными до костей окуньками, что свекровь обваливала в манке и жарила на подсолнечном масле так,

¹ Окончание. Начало в № 1-2 2014 г.

что рыба была покрыта вкусянчей золотистой поджаркой и есть её можно было целиком со всеми её хребтами, плавниками и зарумянившимся хвостом. Внимала философским разговорам мужчин, думая о том, что лучшего себе, наверное, и желать нельзя, но сердце почему-то всё время тоскливо сжималось от мысли о том, что всё в её жизни пойдёт теперь по правильно-му, заранее известному, накатанному многими маршруту... Нет уже того зелёного луга, похожего на футбольное поле, где шутя можно гонять мяч судьбы из стороны в сторону, смеясь и выбивая от другого игрока, что пинает и катит его ровнёхонько по прямой... Вот ей нравится Фёдор, но и она мужняя жена, и у него семья, и они никогда не станут половинкой друг друга. Даже ночью, лёжа между Андреем и стеной, по которой гуляли чёрные тени всклооченных ветром деревьев, напоминая о том, что в нашей жизни нет ничего законченного и неподвижного, кроме конца, чувствовала всей своей обожжённой солнцем знойной кожей не шершавую холодную стену, несущую легкое облегчение от боли своим прикосновением, а того, другого, что прикасается к этой стене с другой стороны...

А днём Фёдор разгуливал с удочкой в руках по намывным волжским дюнам, где ноги проваливались по щиколотку в песок, издавая лёгкий скрип кварца, пристально смотрел на неё, улыбался и приговаривал: «Ловись рыбка большая и маленькая...» Вытаскивал из воды резким и ловким движением очередного хилого окунька, жадно хватающего жабрами, похожими на открытые раны, гибельный, сухой и горячий, словно поцелуй, воздух.

А она сидела на песке, смотрела на ленивые волны от пробегающих моторок и быстроходных судов, нежно пересыпала влажной от пота ладошкой сухой золотистый песочек, будто просеивала его сквозь пальцы, представляя, что это минуты в песочных часах — одна похожая на другую, но вместе они складываются в неповторимую картину жизни, но в сущности совершенно неизменную от того, что какие-то песчинки в них меняются местами или даже уходят под воду, утрамбовываясь под её тяжестью и втискиваясь между другими песчинками, такими же похожими одна на другую... Некоторые песчинки прилипали ненадолго к пальцам и ластились к золо-

тистому телу, надолго запутывались в выгоревших волосах, набивались под купальник, чтобы оказаться потом в зелёных дебрях сада.

28

Осенью Лидия поняла, что беременна. Фёдор почти не появлялся у них, но иногда звонил и подолгу разговаривал с Андреем. Иногда она сама перебрасывалась с ним парой ничего не значащих фраз, что просачивались, как перо сквозь пожелтевший от времени сатин подушки... Мягко и уютно, но что-то царапает щёку своим острым коготком. И потом на щеке обнаруживаешь длинную свежую царапину. Она совсем перестала о нём думать. Ему больше не было места под солнцем в её будущей жизни. Живот становился похожим на огромный надувной мяч, за который она держалась на воде, учась плавать. Сейчас она тоже крепко и осторожно держала надувающийся мяч, покачивающийся на волнах её неустойчивой походки вразвалочку. Она думала, что этот мяч теперь ей придётся осторожно подталкивать на воде, не отпуская его от себя в страхе, что он уплывёт, — и она, барахтаясь и разбрызгивая воду, будет хватать раскрывшимся для крика ртом воздух, прежде чем безвозвратно уйти с поверхности, отражающей полёт облаков.

В конце марта родилась Василиса. Лидочка всматривалась в этот красный орущий комочек, весь в «пятнах аиста» с пухом одуванчика на темечке, и не понимала, что она теперь мама. Вставала в полусне ночью, выдернутая из недолгого рыхлого забытья надсадным плачем, кормила дочь, как будто подобранного на улице котёнка из соски, чувствуя успокаивающее тепло родного тельца; качала, словно бескрайнее волнуемое море маленькую лодчонку, удивляясь тому, что это существо со сморщенной гримасой обиды и есть её ребёнок.

Осознание того, что она теперь мама, пришло тогда, когда начался мастит и пропало молоко. Она лежала в позе эмбриона на супружеской кровати, чувствуя, что вся горит и периодически проваливается в мутный и тёмный колодец душной летней ночи, которую неожиданно перерезали всполохи взрывающихся пе-

тард. Слезающиеся пятна огней двоились, троились, расплывались бензиновой плёнкой по поверхности её беспамятства. Грудь пылала, и от обжигающей боли, накрывающей её с головой, будто мутная волна штормящего моря, не было никакого спасу — откатившая на мгновение волна захлёстывала очередным брызжущим слюной взбесившейся собаки гребнем. Её мотало, как поплавок, и никто свыше не пытался выдернуть удилище ловким взмахом.

Возвращаясь на мгновение из небытия, она внезапно подумала, как же её дочь останется голодной, ведь она ещё ничего другого не может принимать, кроме её молока, что она пару дней назад легко сжегивала в простерилизованную баночку весёлой струйкой, которая теперь пересохла от пышущего жара.

Этот проснувшийся страх за своё чадо больше из её жизни не уходил, прочно поселившись в груди, сжимал сердце в постоянном предчувствии, что всё счастье в жизни конечно и может оборваться в любой момент.

Спустя два с половиной года, заплетая Васиные жиденькие обсечённые волосёнки в тугие косички и вплетая в них голубые банты, похожие на пропеллер вертолёта, Лида думала о том, что её жизнь вот так же, как эти косицы, туго свита и скручена, чтобы не стать перепутанной ветром. Она жила с ребёнком на даче, но и здесь весь её день был подчинён строгому распорядку, нарушить который она была давно не вправе. Дочь приподнималась на носочки, пританцовывала на одной ноге, пытаясь заглянуть в серебристую гладь зеркала, отражающую её широко распахнутые не по-детски серьёзные небесно-серые глаза, в которых качалось и дрожало по одному солнечному зайчику.

У них снова гостил Фёдор. Дочь тебила его за линялую джинсу, задрал голову:

— Дядя Фёдор! А я красивая?

— Красивая! Очень-очень!

— Как мама?

— Как мама!

— А если мне волосы сделать, как у мамы, чтобы они на плечи дождём стекали, я буду красивее её? Дядя Фёдор! Расплети мне волосы. Ты умеешь волосы распускать? Расплети, расплети, расплети! И чтобы бант рыжий был, как костёр горит! А то папа не умеет.

Последнее лето декретного отпуска она провела не у мамы в деревне, а у родителей Андрея. Так захотел муж. Он уютней себя здесь чувствовал. Лето было на редкость сырым и прохладным. Шли не летние грозы — нудные осенние дожди, вколачивающие тебя своим бесконечным стуком по крыше в тоску и слёзы. Детское бельё по четыре дня проветривалось на веранде, но, так и не высохшее, переносилось к растопленной печке. Растопить печку — задача была тоже не из лёгких. Дрова отсырели; хворост, который обычно добавляли до растопки, только дымил, как гриб трутовик, выделяя едкий жёлтый дым, от которого на глаза набегали слёзы, а горло заходило в старческом спазматическом кашле. Для растопки использовали газеты, но они тоже только быстро тлели, чернея на глазах без огня и исчезая, как прошлогодний копотный снег. Когда же огонь наконец начинал робко перебирать клавиши хвороста, из непромазаных щелей печки начинал выползать кольцами змей дым. И только когда аккорды огня становились всё увереннее, дым исчезал, оставляя в комнате горьковатый туман, что скорее пытались выгнать на улицу, но тот нашкодлившей кошкой прятался по углам, забивался под кровать или тёрся о ножку дивана.

Фёдор охотно взялся помогать растапливать им печку. Даже сам колот во дворе дрова, складывая их под навесом у душа. Подолгу сидел на корточках перед распахнутой настезь дверцей, смотрел на зачинающийся огонь, поправляя кочергой свернувшуюся, будто листья от поселившихся на них гусениц, бумагу, помогая робкому пламени перекинуться на подсыхающий хворост. И потом, когда пламя уже весело начнёт облизывать сучья своими горячими шершавыми языками, он будет подолгу смотреть в топку немигающим взглядом с чёрными расширенными зрачками, поглотившими собой всю радужку и отражающими, точно ночная вода, костёр. Он почувствует, как тепло, словно от горячего чая с мёдом, хлынуло к лицу и растекается по сосудам, и примется думать о том, что судьба может пронести его мимо чего-то очень важного в жизни, становящегося таким дорогим и родным, что уже боишься потерять.

Монотонный осенний дождь стучал по кры-

ше, как машинописная машинка. Ей звонко подпевали многочисленные тазы и миски, хаотично расставленные по веранде. Кусты, заглядывающие в окна, опустили свои ветки, вывернули серебристую изнанку листьев и рябили от ветра, будто волны на море. Река почти скрылась за горизонтом. Вместо неё стояло облако водяной пыли.

У свекрови от застоявшейся сырости поднялась температура и начался сильный бронхит. Андрей повёз её в город. А Лида тайно радовалась, что её хоть несколько дней не будут рассматривать через лупу, совершенно забывая о том, что увеличительное стекло притягивает солнечных зайчиков, поджигающих сушняк.

Как случилось то, что случилось? Или это удный осенний дождь виноват, капли которого рвались в дом, будто ночные бабочки на огонь, — вгоняющий в тоску и дающий остро почувствовать конечность и бессмысленность существования, несмотря на то, что вся жизнь была ещё впереди и лежала, как сокровище на ладони, играя всеми своими гранями при свете розового ночника, а ребёнок, захлёбываясь родниковыми слезами, канючил сказку с хорошим концом.

Сказка была прочитана, но до конца было ещё далеко... Веки тяжелели, длинноногие слова запинаясь хромыми ногами, голова склонялась на грудь — и потолок качался, будто в каюте. Отсыревший воздух заползал под шерстяной свитерок, совершенно наплевав на скрещенные руки, от холода обнимающие друг дружку, — руки, похожие на прибитые к рамам доски, защищающие от входа неожиданных посетителей в опустевший надолго дом.

Бабочки, прятаясь при дневном свете по тёмным углам, внезапно проснулись, приманиченные ярким огнём. Обожгли свои шёлковые крылья — и метались по комнате, будто слепые, натыкались на стены в выгоревших жёлтых обоях с белыми ромашками с аккуратно подклеенными лепестками взамен съеденных мышками в холодную и безлюдную зиму. Отражались от стен — и снова летели к оранжевому абажуру, ровно горящему, будто пламя в семейном очаге. Мохнатые их тени скользили по стене, завораживая вечной игрой света и тени.

Пламя абажура покачивалось в толстых стёклах очков, за которыми темнел чёрный

омут расширенных зрачков, нырнуть в который было совсем не страшно. Чёрные локоны стекали кольцами телефонных проводов по тонкому женскому запястью с пальцев, запутавшихся в чужих и жёстких волосах.

Ах, эти локоны... Их щетиновую жёсткость рука Лидии Андреевны почему-то помнит до сих пор. Она любила позднее накручивать их на свой указательный палец, дивясь тому, что вот так же странно закручена наша жизнь. Она была по-своему привязана к мужу, и, в сущности, ей было бы страшно потерять его и стабильность, что возникла в её жизни после замужества. Почти во всём она была примерной женой, часто уступала свекрови и старалась беречь хрупкое равновесие в доме. Тогда зачем ворвался в её жизнь Фёдор — и она даже не испытывает никакого страха, ходя по тоненькой жёрдочке над горной речкой. Вдруг оступится и покачнётся, вытанцовывая на цыпочках по натянутой струне? Или внезапно съедет с горы какой-нибудь неуклюжий камень, сдвигая опору у качающихся мосточков? Почему недавно такой демонически загадочный и интересный Фёдор становится незаметно для неё родным человеком, которому хочется рассказать и весь прошедший день, и все свои нечёткие, будто в детском акварельном рисунке, мысли, сомнения и предчувствия?

Всё случилось так, как будто и не могло быть иначе. Дождь посшибал все уже ватные яблоки на землю... Просто не могли две половинки разломанного от удара яблока не подкатиться друг к другу... Только ведь истекающий соком срез уже погрызен и чёрными муравьями сомнений, и мягкотелой улиткой долга... Пустое. Половинкам полностью не совпасть.

Но, оказывается, и это возможно с тобой: тебе нужны и тот, и другой. Любовь к одному не мешает привязанности к другому...

Ей казалось, что она слышит, как волны разбиваются о берег, большие, медленные, равнодушные, равномерно накатывающие одна за другой, увеличиваясь в размерах, валы, накатывающиеся с ритмом судьбы так монотонно, что это создавало иллюзию вечности. Этот бесконечный шорох медленно и неотвратимо приближающихся и подхватывающих тебя волн судьбы стал составляющей её жизни, без

которой она уже и существовать не могла. Тишина пугала.

Печаль, захлестнувшая её с головой, когда она, замершая, лежала, устремив взгляд в бесконечность, в которой запутались сполохи лунного света, перерезаемого фарами проносащихся за окном машин, напомнившие ей огни проплывающих теплоходов, и думая о произошедшем, прошла, и осталась неловкость, будто огрызок яблока, выкинутый волной на отшлифованный песок. Ей хотелось взглянуть на него, но она лежала неподвижно, не осмеливаясь пошевелиться и тем более включить бра. Потом она всё же чуть-чуть приподнялась на локте и вполборота повернула голову к нему, чувствуя, как заломило мышцы шеи, вчитываясь в его лицо, точно в непонятый текст. Он был где-то далеко, в другом мире. Ей захотелось заплакать от обиды. Он казался теперь ей холодной обкатанной галькой, лежащей глубоко на дне под прозрачной толщей воды. Вдруг, будто вода в проломленный борт лодки, напорившейся на корягу, хлынула ненависть к нему, оставившему её одну у этого равнодушного плеска моря. Внезапно она услышала ход часов, стучавших так явственно, словно подложенное взрывное устройство. А он спал — и она подумала, что теперь он где-то парит среди мыльных пузырей снов, переливающихся своими хамелеоновыми оболочками и уносимых друг от друга ветром, будто во времени и пространстве бывшие друзья-однокурсники. Теперь перед ней, как в замедленной киносъёмке, поплыли картины из её жизни, путаясь с мыслями о нереализованных возможностях и разбившихся, точно волна о камень, надеждах. Она будто вытягивала сети из глубины моря её прошлого: друзей, родителей, первую влюблённость и первый зубик её ребёнка, тянула, тянула — и всё не могла вытащить, снимая руками налипшую тину сомнений, которой становилось всё больше и больше, чем ниже со дна она извлекала сеть.

29

За завтраком словно катали по горлу молчание, ватным комком перекрывающее ровное дыхание. Василиса размазывала по тарелке манную кашу, складывала её за щёку, отчего

щёка надувалась, будто у ребёнка был флюс. На веранде стоял комариный гул, сплетённый из множества тоненьких голосов. Лидия Андреевна только и успевала их отгонять от ребёнка. За окном снова начался мелкий дождь. Он стучал по веткам сирени, листья которой вздрагивали от этих холодных капель и пытались их стряхнуть на землю... Каждый лист жил какой-то своей внутренней, отдельной от целого куста жизнью. Пока другие смиренно стояли в неподвижности, принимая дробинки дождя, какой-нибудь из них вдруг выворачивался, будто ковш ладони, выливая воду на прикипшую к земле траву.

Случившееся казалось нереальностью, сном, привидевшимся в коротеньком забытии. Было холодно, сыро, и хотелось снова закутаться с головой в ватное одеяло.

Потом чужой мужчина, неожиданно становящийся своим, принёс с улицы из-под навеса отсыревшие дрова и снова стал разжигать в доме очаг, сминая для растопки старые газеты. Буквы и чужие лица неожиданно оживали, корчились в последних гримасах и исчезали, становясь ворохом чёрного пепла. И снова огонь весело бежал по хворосту, облизывая подсыхающие поленья и становясь всё яростнее. И опять они с Васей смотрели как замороженные на это дышащее пламя, греющее руки своими высунутыми из пасти печурки языками. И снова комната наполнялась теплом, что уже приливалось к лицу. И снова щёки горели, будто у школьницы, прогулявшей урок, а сердце билось, как перед неизбежным экзаменом, где никогда не знаешь, что за билет суждено тебе будет вытащить.

В выходные, когда приехал Андрей, поймала себя на мысли, что всё время старается не глядеть на Фёдора. Смотрела в стенку, в пространство, в никуда, старательно отводя близорукие глаза. Когда обедали, Фёдор поймал ногами её лодыжку и спокойно разглагольствовал об услышанных во «Времени» новостях. Она сидела между двумя мужчинами, подпирала ладошкой с истончившимися и расслаивающимися ногтями щёку, пылающую от горячего чая, передозировки солнца и ветра, и почти не слушала, что говорят мужчины. Дискуссия была где-то далеко, будто разговор по междугородной связи, когда испорчен кабель. Только там напряга-

ются, чтобы услышать, а тут она наоборот, точно выпала из орбиты, сошла с круга разговора, так как из камеры колеса потихоньку ушёл воздух. Стоишь себе на обочине, смотришь, как другие гонят по кругу, вдыхаешь настоящий на хвое воздух и думаешь: «Всё-таки жизнь удивительна! Так куда же бежим тогда, перегоняя друг друга и ослепляя солнечными зайчиками от серебристых покрывшек?»

Передавая Фёдору сахарницу, вдруг почувствовала вместо холодной хрупкости фарфора его горячую ладонь, будто невзначай коснувшую её пальцев. Отдёрнула руку, как от ожога, бережно и тайно лелея тепло мужского колена в ночи, закутавшееся в клеёнчатую скатерть, низко свисающую со стола почти до самого облупившегося пола.

Ложечка позвякивала о стакан, будто колёса поезда по рельсам, увозя в неизвестность, в края, в которых ещё не бывала.

Вечером неожиданно подул душный ветер, и после ужина, уложив ребёнка спать, они пошли купаться.

Было полнолуние, и луна надраенным серебряным щитом висела над лугами, испуская завораживающее сияние. Она почувствовала себя маленькой девочкой, сидящей в первом ряду на новогоднем представлении в ожидании чуда и сказки с непременно хорошим концом.

Осторожно разделась, ёжась от влажного ночного воздуха, и по лунной дорожке, раскатанной серебряным ковром, ступила в воду, чувствуя, что грусть, будто вода, подступает всё выше и выше, нежно обнимая и обволакивая её со всех сторон... Неожиданно она вспомнила, что такое ночное купание уже было в её жизни когда-то в её студенческой молодости... И вот её снова закинуло в ту же точку пространства спустя море лет, как ей тогда казалось, и она не понимала ещё, что никакая это не прорва лет, а пока только горсть воды, набранной в ковши ладони, медленно утекающей сквозь не плотно сжатые пальцы...

По поверхности озера, будто оторванная голова подсолнуха, плыла луна... Фёдор стоял на берегу и смотрел, как она качается на воде. Вдруг он неожиданно нагнулся, поднял с земли камушек и запустил в подсолнух. Светящееся отражение задрожало и разлетелось на де-

сятки мелких осколков, закачавшись на воде оборванными лепестками, что постепенно, словно магнитом, начали медленно стягиваться друг к другу. И вот снова растерзанный было подсолнух, целый и невредимый, застыл в воде, облитый завораживающим светом. И опять тишину раскололо взрывом воды — сполохи света брызнули Лиде в лицо и, разбросанные ударной волной, заколыхались на воде, будто кувшинки, вокруг чёрной воронки, наполненной тенями дурных предчувствий. Белые осколки мотались обрывками разорванного письма, подталкивая друг друга, кружились в немом танце и не могли найти себе прибежища и собраться в гладкие строки, возвращающие в сердце гармонию и покой. Теперь Фёдор как заведённый зачем-то бросал и бросал камни один за другим, не давая осколкам света собраться в целое, — и они, потянувшись было друг к другу, тотчас отшатывались и разлетались перьями из вспоротой подушки. Было в этом что-то магическое, словно Фёдор хотел разбить гармоничный мир, застывший блестящей ёлочной игрушкой из фольги на глади её семейной жизни.

30

С того августа понеслось, будто кубарем с горы, какое-то бесшабашное время. Осенью Василиса пошла в детский сад, а Лидочка на работу. Встречались почти всегда в обед. Иногда просто прогуливались по шумным улицам, разговаривая обо всём, или сидели в полутьме кафе, вглядываясь в первые ниточки морщин, бегущие от глаз, будто бы трещины на стекле от брошенного камушка. Лидочке было странно самой, что с Фёдором она почему-то обсуждала даже какие-то житейские и бытовые проблемы, которые постоянно возникали у них с Андреем. Скажем, как лучше ободрать с окон старую краску, похожую на обгоревшую, облупляющуюся кожу, перед их покраской или какие лучше занавески купить к обоям в их комнате. Но, когда она в очередную их прогулку начинала его спрашивать о том, как же лучше переставить мебель в их комнате, для того чтобы купить и поставить кровать под-

растающей Василисе вместо её детской, напоминающей звериную клетку, всё было так органично и естественно, будто иначе и быть не могло, только вот так: во всём советоваться с близким другом, видящим их дом со стороны и знающим его как свои пять пальцев.

Иногда сбегали с откоса вниз к реке, подальше от чужих глаз. Смотрела в запрокинутое небо и думала, что всё-таки жизнь удивительна! По небу плыли облака, меняющие ежеминутно свои очертания, — ветер гнал их, словно тополиный пух по асфальту. Бескрайность неба была перечёркнута тающим следом от реактивного самолёта, будто бы асфальт разлинован школьным мелом, что быстро стирался с тротуара шагами спешащих прохожих. След от лайнера на глазах становился всё шире, точно река на географической карте, и всё прозрачнее...

Они бродили с Фёдором среди битого стекла, то тут, то там изумрудно подмигивающего, словно кот из темноты, и среди окурков, которые почему-то напоминали Лидии свёрнутые лотерейные билетки в воскресном парке её детства... Взявшись, как дети, за руки, уходили всё дальше по набережной, чтобы перемахнуть через бетонный парапет там, где начинается серый, цвета нездоровой кожи, песок. Корявые ивовые кусты одиноко торчали на грязно-зелёных островках запылившейся травы, почти подметая побуревшими листьями песок, будто своими козлиными бородками задумчиво щипавшие траву животные. Фёдор властно тянул её за руку к маячившему впереди островку зелени. Ноги в туфлях на каблучках неуклюже подвёртывались и проваливались в почву, осыпаясь под ногами. Туфли снять она почему-то не решалась, боясь испачкать ноги или вообще поранить ступню о битое стекло или ракушки, выброшенные на берег волной от проходящих мимо судов. Она буквально ковляла позади Фёдора, тащилась, словно заглохший автомобиль на тросе, вихляющий из стороны в сторону от всех встретившихся на дороге ухабов и рытвин. Было в этом их движении что-то символическое, напоминающее тридцативосьмилетний путь израильтян через пустыню в Ханаан во время их исхода из Египта. Вот и она тоже ждёт от Бога манны небесной и думает, что всё равно всё предрешено свыше. Спротивляться

налетевшей стихии бесполезно, всё равно она подхватит своим широким крылом смерча — оторвёт от земли и унесёт, если на то будет воля и желание неземных сил...

Потом Фёдор отводил её сбившиеся волосы с запутавшимися в них песчинками, будто мальками в тине, за ухо, и она чувствовала себя маленькой девочкой, защищённой от темноты за окном, в которой бродит Баба Яга с корявой метлой. Глубоко вглядывался в её потемневшие глаза, пытаясь разглядеть на дне колодца её ускользнувшую от всех и от себя самой душу; крепко прижимал к своей груди — и она слышала обострённым слухом, как неровно, будто перегревшийся двигатель, колотится её сердце...

31

Внезапно пришла зима. Пришла сразу и бесповоротно. Ещё вчера она думала, что бабье лето на редкость щедро и август затянулся, так не бывает, — и вот всё в одну ночь оборвалось, будто струна у гитары лопнула. И сразу лёг на землю снег по колено, и снежный покров всё рос и рос, точно тесто на дрожжах, прибывал. Город стал белым, будто хирургическая операционная... С работы пришлось идти пешком, так как город к зиме был не готов и его мгновенно парализовало. Она шла по узенькой, уже протоптанной пешеходами среди вырастающих сугробов тропинке... Оступалась через каждый шаг в рыхлый снег, ноги тут же проваливались так глубоко, что снег заглядывал в сапоги и трогал ноги своей колючей седой щетиной, и думала почему-то о том, что это её путешествие по первому снегу напоминает ей прогулки по намывному зыбучему песку: и утонуть не утонешь, и не выбраться. Выкарабкаться из него можно только медленно и плавно, не делая резких движений. Лечь на спину, широко раскинув руки, и потихоньку выплывать, будто из сна в выходной, когда спешить некуда. Вся её жизнь — наверно, тоже такой зыбучий песок. Снег рано или поздно, но всё равно растает, унося с весело журчащей водой всё оседавшее тяжёлой муťou день за днём на новой поверхности, когда старое зарывалось всё глубже. А песок, он держит креп-

ко, и надежды, что лучи мартовского солнца всё переменят, нет никакой.

Встречались теперь иногда у Фёдора на работе, но она очень боялась, что её там кто-нибудь увидит. В его берлоге всё имело своё место и стулья стояли, будто на пионерской линейке, но на всём лежал приличный слой пыли, делающий все лаковые поверхности матовыми настолько, что искать в них своё отражение становилось бессмысленным. Лида как-то написала пальцем на крышке секретера: «Жизнь обрастает слоем пыли...» Её надпись сохранилась до её следующего прихода, но в следующий её визит фразы уже не было: слова исчезли под накопившейся пылью, а в её новое посещение места под солнцем Фёдора секретер ослеплял уже до слёз своей лаковой поверхностью, в которой отражались ровные ряды люминесцентных ламп...

Странно было то, что её нисколько не мучила совесть из-за того, что в её жизни был Фёдор. Она была примерной женой и не собиралась что-либо менять в своей накрахмаленной семейной жизни, которой пыталась придать устойчивость и всегдашнюю свежесть. Фёдор не был какой-то другой её жизнью, отделённой от семейной высоким забором и никак с ней не пересекающейся. Нет, он спокойно открывал калитку, закрытую на щеколду с внутренней стороны сада. Просто просовывал свою руку сквозь раздвинутые доски забора, нащупывал щеколду — и открывал. Проходил по дорожке сада как желанный гость, давно ставший своим. Приходил с кошёлкой гостинцев, дельных советов и интригующих рассказов. Иногда она думала: не догадывается ли Андрей, что его друг, давно ставший другом дома, уже скорее её друг и даже больше, чем друг, и что будет, если муж узнает обо всём? Но тут же отмахивалась от этой мысли, как от мухи, назойливо вьющейся поутру над залитой солнцем подушкой и пытающейся, жужжа, примоститься тебе на висок. Залезала с головой под одеяло, чтобы не слушать настойчивого жужжания, и продолжала смотреть цветные сны, где они с Фёдором летают под облаками, взявшись, как дети, за руки.

Она была счастлива в ту зиму не только тем, что желанна и любима, но и тем, что у неё есть надёжный семейный очаг, который пусть и не го-

рел обжигающим пламенем, но тлел ровно, постоянно мерца в темноте раскалёнными углями и храня накопленное за прожитые годы тепло.

Ноги больше не утопали в глубоких сугробах. Она летала над ними, лишь чуть прикасаясь каблучками к ослепляющей белизне. Просто отталкивалась от накатанного льда или наметённых сугробов и летела навстречу своим любимым, становясь лёгкой, как ажурная снежинка.

Перед самым Новым годом она пришла домой с работы — и услышала из кухни голос Фёдора. С замирающим сердцем, взбив волосы, поправив поплывшую за день косметику, влетела, пританцовывая, на кухню. Фёдор уплетал пожаренные мужем пельмени:

— А я вот тут новостью делюсь. Мне предлагают место доцента почти в Москве, в Подмосковье, конечно, с возможностью докторантуры. Хочу рискнуть попробовать себя на этом поприще. Там нам и квартиру обещают дать.

У Лиды будто струна какая-то оборвалась, что звучала несколько месяцев внутри неё. Звучала сама по себе, её даже не надо было трогать пальцем, — точно эхо отражалось от многочисленных препятствий, образуя странный оркестр, рождающий свою новую неповторимую мелодию. И вот струна лопнула. На негнущихся ногах Лидия вышла из кухни и долго пускала в раковину воду в ванной комнате, пытаясь затолкать внутрь слёзы, хлынувшие, будто в фанерную лодку, напоровшуюся на металлические останки.

После Нового года она стала ждать от Фёдора писем. Он никогда не посылал писем ей куда-нибудь «до востребования», всегда писал им вместе: «Дорогие мои... Обнимаю, целую...», но в строчке «Кому» неизменно стоял Андрей. Один раз, когда муж был в командировке, она не выдержала и вскрыла конверт. Не взрезала письмо по краю, не отпарила нежный шов над плюющимся чайником, а, дрожа от нетерпения, поддела приклеенный краешек скальпелем — и отодрала с «мясом» от конверта. Письмо было как письмо. Фёдор писал о своих новостях, делился впечатлениями о городе, о работе в вузе, о коллегах и студентах. Лиде нравилось читать его письма.

Они были написаны очень художественно, так, что перед глазами сразу вырастал сказочный театр из красочных декораций и теней, которые отбрасывали и обозначившиеся сразу вещи, и немые люди, которым ещё предстоит только выйти на сцену. Она так и слышала его язвительный баритон, долетающий через расстояние.

Аккуратно заклеить конверт не получилось. Разодранный слой старого клея почти весь был покрыт ворсом отодранной бумаги и заново не клеился; мазать конверт канцелярским клеем Лидия побоялась, хорошо зная, что тот может пожелтеть; аккуратно промазала часть, закрывающую конверт, ПВА, накапав его предварительно на полоску бумаги, и прижала, разглаживая конверт пальцем. Шов получился волнистый, выдававший Лиду с головой. Она даже хотела тогда просто потерять письмо, ничего не говорить о нём, но не решилась, подумав, что неполученное послание может как-то всплыть, и уж пусть будет лучше с покорёженным швом, но будет. Однако муж ничего не сказал: то ли не заметил, то ли ему было удобнее не замечать.

Она старалась как могла ничем не выдать их любовь. Да, это была любовь, не страсть, не стихия, как река, вырвавшаяся из-за запруды и сметающая всё на своём пути, — это была река глубокая и полноводная, но она текла в своих берегах, а вот подводные ключи бурлили, бурили воронку мутного омута. Фёдор же иногда будто забывал, что он — женатый человек и находится в гостях у своего друга. Пугал этим Лиду до внутреннего озноба: такого, как был тогда, когда она однажды наелась шампиньонов и точно покрылась изнутри гусиной кожей, а снаружи вся горела. Вырастал из-под земли, подкравшись беззвучно пантерой, делал резкий прыжок — и она оказывалась у него в объятиях. Стоял спиной по ходу движения в лодке, что мчалась по течению навстречу подводным камням, чуть лишь высовывающим из воды свои шапки. Стоял во весь рост, хотя и не раскачивая лодку, но и не гребя и не правя — куда вынесет, так был уверен, что мимо камней пронесёт...

Она потом думала, догадывался ли Андрей, что они встречаются без него? Вряд ли... Или то было инстинктивное нежелание знать, когда от удара закрывают голову ладонями?

Теперь Лида стала стараться попасть в командировку в столицу, куда Фёдор мог запросто добраться из своего Подмосковья. Она звонила с вокзала из автомата, предварительно наменяв целый большой мешочек 15-20-копеечных монет для междугородного разговора, сообщала, что прибыла, и только потом ехала устраиваться в гостиницу, вернее в общежитие, где комендант по договорённости с замом по хозяйству пускал сотрудников её предприятия на побывку. Общага эта была для строителей. Сюда приезжали учиться на курсы повышения квалификации бухгалтеры со стройки и всякие мелкие начальники из трестов, чтобы урегулировать вопросы с поставками материалов, проектами, заказами. Гостиница была вся заплёванная, похоже, в ней и не убирался никто. Жёлтое солдатское бельё, пол весь в крошках еды и в раздавленных мякишах хлеба, намертво прилепившихся к полу, словно родинки и бородавки на старческой коже. Ванная вся в рыжих потёках, напоминающая по цвету сходящий по весне снег, впитавший в себя гарь выхлопных газов, снизу подкрашенный оттаявшей глиной. Кран нудно капал, издавая звук, напоминающий стук первых редких капель дождя по железной крыше, долбящий, наводящий тоску в первые холодные августовские ночи. По кухне ползали рыжие тараканы в таком количестве, что казалось, это сквозняк, гуляющий по кухне, шевелил просыпанные крошки. Из переполненного помойного ведра всегда торчали бутылки и распространялся ударявший в нос запах, от которого у Лиды частенько начинался вретный спазм, его она с трудом сдерживала, стремглав выбегая из кухни.

Остаться вдвоём в общаге можно было только утром или днём. Вечером бухгалтеры пили и орали песни, оккупировав проходную комнату и кухню. Фёдор по возможности брал какой-нибудь библиотечный день — и они гуляли по шумным московским улицам, иногда ходили в театр, а так чаще старались остаться в гостинице.

Перед отъездом Фёдор помогал ей закупить колбасы, мяса, конфет и апельсинов, чтобы взять домой. Она была рада, когда Фёдору удавалось проводить её на вокзал и посадить в поезд. Муж даже как-то пару раз сам просил Фёдора помочь ей, если тот будет в столице.

Теперь она ждала этих своих командировочных поездок, этого бегства в чужую жизнь, когда можно будет безнаказанно раствориться в шумной толпе спешащих тебе навстречу людей, бродить по промозглым вечерним улицам, щедро освещённым разноцветными огнями рекламы, ничуть не заботясь о том, что будешь узанной. Она наблюдала, как быстро меняется содержание бегущей строки на высотном здании, буквы летят, как по бикфордову шнуру, вспыхивая новогодними фонариками одна за другой и постепенно складываясь в осмысленность. Она подумала, что вот так же и наши чувства слагаются по букве, зажигающейся одна за другой, и незаметно приобретают осознанность. Но как только слово сложится целиком — немедленно исчезает бесследно, оставив после себя лёгкое свечение где-то там, где высотное здание силится слиться с небом, растворяясь в его чернильной духоте. И вот уже новые буквы совсем другого цвета снова рождаются одна за другой, чтобы на мгновение сложиться в целое и бесследно растаять, уступая место новому... Не знала, не видела, вдруг однажды заметила, как августовскую комету, выпавшую из равнодушного мерцания бисера звёзд в холодный вечер, когда замечаешь, что теперь темнеет рано, — и вот осколок звезды уже стремительно приближается к твоему крыльцу, на котором ты сидишь, кутаясь в старую шаль, чтобы упасть тебе прямо в руки, а затем сгореть, оставив волдыри и рубцы на нежной коже.

Она нисколько не испытывала угрызений совести, будто бы всё в её жизни было правильно; всё как нужно: та жизнь и эта жизнь... Она идёт под руку с родным мужчиной в чужом городе. Гуляют, как влюблённая друг в дружку семейная пара... Лидочка шествует уверенной походкой любимой женщины, у которой всё лучшее ещё впереди. Это она стоит у входа в метро, до головных спазмов глядясь в чёрную толпу, вытекающую из под-

земелья, в надежде увидеть любимое лицо. Это она, лёгкая и прекрасная, бежит навстречу знакомой долговязой фигуре, раскинувшей в полёте руки для того, чтобы крепко к себе прижать её соскучившееся тело, поднимая на свою высоту, где летает синяя птица счастья. Это у неё сладко замирает сердце от того, что тяжёлая мужская ладонь легонько погладила её по волосам, а горячие губы целуют палец за пальцем на её руке, выбирая из них самый любимый, с заусенцами, чтобы нежно облизать шершавым языком где-то в глубине рта, мягко обхватив тёплыми губами, имеющими вкус недоспевших нектарин.

Пожалуй, ей было страшно потерять и того, и другого.

Ей совсем не нужна была эта любовь в засиженной тараканами общаге, но ей не хватало ощущения, что твою птичью трель не только слушают, возвращаясь из сна, но и понимают всё пропетое, как своё собственное сочинение.

При всём при том, что у неё был благополучный дом и будущее, она продолжала жить в доме свекрови, как в гостинице, с чувством, что находится под постоянным ионизирующим излучением, пытающимся просветить её насквозь и выявить притаившуюся опухоль. Вот смотрите: какой у неё скелет, и совсем не в шкафу, а тут в комнате, залитой солнечным светом, нанизывающим пылинки на свой расширяющийся луч.

Кем она была для Фёдора? Праздничным фейерверком, на минуту освещающим серые лица, замученные рутиной быта, разноцветными огнями, сменяющимися друг друга и окрашивающими тени на лице отблеском ёлочных гирлянд из фонариков, мигающих с частотой биения сердца? Она никогда не забудет тот испуг на лице Фёдора, когда подошла к нему сзади, увидев склонившийся над книгой любимый затылок в Центральной библиотеке, где они договорились встретиться, и положила руки на сгорбленные плечи. Он тогда дёрнулся, как от электрического удара, воровато озираясь в сторону, совсем противоположную от неё, и сказал, что он скоро выйдет из читального зала и пусть она подождёт его внизу. Как оказалось тогда, в том зале сидел его коллега с кафедры и Фёдор не хотел «светиться». Это

было нормально и разумно, но почему-то сердце в горькой обиде, дрожащее, как вымокшая кошка, забилося в тёмный угол, уткнувшись носом в пыльную холодную штукатурку, и там сдерживало свои всхлипы, натужно качая пересыщенную адреналином кровь.

Пять лет тянулась эта её жизнь с бегством в столицу и приездом Фёдора в гости. В очередное лето, катившееся по земле удушливым дымным клубком торфяных пожаров, Фёдор к ним на дачу не приехал. Их общий знакомый из той компании, где они когда-то познакомились под плач гитарных струн, сказал, что он развёлся и женится на дочке какого-то босса в местной администрации... Через два месяца они получили от Фёдора открытку, в которой тот писал о своих непростых переменах в жизни: о том, что у него родился сын, и о том, как всё это тяжело, маленький ребёнок... Открытка была вся помята, будто её месяц носили в кармане брюк и постоянно нервно тискали в кулаке, засунув руку в карман. Край открытки был обожжён, словно её держали над зажигалкой или свечой, собираясь спалить и не посылать вовсе, а потом пожалели написанных слов и послали по любимому адресу...

Слёзы закапали, точно из распаявшейся газовой колонки, перегретой до плеванья паром. Она чувствовала себя как девочка в начале её семейной жизни, стоящая посреди затопленной кухни и не знающая, чем и как собирать набегающую воду.

В тот день будто ампутировали половину её сущности. Она знала, что уж ТАМ ничего нет и никогда не будет, но она чувствует, как болит отрезанная половина. Пустота ноет, токает, не даёт спать по ночам, и она теперь нестерпимо боится произнести имя «Фёдор», когда Андрей ей дышит жарко в ухо.

Фёдор звонил несколько раз Андрею после этого ещё, они о чём-то там разговаривали, но для неё это уже не имело никакого веса — веса, который она чувствовала, будто тельце птицы в ладони, что подняли с пола, когда та разбилась о стекло, заглядевшись на отражавшийся в нём полёт облаков. Птица сидела нахохлившаяся, но живая, и почему-то не улетала — то ли не могла оправиться от удара, то ли переломала крылья и была больше не способна ле-

тать, а только могла падать камнем вниз, ровно сердце от горьких вестей.

Через год Лида забеременела Гришей, жизнь окончательно вошла в свои глубокие берега, весенние разливы делали её только шире и спокойней.

Иногда она перебирала письма Фёдора, перечитывала пожелтевшие страницы, пытаясь прочесть и разглядеть то, что видела в чёрном омуте глаз, расширяющимся кругами по воде, будто от брошенного камушка её видения, и рыжее пламя костра отражалось в подёрнутом рябью кривящемся зеркале воды.

Лидия вспоминала его иногда, но так, как вспоминают рыжий кленовый лист, уплывший по течению вниз по реке жизни. Она была уверена, что больше ему не напишет и не позвонит никогда... Ан нет, иногда человек совершает непредсказуемые поступки. Где-то в глубине души у неё всегда жила иллюзия, что они ещё встретятся в этой жизни. Слишком многое их связывало, чтобы исчезнуть просто так, раствориться в небытие... Вспоминала лицо, проступающее сквозь мутное стекло вагона, засиженное мухами и захватанное жирными пальцами. Растерянное лицо, чем-то напоминающее лицо ребёнка, которого впервые повели в детский сад и оставляли на целый день среди новой жизни, полной разноцветных игрушек и незнакомых детей.

Когда всё страшное произошло в её жизни, оказалось, что тот кленовый лист, подхваченный ветром с глади реки, был занесён на чердак её души, где и притаился, скукожившись, засушенный и пыльный...

Она была уверена, что Фёдор просто не может не откликнуться, ведь она и Андрей были частью его жизни, они прожили вместе не такой уж короткий кусок своей молодости, кусок яркий, до сих пор слепящий глаза так, что захотелось зажмуриться. Она не собиралась врваться в его жизнь, как не собиралась и тогда в молодости, но ей было бы легче, если бы она знала, что есть человек, с которым у неё общие воспоминания и которому можно просто поплакаться. Говорят, что мужчины болтают, чтобы произвести впечатление, а женщины, чтобы снять стресс. Ей и не надо от него ничего было. Просто её душили воспоминания, что были общими у

неё с Фёдором. Она будто слышала его голос... Ей просто надо было рассказать свой прошедший день кому-то, с кем она имела один отрезок своей жизни. Она уже чувствовала себя маленькой заболевшей девочкой, у которой поднялась температура, которую сейчас уложат под ватное одеяло, нежно потрогают губами лоб, погладят по голове, принесут в постель чай с малиной и будут читать сказки с хорошим концом. Она уже ощущала его ласковую ладонь, которая гладит её, как ребёнка, по голове, прогоняя страшный сон. Она даже вздрагивала от редких телефонных звонков в квартире, ей казалось, что это Фёдор решил не просто написать ей, но сказать что-то согревающее. Она уже слышала его голос — и потухшие угли, разворошенные кочергой беды, начинали слабо вспыхивать оранжевыми огоньками, напоминающими отблеск костра на том берегу реки... Она стояла с ворохом воспоминаний, взятых в охапку, будто со старой смятой исписанной бумагой, готовясь швырнуть этот шевелящийся ком на еле дышащие угольки, чтобы потом подбросить туда и какое-нибудь свежее полешко от древа жизни.

Она протянула руку — и натолкнулась, как птица, с размаху на стекло. В стекле отражались облака её молодости, лёгкие и изменчивые. Ветер проносил их мимо, ероша их очертания. Облака плыли в стекле, будто лебеди по озеру, спрятав голову под крыло. Теперь она находилась на земле среди вороха прошлогодних листьев. Хрупкое стекло откинуло её на землю. Всё теперь болело от удара.

Медленно перебирала она своими узловатыми пальцами, всё больше напоминающими корешки деревьев, с которых содрали кору, пожелтевшие листки писем, погружаясь в воспоминания о тех днях, где вся жизнь была впереди и похожа на освещённое утренним солнцем море, глубокое и прозрачное настолько, что кажется: оно мелкое и всегда есть дно, на котором виден каждый обкатанный волной камушек. Надо только выпрямиться во весь рост и дотянуться носочком ноги до гальки, вот она, рядом... И не знала она тогда, что прозрачное море обманчиво и лукаво и есть лишь один способ дотронуться до коралла на дне: зажмуриться и нырнуть, поняв, что вода хлопнула над тобой своды.

Всё правильно. Она не собиралась ничего-

шеньки менять в своей жизни, так почему же она кусает губы, пытаясь запереть плач, словно дверь ногой придерживает, почему чувствует себя так, будто потеряла руку? Рука болит. Она ощущает её тяжесть, а потом пугается — и видит раскачиваемый ветром пустой рукав, болтающийся плетью, будто на вешалке или на чучеле, отпугивающем налетающие воспоминания.

Почему Фёдор не ответил ей? Почему он не ответил? У него не осталось никаких воспоминаний о том куске жизни, что они просвистели вместе? Но ей почему-то казалось, что это не так. Этого просто не может быть. Она была уверена, что это не так. Или мы просто проецируем наши собственные эмоции на других? Копируем и проецируем, а другие совсем ничего такого и не чувствуют? Но разве не было в её жизни того дождливого лета, что, вместо того чтобы загасить разгорающийся костёр, неожиданно раздуло его всей силой налетевшего ветра? Разве не лежали тогда рука в руке, отблески костра не отражались в потемневших зрачках, посылая ответное отражение в другие зрачки? Будто не было сбивающего дыхания и прогулок сквозь толпу? Боялся, что она потянет его из отутюженного и обложенного мягкими пуфиками мира в их походную палатку, брезент которой был изранен ветками и проколот насквозь тут и там так, что палаточное небо расцветало под утро одинокими звёздами, гаснущими, если раздёргивали вход в их шатёр?

Засохший лист, сжатый ладонью, рассыпался на труху, напоминающую известковую ржавчину, посыпавшуюся со старой, отслужившей своё трубы.

33

Внезапно она отчётливо вспомнила: словно занавес раздвинулся — и она увидела незнакомые декорации и новые действующие лица. На похоронах Андрея недалеко от гроба стояла молодая черноволосая женщина лет тридцати с небольшим. Длинные чёрные волосы, льющие на плечи, будто тяжёлый шёлк, были перехвачены на голове чёрной бархатной лентой. Одетая она была в какой-то чёрный обтягивающий пуловер крупной вязки, отделанный широкими воланами по горловине, на ру-

кавах и по низу жакета, и в юбку-годе, распадающуюся к лодыжкам фалдами, словно раскрывшаяся лилия. Женщину поддерживала под руку пухленькая блондинка в золотистых очках с химическими кудельками на голове, напоминающими шерсть пуделя. Обычные сотрудницы Андрея, коих было, по меньшей мере, десятка два. Почему же Лидия Андреевна обратила внимание на них? Женщины эти были как бы отделены от толпы невидимой прозрачной стеной. Потом Лидию Андреевну зацепили её глаза: большие, серые и серёзные, как волнующееся море, они казались огромными, потому что их продолжали, словно лагуны, синяки под глазами. Впрочем, серыми были только радужные оболочки, а белки по цвету напоминали небо над морем, окрашенное только что запавшим за горизонт солнцем в ветреную погоду.

Услужливая память вильнула хвостом и поднесла хозяину палку: Лидия Андреевна увидела двух ровесниц Андрея, которых она шапочно знала ещё со студенческих времён, и, не слыша содержания их разговора, поняла, что те говорят о черноволосой женщине. Одна из них кивнула другой, взглядом показывая на черноволосую незнакомку.

Что-то такое в Лидии Андреевне щёлкнуло — и она почему-то подумала, что ТА женщина была не просто сотрудницей Андрея. Щёлкнуло это только сейчас, как если бы забарахлившие часы были заведены и их стрелки стояли, не шелохнувшись, примёрзши к циферблату, а потом внезапно дрогнули и начали свой ход. Женская интуиция, спавшая, как перекормленная кошка, свернувшись калачиком попереёк домашних тапочек, вдруг проснулась от севшей на нос мухи, чихнула, сладко потянулась, проехав когтями по паркету и точа когти, и встала на лапы, подняв дыбом шерсть и выгнув спину знаком вопроса. Не подходи, не трогай, под напряжением, заискрит!

Лидия Андреевна трясущимися от нервного напряжения пальцами, в предчувствии подтверждения своей догадки набрала номер телефона своей давней сокурсницы.

— Ты разве ничего не знала? Я была уверена, что ты просто делаешь вид неведения и соблюдаешь приличия.

Оксану попросил взять в его лабораторию директор института, стало быть, она была родственница кого-то из нужных директору людей. Андрей не любил таких сотрудников: и не потому, что те были бестолковыми, а потому, что ему всегда казалось, что в лаборатории появились глаза и уши, будто над его столом установили видеокамеру и магнитофон. Ему не нужна была научная сотрудница, он предпочитал мужчин, зато необходима была машинистка-секретарь. Когда он попросил её напечатать какие-то бумаги по проводимым тогда занятиям по «Гражданской обороне», Оксана будто плеснула холодной водой из потемневшего колодца своих глаз и сказала:

— Мне очень жаль тратить время на пустопорожную работу, печатаю я медленно и плохо, мне это неинтересно, и думаю, что вы бы должны были сначала познакомить меня поближе с темой лаборатории.

Он опешил и смутился, словно мальчик, застуканный родителями гуляющим по улицам во время школьных уроков. Никто из его сотрудников так ему ответить просто не решился бы...

— Да, конечно, — прожевал он и сунул ей первую попавшуюся книжку по изучаемой в лаборатории проблеме.

Откуда берётся любовь? Ещё вчера ветки стояли чёрные и голые, похожие на срезанную и запутанную колючую проволоку, а сегодня за одну ночь вдруг выстрелили клейкими листьями. Крона ещё прозрачна, ещё совсем не слышно её шелеста, но уже в жизни появился зелёный цвет, которого становится всё больше... Не знал, не замечал, а потом вдруг понимаешь, что уже пугаешься, что этот будто бы случайный человек может пропасть из твоей жизни, затеряться в толпе и во времени... Пугаешься так, словно боишься заблудиться в тёмном лесу — деревья стоят перед тобой бесконечной стеной, и справа стоят, и слева стоят, и оглянешься — там тоже лес...

Он считал себя примерным семьянином и был уверен, что с ним этого не произойдёт никогда... Он никогда не сбросит на землю поклажу, что будто тяжёлый рюкзак пригибает его к земле, превращая в смешной знак вопроса.

Он всегда был против служебных романов, которые мешали нормальной работе и отвлекали от дела не только двоих, но и всех наблюдающих, втягивая их невольно в свою светящуюся сферу, вызывая зависть, склоки и пересуды.

Он боялся признаться даже себе, что бежит на работу, словно мальчик, — совсем не потому, что его ждёт не сделанный в срок заказ... Перепрыгивая через две-три ступеньки, по двум пролётам этажей взлетал к себе в кабинет, оставляя сослуживцев толпиться у лифта в ожидании возвращения курсирующей вверх-вниз кабинки. Взгляд его скользил, будто по накатанному льду, разбегаясь от двери лаборатории и выделявая фигурные па, и останавливался, только споткнувшись о белую фигурку Оксаны, напоминающую заиндевевшие песочные часы. Постоянно до звона в ушах вслушивался в её голос, то тут, то там птицей присаживающийся на ветку в распускающемся саду его желаний, что становился всё более заросшим и походящим на тёмный лес...

Как-то незаметно для себя он стал руководить её научной работой. Ему просто доставляло удовольствие сидеть с ней рядом и слушать её голос, журчащий, словно ручеек из-под оттаивающего снега, весело сметающий все препятствия на своём пути, и думать о том, что молодость миновала... Нет, он чувствовал себя ещё молодым, но возраст узнаёшь по вырастающим детям; по тому, что жизнь входит в колею, свернуть с которой уже трудно; по пропаже из жизни ошеломительного; по желанию праздновать Новый год дома, завалившись на диване перед телевизором, завернувшись в верблюжье одеяло; по всё более частым изматывающим походам по врачам и по безвозвратной утрате возможностей реализоваться, ухватить журавля в небе и заставить его петь в клетке на подоконнике окошка в мир. Но, как оказалось, ошеломительное в его жизни было ещё впереди... Он бы никогда не подумал, что будет всерьёз скучать по склонившемуся над офисным столом профилю, закрытому от него, будто вуалью, струящимся чёрным шёлком волос, или что станет захлёбываться от счастья, купаясь в льющемся ключевой водой голосе, возвращающем его бу-мажным корабликом к берегу его юности.

Вечерами он, как и раньше, подолгу засиживался на работе, но теперь он не корпел, уткнувшись носом в бумаги, пытаясь сверстать очередной отчёт, чувствуя, что буквы постепенно превращаются в рой комаров-толкунцов, повисший смазанным и пульсирующим облаком... С неясным предчувствием чуда он шёл в бокс, за одной из прозрачных перегородок которого сидела молодая женщина, наблюдающая за блужданиями пера самописца по миллиметровой бумаге. Осторожно толкал стеклянную дверь, отражающую его долговязую фигуру, будто застывшее озеро в безветренный день, входил и приземлялся в кресло, откидываясь на его спинку, точно путешественник в самолёте в ожидании воздушных ям.

Кружево разговора было причудливо и витиевато, воздушные петли накидывались одна за другой ловким сальто гимнаста, взлетающего под купол шапито. Тонкий луч света, исходящий из глубины женского взгляда, следовал по траектории его движения, будто страхующее полотнище шёлковой ткани.

Всё чаще образ Оксаны возникал перед глазами, когда он растягивался на диване с газетой «Коммерсант» после работы, проступая, будто в альбоме для рисования для самых маленьких: когда окунаешь кисточку в водопроводную воду, налитую в баночку вместо краски, водишь ею по белому листу бумаги — и внезапно видишь, что проявляется нежная картинка в пастельных тонах. Он блаженно улыбался, заслонившись от домочадцев газетой. «Жизнь человеческая так коротка... — думал он. — И почему же не позволить себе впустить в жизнь огни ночного праздничного города, что растворяются без следа, окунувшись в подступивший дневной свет?»

Получив приглашение на очередную конференцию, он предложил Оксане отправить туда тезисы, так как для защиты диссертации ей нужны были публикации. Конференция проходила в правительственном пансионате в Подмосковье, в сосновом лесу, пустовавшем в холодную январскую пору. Прогулки по сугробам его не вдохновляли, но, прочитав, что в пансионате есть большой бассейн и сауна, он подумал, что можно позволить себе три дня релаксации от городской суеты, плавая в бассейне, а заодно и,

возможно, завязать контакты для интересного сотрудничества. То, что туда едет и Оксана, внесило в его жизнь забытое предчувствие счастья, будто от ожидания подарка под ёлкой и калейдоскопа сказочных представлений, что были в его детстве, когда ещё он не думал о том, что срезанные ёлки не могут быть вечнозелёными...

Ложечка брэнчала о стакан в такт колёсам, стучавшим швейной машинкой; поезд дёргался на стыках рельсов, но не снижал скорость; повешенное на плечики над полкой, а не у двери, женское платье качалось маятником — и от этого кружилась голова так, что Андрей старался не смотреть на это неуёмное качание, чувствуя, что начинает терять точку опоры. Он думал о том, что, в сущности, вся наша жизнь вот такое же равнодушное качание и дёрганье на стыках судьбы, где незнакомый стрелочник может перевести поезд на другие рельсы, но почему-то не делает этого, — и, несмотря на все свои шатания, поезд идёт по положенному маршруту к конечной станции, всё набирая скорость, отчего качание становится всё сильнее и сильнее. Пили чай с галетами и конфетами «Школьные», напоминающими варёный сахар, тающий на горячем языке. Их попутчиками была молодая пара: ребята сразу после отхода поезда забрались каждый на свою верхнюю полку и завалились с книжками. Андрей пустился в воспоминания о своей защите... Ему почему-то казалось, что это всё было совсем недавно и он всё тот же тщедушный мальчик, перед которым вся жизнь впереди, надо только суметь правильно ею распорядиться. Молодая женщина сидела напротив и смотрела на него зелёными глазами, напомиравшими ему зацветшую воду, создающую иллюзорность дна под ногами. Женщина смотрела на него восторженно и влюблённо, огни пробегающих станций отбрасывали на её лицо свой свет, порхающий, будто солнечные зайчики. Он подумал, что молодость миновала и его жизнь состоялась, но почему-то хочется скомкать исписанный убористым и аккуратным почерком листок своей жизни, разорвать его на мелкие кусочки и выпустить из разжатого кулака горсткой пепла, подхватываемого ветром, что смешается с летящим за окном снегом. Неожиданно он услышал стук в окно, какофонически вплетающийся в азбуку Морзе, высту-

киваемую вагоном. Глянув на окно, темнеющее заплаканной заплаткой, он понял, что начался дождь. Капли ударялись с размаху о стекло, будто насекомые, летящие на свет, и сползали вниз, сливаясь с другими. Дождь был не ко времени и не по сезону, взявшийся невесть откуда, превращающий законченную цельность и неповторимость налипших на окошко снежинок в единый кристалл льда.

35

И всё-таки Оксана утатила его гулять по ледяному бору, что за полчаса дождя превратился в стеклянный, нежно звенящий хрусталём сказочный лес. Обледеневшие ветки казались искусственными заизолированными проводами, тянувшимися к зелёным стеклянным светильникам, раскачивающимся на ветру. Выглянувшее солнце играло на этом богемском стекле слепящими глазами бликами, создавая впечатление иллюзорности и ненадёжности счастья. Искрящийся на солнце наст чудился залитым катком, на котором можно выделять головокружительные фигуры... Но это был обман. Блестящий лёд, как только они нечаянно сворачивали с натоптанной тропы, легко обламывался под тяжестью походки, затягивая в спрятавшийся под коркой льда сугроб, будто в прорубь. Обволакивающая тишина и белизна наполняли душу восторгом и отдавали сердце ледяным воздухом мироздания, где ты казался себе снежинкой, медленно планирующей вниз. Скользили по накатанной тропе, раскинув руки, словно крылья, балансируя, точно канатоходец на канате с чувством странной раздвоенности. С одной стороны, ноги, устав от напряжения, казались деревянными, как у Буратино, у которого бедро и голень соединялись металлическим шарниром, грозя сложиться перочинным ножиком, а с другой, на душе было так легко, словно она была невесомым семечком, то скользким, то парящим по ледяному насту. Андрея точно несло по тонкому льду: остановиться было уже нельзя: лёд тотчас же обломится... Оксану неожиданно занесло — и она легко коснулась его, будто прижимаясь, дальше они вместе по-

катились вниз по довольно крутому склону. С обеих сторон из-под их ног летел снег, как летят искры от затачиваемого лезвия, она чувствовала холодок через подошву. Андрею показалось, что его жизнь перетирается в мелкую пыль. Он попробовал слепить снежок — получилось, и кинул его в девушку, ускользнувшую от него вперёд по тропе. Оксана легко увернулась, как юла на одной ноге, — и, обернувшись к нему смеющимся лицом, подхватила следующий его снаряд прямо в подставленный ковшик ладоней. Заливаясь хрустальным смехом, бросила назад, точно мячик... Увернуться он не сумел — поймал снежок своей широкой грудью, там, где сердце. Андрей покачнулся и сел на землю... Но тут же с хохотом вскочил на ноги, проворно свалил новый ком снега — и запустил им в свою обидчицу. И опять промазал... Оксана нагнулась — и снежок пролетел над её головой, попав в сплетенье сосновых ветвей, точно в баскетбольную сетку, да так и остался там, будто нахохлившийся воробей. И снова он слепил снежок — и снова снежок пролетел теннисным мячом рядом с Оксаной, разбившись о шершавый ствол сосны в ледяную пыль... Новый Оксанин снежок съёс с его головы лёгкую кепку, что плавно спланировала где-то позади него. Захлёбываясь раскатистым смехом, что возвращалось к ним эхом, похожим на плач, побежал за кепкой — и получил снежный шлепок по заднице.

— Ах, так! Ну, я тебе сейчас покажу... — Метнул снежок, будто гранату, и опять оказался на земле, точно опрокинутый взрывной волной. Снова вскочил, чувствуя, что разгорячённое игрой дыхание сбивается с такта — и вновь запульнул снежный мячик. Оксана ойкнула — и растянулась на земле.

— Ага! — победно заорал он. — Теперь твоя очередь!

Но прошла минута — а девушка по-прежнему лежала на ледяной земле, беспомощно подогнув под себя ногу, будто цапля. Лицо, побелевшее и искривлённое, точно отражение на поверхности льда, застыло с гримасой боли.

— Что? Что? Ушиблась? Ногу растянула? — бросился Андрей к ней.

— Лодыжку очень больно. Растянулась так, что в глазах потемнело и всё плывёт ещё... —

подрагивающими на ветру белыми тесёмочками губ выдохнула Оксана, закрывая глаза, ставшие похожими на ставни заколоченных окон.

— Дай посмотрю. Тут больно? — спросил он, бережно ощупывая тоненькую лодыжку и чувствуя, как сердце куда-то провалилось, будто попало в воздушную яму, путешествуя среди облаков...

Девушка сморщилась, как от резкого удара, и тихо застонала. Было ясно, что сама до пансионата она не дойдёт. Вообще-то, ушли они от него недалеко, и он было хотел бежать за врачом и подмогой, но тотчас оставил эту мысль, понимая, что девушка, оставаясь на мокром снегу, может сильно застудиться.

— Ну, давай! Сумеешь приподняться и обнять меня за шею? — подсунул одну руку под худенькое тело, обвивая талию девушки, а другую подсовывая под колени. Тяжело приподнял со снега, как когда-то поднимал на руки детей, широко, по-бычьему расставив ноги, чувствуя, что может сам поскользнуться и упасть...

— Держись! А то не донесу! Выроню... — слыша, как взрывным устройством забухало сердце, начав свой смертельный отсчёт.

Переметнул девушку повыше к плечу, чувствуя её цепкие руки, оплетающие выюном его плечи, и медленно двинулся, думая только о том, как бы дотащить тянущую к земле поклажу. Голова Оксаны вытащенной из воды кувшинкой безвольно лежала на его плече. Снежные вершины на небе окрашивались нежно-розовым, будто повязка от сочившейся сукровицы.

36

Дежурившая в пансионате пожилая докторша, определив вывих и сильный ушиб с гематомой, легко вправила сустав и, наложив тугую фиксирующую повязку, сказала, что девушке надо пару дней полежать и хорошо бы сделать рентген: вдруг трещина? Нога Оксаны сильно распухла и пугала лиловыми пятнами с жёлтым отливом, будто была измазана синей глиной или илом.

Андрей чувствовал себя виноватым. Оставив девушку отлёживаться, ушёл в конференц-зал, но плохо что-либо воспринимал. Перед

глазами всплывало то смеющееся и раскрасневшееся лицо Оксаны, то это же лицо, ставшее похожим на гипсовую маску с прикушенными губами. Лица менялись, как заставка на рабочем столе компьютера. Ужинать он в ресторане не стал. Попросив поднос, сгрёб на него ужин на две персоны и понёс еду девушке.

Доковыляв до двери, Оксана впустила его в номер и вернулась к постели, примостившись на её краешке, будто на обрыве. Андрей пододвинул стол поближе к кровати, поставил ужин на стол, бросил в стакан кипятильник и уселся напротив девушки, откинувшись на спинку стула, точно продолжал движение в поезде, и снова пустился в воспоминания. В окно заглядывали сосны, оставляя мохнатые тени от веток на стене... Снова мельхиоровая ложечка бречала о стакан в такт капели за окном. Снова тени от крыльев скользили по лицам, снова янтарное вино, вобравшее знойное солнце лета и запахи моря, кружило голову и будоражило кровь запретным ароматом забродивших яблок из райского сада. Андрею было на удивление странно, что в жизнь вернулись какие-то напрочь забытые краски, что казались давно выцветшими под толстым слоем налипшей пыли. А тут, будто лёгкая рука смахнула влажной тряпкой всю суету с его жизни, точно натёрла зубным порошком потемневшее серебро дней, казавшееся тусклой закопчённой кастрюлей с налипшей на неё гарью и остатками убежавшей и пригоревшей пищи. И серебро заиграло, посылая свой лунный свет. Вот уже и рисунок, выгравированный на нём, проступает... И надпись. Жизнь слишком коротка. Пока любим, живём... Кончается любовь — уходит свет. Покачивался под её взглядом, как парашютист на ветру...

Неожиданно для самого себя он взял её за подбородок и повернул к себе её лицо. Её потемневшие глаза, похожие на холодную осеннюю воду, взбаламученную просвистевшей вблизи глинистого берега моторкой, смотрели испуганно и влюблённо. Её губы раздвинулись, поскольку ей было тяжело дышать. Его ладонь ощущала шёлковую мягкость её подбородка. Страсть, будто бронзовый колокол, ударила ему в голову, удар за ударом, раскачивая спящий маятник желаний.

Его руки крепко обвилились вокруг неё, словно

плющ, карабкаясь по её телу. Он прижал её к себе, стиснув так, что почти раздавил о свою грудь, бездыханную, ослеплённую, превратившись в стальной обруч. Казалось, что он вбирает в себя её тепло, впитывая, как пересохшая губка, молодость, силы и юношескую веру в то, что всё в жизни состоится, что всё лучшее впереди: надо только мелкими шажками хотя бы ползти всё выше и выше. Он приподнял её и, казалось, наполнял себя ею, будто бокал с выдержанным не одно десятилетие вином, вдыхая его терпкий и пьянящий аромат, впитавший в себя свет восходящего солнца где-то у береговой линии бескрайнего моря, равнодушно перебирающего гальку, точно время листает дни.

Она обмякла и, словно шоколадка в горячих ладонях, начала таять и перетекать в него, словно он был надёжным хранилищем её растекающегося содержания. Она растворялась в нём, тая и тая под его поцелуями, будто сахарная песчинка, возвращая в его жизнь вкус, пленённая, оторванная от земли.

Его пальцы перепархивали по её телу, будто воробьи, собирающие крошки пищи с земли, готовясь набрать высоту и полететь там, откуда весь мир с его проблемами становится маленьким и смешным, ровно букашки, что норовят удрать из-под птичьего клюва.

Он боготворил её, как старость боготворит молодость. Она, умытая слезами, была, как цветок в утренней росе, только что начавший раскрываться, нежный и источающий тонкий аромат, кружащий голову. А он казался себе таким старым, груз воспоминаний и жизненный опыт пригибали его к земле, словно яблоню с перезревшими плодами, которые никто не собирает.

Он приблизился к ней, всё глубже погружаясь, точно в горячую ванну, в её тепло, отогревающее замёрзшее на ледяном осеннем ветру тело, точно растение, чьи мягкие наружные ткани были прихвачены морозом. Он чувствовал, что распадается на части, размокает и тонет, смешиваясь с массой обволакивающей воды. Чудилось, что сердце в её груди — раскалённое солнце, разогревающее тромбозную кровь, что внезапно побежала по сосудам быстрее и беззаботнее, разнося весёлые пузырьки кислорода, будто брызги шампанского.

Он зарылся своей седой головой в её груди,

погружаясь в морскую бездну, словно юноша, впервые оказавшийся в подводном мире, полным причудливых колышущихся и переплетающихся водорослей, похожих на мир теней, и где собственные руки казались ему уродливо раздувшимися щупальцами. Она дрожащими руками прижала его голову к себе и гладила его волосы так, как в детстве гладила мама. Он показался себе плодом внутри утробы, бережно укрытым от внешней жизни, что лишь отдалённо напоминала о себе доносящимися до него звуками. Он чувствовал радость и благодарность, напоминающие ему забвение, которое, как глубокий цветной сон, наваливается на него, унося в свой водоворот.

У Оксаны же сна не было ни в одном глазу. Сильно болела лодыжка, и она еле сдерживала слёзы, чтобы не захлопать носом. Так с ней было когда-то после выпускной ночи в десятом классе. Она тогда проснулась в залитой солнечным светом спальне и подумала: «Ну вот, детство кончилось... Теперь я взрослая. И больше уже никогда не буду сидеть за партой среди своих школьных друзей...» И хотя впереди была новая жизнь, слёзы тогда хлынули, будто из заржавевшего вентиля, перекрывавшего воду, который вдруг резко повернули до упора в обратную сторону.

Она неподвижно лежала, оцепенело вглядываясь широко раскрытыми глазами в темноту, чувствуя, что руки Андрея обвивают её точно страховочные верёвки скалолаза. Ей казалось, что она карабкается по уступам скалы куда-то вверх, ближе к солнцу, неуверенно отыскивая ногой, зависшей над пропастью, точку опоры. Она слышала, как из-под стопы вырвались мелкие камушки размером с гальку и гулко ухали где-то внизу в мерцающую, точно никелированная поверхность, воду, оставляя за собой глубокие воронки, разбегающиеся кругами по воде. Ей чудилось, что волны мягко плещутся и разбиваются о берег — и в этом бесконечном шорохе монотонных волн было что-то неотвратимое, как судьба. Головой она сознавала, что это всего лишь ветер гуляет за окном, срывая и кидая расщеперившиеся шишки на обледеневшую дорогу. Она слышала ход часов, и ей казалось, что они стучат, будто сердце, слишком громко и слишком часто, норовя разбудить спящего Андрея.

Печаль прошла, но нахлынула неловкость, как свежесть после грозы, от которой хотелось поёжиться и втянуть голову в плечи. Она приподнялась на локте, мягко высвобождаясь из объятий Андрея, и поглядела на его лицо. Он был где-то далеко, не с ней, — и ей захотелось закричать от обиды, что вот он оставил её, маленькую девочку, одну наедине с этим ртутным лунным светом, терзающим душу и разливающим свои едкие невидимые пары, оседающие тяжёлым налётом на доньшке её души. Он спал — и время слилось для него в одно мгновение, такое радужное и неуловимое, будто мыльный пузырь, подхваченный потоками ветра. А для неё время тянулось, точно поезд у железнодорожной переправы, лязгая одинаковыми запылёнными вагонами с опущенными шторами, которым не было конца и что перекрыли ей путь. И ей ничего не оставалось, как тихо лежать и ждать. Теперь в её голове проносилась её пока ещё недолгая жизнь. Её детство, залитое солнечным светом, где она сидит на качелях, и надёжные мужские руки, густо покрытые чёрными волосами, от которых так бывает щекотно, когда она оказывается в их объятиях, раскачивают качели всё сильнее и сильнее. Ей уже до дурноты страшно, она взлетает всё выше и выше — и ей кажется, что мир сейчас опрокинется, перевернётся или она камнем полетит вниз с высоты своего птичьего полёта. Но она твёрдо знает, что упасть ей не дадут: этого просто не может быть никогда, как никогда не загореться воде. Поэтому она только крепче вцепляется в натянутые верёвки качелей, визжа и хихикая от страха, дрыгая ногами, будто пытается поднять брызги в слишком спокойной воде, отражающей её смеющееся лицо.

37

На следующий день Андрей в конференц-зал не пошёл. Снова принёс еду в номер. Он чувствовал такую умиротворённость и свободу, просто обнимая и целуя её. Нет, он помнил, что у него семья, и уходить из семьи он не собирался, просто в его застоявшуюся жизнь ворвался весенний ветер перемен, который понёс его, как отломившуюся от берега льдину, по течению... Наша жизнь слишком долга для одной любви.

Мало кому выпадает счастье одной любви на всю жизнь. Эта женщина просто появилась в мире, параллельном тому, где была его семья...

Оксана прильнула к нему. Он прижал её к себе и нежно, мягко поцеловал, чувствуя, как забилось взрывным устройством сердце. Просто сидеть рядом в счастливой неподвижности, вдыхая цветочный запах её волос. Он осыпал её лицо мелкими поцелуями — её волосы, уши, глаза, ставшие похожими на южные каштаны, висящие прямо над его головой, — только губы протяни; целовал, будто собирая капли росы, чистые и прозрачные, пресноватые и холодные на вкус, но от которых просыпаешься поутру для жизни. Его тёплое дыхание на ушах всколыхнуло её, и она прижалась к нему... Он почувствовал, что его кровь тяжелеет, точно горячая смола, готовая вспыхнуть ярким пламенем от неосторожно брошенной спички.

Его переполняло удивление от собственного поступка и последовавшего за ним превращения. Он, будто пригревшаяся на солнышке ящерица, оставил свой ненужный хвост, за который его так крепко ухватили, и тихо выскользнул, поражаясь своей новой обрубленной сущности. Мир раскололся надвое — и он нёсся в нём, наслаждаясь полётом и неведением того, что там есть, в этой второй половине мира. Он вложил свои пальцы между её пальцами, и непонятно было самому, что означал этот его почти инстинктивный жест: то ли он хотел, чтобы его взяли за руку и повели по этой неведомой для него половине мира, так же, как его всегда кто-то вёл по жизни раньше (а сейчас он плохо представлял, что делать с внезапно свалившимся на него чудом); то ли, наоборот, он сам собирался взять эту девушку за руку и, как дитя, тащить за собой в толчее толпы на шумной улице, где запросто можно потеряться...

Оксана подумала, что он, словно бутон, раскрыл её сердце. Сначала наблюдал, как зелёный бутон набухает, открывая розовую макушку, а потом, не желая ждать, когда цветок потянется к теплу, распахивая и выворачивая наизнанку свои лепестки, просто, как мальчишка, решил посмотреть, каким будет цветок, раскрывая его дрожащими пальцами...

Домой возвращались по снегопаду. Нога Оксаны была ещё зафиксирована бинтом, распухла, молния сапога под брючиной не застёгивалась, и она шла, чуть припадая на одну ногу, подгребая навалившийся снег, словно ложкой капусту в борще, ухватившись за локоть Андрея, тащившего две дорожные сумки... Снегу навалило за ночь столько, что автобус не смог подъехать прямо к пансионату, застряв на полпути, и ноги утопали в сугробах, ровно в выбучем песке. Идти было тяжело, казалось, что бредёшь по мелкой горной речке, с трудом поднимаясь вверх по её течению. Лес стоял точно засахаренный, густо обсыпанный мелкой снежной пудрой, отяжелевший, словно от поспевших плодов... Снег всё сыпал и сыпал из низкого, нависшего над головой небеса, казалось, готового обрушиться на голову толщей снега, съезжающего с покато́й крыши над крыльцом. Было какое-то странное чувство, что будто в самолёте завис в толще облаков и не движешься, хотя про себя хорошо знаешь, что на самом деле летишь с реактивной скоростью и пролетающие облака для взгляда снизу быстро меняют свои очертания... Сумки казались набитыми камнями, и Андрей слышал, как натруженно заходится сердце, пытаясь догнать своего хозяина, ускакавшего за своей молодостью, мелькнувшей, будто белых хвост среди поседевших веток, оставивший за собой голые, как обугленные, прутья по ходу своего движения, да облачко снежной пыли, весело припорашивающее узенькую тропинку. На душе было светло и мутно. Именно светло, но ничего не видно впереди, будто брёл он сквозь белый туман, неожиданно сгустившийся и навалившийся на тебя, словно сон. Точно он ещё спал, но сквозь тяжёлое ватное одеяло сна уже слышал дребезжащий звонок трамвая, доносившийся с улицы, и голоса родных за стеной, звучавшие пока ещё как шум, когда слов не разобрать, но знаешь, что они были произнесены, хотя даже и не пытаешься напрячься, чтобы их услышать: расслабленный и не желающий выныривать в холодное зимнее утро, возвращающее тебя к жизни искусственным дыханием ледяного душа.

Он не сказал бы, что его жизнь раздвоилась. Нет. У него была одна-единственная жизнь: две женщины существовали в ней параллельно и он делал всё возможное, чтобы они не пересеклись никогда.

Иногда он думал о том, какой бы она была, его жизнь, если бы Оксана всё время находилась рядом с ним: и дома, и на работе... Что было бы тогда? Был бы он счастливее? Лида была как мать, как старшая сестра, с ней он мог жить в домашних тапочках... Она брала на себя почти весь быт, делала так, что у него быта не было. Он приходил с работы, ощущая, как голову опять стянуло обручем, а ноги всё труднее оторвать от пола: будто магнит притягивает железо. Заваливался на диван, взяв в руки пахнущую типографской краской газету, включал телевизор, чувствуя, как до него доплывает запах жарящихся котлет, закрывал глаза и, бросив газету на пол, думал о том, что у него есть будущее, что он по-прежнему может найти тёплые материнские колени, в которые легко спрятаться от этого страшно большого и чужого мира. С Оксаной же он был старшим, который должен был вести её за ручку через дебри жизни. Ему нравилось заботиться о ней, но выдержал ли бы он эту пожизненную роль опекуна? С ней он становился моложе. Будто шиповник зацвёл в тёплом ноябре, когда время сбрасывать листья, готовясь к зиме. И чихать на то, что, возможно, нежные полупрозрачные лепестки будут схвачены морозом и просыплются на понурюю пожухлую траву, не успев завязать плода. С ней он становился моложе, но ненадолго... Возвращаясь от неё сквозь вечернюю ещё людную улицу, шёл сквозь молодую толпу, огибая взявшиеся за руки или идущие в обнимку пары, и грустил о том, что его время истекает. Он не может остановиться вон как те двое, в одинаковых джинсах, прорванных у обоих на коленке, и куцых похожих курточках, и целоваться, наплевав на любопытные взоры прохожих. Ему совсем не хочется обитать в тесной Оксаниной комнатухе, доставшейся ей в наследство от бабушки, обивая бока о шкафы и стол, протискиваясь боком к софе, и тем более делить санузел и кухню с шумным и вечно празднующим семейством с тремя галчатами. Ему было страшно представить, что придётся

разменивать родительскую квартиру и грузить оставшуюся от них мебель, перевозя её на новое место, где придётся делать ремонт. Он знал, что будет скучать по домашним пельменям, к которым мама пристрастила Лидочку, ещё когда была главной в доме, сажая всё семейство за лепку пельменей за круглым столом, кружки для которых свёкор ловко вырезал рюмкой из раскатанного женой пласта теста, а все домочадцы должны были, положив в кружок из теста кусочек фарша, лепить миниатюрные пельмешки и складывать их ровными рядами на выставленные мамой противни. Он с тоской представлял, как стирает свои вонючие носки под краном хозяйственным мылом: мысль о том, что можно будет просить Оксану делать это, приводила его в дрожь. Возраст измеряется ценой душевных затрат. Отказываешься платить эту цену, значит, состарился.

Так или иначе, его жизнь оказалась теперь поделённой на две несмешиваемые части. Но, будто в пароварке, в которой одновременно приготовленные блюда были тщательно разделены по разным этажам, аромат каждого этажа проникал в другой... С последнего этажа по каплям просачивался не только запах, но и вкус... Внизу были Лида и дети, незыблемая основа его благополучия, которая, как внушали ему с детства, должна быть крепостью и крепость эту надо строить по кирпичику, возя на себе тяжёлые мешки песка и цемента, и катить по жизни телегу с камнями, точно коляску с младенцем: бережно и осторожно... Хорошо смазанный механизм, производящий мало тепла, но работающий бесперебойно. Он чувствовал себя вполне гармонично в этой жизни... Просто в серую, но мягкую и тёплую, будто бабушкин пуховый платок, обыденность ворвались краски цыганских нарядов... Позолтите ручку! И у вас будет впереди большая любовь, длинная дорога... к самому себе, тому, которого тщательно запирали в монашеской келье, набитой пыльными пожелтевшими книгами... Жизнь нуждается в острых ощущениях, иначе она угасает ещё при жизни. А его жизнь искрилась теперь новогодним бенгальским огнём, от которого летели искры, отбрасывающие свой свет на все окружающие его лица.

Как будто раньше он видел мир сквозь грязные стёкла, засиженные осами и мухами, и вдруг в

окно кто-то бросил камень. Свет брызнул мелкими осколками, грозя поранить и изрезать... Он увернулся и от увечившего камня, и от мелких звенящих брызг, похожих на водяные капли, отражавших солнечный свет в его лицо, и стоит теперь и смотрит на промытый от въедливой пыли мир, удивляясь яркости его красок.

Он чувствовал свою вину перед Оксаной, не перед семьёй почему-то, и очень боялся, что однажды Оксана постучит в его дом, чтобы сказать: «Это моё. Отдайте! Я хочу быть полновластной хозяйкой...» И ему тогда придётся объяснять, что двадцать лет совместной жизни так просто, как крошки со стола, не смахивают...

Он не особо скрывал своё увлечение на работе, не пытался конспирировать. Зачем? Он видел теперь частенько не бумаги, испещрённые чертежами и формулами, листая которые он обычно чувствовал азарт гончей, бегущей по следу, а склонённый над прибором женский профиль. Он осторожно обводил его по контуру любующимся издали взглядом, точно рисовал под копирку... Формулы становились куском бесформенной глины, расплывающейся в его сильных руках. След обрывался, смываемый неожиданно налетевшим грибным дождём... И хоть уже сияло солнце, след растаял, и тоненькая прерывистая нить пульса, с таким трудом нашупанная им в мозгу, терялась безвозвратно. Хотелось только прижаться губами к затылку Оксаны, разрушив неподвижность её волос, и замереть оглушённым их плеском...

Он думал о том, что любовь — это потеря контроля над собой и жизнью, что это — когда по бурной реке, через пороги и аж захватывает дух... Тебя просто несёт, сносит неведомо куда... Нет, только не это... Счастливо лететь навстречу своей гибели, что вон уже маячит впереди острыми зубцами, перегородившими горную речку... Умный в гору не пойдёт, умный гору обойдёт... Обойдёт, любуясь притихшими низинами, ожидающими сходов снежных лавин, но не останавливающими своего буйного и опьяняющего цветения.

В жизнь вернулось очарование того времени, когда был свободен и юн — и вся жизнь лежала перед ним, как белый, разлинованный листок, на котором по аккуратным клеточкам можно было легко воспроизвести любую милую твоему

сердцу картинку. Так, по крайней мере, казалось когда-то... Теперь он знал, что по клеточкам можно отобразить правильно только контур: того неумовимого дыхания жизни, что зовётся вдохновением и даровано свыше, в этом тщательно выполненном рисунке не найдёшь никогда. Он знал, что не свободен и уж тем более не юн... Но тревожное очарование того выпускного вечера, когда сладко пах жасмин, в чей аромат нежно вплетались нотки отцветающей сирени, в кистях которой с надеждой и замиранием сердца в очередной раз выискиваешь пятипалые лепестки и проглатываешь их, ощущая во рту сладковатый вкус... Было что-то в этом его нынешнем времени от того, когда он утром проснулся после выпускного бала и с щемлящей душу тоской разглядывал комнату, залитую послеполуденным солнцем... Вот и всё... Школа кончилась. Он больше никогда не будет ходить по школьным коридорам, где малышня путается под твоими ногами, а звонок на урок пронзителен, будто сирена, чтобы быть услышанным в гвалте и визге кучи-малы, собравшейся на школьном дворе. У него впереди новая школа и новая любовь, хотя соседка по парте, у которой он исподтишка сдувал математику и жиденький конский хвост которой, завязанный на боку пшеничной головы, всё время падал в её тетрадь, точно хотел смести набросанные в ней цифры и знаки, — та соседка не забудется никогда и будет его тревожить всю жизнь видением случайной встречи в толпе...

Встретаться было негде, Оксана жила с матерью... Иногда сажал её в машину и они уезжали вечером недалеко за город... Вдыхал аромат её молочной кожи, зарывался лицом в перепутавшийся шёлк её волос, целовал нежную раковину уха, пробовал горячим языком рубиновые камешки, горевшие в ушах, словно капельки выступившей крови, клевал их, как птица клюёт просвечиваемые холодным солнцем осенние ягоды калины... Смотрел не отрываясь, впитывал её в себя, как лист поглощает воду... Оксана любила зажимать его голову своими ладошками, словно изолировала его от звуков внешнего мира, и подолгу смотрела в его глаза, сняв с них очки. Её долгий взгляд был как дуновение тёплого ветра, приносящего чувство размеренного умиротворения, но

после продолжительной прогулки от него неожиданно чувствуешь резь в глазах... Иногда они недолго гуляли по лесу, вдыхая кружащие голову ароматы полевых цветов и трав или грибной запах прелой листвы, мягко пружинящей под ногами. Порой он принимался весело сшибать носком нагуталиненного ботинка грибы-дымовики. Смотрели, как гриб взрывается и поднимается эфемерное облачко пыли, будто кольца папиросного дыма. Он подумал как-то, что вот и вся наша жизнь с её иллюзорными любовями, вырвавшимися от намеренного или случайного удара чьего-то ботинка, рассеивается облачком пыли, роняя на землю свои споры, стекающие призрачным дымком.

Иногда сидели на берегу реки, равнодушно уносящей воду мимо них, всматриваясь в своё двойное отражение о двух головах... Изредка говорили. Он не мог вспомнить о чём. Разговор этот трудно было записать. Нужна была нотная бумага со скрипичным ключом в начале строки... Он глядел на воду и думал о том, что уже когда-то очень давно вот так же всматривался в неуловимое, переливающееся огненными осколками расплавленного стекла отражение двоих, которым неминуемо суждено разомкнуть объятия, чтобы вернуться с обочины на ровное широкое шоссе и влиться в поток машин, едущих в одном направлении...

Он будто хранил в тёмной комнате своей души точёную фигурку, покрытую фосфором, нежно фосфоресцирующую в темноте и освещающую цель. Как только он обнаруживал, что свет пропал, иссякал в темнице без окон, без дверей, он на ощупь находил его и старался вытащить на волю, заряжая потоками солнечных лучей. Выискивал совместную командировку, очередной симпозиум или конгресс...

Теперь он старался прихватить её в любую командировку с собой, ничуть не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Он снова чувствовал себя молодым и с удивлением думал, что жизнь только начинается... Гуляли в праздной толпе в обнимку, не боясь быть узананными. Он даже доходил до того, что часенько сажал в набитом автобусе по дороге к гостинице Оксану к себе на колени, совсем не ощущая холодного сверла взглядов своих ровесниц, а чувствуя только тепло, разливающее-

еся по телу, будто бы он сидел и отогревался в горячей ванне, наполненной чем-то пахучим и расслабляющим... Автобус подпрыгивал на разбитых дорогах, постоянно резко тормозил и замирал в ожидании, что зелёный кошачий глаз светофора поглядит снова из темноты, и так же резко срывался с места, словно вспоминал, что куда-то может опоздать... Оксана подпрыгивала и елозила у него на коленях. Он почему-то вспоминал совсем маленькую Василису, как качал и подбрасывал её на коленях: «По кочкам, по кочкам...» Только теперь его колени не разъезжались шутиливо, имитируя падение с кочек в пропасть: знал, что не удержит, как удерживал дочь, а только крепче сжимал молодую женщину за её осиновую талию, осторожно погружая своё разгорячённое лицо в чёрный омут волос, медленно засасывающий и тянущий русалочьей рукой его всё глубже туда, где очертания мира расплывчаты, а звуки от внешнего мира приглушены настолько, что кажутся шёпотом прибоя, катающего гальку. Опять в воздухе пахло весной и буйным цветением, к которому теперь примешивался прелый запах прошлогодней листвы... Жечь костры не хотелось, не хотелось и сгребать эти прошлогодние листья, но он был уверен, что молодая трава пробьётся сквозь них и так...

Он был благодарен Оксане за то, что она как бы от него ничего и не требовала. Она приняла его таким, каким он вломился в её жизнь, вломился бесцеремонно, будто подвыпивший гость, прогуливающийся по развезённой осенними дождями просёлочной дороге, которого вдруг качнуло и повело по скользкой глине в сторону, — и он сам не заметил, как очутился в чужом саду, полном поспевающих, но ещё зелёных яблок в прозрачных каплях то ли росы, то ли дождя.

Думал ли он когда-нибудь о том, что Оксане может быть больно? Нет... Пожалуй, серьёзно никогда. Он даже не отмахивался от этой иногда где-то возникавшей у него в подсознании мысли, начинающей виться над ним кругами, будто пчела: он старался не делать резких движений, просто не замечать её — тогда не тронет и улетит. Он ласково целовывал солёные бусинки слёз, напоминавшие ему брызги от нежного морского прибоя, чувствовал своими горя-

чими губами слипшиеся ресницы, нежно щеко-тавшие его и возбуждающие, словно птичье перо, что жена любила выдёргивать из царапающей её щеку подушки и будить его дуновением пера по приоткрывшимся во сне губам.

Иногда ему казалось, что он для Оксаны так... стареющий фавн, решивший самоутвердиться и проверить, не отсырел ли порох в пороховницах, а сама она знает, что ГЛАВНАЯ встреча её жизни ещё впереди и ей совсем не нужен облезлый стареющей лев, больше похожий на домашнего раскормленного кота, которому не то что мышей ловить неохота, но и от мойвы кости в горле застревают... Но по тому, как она иногда смотрела на него; как впитывала, будто воду из лейки, то, что он говорил; как удивлённо и восторженно расширялись её глаза, словно у ребёнка, сидящего на новогоднем представлении в полутёмном зале, освещаемом попеременно вспыхивающими цветными прожекторами, он думал, что она тоже равнодушна к нему. Думал с изумлением и благодарностью. Как странно устроена жизнь!.. Когда казалось, что всё в твоей жизни катит по заботливо проложенным родителями рельсам, когда любой шаг в сторону равнозначен катастрофе, крушению, сходу под откос и гряде искорёженного металла и искалеченных жизней, вдруг выясняется, что можно премило ехать благополучно по рельсам дальше, про себя зная, что запасной путь есть, надо только вовремя успеть перевести стрелки. Или даже сделать передышку на станции, когда поезд отгоняют на запасной путь, чтобы загрузить топливом ночью, когда все спят и думают, что продолжают двигаться в нужном направлении...

Как-то Оксана сказала ему, что он — крошечный островок в её море жизни, на который её неожиданно выносит. Она ощущает, что вдруг начинает шкрябать ногами дно, а потом и вообще выбирается на маленький кусочек суши для передыха, с удивлением чувствуя, что этот островок качается, точно болотная кочка, да и вообще того и гляди его совсем захлестнёт поднимающейся волной.

Он жил с ощущением, что не сегодня завтра Оксана ускользнёт из его жизни, точно намыленный мячик, весело вырвавшись из его рук и запрыгав по дороге жизни в объятья своего ровесника, предложившего руку и сердце.

Но Оксана никуда не исчезала из его жизни. Похоже, она уже чувствовала себя в ней хозяйкой. Он с удивлением стал замечать в её голо-се нотки собственника, который, правда, боится, что государство в очередной раз заставит его оформлять по новой документы, без которых эта собственность снова оказывается недействительной. «Это моё, моя территория, мой любимый» — будто собачонка запрыгивала на хозяйскую постель и чувствовала себя оскорблённой, если на ней оказывались табуретки кверху ножками, предусмотрительно оставленные Андреем...

Как-то так для него самого незаметно оказалось, что Оксана теперь частенько подводила его к принятию какого-то решения на работе. Она в ярких красках описывала ему то, о чём он только догадывался и что происходило у него за спиной... Она давала ему советы — и всё чаще они имели приказную нотку. Она без стука входила к нему в кабинет, бережно отодвигала его бумаги, будто возвращала на место сдвинутую повязку на повреждённой конечности, вскидывала на него свои распахнутые глаза, которые ему всё чаще казались озерцом гейзеровского происхождения, вскипающим в глубине пузырьками извергнувшегося под землёй вулкана. И снова жизнь искрилась и пенилась на солнце, будто шампанское... И снова он плыл в тёплой струе подводного течения, весело щеко-тавшего загрузевшую кожу...

Иногда его охватывал страх, какой бывает, если посмотреть с высоты горного хребта вниз. Вся лежащая перед ним жизнь казалась отчётливой и мелкой, игрушечной даже. Хотелось поскорей отступить назад и не рассматривать простёршиеся взору окрестности. И это всё? Холодный сквознячок змеёй скользил по его позвоночнику от мысли, что однажды его роман станет известен дома или Оксана захочет легализоваться окончательно. Он был словно мальчишка, что прятал от домашних в кармане пиджака первые закуренные сигареты, заведя приближающихся взрослых, но успев насладиться несколькими затяжками и уже привыкнуть к куреву настолько, что завязать невозможно...

Подчас он с удивлением наблюдал за Оксаной — и ему казалось странным то, что он находил в её поступках и словах умудрённость возрастом.

Откуда? Откуда у неё эти суждения завершающего свой жизненный путь, конец которого вон уже виден у кромки поблескивающего стальным холодом океана на краю земли... У него в её возрасте этого не было. И у Лиды не было. Другое поколение? Или это он перелил в неё, будто пойманная мудрая змея в подставленную чашу, целительный в микродозах яд?

Так или иначе, но Оксана мудро делила Андрея с его семьёй и не собиралась ничего разрушать...

Иногда вечером он набирал номер её телефона и молча клал трубку, услышав любимый голос и её дыхание. Несколько раз у него было так, что трубку на том конце провода никто не брал... Он места не находил себе тогда, не спал, долго ворочался с боку на бок, будто тюлень, выползший на сушу, представляя Оксану в объятиях молодого соперника. Пару раз он не выдержал и спросил, где та была, на что получил ответ, что дома: просто телефон не работал... И вообще, почему это она должна перед ним оправдываться, когда он спит под боком своей жены?..

Обида и ревность захлёстывали его волной от теплохода, прошедшего где-то за пределами его видимости, он терял управление — и лодку его мыслей начинало медленно крутить на том месте, где Оксана обвивала своими русалочьиими руками шею другого.

Он совершенно не мог тогда работать, становился рассеянным, не слышал, что спрашивали его подчинённые, раздражался... Оксана как-то сказала ему:

— А ты не думаешь, что я теряю с тобой время? Годы уходят... Уж не решился ли ты уйти из дома?

Он тогда замер, будто заяц под кустом, увидевший промелькнувший лисий хвост. Нет. Он и не думал выбирать из этих двух женщин, как не выбирают из двух своих детей или родителей. Выбери он одну из них, он бы ампутировал часть себя — и стал бы покалеченным уродом, всё время ощущающим свой пустой рукав и пустую штанину... Ему даже на костыль упереться было бы нечем.

Оксана испепеляла его своими горящими глазами, протыкала насквозь, словно тоненький ломтик хлеба металлическим прутком для поджаривания над высунутыми языками костра.

Порой он спрашивал себя: настолько ли его жена мудра, что делает вид, что ничего не замечает, или она и вправду ничего не подозревает, или просто боится, как и он, смять и испачкать их накрахмаленную и отутюженную жизнь? Так или иначе, но после своих командировок он с усердием преданной собаки, возвращающей хозяйке кинутую той палку, принимался за дела по дому: занимался с детьми, ходил с ними на прогулки, делал мелкий ремонт, таскал сумки из магазина, прибирался в квартире и даже иногда готовил что-нибудь вкусненькое, чему мать успела его научить.

Жизнь, вышедшая было той весной из берегов, вошла в своё русло и текла с такой скоростью, что плыть не по её течению стало невозможно и бессмысленно. У Оксаны появлялись какие-то мимолётные молодые люди, что долго не задерживались подле неё: неминуемо относил в сторону. Он знал, что она страдала от этого и хотела бы найти достойную замену ему, которого считала безнадежно женатым и которого не желала видеть стареющим рядом с собой, ещё молодой... Так и жили одним днём, что длился не один год, прочерчивая на её лице первые нестрашные морщинки, будто на земле, пересыхающей на полуденном солнце, которые расправлялись с оседающей под утро росой.

39

Теперь у Лидии Андреевны в жизни остался единственный близкий человек и единственный мужчина — это её сын. И она со страхом думала, что недалёк тот день, когда она почувствует, что он может обходиться без неё...

Гриша рос домашним, интеллигентным мальчиком, пожалуй, даже маменькиным сыночком. Лидии Андреевне страшно вспоминать, что его бы могло не быть: второго ребёнка она не хотела. Но, как это и бывает почти всегда, младший становится любимым и лелеемым. На всём его внешнем виде лежала печать материнской любви: на отглаженной рубашке; на бутербродах, заботливо завёрнутых каждый в салфеточку и сложенных в полиэтиленовый пакетик; на аккуратно постриженных волосах с женской чёлочкой; на обёрнутых в целлофан учебниках; на очках в

тонкой серебристой оправе с очень толстыми стёклами, делающими глаза Гриши выпуклыми, будто у жабы, а взгляд беззащитным и детским; на справках об освобождении от физкультуры; на билетах в театр в каникулы; на журналах «Юный натуралист», картинки из которого он вырезал к каждой теме урока по природоведению и географии и наклеивал в тетрадь; на том, что должен быть не позднее восьми вечера дома и сидеть за семейным ужином, а не в компании ребят, поющих под гитару на скамейке во дворе и регулярно смачивающих хрипящее горло пивом или чем покрепче. Материнская любовь была на нём как клеймо и отпугивала от него мальчиков. Звали его «пенсне». Над ним частенько подшучивали и мальчики, и девочки. Одноклассницы однажды мелко нарвали бумагу и насыпали в его капюшон. Гриша был очень рассеянным мальчиком, и это все знали, поэтому, одеваясь, он ничего не заметил, а когда вышел на улицу и помчался домой, то бумажки полетели из весело подпрыгивающего в такт его шагам капюшона, а осенний порывистый ветер понёс их прохожим в лицо вместо снега. Встречные смеялись этому снегопаду, а злобная тётка с метлой заорала: «Вот я тебя сейчас в милицию, чтобы родителей твоих штрафанули! Будешь знать, как мусорить!» В другой раз мама нашла в пиджаке его формы тюбик губной помады, что ему, видимо, засунули, пока он делал прививку от оспы у школьной медсестры. Как-то он всю перемену ходил с прилепленным скотчем на спине объявлением: «Ищу любовь учительниц». Однажды он пришёл в школу в новом белоснежном свитере и его тут же позвали на большой перемене играть в футбол, заставив стать вратарём. Причём голы пытались тогда забить по сговору, как он понял потом, и свои, и чужие. Сколько раз он садился на острые кнопки или в буквальном смысле в лужу, не заметив близорукими глазами подвоха на стуле. Дети жестоки. А ведь Гриша был добрым мальчиком, никогда не подводил ни в чём товарищей, никогда не ябедничал ни родителям, ни учителям на своих обидчиков, давал всем списывать, делился своими бутербродами. Даже подборки любимого журнала «Юный натуралист» за целых три года он опрометчиво лишился, принеся их своему однокласснику, когда тот попросил его об этом. Од-

ноклассник этот был совсем незаметный в классе, бесцветный, будто тень, учился еле-еле, никогда не хулиганил, на переменах тихо сидел за своей партой, не участвуя ни в каких играх товарищей, и даже редко выходил из класса. У него недавно родились братики-близнецы. Гриша был тогда даже горд, что у него попросили почитать журналы, выписать которые имели возможность не все родители. Журналы к нему не вернулись. Соседка по парте сказала тогда, усмехаясь: «Да он из них все картинки вырезал». Гриша тогда никак не мог постичь, как же так можно изрезать чужие журналы, которые попросили лишь почитать. Он тогда даже нажаловался отцу, выписывавшему всю домашнюю периодику, и отец, на родительском собрании повстречав родителей одноклассника, рассказал им об инциденте, но воз журналов и ныне там. Не Гришино относительное семейное благополучие и достаток делали его изгоем, в классе были мальчики и из семей побогаче, а именно то, что он весь излучал материнскую любовь, впитав её, будто краснеющее и наливающееся соком яблоко лучи летнего солнца.

Когда Грише было пять лет, отец принёс домой в литровой банке рыбок: несколько гуппи, почти прозрачных и перламутровых, будто плёнка от пролившегося из мотора бензина, затянувшая поверхность реки; парочку ярких меченосцев и чету вуалехвостов, один из которых был оранжевый, точно заходящее солнце, а другой золотисто-жёлтый, словно солнце в полдень сквозь дымку, которые тарасили свои телескопические глаза. Рыбок поместили в освободившуюся из-под варенья трёхлитровую банку с широким горлом, пустив туда плавать зелёные кружки водорослей. Василиса довольно равнодушно отнеслась к отцовскому приобретению, а вот маленький Гриша буквально носом прилепился к банке, наблюдая, как рыбки, разевая рты, искажённые баночным стеклом, подплывают к нему вплотную и целуют его огромным ртом. Восторгом не было предела. Гриша потребовал, чтобы банку с рыбами поставили к нему в спальню. Через месяц трёхлитровая банка была заменена круглым аквариумом, в который были насыпаны песок и галька, доставленные с какого-то пляжа; в песок были поставлены два красных кув-

шинчика со струящимися вверх водорослями, похожими на узенькие ленточки. Были куплены несколько разноцветных рыбок, одна диковиннее другой: серебристые плоские скалярии и дискусы, разноцветные попугайчики и барбусы, золотистые и пятнистые гурами... И даже были заброшены в воду несколько настоящих улиток, что присасывались к стенкам аквариума и висели на них, показывая миниатюрные рожки. По пластиковой трубочке побежал, будто в стакане с кока-колой, весёлыми пузырьками кислород. Детское удивление вскоре переросло в настоящее увлечение, и Гриша мог часами промывать и очищать аквариум, собирая стеклянной трубочкой остатки жизнедеятельности рыб, прокалывать на сковороде песок, пересаживать разросшиеся водоросли, отсаживать беременных самок и родившихся мальков, дабы уберечь их от участи быть съеденными родителями и братьями по аквариуму.

Другим его нешуточным увлечением стали попугаи. Попугаев была пара: голубой и жёлтый, похожий на канарейку. Он выклянчил их у отца, когда они были в зоомагазине. Гриша их очень любил, терпеливо учил разговаривать, но попугайчики произносили только несколько слов. Самочка говорила «Край» и «Тревога», а самец «Холод». Было ли ему холодно на самом деле и какой смысл птица вкладывала в это слово — никто не знал. Зато попугайчики довольно часто что-то чирикали на своём птичьем языке, постоянно наполняя комнату воспоминаниями о быстротечном лете и заброшенной даче.

Была попытка завести хомячков. Парочка прожила у них очень недолго. Вскоре самочка родила пять детёнышей, но каково было отчаяние сына, когда на другой день он не обнаружил ни одного из них. Гриша тогда ходил, понуриив голову, будто глядел на своё отражение в бегущей воде, пропускал мимо ушей всё, что ему говорят: просто не реагировал, думая о своём, а ночью Лидия Андреевна услышала, что он всхлипывает в подушку. Она зашла в комнату к сыну, под села на кровать, погладила его встрёпанные шёлковые волосы, но он дёрнулся, как от ожога, и отвернулся, сдерживая рыдания. Плечи его вздрагивали, словно их сводило мелкой судорогой. Она стала их утешать успокаивающими движениями, легко,

будто стирая пыль с полированной крышки пианино, стоящего у свекрови в гостиной, пока не почувствовала, что дрожь в его теле проходит. Обняла за плечи, поцеловала в макушку, сказала: «Я тебя очень люблю», бережно накрыла одеялом и вышла из комнаты, больше ничего не сказав. На другой день прожорливых родителей, съевших собственных детей, отнесли в живой уголок Дома пионеров.

Вопрос о том, куда идти сыну учиться, в семье не стоял: было ясно, что сын будет поступать на биофак. Даже отсутствие перспективы найти хорошую работу не отпугивало.

Лидия Андреевна смотрела на сына и думала о том, что это единственное, что у неё осталось в жизни ценного. Найти спутника жизни она уже вряд ли сможет. Все мало-мальски стоящие мужчины давно разобраны, а те, кто болтается подобно лодке, отвязанной в половодье и унесённой с суши растаявшими снегами, да так и оставшейся пока без руля и ветрил в ожидании того, что крепнувший ветер её куда-нибудь да вынесет, ей были, пожалуй, не нужны. Больше не будет ни весны, ни лета — одно лишь безвкусное, как водопроводная вода, время.

Сын для неё оставался во многом ребёнком, требующим её нежной опеки и постоянной заботы, но в то же время был уже достаточно взрослый, чтобы она могла сделать его неизменным советчиком и слушателем её переживаний. Она ловила себя на мысли, что ей постоянно хочется ему рассказать свой прожитый день. В то же время она часто замечала, что сын не слушает её, блуждает где-то внутри себя, по собственному лабиринту воспоминаний и предчувствий. Это её иногда обижало до слёз. Она начинала думать, что сын ускользает от неё, у него скоро будет своя жизнь, дверь в которую закрыта на замок с десятью степенями защиты, хотя пока сын охотно пересказывал события в университете и многие разговоры в лицах. При этом он отчаянно возбуждался, начинал жестикулировать, строил гримаски, пытаясь передать выражение описываемого лица, подражал его тону. В этот момент он становился похожим на маленькую обезьянку. Пожалуй, он редко давал ей дельные советы, но разговоры с ним стали для неё, как сливное отверстие в ванной сбоку: когда она переполнена и вода скоро может побежать через

край — только боковой отвод предохраняет квартиру от затопления.

Сын теперь должен был быть всегда под рукой, будто носовой платок, чтобы вовремя промокнуть набухшие влагой глаза. Часто она сама, не дождавшись от него ответа, принимала нужное решение, но ей было легче это сделать после того, как она посоветовалась с сыном. Будто бы они вместе принимали это решение.

В то же время чуткое материнское сердце чувствовало, что её сын многое ей не рассказывает. Она пыталась несколько раз расспрашивать его, но наткнулась на грубость:

— Отстань! — нередко слышала она. — Поговори с кем-нибудь другим.

Обида нарастала в ней удушливым затишьем перед грозой, прорывающимся молнией, расколотившей уже где-то вдалеке горизонт.

— Смотри! Не будет меня, как отца, пожалеешь!

Сын глядел на неё глазами испуганного кролика, прижавшего уши. Мгновенно грустнел, пухлые его губы начинали нервно подёргиваться, взгляд устремлялся в бесконечность, весь он будто съёживался и становился похож на ребёнка, потерявшего маму в толчее магазина.

Весной, когда снег медленно сходил с лица земли, тут и там оставляя траурные ленты от впитавшихся в оседающие сугробы выхлопных газов и смога заводских труб, когда то и дело принимался моросить не по сезону нудный дождь, что вполне резонировало со звучанием струн души Лидии Андреевны и соответствовало её настрою вступить в серую безрадостную осень, осень деревьев, потерявших все свои листья и стоявших теперь одинокими и голыми, готовыми стеклянно зазвенеть от наступивших холодов, и всё она делала по инерции, с трудом переползая изо дня в день, когда перемёрзшая резина губ утратила свою эластичность и перестала складываться в улыбку, она вдруг обнаружила, что её сын всё время улыбается. Улыбка эта возникала у него спонтанно и была похожа на солнечный луч, пробивающийся между двумя тяжелыми пыльными шторами. То, что сын рассеян, ничуть не удивляло её, она сама могла засунуть книгу в шифоньер, а расчёску в кухонный буфет, надеть кофточку наизнанку, а правый тапок — на левую ногу. И не то чтобы она

была всю жизнь рассеянной, нет... Это последние события её жизни никак не отпускали её и, будто невидимые нити, притягивающие марионетку, тащили её за собой. Сама Лидия Андреевна была здесь, а её мысли там, где её близкие стремительной походкой уходили от неё, словно вырванный из рук налетевшим ветром воздушный шар. Так и её сын не слышал материнских слов, погружённый под воду своих мыслей, и это давно не удивляло её. Она могла разглядеть лишь пузырьки на поверхности, которые он выдохнул. Когда он выныривал на воздух, поднимал свои близорукие глаза на неё, шурясь, будто от солнца, и спрашивал: «Что? Что ты сказала?» — это вызывало в ней только жалость и гордость, что её мальчик, её кровинка страдает так же, как и она. Они будто сообщающиеся сосуды, содержимое одного тут же перетекает в другой. У них общая боль, общие воспоминания, потери и жизнь, которая ещё продолжается. Но то, что сейчас он не слышал её, потому что у него появилась своя отдельная и тщательно скрываемая от неё жизнь, было очевидно. Нездешняя улыбка блуждала по его лицу, её мальчик парил где-то высоко в облаках — и материнское сердце ёкнуло в предчувствии новой потери. Было ясно, что сын влюблён, и, видимо, взаимно.

40

Он всё время убегает от неё и никак не может убежать. Она запрещает ему есть жареное и солёное. Она слушает все его телефонные разговоры и частенько вставляет свои реплики. Когда он говорит по телефону из своей комнаты, то слышит, как матушка осторожно поднимает трубку: в трубке тут же начинается треск и голос собеседника доносится будто издалека по междугородной связи. Она начинает звонить его друзьям, если он где-то задерживается. Она роется в его бумагах и ящиках письменного стола. Она не выпускает его из дома в межсезонье без шапки, поэтому ему приходится выходить в шапке и за углом дома эту шапку снимать. Она знает все его рубашки и говорит, что ему куда надеть. Он получает от неё хозяйственную сумку и тюк с бельём в прачечную.

Он, конечно, понимает, что ей сейчас очень тяжело, но нельзя же вцепляться в него так, что он оказывается будто замурованным под обвалом из бетонных плит, обрушившихся при землетрясении. Вроде бы и жив, а пошевелиться и выбраться не можешь.

Он был одинок, и лишь внимательный материнский взгляд сопровождал его повсюду. Это было так невыносимо, что его одиночество постоянно обнажали. Ему хотелось спрятаться, зарыться, как ракушка в ил, стать лягушкой, напоминающей прошлогодний лист или камень, неядовитой змеёй, похожей на палку, мирно лежащей на обочине от тропы. Расспросы матушки злили его, и он не мог сдержаться, чтобы не ответить таким тоном, что распрашивать его пропадало всякое желание. Он знал, что он единственное, что осталось у неё, и она безумно его любит, но любовь — это власть, а всякая власть парализует. Он, будто бабочка, запутавшаяся в паутине её любви. Эти шёлковые нити налепились на крылья — и он может ими только подёргивать, что напоминает мелкое трепыхание, трепет, страх и невозможность лететь туда, куда глаза глядят... Нежность её голоса заворачивает в пелёнку — так, чтобы ручки были прижаты по бокам, он лежал, как в коконе, дожидаясь, когда, наконец, очнётся бабочкой, с лёгкостью порхающей с цветка на цветок, чтобы однажды в солнечный день не заметить шёлковую сеть паутины, которую уже не суждено будет разорвать. Бабочка сначала станет трепыхать нежными крыльями, будто в предвкушении свидания, а затем смирится и затихнет, понимая, что размах её крыльев строго дозируется эластичностью чужих, оплётших её, словно когда-то кокон, шёлковых нитей.

41

Лидия Андреевна думала, что всё пережитое и Лего детская любовь к ней связывают их обоих обязательством и договором, под которым они подписались кровью. Оказалось, что это не так и кровью подписалась только она, подписалась при рождении сына. Она обнаружила, что он стал физически стесняться её и больше не переедал в её присутствии. Чувствовала, что,

как и дочь, начинает оберегать свои мелкие тайны, духовные и плотские, от её бдящего ока, старается скрыть их под кучей привычного и обыденного для её взора — и покров тот настолько плотен, что она не может не только увидеть его секреты, но даже и угадать...

Это вызывало боль, досаду, ревность и раздражение. Разве не мечтала она, когда запикивала в него по ложечке манную кашу, а он отворачивался от её ложки, ёрзая по подушке, подложенной на детский стул, что он всегда будет жить с ней, не скрывая ничего от неё и не стесняясь её? Разве не тешила она себя иллюзией, что дети станут как половинки одного апельсина, у которых она, мать, — кожура, толстая и надёжная, предохраняющая их от высыхания души, мысли и тела? Кожура и мякоть, по отдельности друг без друга не существующие. Старость и одиночество... Тут нужно научиться не цепляться за ноги близких и не тащить их вниз. Найти своё место и не мешать. Она понимала это, и её мать была в этом для неё примером, но тоска и боль как бы перечёркивали жирной угольной чертой это понимание. Её жизнь перегнулась, как нагретая стеклянная трубка, — и всё в ней теперь идёт под углом потерь. Тоска похожа на тонкую нить паутины, протянувшейся между людьми. По краям её прилепились и сохнут жертвы одиночества, но и от них тянется нить к кому-то ещё...

Она ставила себе в заслугу своих детей и рада была при каждом удобном случае ими похвалиться. Если к ним приходили знакомые, она всегда вызывала детей показаться. Сына она неизменно просила продемонстрировать свой аквариум и рассказать о рыбках. В последний визит, а пришли к ней тогда две сотрудницы Андрея, которые принесли невыплаченную ему вовремя зарплату, она притянула сына к себе, обняла и сказала:

— Господи, на кого ты похож! — и, взяв массажную щётку, стала его расчёсывать. Гриша стоял красный как помидор и злой, но вырваться не решился.

— Вот, — сказала Лидия Андреевна, отойдя от него на два шага, оглядела со всех сторон своё творение. — А теперь иди!

За окном раскинула свой бархатный шатёр ночь. Наглая луна показывала половину своего

лица и лила на город желчь, проникающую в кровь и мозг Лидии Андреевны, рождая у неё смутное беспокойство, переходящее в раздражение и злость. Она утопала в плюшевом кресле, подложив под гудевшие ноги стул, и нервно смотрела на часы. Стрелки часов всё прибавляли скорость. Был одиннадцатый час ночи, а сын всё ещё не явился из университета, и хотя он иногда задерживался в библиотеке, ему давно пора уже было сидеть у себя в комнате. Ужин на двоих уж как пару часов стоял на плите, подготовленный к разогреву. Вчера Гриша пришёл в двенадцатом часу, но вчера он, по крайней мере, предупредил, что идёт в кино. У них в семье было заведено сообщать, если кто-то приходит поздно или внезапно задерживается. Такие законы были ещё со времён правления свекрови. Чувствуя нарастающее беспокойство, Лидия Андреевна стала ходить по комнате, как тигрица в клетке, наматывая круг за кругом. Что-нибудь делать она не могла, но почему-то не думала о плохом, вспомнив, что сын сегодня надел любимую розовую рубашку цвета пиона, правда без пиджака и галстука, а нацепив джинсовую куртку, и очень долго и тщательно начищал свои ботинки, что с ним случалось чрезвычайно редко, изгваздав всю прихожую чёрным гуталином так, что она казалась посыпанной сажей. Лидия Андреевна почти не сомневалась, что сын где-то гуляет.

Через четверть часа Лидия Андреевна услышала поворот ключа в замке. Она вышла в прихожую. Встала в проёме двери, ведущей на кухню. Сын буквально впорхнул в квартиру, будто облитый серебряным лунным светом. Луна, опрокинувшаяся на хребет, отпечатала свой профиль на его губах.

— Ну и где ты был? Ты, может быть, объяснишь своё поведение?

— В библиотеке задержался, — попытался мышью проскользнуть в свою комнату.

— Ты что, не мог позвонить?

— Почему я должен звонить? Почему я должен перед тобой отчитываться? Моя жизнь — это моя жизнь, и я не твоя собственность! Запомни это! — он буквально оттолкнул Лидию Андреевну и прошмыгнул в свою комнату. Она успела ущипнуть сквозь джинсовый рукав предплечье сына, ощущая, как, словно замер-

зающий пластилин, твердеет эластичная и податливая кожа под её сильными пальцами.

Лидия Андреевна ушла на кухню разогревать еду. Сама она есть уже не хотела, чувствуя, что её всю колотит, будто на ледяном ветру, и гремела сковородой так, словно хотела сбить замок с железного засова, на который её мальчик закрыл дверь в свой мир. Внезапно она почувствовала, что всё душное предгрозовое ожидание последних часов сейчас разразится ливнем. Она села на табуретку, мимоходом перекрыв газовую конфорку, и слёзы закапали с её белесых ресниц, словно с размочаленного рубероида крыши.

Сын вышел из своего укрытия и встал рядом, пингином переминаясь с ноги на ногу.

— Ну что с тобой? Ну, перестань! Не делай из выеденного яйца трагедию.

Лидия Андреевна вслушивалась в ту нежность, что она уже давно не слышала, — и ливень её слёз припустил сильнее. Сын стоял рядом в нерешительности, не умея ни обнять её, ни погладить по волосам. В этих слезах, будто в настоящем дожде, пролившемся из тучи, назревшей из испарений луж, было перемешано всё: жалость к себе; тоска по сторевшей в огне безумия дочери и неутрачиваемая боль от потери мужа, рухнувшего, как пронзённое молнией дерево; плач по унесённой временем, будто высохший в бурных пятнах осенний лист, маме; грусть по своей наивной юности с её верой в «прекрасное далёко» и бескомпромиссной жестокостью к старшим с отстаиванием своей независимости от близких, служивших ей до поры надёжным крылом, под которое так захочется возвратиться, когда будет уже невозможно; укоризна сыну, что она покинула им и что он позволил себе забыть, что они недавно остались навсегда вдвоём из всего их большого семейства; надежда и призрачная, точно тающая на глазах рассветная дымка на горизонте, иллюзия о том, что оперившийся сын вернётся к ней назад в гнездо, раскачанное ветром, — и они до конца её дней будут неразлучны в печали и радости; лукавство, что её слёзы должны пронять, вывести за руку из весенних луж по колено и удержать возле неё.

Наконец, справившись с растерянностью, сын нерешительно взял её за руку — и она порывисто обняла его, прижала к груди, запусти-

ла дрожащие пальцы в его шелковую копну волос, потом отстранила от груди, посмотрела в глаза и сказала:

— Я тебя люблю. Очень-очень.

— Я тоже тебя люблю, — ответил сын.

Потом она стала говорить о том, что он единственное, что у неё осталось в жизни, а он пренебрегает ею, и бывают дни, когда он совсем её не замечает и не скажет ей ни словечка, а если они и разговаривают, то она прекрасно видит, что он совсем её не слушает, а витает в облаках и отдаляется от неё всё дальше, отгораживаясь возводимой по кирпичику стеной.

Потом они сидели за круглым столом на кухне и пили чай с овсяным печеньем.

Лидия Андреевна опять осторожно завела с сыном разговор, что он очень отдалился в последнее время. Она, конечно, понимает, что у него есть право на личную жизнь и свои секреты, но он должен помнить, что у неё в этом мире никого не осталось. Гриша ответил, что если он и избегает её иногда, то лишь потому, что его печаль нуждается в одиночестве. Ему хочется свободно приводить девушку, которая у него недавно появилась, в квартиру, в свою комнату, — и не чувствовать себя цирковым пуделем с воздушным бантиком на шее, которого вывели погулять на длинной шёлковой верёвочке и он всё время ощущает, как ошейник вгрызается в шею, а узел бантика напоминает сцепленные на горле пальцы.

Сердце Лидии Андреевны опять стояло на краю обрыва и осторожно заглядывало в пропасть. Неужели ей суждено сейчас потерять и его? Только не это. Нет, она, конечно, больше не будет показывать своё неприятие симпатий своего чада, Василиса дала ей страшный урок... Но ведь если бы дочь не захотела свободы от неё и не нашла в Илье того, чего у него не было и в помине, очаровавшись не его достоинствами, а собственной жадной любовью, то их семья была бы сейчас вся в сборе под этим розовым абажуром. Неужели всю свою жизнь она катила в гору камни, желавшие, чтобы их оставили на обочине и они поросли бы серым мхом?

Её замешательство было похоже на колебание воды, когда бросаешь в своё отражение камень. Когда она представила сына в его детской с чужой женщиной, она почувствова-

ла, что ревность снова захлестнула её, будто волна лодку, болтаемую на привязи далеко от берега, так как выше «спустили море» и вода поднялась. Там, где была земля под ногами и в неё можно было уткнуться разбитым носом, как в материнские колени, теперь была холодная заболоченная вода.

На неё смотрело доброе, доверчивое и беспомощное лицо сына, раскатанное скалкой её взглядом.

Когда сын поведал, как они с Машей познакомились и о том, что девушка окончила лишь ПТУ и больше не учится, а работает и снимает жилплощадь вдвоём с подругой, Лидия Андреевна не могла скрыть своего досадного удивления. Потом подумала: «Ладно, быстрее пропадёт интерес. С этой проблемой я как-нибудь справлюсь».

42

Мысль, что он спокойно сможет приво-
дить Машу к себе домой и они будут
втроём пить чай как семья, приводила его в
эйфорическое настроение. Он почти не вспо-
минал, что недавно потерял сестру и папу.

Познакомились они через её специальность. Это были времена, когда за джинсами выстраивались километровые очереди в Москве. Поэтому были мастера-умельцы, что эти джинсы шили. Девочка-швея разводила кактусы и от кого-то узнала, что на факультете есть мальчик, имеющий большую коллекцию редких суккулентов, причём большинство кактусов у него цветёт. Девочка попросила познакомить её с юным натуралистом. Гриша, друзья которого немного посмеивались над его увлечением, был рад принести кому-то маленьких кактусят. Сама девочка не вызвала у него никакого интереса. Худая как палка, коротко стриженная брюнетка, одевающаяся под мальчика: джинсы собственного пошива и бесформенный серый свитер, скрадывающий её худобу. От мальчика её отличало обилие косметики на веснушчатом лице: все ресницы были так густо намазаны тушью, что казались склеенными, будто на щётке для чистки обуви. Выщипанные чёрные бровки, точно нарисованные чёрным грифелем, прида-

вали ей выражение лица разбитной бабёнки, хотя лицо было обтянуто очень нежной и тонкой, как папиросная бумага, почти детской кожей, через которую просвечивал змеящийся ручеёк на виске. Глаза прохладные, как зеленоватая, подёрнутая ржавчиной осенняя вода. Узкие губы девушки, будто сложенные в постоянную усмешку, были, видимо, сильно обветрены и слегка шелушились, распускаясь отслоившимися лепестками нежно розовой губной помады с перламутровым отливом. Девушка курила, речь её казалась резка и сдобрена всякими современными жаргонизмами типа «чувак» и «клёво», что вызывали у Гриши всегда оскомину, будто он наелся красной рябины, ещё не прихваченной морозом, и ему было невдомёк, что неожиданный мороз может превратить эти ягоды в вишню в шоколаде. Звали девушку Машей. Маша была благодарна Грише за кактусы и предложила за «так» пошить ему джинсы, если он принесёт ей ткань. Но Гриша не решился просить у матери, чтобы та купила джинсу или дала денег на неё, сказал Маше «спасибо» и забыл про неё на месяц. Через месяц Маша позвонила ему по телефону и пожаловалась, что она оказалась никудышным натуралистом: все кактусы у неё стали загнивать от корня, становясь мягкими и рыхлыми, будто созревший в целлофановом пакете зелёный лук. Гриша сказал, что он должен всё сам посмотреть и только потом сможет сказать, что это.

Жила Маша на съёмной квартире, что снимали они вдвоём с подружкой из ателье. Подруга два-три раза в неделю ездила домой.

Откуда возникает любовь, поднимающая нас от земли? Из чего возникает торнадо, смерч, отрывающий от земли дом или уносящий с собой его крышу? Зачем люди прыгают на неведомый плот, отчаливший от обыденного берега?

Маша смотрела на нескладного Гришу и слушала лекцию о кактусах, будто наблюдала за распиливанием женщины заезжим фокусником. Холодная дрожь, как быстрая сухая ладонь, скользнула по его спине. Иногда их руки сталкивались — и тогда каждому казалось, что он словно тронул летящую птицу.

Этот мальчик не был в её вкусе, она презирала мальчиков-хлюпиков. Зажгла сигарету, сделала

затяжку, красиво, как видела недавно в кино, отводя пальцы с малиновыми ногтями, напоминающими ландрин. Протянула ему сигарету. Он испуганно замотал головой и сказал, что просит её не курить, так как его тошнит от сигаретного дыма. Она пожала плечами, будто отсыревшей спичкой, чиркнула улыбкой, съёжилась и потушила зажжённую сигарету о песок в обрезанной пластмассовой банке из-под «Чистоля» с высаженным в неё кактусом. Пошла на кухню, нарочно виляя костлявыми бёдрами, принесла две чашки чаю, четыре бледные сушки и четыре ириски «Золотой ключик», два гранёных стакана, яблоко, что тут же разрезола пополам, и початую бутылку красного вина. Мария разлила вино по стаканам и предложила выпить за знакомство. Чокнулись звоном кефирных бутылок в авоське. Мария тут же осушила свой стакан — и сочно захрустела яблоком. Гриша отпил ровно половину, немного накапал в чай, а остальное оставил допивать по глоткам во время чаепития.

Чай пили в молчании, совершенно не зная, о чём говорить, сидя на краешке дивана, каждый прижавшись к своему валику. Гриша рассматривал дырявые тапки, что ему дала девушка, и почему-то чувствовал себя, словно на экзамене, перед которым всю ночь не спал, читая толстый учебник, а сейчас вдруг обнаружил, что ничего не знает, только ладони помнят тяжесть книги и шероховатый её коленкор.

Маша встала и включила магнитофон. Музыка этой он не знал, как, впрочем, ничего не знал вообще из того, что коллекционировали и записывали его товарищи. Бабушка иногда ставила дома слушать старые пластинки с романсами, некоторые из них ему нравились, рождали какое-то необъяснимое томление по чужой жизни, которая ушла, сорвавшись с острия патефонной иглы перелётной птицей, улетевшей в края, откуда не бывает возврата. Мама чаще всего просто слушала концерты по телевизору. Обычно за концерт попадались две-три лирические песни, что будили в нём нечто потаённое и возвышенное, будто звучание органа. Будто подснежник показывал свою взъерошенную головку птенца, пробиваясь из-под земли, потом вытягивал свою шею всё сильнее и сильнее, раскрывая, точно клюв, чашечку, жадно ловя первые солнечные лучи. Мария же

включила музыку, мотив этот он не знал, но она была типа утренней радиомелодии «На зарядку, на зарядку становись...»: расталкивала в человеке его сладко спавший жизненный тонус. Под неё тело сжималось в пружинку, которую хотелось бросить на пол и посмотреть, как она сокращается и удлиняется, извиваясь после того, как больно упала неваляшкой на пол.

Мария схватила его за руку и вытащила на середину комнаты. Подняв тонкие ручки со сжатыми кулачками, ставшие похожими на барабанные палочки, она запрокинула голову и задёргалась, будто кукла на сцене, что дёргали за ниточки за ширмой. Потом подскочила к лампе на комод, похожей на камелёк, щёлкнула выключателем. Затем, по-прежнему поддёргиваясь в танце, подскочила к выключателю на стене, щёлкнула им — и верхний свет исчез, точно в театре, когда на сцене начинается действие. Теперь вся комнатка была освещена отблеском костра. Язычок огненного змея подрагивал в светильнике в такт музыке. Девушка продолжала танцевать, всё больше становясь похожей то ли на языческую богиню, то ли на остриженную ведьму, пляшущую у костра. Вместо шаманского бубна звенели бубенцами металлические тарелки ребят из джаза. Гриша неловко переминался с ноги на ногу, будто стоял у классной доски. Мария протянула свои руки, показавшиеся ему ветками сухого, мотаемого ветром дерева, чья крона почувствовала приближающийся верховой пожар. Обожгла своими ладонями его затёкшие пальцы и стала танцевать вместе с ним, взяв его холодные, как студень, кисти в свои жаркие ладони, начала совершать ими движения, будто в детской игре «Кто кого переборет?» (когда становились, прижав свои ладони к ладоням соперника, и начинали давить друг на друга). Только перебарывала в этой игре всегда она. Толкала плечом, как ядро, руку Гриши, а затем тянула на себя, будто рыболовную снасть. Гриша весь вспотел, пытаясь попасть с девушкой в такт, и думал только о том, как бы не отдавить её босые ноги, так как тапочки в начале танца были сброшены изящным движением ноги и улетели далеко под диван. Он чувствовал, что рубашка прилипла под шерстяным джемпером к телу, волосы слиплись, на

лбу выступил пот и стекает по носу так, что очки рискуют соскользнуть на пол. В ушах бухала музыка, в висках — разогнанная по сосудам кровь. Ему начинало не хватать воздуха — и он разевал рот, заглатывая кислород, как пойманная рыба, вытащенная рыбаком на сушу. Вдруг Мария выпустила его руки, как будто бросила надоевшую игрушку, и стянула с себя джемпер, оставшись в чёрном батнике, поблёскивающим и переливающимся в свете ночника, точно шкура змеи. Протянула снова руки Грише, но не взяла его за мокрые ладони, а просунула их под его руки, растопыренные, словно он пытался сбалансировать своё равновесие конуса, опрокинутого на вершину. Взяла ловкими пальцами закройщицы, примеряющей заказ, за широкую двойную резинку свитера и потянула, как с ребёнка, вверх. Гриша покорно поднял ватные руки. Когда его руки оставались ещё в мешке рукавов, а его нос уткнулся в верблюжью шерсть домашней вязки, Мария вдруг собрала резинку свитера движением продащицы, завязывающей пакет, и, кокетливо засмеявшись, спросила изломанным голосом: «Ну что? Оставить тебя так? Попался, кот в мешке?» Гриша почувствовал, как колючая шерсть щекочет ему нос и он готов чихнуть, ощутил на пересохших губах свалывшийся ворс, погружаясь в колокол непроглядной ночи, накрывший его с головой, — и сквозь эту ночь и ляг музыки в ушах слушая зарождающийся комариный писк, сопровождаемый пиликаньем на скрипке кузнечика... Ещё чуть-чуть — и он потеряет сознание. Он резко дёрнулся и высвободился из свитера. Мария смеялась, показывая свои ровные мелкие щучьи зубы, глядящие из нежной раковины рта.

Снова зашла в танце, то поднимая, то опуская худые руки, оголённые теперь по локоть. Гриша смотрел, как браслет, надетый на руку, то съезжает на кисть руки, то падает на нежный изгиб локтя. Почему-то это движение напомнило ему жонглирование фокусника в цирке. В комнате было душно, словно и вправду светильник был настоящим электрическим камином. Показывал свой дрожащий язычок, дразнил и увеличивал отброшенные ими тени на стене так, что на ней будто происходило представление актёров театра теней,

изображавших сказочный поединок принцессы и чудовища. Гриша устал и хотел было сесть на стул, но снова его потная рука оказалась в капкане женской ладони с такой нежной кожей, что Гриша еле сдерживал в себе желание её погладить. Мария начала тягать его туда-сюда, будто хотела перепилить бревно двуручной пилой. Гриша чувствовал, что от духоты у него снова зазвенели колокольчики в ушах, блёстки с брошенной Машиной кофточки рыжими муравьями перебрались к нему в глаз и там копошились, видимо, перетаскивая соринку в глаз. Вдруг Мария снова отпустила его, будто тяжёлый куль, изогнулась — и вот уже змеиная шкура выползком поблёскивает где-то на кресле за её спиной. Крепко зажмуриться — только бы не ослепнуть... Гриша встал, как будто ему отдавили ногу, шурясь, точно на солнце от свежеснеженного снега, от сверкающей белизны кожи, сквозь которую проглядывали стекающие ручейки вен, стараясь не смотреть на ажурную шторку, сквозь которую просвечивали два лимончика.

— Ну, что встал, как витязь на распутье? Снимай свои доспехи! Жарко же!

Мягкая ладонь скользнула ящерицей под рубашку, сноровисто растегнув две пуговицы. Гриша застыл будто парализованный, чувствуя, как муравьи переползли ему на грудь. Его рубаха подбитой дичью полетела на диван.

Мария положила руки ему на плечи — и теперь они танцевали так. Ему пришлось приобнять её и положить руку на её талию, напомнившую ему горлышко кувшина. Он еле дотрагивался до неё, словно боялся обжечься, чувствуя, что белоснежная кожа может обжигать, как снег — вывалившегося в него из парной.

Дальше он плохо что помнит... Кажется, Мария его отпустила, и ей опять стало жарко, пенное кружево поплыло лебедем на софу. Следом полетели коршуном джинсы. В ухе снова противно запищали комары, да так громко, что музыка стала лишь аккомпанементом к их сольному номеру; муравьи, прочно обосновавшиеся в глазу, выстроили свой муравейник — и его серый холмик стал медленно заслонять эту полутёмную комнату; летающую розовым фламинго по кругу девушку; тени на полу, сломленные стеной, которые то-

же куда-то перемещались вместе с ковром на стене, с которого лениво взирал на их танец тигр, готовясь к прыжку; дрожащий огненный язык камелька, облизывающий девичье тело.

Очнулся он на диване. Женское лицо участливо заглядывало ему в глаза. Лицо было так близко, что он мог разглядеть его без очков. Зелёные глаза превратились в чёрный колодец с поросшим мхом срубом. Тушь скрошилась с ресниц — и казалось, что у девушки лежат под глазами большие тени, впитавшие всю угольную пыль шахтёрского посёлка. Волосы девушки растрепались и забавно щекотали его лицо. В глаза почему-то бросились два замазанных прыщика: на носу и на правой щеке. Шёлковая ладонь девушки гладила его по волосам, как гладила иногда мама. Девушка участливо спросила:

— Ну как? Полегчало? Я не думала, что ты такой впечатлительный! — и засмеялась хрустальным смехом, точно зазвенела стеклянная люстра с висюльками, раскачанная сильным сквозняком.

— Это спазмы от духоты, у меня бывает, вегето-сосудистая дистония, — буркнул он, придавленный её телом, напрягаясь стальной струной от неспостижимости происходящего.

Всё произошло так быстро и так просто. Прежде чем он успел подумать, что перед ним доселе незнакомая и жизненно необходимая задача, руки девушки беспечно и непринуждённо скользнули по нему, словно играя гамму на клавишах рояля, пробежали по его рёбрам и порхнули вниз, беря аккорд.

Он позволил своему телу соскользнуть с её тела и, устало вытянувшись рядом с ней, подумал, что он отдыхает после многомесячного бегства от себя и матери. Потом они целовались, гладили и ощупывали друг друга. Присасывался к её податливой коже, пившейся, как сметана. Губы девушки ночной бабочкой тыкались и плутали по его телу, руки и ноги обвивались удавом вокруг него, змеиный язычок исследовал пещеру его рта, переползая через валуны зубов. Это была длительная и восхитительная своей новизной пантомима ласк.

Вдруг Гриша вспомнил, что не позднее десяти должен быть дома, испуганно вскочил, как после ночного сна, разбуженный трезвоном будильника, не понимая, где он и что с ним, и

начал, шурясь, озираясь вокруг и растерянно шарить руками по полу в поисках очков. Нашупав очки, водрузил их на нос и стал судорожно подбирать разбросанную одежду. Мария стояла рядом, смотрела участливо, комкая рукой ворот наброшенного махрового халатика. В дверях на прощание поцеловала его в щёчку, не в губы, — как будто провожала его каждый день и как это делала ежедневно мама.

Он вышел в набухший мартовской влагой ночной город, блаженно улыбаясь и жадно затягивая в лёгкие вкусный весенний воздух, — тут же ступил в огромную лужу, растёкшуюся у подъезда и подёрнутую тонким хрустнувшим под ногой ледком, чувствуя, как студёная вода пропитывает его старенький разношенный ботинок, и подумал, что жизнь всё-таки удивительная штука, если в один миг всё меняет, будто виртуоз-иллюзионист. Прыгая по лужам и разбрасывая во все стороны хрустальные брызги, летел по улице на вырастающих за спиной крыльях, не замечая коченеющих ног и торопясь успеть вовремя домой, радуясь той невесомости и беззаботности отношений, в которые он вступил, как в тёплую летнюю воду.

43

Однако скоро ему стало ясно, что та тёплая летняя вода ушла в грунт обыденности и стала похожа на глину, которая налипала на ботинки — и они становились с каждым шагом всё тяжелее.

Они теперь встречались с Машей два-три раза в неделю у неё на съёмной квартире. И скоро он понял, что не мыслит своей жизни без неё. Он воспринимал её теперь не как чужую девушку, подарившую ему радость физической любви, но и как девушку, к которой он может прийти и попытаться рассказать прожитый день. Это было для него открытием, что незнакомый ему человек, совсем не того типа, что вызывал в нём сбивающееся дыхание, становится вдруг родным, грелкой, сливной трубой, подкармливающим раствором, заменившим пресную водопроводную воду. И всё же он продолжал относиться к ней с настороженностью, будто часть души так и осталась онемелой, как оглёжанная

рука, вроде бы и на месте, а не ощущаешь. Уж как-то у них всё скоропалительно и странно произошло, хотя он был ей очень благодарен не только за то, что она вывела его из невинности, но и за то, что смогла развеять тёмный морок последних месяцев, застилающий солнечный свет, словно дым от горящих торфяников.

Меньше всего он был способен простить ей то, что многое из того, что он ей рассказывал, она почти никогда не слушала или выслушивала как-то мимоходом. Начинала намётывать очередные джинсы, прокладывая иглой аккуратные ровные белые стежки, похожие на отпечатки следов на мокром песке, и Гриша всегда удивлялся тому, что у такой непредсказуемой женщины могут быть такие ровные стежки. Или начинала подпиливать и полировать свои ногти, частенько обкусанные, как у ребёнка, с тёмной каёмкой под ними, как он потом понял, после работы в выходные у мамы в деревне. Или начинала что-нибудь готовить: например, садилась в кресло, ставила на пол кастрюльку и резала туда привезённые из деревни яблоки, чтобы сварить варенье. Ещё больше его злило то, что, как только он замолкал, она тут же начинала щебетать о чём-нибудь другом: о дне рождения тётки в деревне, о подруге, у которой нашли гепатит, о замшевой сумочке, что она присмотрела в магазине. И всё же теперь он постоянно думал об этой девушке... Словно он поднимался по берегу реки вверх по течению, уходил вроде бы далеко, а потом ступал в тёплую воду, ослабившись, отдавался ей, пытаясь продолжать двигаться вверх, делая сильные, размеренные движения уже без сбивающегося дыхания, но со смирением видел, что плывёт он задом вниз по реке: он мог только замедлить своё движение вниз, но всё равно рано или поздно его неминуемо выносило течением в то место, откуда он начал свой путь. Девушка стала истоком пути.

Он сидит, склонившись над письменным столом, и готовится к экзаменам, мысли всё время виляют, как велосипед, наскочивший на кочку, и снова, и снова возвращаются к девушке, которую он не решается назвать любимой, но которая прочно поселилась в его жизни и исчезновение которой просто страшно и невозможно теперь представить...

Куда девалась та пора, когда он брёл по щико-

лотку в луже из-под натаявшего снега и чувствовал себя, будто за штурвалом ледокола, бороздящего Ледовитый океан? Лыдины расступались перед ним, громоздясь друг на дружку и открывая под собой беспросветную глубину. Теперь за его спиной стояла женщина в чёрных очках, клоунских штанах и огненном парике с именем «Ревность». Приходила она всегда внезапно, вкрадчиво обнимала за плечи, поворачивала к себе лицом и пристально смотрела в его глаза, рождая смутное беспокойство. Он вспоминал первое бесстыдное Машино прикосновение, которым она в их первую встречу так сказочно возбудила его — и думал о том, что для неё этот жест был обыденный и привычный. Это было нестерпимо. Ревность забиралась в него, будто крыса в спартанской казни, потихоньку выгрызая всё внутри. Он представлял, как Мария, кокетливо улыбаясь, ловко и бережно опоясывает бёдра мужчин сантиметровой лентой, чтобы снять с них мерку, — и скрипел зубами, чтобы не застонать. Это было непереносимо.

Однажды, когда она отказалась от встречи с ним, сославшись на срочные заказы, он целую неделю каждый вечер приходил к ней во двор, садился на лавочку в глубине двора, скрытую под тополями, обложенными пухом, с которой был виден её подъезд, и сидел там, наблюдая за качанием двери — будто открывал и закрывал книгу, пробежав очередной абзац или страницу. Строчки были серы, написаны посредственностью, сюжет не захватывал, но чувство, сродни тому, что было у школьника, который получил от учителя список книг, которые он должен прочесть за лето и отразить их содержание в дневнике, не позволяло ему встать и уйти, пока он не дожидался, как Машу проглотит подъезд. Что он хотел увидеть? Одна ли она пройдёт? Не поднимется ли кто к ней позднее? Но как бы он смог тогда отфильтровать её посетителя от соседа по лестничной клетке? Само сидение часами на отсыревшей от частых дождей лавке в ожидании непонятно чего было как весенняя аллергия на майское безудержное цветение и тополиный пух, катавшийся по серому асфальту, словно слепые персидские котята...

Он стал плохо спать. Когда умерла Васечка, а за ней и отец, он спал. Спал тяжёлым забытьём, как больной с высокой температурой, когда вся

реальность кажется мелкой и несущественной. Он тогда постоянно выныривал из своего беспмятства, в котором не было места снам, оглядывал в растерянности свою комнату — и тут же вспоминал, что они с мамой теперь одни. Ему хотелось тотчас пойти к маме в комнату, обнять её, чувствуя, как её руки прижимают его голову к своей груди и гладят его спутанные со сна волосы. Но он никогда не делал этого, так как просто боялся спугнуть её недолгий сон, понимая, что, скорее всего, у неё бывает бессонница, которую он прочитывал по утрам по её покрасневшим глазам и сбившейся пыльной паутине морщин, лежащей под веками, точно на поверхности застывшего, отливающего синевой мелкого озера. Теперь он тоже перестал спать. Ворочался с боку на бок, взбивал, будто тесто, подушку, но она тут же опадала под тяжестью его головы, словно резиновая с дыркой в боку, и становилась твёрдой, как матрас. Лёгкое одеяло давило и душило его. Тело казалось угловатым, и собственные кости вдавливались под тяжестью тела в мясо, причиняя неудобство, кожа зудела... Перед глазами теперь стояла Мария, а не Васечка и папа, но если он всё же наконец под утро засыпал, сны теперь хищным коршуном прилетали и парили над ним, будто высматривая добычу. Ему теперь снились и Васечка, и папа, но почему-то почти никогда живые, хотя иногда они оживали: прямо на глазах у него вставали из гроба. Этот сон повторялся не раз и не два, и почти каждый раз он просыпался весь мокрый, будто в гриппозном жару, и думал, что их больше нет — и подушка становилась влажной, и он засовывал её угол в рот, чтобы не услышала мама. А однажды приснилась Васечка, будто она вместо Маши, и так ему с ней хорошо было, и никакой настороженности, полное доверие, как две половинки одного яблока... Проснувшись, он испугался тогда ещё больше, чем когда папа и Васечка из гробов вставали и разговаривали с ним. Но и этот его сон повторился, и повторялся ещё и ещё. И если в первый раз он показался ему чудовищным и испугал его, то потом он находил его приятным и даже ждал его и думал, что хорошо бы опять это сновидение повторилось. И он снова, как в детстве, летал во сне, теперь уже вместе с Васечкой. Сестра держала его крепко за руку — так, как когда ей доверяли забрать его из

детского сада, и они летели над парком, который был весь в цвету, будто снегом осыпан, над рекой, над лугом в голубых, словно её глаза, незабудках... И сладко пахло жасмином... Утром он чувствовал необыкновенную лёгкость, точно он и вправду оторвался от земли, каждый его суставчик пружинил и он начинал вместо физзарядки репетировать перед зеркалом показанный Машей танец.

44

Девушка совершенно ей не понравилась. Когда она представляла, что ей придётся её регулярно видеть, она чувствовала необъяснимое отвращение, как у беременной на некоторые продукты.

— Имей в виду, — сказала она сыну, — в этой среде чрезвычайно легко заводят всякие интрижки, в том числе и с клиентами.

Лидия Андреевна смотрела на лицо сына и видела, как розовая краска заливает его лицо, мочки его ушей стали как ошпаренные. Лидия Андреевна отметила, что сыну стало не по себе и он обожжён едкой ревностью, словно прошёлся голым по зарослям крапивы. Лицо его стало по-детски растерянным, будто он собирался с плачем кинуться к ней и спрятаться в мягких складках её байкового халата от надвигающейся опасности. Перед ней снова стоял не чужой самостоятельный человек, а её любимое дитя, готовое броситься к ней за утешением.

— И я вообще не понимаю, о чём вы разговариваете? Неужели тебе не скучно с ней? Она пряма, будто обструганная палка.

На другой день она сказала сыну, что раз у него сейчас каникулы и он взрослый мужчина, заведший девушку, работающую не только на основной работе, но и подрабатывающую, то он должен ей соответствовать и быть под стать, не век же у матери на шее сидеть, свесив ноги.

Полагаться на материальную помощь сына было смешно и нелепо, но, как ни странно, у Гриши неожиданно появилось убеждение, что мужчина должен уметь заготавливать дрова для домашнего очага, чтобы было чем топить хоть иногда. Чувство это было вызвано скорее всего ощущением вины за свою свалившуюся,

как съехавший с крыши мартовский снег, любовь и блуждающую улыбку лунатика на лице. К тому же ему нужны были теперь хотя бы карманные деньги, которые он мог бы тратить на свою любимую без каких-либо угрызений совести, не дающих ему спокойно спать, точно капающий в эмалированную раковину кран. На семейном совете было решено: пусть он попробует, как делали очень многие его конкурники, быть распространителем, или дистрибьютором, как они сейчас теперь все себя называли, но Лидия Андреевна без саркастической усмешки сама это слово произносить не могла.

Так её неожиданно повзрослевший сын начал бегать по киоскам и предлагать на реализацию чай. Киосков стало много. Они росли, как грибы на влажном и тёплом грунте, через каждые несколько метров, так что особой необходимости в автомобиле не было. За лето он заработал существенную добавку к семейному бюджету, позволившую ему даже купить новые ботинки и куртку к началу учебного года. После занятий подрабатывать было тяжело, он очень уставал, осунулся и похудел. Он часто теперь не успевал делать домашние задания к практическим занятиям и приходил на них, чувствуя себя гостем, случайно забредшим в спальню к хозяевам. Домой он теперь возвращался почти каждый день после десяти вечера — и тотчас сваливался и засыпал мёртвым сном, лишь наскоро умывшись и даже не перекусив. Лидия Андреевна несколько раз заставляла его лежащим поперёк кровати в уличной одежде. Присел, чтобы облачиться в домашнее одеяние, — и провалился. Он стал раздражителен по мелочам и вспыхивал будто стружка, к которой поднесли спичку или направили сфокусированный поток солнечного света... Правда, его взвинченный тон касался лишь Лидии Андреевны и немногочисленных его товарищей, с Машей же он по-прежнему заливался по телефону соловьём. Лидия Андреевна еле сдерживалась, чтобы не ворваться к нему в комнату и не прекратить его птичьей трель какой-нибудь просьбой. Однажды она всё-таки не выдержала, заглянула в комнату к сыну и изрекла: «Хватит! Кончай трепаться, мне надо позвонить!» Сквозь стёкла роговых

очков сына сверкнули две молнии, и он заорал: «Закрой дверь!» Аккуратно, будто боясь ушибить, положил трубку на стол, брошенным камнем подлетел к Лидии Андреевне и буквально вытолкнул её из комнаты, взяв за сторбленные плечи.

Спустя два месяца работы сына дистрибьютором Лидия Андреевна увидела объявление в газете «Из рук в руки» о том, что требуется столяр в магазин канцтоваров.

Так Гриша перешёл на новую работу. Лидия Андреевна была очень довольна. Теперь её сын мог спокойно учиться и работать одновременно. Не надо было бегать по улицам. Дежурство было через двое суток на третьи. Две ночи он находился дома, на третью дежурил охранником.

Лидии Андреевне сначала было трудно привыкнуть к ночной тишине в квартире. Мешали тени, прячущиеся по углам комнаты. Если времени было ещё до двенадцати, она подходила к телефону, набирала номер Гришиного магазина и, услышав родной голос, с облегчением вздыхала и засыпала ровным на лоскутки сном. Сны стали появляться иногда и цветные, но в них ясно присутствовало это ощущение нереальности, содержание снов доносилось до сознания как бы сурдопереводом. Женщина энергично жестикулировала всеми пальцами, и пальцы порхали, как бабочки с цветка на цветок, ни на одном не задерживаясь ни на минуту. Потом Лидия Андреевна внезапно проснулась, видела в проём окна мутный холодный рассвет, постепенно проявляющий очертания соседних домов, редкие огни в которых, похожие на глаза собаки Баскервильей, множились и постепенно тускнели. Лидия Андреевна нехотя вылезала из-под сбившегося от её ночных метаний одеяла, шаркала в ванную, еле ступая и чувствуя непонятную разламывающую ступни боль, умывалась, пытаясь смыть стоящие перед глазами картины, и спешила позвонить сыну. Иногда она даже будила его своим звонком, но ему всё равно надо было уже вставать. Услышав его недовольный сонный голос, шла на работу.

И всё же теперь он, почти не таясь, мог разговаривать с Машей. Теперь она изредка бывала у него дома. Видеться они старались, пока Лидия Андреевна была на работе. Всё было бы прекрасно, если бы Гриша не нервничал. Он даже открывал дверь в коридор, объяснив, что не закрывает её специально, чтобы мама не подумала чего-нибудь плохого о них. Хотя Лидия Андреевна и была у себя на работе, она как будто всё время находилась около них: вливалась шаровой молнией и зависала в уголке около шкафа. Не она за ними наблюдала — они за ней следили со всё усиливающимся страхом за её перемещениями огненной медузой. До кого дотронется и кого спалит? Им казалось, что она слышит их, и говорили они всегда приглушёнными голосами, будто боялись её разбудить. Когда Гриша обнимал Марию, она казалась ему холодной, словно ящерица, пригревшаяся на солнцепёке. Раз — и выскользнула, а он сжимает в кулаке только её безжизненный хвост. Вместо всех радостей райского сада они растерянно и натужно болтали, с трудом находя тему, блеснувшую, как янтарный камушек среди обкатанной гальки, но тут же теряли её из вида, переключив на минуту свой взгляд на серую входную дверь, за которой им слышался ропот волнующегося моря. Они непрестанно следили за движением часовой стрелки, перескакивающей с одного деления циферблата на другой, будто Гришины пальцы с позвонков его любимой. Примерно за полтора часа до возвращения мамы Гриша начинал нервничать, не зная, как выпроводить девушку, чтобы не выглядеть смешным. Его тревога становилась всё сильнее, он чувствовал себя школьником, гасящим недокуренную сигарету и прячущим её в карман при виде завуча на задворках школьного двора, почуявшим запах прожжённой подкладки.

Так и в тот раз он вскочил и судорожно начал одеваться, запутавшись в вывернутых рукавах рубашки. Рванул молнию на джинсах, с тоской поняв, что она съехала с рельсов... Маша будто решила поиграть с ним и сладко потягивалась на тахте, выгибаясь, как кошка сфинкс. Закинув ногу с ноготками, похожими на облетевшие лепестки жасмина, смотрела с насмешкой на Гри-

шу. Гриша чувствовал себя пассажиром в самолёте, бегущем по взлётной полосе и неожиданно накренившимся набок: смешались и чувство радости, что миновала неизбежная беда при посадке в чужом городе, и досада, что прилёта не будет.

— Пора, красавица, пора, — заканючил он, — она уже через полчаса может вернуться, если в магазин не зайдёт.

— Ну и что? — ответила Маша, но всё же разомлевшей от сна кисой рывком поднялась и стала, как в замедленном кинофильме, собирать разбросанную по комнате одежду, любуясь на своё отражение в огромном зеркале шифоньера.

Исчезла за пятнадцать минут до прихода мамы, оставив Грише невыветрившийся цветочный запах духов, уводящий за собой по тропинке через рощу воспоминаний в лето; взъерошенные чувства и саднящую, словно разбитая коленка, досаду на то, что не умел бегать. Однако на другой день Гриша уже скучал по Маше и злился, что не может жить в своём доме не как квартирант у матушки.

Он не был в неё влюблён, но по-своему к ней привязался и совершенно не представлял, как он будет жить, если вдруг Мария исчезнет из его жизни. Взглядом, не замутнённым влюблённостью, он отмечал недостатки девушки: неинтеллигентна, не хочет дальше учиться, чересчур раскованна, имеет плохой вкус, любит всякие вечеринки... Все её изыяны собирались в памяти, накручивались, будто грязь к колесу телеги, колесо проворачивалось вся тяжелее и тяжелее, таща на себе всё больше балласта. Он словно раздвоился: с одной стороны, его цепкий взгляд магнитом притягивал всё, что так или иначе шло вразрез с его представлением об идеале его подруги — нет, он не выискивал специально в ней недостатков, они сами, точно брошенная на пол одежда, лезли на глаза; а с другой, боялся, что она растает, как леденец во рту, оставив его сжимать в кулаке деревянную палочку воспоминаний о первой любви, подбросившей его до небес в небо, словно качели.

46

Как странно устроена жизнь! То, что казалось нам раньше поражением, оборачивается победой; то, что выглядело бедой, вдруг

пугает мыслью, что этого в нашей жизни могло и не произойти; и, наоборот, то, что чудилось подарком судьбы, рассыпается в пришедшую в свой срок осень, как песочный замок, старательно сложенный под июльским солнцем.

Двадцать лет назад, когда Лида поняла, что снова беременна, она почувствовала глухую тоску, что наваливается у равнодушного осеннего моря, катающегося по песку, будто каток, утюжащий асфальт, когда схлынул поток курортников. Ей казалось, что вот-вот она проснётся и поймёт, что у неё месячные. Вместо радости и взволнованного ожидания, сопровождавших её с первых дней её первой беременности, тут было тупое сосание под ложечкой и страх повисшей в лифте между этажей, когда в подъезде пропал свет. И ещё ощущение ужасной усталости. Она шаркала по квартире в стоптанных тапках, будто старушка, не в силах поднимать налившиеся свинцовой тяжестью ноги, хотя округление живота незаметно было ещё даже ей. Её всё раздражало: теснота спальни; разбросанные носки и книги мужа; его спортивные штаны, повисшие пузырями на коленках; его храп с присвистом; поучающий тон свекрови и её вязанная в шеварушках кофточка с дырами на локтях, на которые были наклеены аккуратные заплатки, её долгие разговоры по телефону; то, что свёкор постоянно теряет свои очки и всех поднимает в доме на их поиски; то, что посуда в кухонном столе напихана так, что из него постоянно вылетают кастрюли и их крышки; то, что книжный шкаф осел под тяжестью книг и его дверца еле закрывается; то, что Василиса опять сидит с видом мученицы за завтраком, размазывая манную кашу по тарелке. Она боялась признаться себе, что просто не хочет этого ребёнка, эгоистично не хочет, чувствуя, что он постепенно будет забирать, как росток у картошки, то, что составляло её сущность и целостность. Она всё ждала, что Андрей как-то отреагирует на её беременность: обрадуется, будет носить ей цветы и апельсины, прислушиваться по ночам к биению маленького сердца, как было при её первой беременности. Или, наоборот, скажет, что они ещё не встали на ноги и надо бы им обождать: у них есть ещё для этого время. Но он смотрел мимо неё и сквозь неё, словно она была сама пустота.

Возможно, что его тоже мучили колебания и сомнения и его отстранённый вид был всего лишь декорацией, за которой скрывались боязнь ответственности и страх принять решение. Паника, похожая на ту, что охватывает тебя в толпе, которая вдруг срывается с места и непонятно зачем куда-то устремляется, затягивая, будто воронка в своё жерло; страх перед чем-то неизвестным, чего ожидаешь и боишься не потому, что оно плохое, а потому, что не знаешь, что тебя ждёт. Она тогда так и не приняла никакого решения. Ей так хотелось, чтобы это решение приняли за неё. Даже мама тогда почему-то отстранилась и ничего ей не могла посоветовать. Сказала, чтобы решали сами, чтобы потом не винили её ни в чём. Так и качалась, как маятник в старинных часах, до того времени, когда назад пути не стало. Казалось, будто ее вдруг вырвали из чего-то тёплого и приятного, где ей было хорошо и уютно, окутывающего, будто подоткнутое со всех сторон ватное одеяло, из-под которого вытащили, чтобы вернуть назад, на место, которое она уже слабо помнит, но где ей было холодно и неприятно. Так бывает, когда выходишь из нагретого человеческим дыханием тёмного кинозала после глубокого фильма, — и твоя расслабленность и задумчивость слепо натываются на стену косо дождя, капли которого пронизывающий ветер бросает в твоё разгорячённое лицо.

Лидия Андреевна не любит вспоминать тот год, когда родился Гриша и она окончательно перестала принадлежать самой себе. Она снова была шестерёнкой в отлаженном механизме, что бесперебойно крутился, с каждым кругом приближая её к концу, за которым темнота угольной шахты и больше ничего. Она опять жила, будто в чёрно-белом сне, на минуты проваливаясь в цветное забытье, из которого её неожиданно вырывал требовательный плач ребёнка. Андрей больше не помогал ей и не вставал по ночам, как было, когда родилась их дочь. Он стелил теперь свою постель в гостиной на диване, объясняя это тем, что не может работать невыспавшимся и с головной болью, сверлящей электродрелью затылок. По выходным он теперь тоже частенько уходил на службу, объясняя это тем, что нынче он должен содержать четверых. Если же оставался дома, то дол-

го спал, вставал и шёл в гараж либо уезжал на дачу даже в такую погоду, в какую они раньше не ездили никогда, мотивируя это тем, что там много накопилось дел, которые трудно будет завершить, когда туда привезут двоих детей.

Она не заметила, когда в её жизнь вернулся свет. Будто это был какой-то плавный переход, как туман медленно рассеивался. Но теперь это был ровный, спокойный свет восходящего солнца, свет оранжевого абажура над кухонным столом.

Теперь она просто не представляла, что её мальчика могло бы не быть. В ней проснулась такая нежность к этому почмокивающему существу, что казалось, что сердце разорвётся от переполнявшей его любви, как тонкое стекло сосуда, в котором начал оттаивать лёд.

По мере того, как сын рос и всё меньше требовал от неё неусыпного внимания, всё больше становились её любовь и нежность. Когда он обвивал своими пухлыми ручками её шею, прижимаясь к её груди, она вдыхала молочный запах его кожи, будто наркоманка кокаин, теперь точно зная, что смысл её жизни — это крепко держать детей за руки, сжимая в кулаке тепло их ладоней, точно сокровище.

Позже пришёл страх, что дети вырастут — и она станет им совсем ненужной и чужой, они смогут вполне обходиться без неё. Впервые эта мысль возникла, когда дети уехали со свекровью на два месяца на дачу. Сначала она почувствовала радостное предвкушение выходных, что частенько посещало её в молодости, когда она не была ещё шестерёнкой отлаженного механизма семейной жизни и могла себе позволить замереть и пронезжиться до полудня в постели, зная, что торопиться некуда: вся жизнь впереди, а до понедельника ещё целых два дня безмятежной свободы семечка одуванчика, парящего на ветру на своём парашюте. Но уже через три дня она места себе не находила и не могла дожидаться выходных, чтобы рвануть на дачу. Её больно укололо то, что дети были вполне счастливы и без неё и встретили её так, будто они совсем не расставались, обрадовались лишь привезённым им игрушкам. Она, точно потерявший руку, чувствовала её живую плоть, но видела в зеркале лишь отражение безвольно свисающего тряпкой рукава. Однако в воскресенье она уже не знала, как уехать, чтобы

не оставить детей в слезах. Сын крепко обнимал её за ногу, не давая шагнуть. Дочь стояла в дверях, смотрела на них — и глаза её наполнялись влагой, словно васильки при выпадении вечерней росы от охлаждающегося воздуха.

47

Старость пришла как-то незаметно. Вернее, Лидия Андреевна чувствовала себя ещё молодой, несмотря на все события, что придавили грузом могильной плиты к земле. Старость таилась где-то в прибрежной осоке лягушкой, сливающейся с прошлогодней листвой, — и вдруг прыгнула. Не подкралась, а именно прыгнула, плюхнулась на голое тело, подставленное солнечным лучам, мокрой жабой, но сама испугалась, отскочила, попав на разгорячённую кожу... Оставила ощущение брезгливости, неясного страха и мыслей о неизбежном. Лидия Андреевна совсем не чувствует себя старой, невзирая на все свои потери, пригибающие к земле, будто внезапно выпавший снег ещё зелёные листья. В юности она не чувствовала себя молодой. Теперь не ощущает старой. Ей всё ещё кажется, что жизнь впереди, хотя впереди её не ждёт ничего, кроме тоскливого переползания изо дня в день, что походят друг на друга, словно серая холодная галька. Сама она всё больше напоминает ту лягушку — с кожей, покрытой коричневыми пятнами ржавчины и бородавчатыми наростами, с отвисшим зобом и выпученными под толстыми линзами очков глазами, не ждущей уже своего царевича. Всё необратимо.

Это было странно, но она казалась себе ещё молодой и совсем не ощущала возраста. Почему всё так устроено: все уже знают, а ты ещё не догадываешься? Самозащита? Сжигаешь прошлогоднюю листву, но новая молодая трава, упрямая, похожая на нацеленное в небо копьё, не растёт. Возраст упрямо напоминает о себе выросшими детьми, утратой возможности реализоваться, появляющимися, словно грибы после осенних дождей, болячками. Будто вытягивала она из барабана лотерейные билетки, раскручивала один за другим... И вот чувствует, что барабан почти пуст, рука ощущает его гладкие пластмассовые стенки, совсем не холодные, но какие-

то неживые... Потом нащупывает в барабане несколько билетиков — и боится раскрыть... уже зная наверняка, что счастливого среди них всё равно не найдёшь... Лохотрон... Возраст сам по себе образует некую защитную скорлупу, эмоциональные реакции слабеют. Она уже почти и не страдает от одиночества, но чувствует, что оно медленно окутывает её, как туман, подбираясь сначала к ногам, что уже не бегут навстречу новой любви и неизведанному, потом размывает очертания предметов и вещей — и ты перестаёшь видеть на расстоянии вытянутой руки...

Всю неделю Лидия Андреевна ходила на работу с давлением, чувствуя, что её шатает и она будто скользит по накатанному льду. В ушах противно пищали комары и жужжали шершни, солнце застилало туманом, похожим на дым от большого пожара, в который набилась мошкара. Тошнота подкатывала к горлу, вызывая у Лидии Андреевны единственное желание — растянуться на кровати и провалиться в сон. Лидии Андреевне было так плохо, что она отпросилась у начальства и поехала домой. Открыла входную дверь — и увидела женские туфли на гвоздиках и бирюзовую курточку на вешалке. Сунув ноги в стоптанные тапки, прошаркала мимо комнаты сына, дверь в которую была плотно закрыта, — и услышала стоны, происхождение которых её просто потрясло. На подгибающихся ногах проковыляла к своей комнате и рухнула на кровать, не разбирая её и не раздеваясь... Комната крутилась, точно она скакала на лошадке по кругу на карусели. Она крепко вцеплялась в металлическую гриву, леденящую и без того окоченевшие пальцы, и думала, лишь бы не упасть. Стоны, перешедшие в душераздирающие крики, играли её головой, будто боксёрской грушей. Она металась по подушке, чувствуя, что внутри неё поднимается удушливой волной ярость, налетевшая как смерч чёрным облаком, приближавшимся стремительно и неотвратимо, грозя поднять дом над землёй, сначала снеся с него крышу. Холодные капли, словно слёзы, катились по вискам, вся она была будто куча выжатого белья, что небрежно бросили в таз в душевой ванной, наполненной горячим паром. Она хотела встать и войти в комнату сына, своим криком прекратив звериные игры, но ноги сделались поролоновыми, сохраняю-

щими свою белизну и форму, но совсем не способными перенести её в другую комнату.

— Прекратите! — закричала она. — Вы теперь меня доконать решили?

За стеной внезапно наступила тишина, закладывающая уши, как при морской качке. Стоны от выстрела её голоса будто сорвались в бездонную пропасть. И теперь равнодушное море каталось по песку, словно кошка, налившаяся валерьянки. Сквозь рокот моря в ушах она слышала, как разгруженным танкером стукнула входная дверь, — и дальше она осталась одна наедине с бескрайностью ртутно поблёскивающего моря её снов.

Накатившей волной море накрыло её с головой — и она поплыла среди коралловых рифов, среди которых то там, то здесь, как из лабиринта, возникали призрачные русалки, бьющие её исподтишка по щекам мокрым хвостом с жёсткими прутьями плавников...

Наутро ей полечало, и она снова ушла на работу. Однако ей не работалось совсем. В мутной голове, затуманенной ревностью, всё висел женский крик, крик распятой женщины, которую острыми клювами щипали птицы. Василисино лицо и лицо Андрея скрылись, отступили в ночь, где злобно горели слабые огни, похожие на волчьи глаза, стерегущие крик чужой женщины.

Она не помнит совсем, что она несла, помнит только, что была разбита любимая чашка Андрея и сын покорно подметал разлетевшиеся по комнате осколки... Это потом она обнаружит на его руке синяк и будет украдкой изучать это чернильное пятно, выцветающее в желтизну по краям, и думать: Маша это или она? Она ведь, как ни странно, хорошо помнит нежность складки кожи, закручиваемой ею, словно крышка на пузырьке с корвалолом.

48

То лето было на редкость щедрым. Не было дней с изнуряющей жарой, солнце светило ровно и ежедневно. Ей даже казалось, что это и не солнце вовсе, а какая-то люминесцентная лампа дневного света. Гриша ехать в деревню с ней не захотел. Устроился в пионерский лагерь вожатым.

Сотовые телефоны ещё только появлялись и простым смертным были недоступны. Поэтому она оказалась на целый месяц как бы в глухой изоляции. Свет здесь включали ровно по расписанию и выключали тоже по расписанию. Сначала она думала, что соседи, которых она знала с детства, будут приходить к ней. Но как-то так незаметно оказалось, что вся её улица вымерла, почти все дома занимали чужие дачники, скрывавшие свои вновь понастроенные коттеджи за высокими заборами.

Лидия Андреевна принялась рьяно выхаживать сад. Сражалась с деревьями, наступающими со стороны леса. Клёны можно было косить косой, как траву... Тряся красным монистом и серьгами в тон ему, наступала на сад рябина; подползал орешник, маня ещё зелёными орешками, выглядывающими из папуасских юбочек; шла, выпрямив гордо стройный стан, берёза. Лидия Андреевна знала, конечно, что сможет заставить Гришу помочь ей в саду, но ей надо было просто бежать от воспоминаний и самой себя. Взяв тупую пилу, она со слезами перепиливала ствол дерева, стирая корой, как тёркой, кожу рук. На ещё не загубевших ладонях уже образовались белые набухшие пузыри. А на правой руке даже просвечивала сквозь отслоившийся мешок кожи кровавая жидкость в нём. Но Лидия Андреевна будто и не чувствовала... Она не допиливала дерево до конца и, как бы повисая на нём, обламывала своим весом. Потом полдня перетаскивала сломленные деревья, заслонявшие свет, на то место, где когда-то высился забор. После в изнеможении лежала на постели, смотрела на жёлтое пятно от дождей на потолке и думала, что молодость миновала как-то в один день. Всё была молодая, и всё у неё было впереди... А теперь раз — и старуха. Как быстро проходит жизнь... Ещё вчера здесь было полно народу и даже ходили по двору маленькие нахохлившиеся цыплятки. Жила в хлеву Чернушка, что бродила летом где-то по лугам со стадом... А сейчас нет ни родных, ни Чернушки и даже на лугах никто не пасётся.

Лидия Андреевна с тоской смотрела на покосившуюся избушку, что стояла почти на курьих ножках. Отец когда-то поставил её на высокие столбы вместо фундамента. Денег на целый полный фундамент тогда не было, а

чтобы дом не гнил, он был водружён на высокие столбы так, чтобы под полом гулял ветер. Ступеньки крыльца и половицы совсем прогнили. Ходить по нему было нельзя, и Лидия Андреевна с унынием сожалела, что она не плотник. Кого бы нанять?

Хорошо, что не было дождей. Крыша текла — и на полу веранды выросла белая седая поросль, напоминающая заиндевевший мох. Обои отклеивались по углам, заворачиваясь, будто лепестки отцветающих цветов, раскиданных по полю. Все обои были в жёлтых пивных потёках от просачивающейся влаги. Тут и там зияли чёрные дыры с неровными краями, прогрызенные мышами. Потолок тоже когда-то был оклеен обоями, но обои давно пожелтели и были два десятка лет тому назад просто побелены. Теперь эта побелка постепенно осыпалась. Мел лежал, будто лёгкие первые снежинки на старом стуле, на пустом столе, на обшарпанном полу... Снежинки спускались с потолка на нитках паутины, точно гирлянды лёгкой мишуры под Новый год.

Мыши совсем обнаглели. Они ходили по комнате, совсем не обращая внимания на Лидию Андреевну. Они просто вылезали из своих норок и шастали по комнате, чувствуя себя как дома. Шуршали, с хрустом отгрызали очередной кусок обоев, не только нагло подбирали просыпанные крошки, но и норовили залезть в запечатанные продукты. Одна даже умудрилась утонуть в банке с красной смородиной, которую Лидия Андреевна протёрла с песком на зиму. Сдвинула баночку из-под консервов, которой Лидия Андреевна покрыла трёхлитровую банку с ягодами, прогрызла толстенную бумагу, закрывающую горло банки, и, видимо, сорвалась в посудину и захлебнулась сладким сиропом.

Однажды, придя с реки, Лидия Андреевна нашла на столе маленькую мышку, почти мышонка. Стол был круглым и стоял посреди гостиной. Лидии Андреевне казалось, что туда мышкам не добраться. И она оставляла на нём продукты: печенье, конфеты, крупы. Увидев хозяйку дома, мышь заметалась по круглому столу. Она хотела спрыгнуть, да побоялась высоты, на которую нечаянно забралась в погоне за лёгкой наживой... Мышка опасливо поглядела за край стола, свесив головку с маленькими чёрными бегающими глазками-бусинами. И, не решив-

шись прыгнуть, начала бегать по краю стола, испуганно и судорожно круг за кругом: один круг, второй, третий... Лидия Андреевна стояла в нерешительности, не зная, что предпринять. Прибить или поймать её она боялась. Муж бы поймал. Она помнит, что он не раз ловил их прямо руками и, завернув в лопушок, уносил далеко за калитку, не решаясь убить. Мышь как загнанная носилась по кругу, хотя её никто никуда не гнал: Лидия Андреевна застыла в оцепенении. Было что-то символическое в этом бесполезном беге по краю, когда надо крепко зажмуриться и спрыгнуть за край. И в этом будет твоё спасение. Но глупая мышь бежала по кромке стола круг за кругом, не осмеливаясь на прыжок. Лидия Андреевна подошла вплотную к столу — и тут мышь прыгнула и в мгновение скрылась в своей чёрной дыре под плинтусом, махнув сереньким голым хвостом, напоминающим измочаленную верёвочку. Лидия Андреевна подумала, что она сама, как эта мышь, всё бежит, как загнанная, по краю, в погоне за концом пути, и не решается спрыгнуть, бежит, боковым зрением угадывая на мгновение стремительно надвигающуюся опасность...

49

В тот вечер она, как обычно, позвонила Грише, он сообщил, что делает лабораторную работу по химии. После чего она легла спать. Ночь была у неё удивительно спокойная. Она как провалилась. Ей снилось, будто она маленькая девочка. Рядом бабушка и мама. Они сидят за большим круглым столом. Бабушка печёт пироги с капустой, кажется, на столе стоит большой самовар, растопленный душистыми смолистыми шишками, напоминающими о скором Рождестве. Над столом горит большой светильник, накрытый сверху, будто корзиной какой-то, плетённым из лозы плафоном... Бабушка наливает ей полную чашку холодного молока, вытаскивает из печки румяную плюшку... Такой покой разливается в комнате, такой же мягкий и обволакивающий, как этот свет, сочащийся сквозь ивовые прутья. Маленькая Лидочка почему-то уверена, что у неё в жизни всё сложится хоро-

шо. Она тоже научится печь большие и вкусные пироги с румяной корочкой и будет кормить ими своих деток.

Обычно она просыпалась, если в последние месяцы ей виделись её близкие. Просыпалась и понимала, что это нереальность. Тут такого не было. Сон как сон... Словно была под ублаживающим наркозом... Так ей впервые за много месяцев было уютно в своём сне... Родные были снова живые...

Лидия Андреевна встала с чувством, что она выпалась, жизнь продолжается, хоть совсем не радостная и светлая, как ей мечталось в том сне... Но всё равно надо жить. В конце концов, есть же и совсем одинокие люди. А у неё всё-таки сын, значит, есть будущее, появятся внуки... Люди правильно говорят, что время лечит, не лечит, конечно, а так... зарубцовывает раны. Остаются корявые шрамы, похожие на высушенные растения. Но болит только, если трогать и надавить, а так среди дневной круговерти уже забываешь про это уплотнение...

Умывшись и одевшись, она стала звонить, как всегда, Грише. Телефон не отвечал. Дрыхнет, что ли?

Скоро придут продавцы, пора и просыпаться, в университет бы не опоздал... Паршивец! Она набрала номер ещё раз, но в трубке раздавались лишь длинные гудки... Звучали, как будто кто-то сигналил на дороге, торопясь проехать, но впереди поперёк встал большой крытый грузовик, который развернуло на накатанном льду после оттепели, заслонив собой всю дорогу...

«Может, линия связи повреждена или телефон отключили за неуплату?» — подумала Лидия Андреевна и ушла на работу.

Сидела, смотрела в документ — и ничего не видела. Ей всё время казалось, что хриплой птицей кричит встревоженный телефон. Она даже несколько раз подходила к нему и снимала трубку. В трубке равнодушно плескалось холодное зимнее море. Сердце свернулось комком, как сворачивается в холодной воде капля расплавленного воска.

Примерно через два часа ей позвонил директор магазина, где работал Гриша, и сказал:

— Лидия Андреевна! Здравствуйте... — голос перешёл почти на шёпот от перехваченного

дыханья. — Сядьте, пожалуйста. Я должен вам сказать, что случилось несчастье. Гриша впустил ночью каких-то людей. Сторож соседнего магазина это видел. Эти бандиты обокрали магазин. Гриша погиб. Сейчас он находится в морге при судебной экспертизе. Тело можно будет забрать не раньше чем завтра. Все расходы по организации похорон фирма берёт на себя, но нам нужен паспорт Гриши. Мы сейчас к вам приедем.

Дальше Лидия Андреевна ничего не помнит. Очнувшись, она увидела над собой лица двух перепуганных коллег, склонившихся над ней. В руках одной из коллег был пузырьёк корвалола, в руках другой нашатырь... Почувствовала почему-то, что мёрзнет шея: горловина её ворота была растерзана. Возвращаясь из тумана, она смотрела на эти лица, с трудом понимая, где она и что с ней. Энергично трянула головой, пытаясь отогнать дурной тяжёлый сон, в который она внезапно провалилась, потом до неё стало доходить, что это не сон... Или, наоборот, сон продолжался... Она во сне что-то говорила ребятам, приехавшим с Гришиной работы.

Ребята всю организацию дальнейшего брали на себя, но договорились, что она покажет им место на кладбище, где похоронен Андрей. Они не очень-то и понимали, что произошло. Вроде бы у Гриши были какие-то друзья, которых он пустил поздно вечером в магазин в гости. Они, вероятно, постучались и попросили их впустить. Они даже пили чай с Гришей. Не водку, не пиво, не кока-колу, а чай... Дальше магазин был ограблен. На теле убитого обнаружили четырнадцать ножевых ран и с десяток кровоподтёков от ударов тяжёлыми предметами.

50

Весна в этом году запаздывала. Глубокий, по горло, снег лежал необозримыми сугробами, кое-где из которых торчали кресты, будто гигантские якоря. Найти могилу было почти невозможно, но она каким-то десятым чутьём вдруг поняла: это там, где чернеет чёрной якорной привязью верхушка невысокого креста. Будто она сама и была этой привязью, соединяющей прошлую жизнь и будущее, которое

было теперь туманно, беспросветно, бесповоротно... Она попыталась дойти до этой чёрной металлической вязи и, сделав лишь шаг, ухнула в колючий снег. По пояс. Попыталась выбраться — и не смогла. Опереться было не на что. Все опоры оказались утрачены. Она попыталась помочь себе руками, но руки мгновенно ухнули по локоть в обжигающий сугроб, и она почувствовала шершавый наждак снега, заползающий к ней в рукав, сковывающий все её движения, засасывающий, словно гиблое гнилое болото, ноги в тоненьких колготках: вот уже и сапоги того гляди пойдут ко дну... Только кочек тут не было. Были могилы. Холмики могил, но они были далеко, будто подводные рифы... Она сквозь толщу снега как будто видела все эти холмики... Она с трудом вытащила ногу и сделала ещё шаг вперёд — и снова ухнула в пропасть. Она не помнит, как добралась до чёрной якорной привязи, торчащей из снежных торосов, но почему-то помнит ледяной холод, ободравший все её колени и до боли замораживающий ледяной сыростью кончики немеющих пальцев ног. Деревянной рукой Лидия Андреевна соскребла, как растопыренной веткой, налипший на металлическую табличку снег и с облегчением вздохнула: «Здесь!» Теперь надо было выбираться назад. Она оглянулась — и ужаснулась: как только добралась сюда? И непонятно, как сможет отсюда вылезти? Ау! Кричи не кричи... Никто не услышит... Ей снова стало страшно... Горопливо, но стараясь попасть ногой в образовавшиеся чёрные воронки, она начала свой обратный путь к окраине кладбища, где зеленела комендантская будка.

...Вечером она лежала в постели, завернувшись в колючий клетчатый плед, положив рядом расхристанную телефонную книгу и поставив расколотый телефонный аппарат, перевязанный чёрной траурной изолентой, на стул около кровати, и методично обзванивала всех своих знакомых, один за другим выуживая их номера из каждой буквы алфавита записной книжки, не в силах понять, что же с ней произошло...

Были выходные, и вскрыть её мальчика могли только завтра к вечеру.

Гроб заколотили на окраине кладбища, так как машина к могиле проехать не могла. Чистить снег для катафалка никто не собирался. Снег был в этот год очень глубокий. К могиле Андрея была расчищена узкая тропинка, буквально вырублена в снегу, как в горной породе. Прощаться подходили по одному... Пока Лидия Андреевна стояла у могилы, поддерживать её могли только сзади.

До квартиры её проводила подруга с работы — и тотчас убежала за внуком в детский сад.

Если бы она могла верить! Если бы она верила, ей было бы легче. Только теперь она поняла всю мудрость христианской религии. Человек не прощается с любимыми навсегда, он просто расстаётся, до скорой встречи в новом мире, пропитанным солнцем и музыкой. Человек знает, что его любимым сейчас там лучше, чем здесь. А свою боль можно пережить и перетерпеть, так как встреча там, за облаками... И, наверное, она уже не так далеко... Лидия Андреевна знала, что ничегошеньки, кроме этой жизни, у неё не будет. Думать о будущем не хочется. Ей кажется, что оно похоже на развезённое осеннее поле, из которого выкопали картошку. Дожди идут и идут, вода хлопает носом среди оставшихся от комбайна борозд. Дует сырой пронизывающий ветер. Деревья уже все голые и лысые, скалятся гнилыми зубами, с веток слезла кора — и они напоминают человеческие кости... Смирись: это Бог послал тебе испытание, а Бог не даёт испытаний не по силам... Это не ты виноват — всё было предначертано свыше, а значит, ничего нельзя изменить и переиначить — и стало быть, нечего бить себя кнутом по спине и расчёсывать затягивающиеся мокнувшей корочкой раны. Ничего не изменишь. Твоим близким там хорошо. Это тебе плохо без них. Но Бог оставил тебя здесь. Значит, ты должен завершить все их и свои дела тут. Ещё немного прожить здесь одному, чувствуя себя пылинкой, нет, даже не пылинкой, пушинкой от одуванчика, у которой отломилось семечко, и она уже никогда не пустит зелёные побеги, упрямо раздвигающие ещё не засохшие после бурного таяния снегов комки земли, по которым бегут нитки чужих корней, похожих на ка-

пиляры, — и ты снова увидишь своих родных и близких... Потерпи немного ещё. Ещё помучайся... А тот, кто остаётся на земле, обязательно ещё встретится со своими любимыми и близкими, ещё услышит наяву их постоянно мерещащийся нетающий голос, будто указывающий путь среди ухабов и рытвин: «Ты меня слышишь? Не оступись!» Ещё окажется в их нежных объятиях, надёжно заслоняющих стеной из пуленепробиваемого стекла от разгулявшихся ознобных ветров, завывающих волком на сторожевой цепи в тёмном переулке, в котором притулился твой скособоченный домишко. Ещё немного прожить здесь одному — и ты снова увидишь их, своих близких, смотрящих на тебя пока будто сквозь запотевающее стекло, принесённое с замороженной улицы...

Как быстро проходит жизнь... Ещё вчера ты была девочкой с жиденьким конским хвостом из обесечённых волос, туго перевязанных чёрной аптечной резинкой... И вот уже стоишь почти одна, на пороге одиночества, старости и болезни... Всё. Лотерейная шапка пуста. Все билеты прочитаны и раскручены. Жизнь пожевала, пожевала и выплюнула. В тоску и старость.

Тоска теперь подступала внезапно. Но она не то чтобы наступала, она просто где-то тихо затаивалась в тёмном чулане души, пока Лидия Андреевна была на работе и машинально выполняла свои многочисленные обязанности... Тоска жила всё время. Лидия Андреевна вздрагивала посреди рабочего дня от того, что вдруг возвращалась к событиям последних месяцев... Она глотала горстями транквилизаторы и всяческие таблетки, укрепляющие иммунитет, повышающие сосредоточенность и умственные способности. Она старалась больше не плакать, так как просто начала бояться за своё физическое состояние: если она слетит с этого жизненного круга белки в колесе, то ей просто даже позвать будет некого или, не дай бог, придётся когда-нибудь оперироваться... Она чутко вздрагивала от всех телефонных звонков в квартире, как собака, услышавшая на лестнице шаги хозяев, что были в длительном отъезде. Телефон теперь звонил редко, но ей всё время казалось, что это звонят Василиса, Гриша или Андрей. Тоска наступала, как только она перешагивала порог своей просторной квартиры.

Слёзы подкатывали под горло, поднимались выше и начинали капать, как вода из прогнившей крыши в грозовой дождь. Облегчения они не приносили, наоборот. Она чувствовала отупляющее изнеможение, начинала задыхаться от мучительного кашля, который выворачивал её всю наизнанку, выкручивал бронхи, вызывая рвотный рефлекс и кислый вкус во рту от забродившей пищи. Она всё время прокручивала события последних месяцев, будто любительский кинофильм какой-то, тщетно пытаясь понять, как всё это произошло.

Ей всё время хотелось открутить непостижимые события назад. Она почему-то больше не помнила тех отвратительных сцен ругани, которые преследовали её всю жизнь... Теперь все её родные как бы приблизились к ней и совсем не уходили всё дальше, как ей обещали её сердобольные друзья.

Она спала хорошо, просто изматывалась физически настолько, что словно проваливалась в какое-то рваное чёрное небытие, разорванное на траурные ленты. Её родные не снились ей. Она даже сама удивлялась, как такое может быть, но они не снились. Зато она частенько просыпалась посреди ночи с мыслью, что теперь она одна, больше у неё никого нет, жизнь состоялась, и не очень удачно, ничего нельзя уже изменить и переиначить. Груда искорёженного железа лежит под серой насыпью откоса, и никто даже не пытается поднять его от туда. Всё, что осталось от людей, заразительно смеющихся, надрывно кричащих, вечно куда-то бегущих и никогда не добегающих, увезли. Люди наконец добежали, но совсем куда-то не туда, куда стремились всю свою недолгую и не очень-то счастливую жизнь. Сплющенное железо равнодушно поблёскивает на солнце, а выбитые осколки стёкол, валяющиеся на выжженной траве, пускают солнечные зайчики... Она трясла головой, прогоняя от себя этот нелепый слепящий свет, обжигающий до слёз, и в который раз начинала с ужасом и оцепенением прокручивать события последних двух лет, явственно ощущая их тошнотворную нереальность. Потом снова так же неожиданно для себя самой опять ухала в глубокий колодец своего сна даже без чёрно-белых сновидений — и вновь так же неожиданно её выносило всплыв-

шим трупом на поверхность, где в лицо бил белый равнодушный свет кафельной плитки больничной палаты. И снова была мысль, что она потеряла всех... Как так получилось? И не она ли сама была виновата в этом?

Она с удивлением (и с неожиданной радостью) вдруг обнаружила, что юбки начали свободно крутиться вокруг её талии, всё время пытаясь переехать боковым швом вперёд.

На работе она частенько замирала над старательно вычитываемой документацией, понимая, что читают лишь близорукие глаза её, а сама она давно улетела куда-то вдаль, где влажнеют свеженасыпанные холмики глинистой земли и скрюченные судорогой пальцы сжимают в горсти тяжёлый земляной комок с засохшей в нём травинкой прошлогодней травы. Она медленно возвращала взгляд в начало страницы, но, прочитав две строчки, неожиданно счастливо убежала туда, где сидели они вчетвером за круглым столом на кухне, под апельсиновым с длинной шёлковой бахромой абажуром, отбрасывающим мохнатую тень на белую ажурную клеёнку, и пили чай с только что испечённой ею, светло пахнущей ванилью и антоновкой шарлоткой.

Лидия Андреевна с удивлением поняла, что больше у неё никого нет. Ей казалось раньше, что друзья понятие незыблемое, если они настоящие. Но молчал даже телефон. Лучшая подруга, уехавшая в другой город, в коротеньком письме обещала позвонить и выражала своё сочувствие. Полгода спустя Лидия Андреевна получила от неё повторное послание. В нём подруга извиняющимся голосом оправдывалась, что она, по-видимому, неправильно записала Лидины телефоны.

Всплывшие на поверхность воспоминания подогнали веслом к лодке, пока никто из близких этого не увидел, нагнулись над водой и даже подержали в ладонях, чувствуя их тяжесть и немного боясь, что они выскользнут. Пугаясь не того, что ускользнут, а именно выскользнут — и придётся снова подгонять их к лодке тяжёлым веслом, вытащив его из ключин и грозя потерять равновесие в ветреную осеннюю погоду. А подгонять их было нужно, чтобы быстро привязать камушек потяжелее и пустить плыть обратно. Она словно тянула и тянула из озера подсознания свои

воспоминания и не могла вытащить до конца, будто тяжёлые сверкающие сети, набитые живой запутавшейся в них рыбой...

Она всё время ловила себя на мысли, что собирается прийти домой и рассказать о том, что у неё опять произошло на работе, кто и что сказал и что она об этом думает. Она, конечно, тут же спохватывалась, что рассказать теперь свой день совсем некому, никто её не услышит и не поймёт... Но на другой день это её желание «всё рассказать» выныривало снова.

Она почти перестала готовить. Только раз в неделю, в воскресенье. Варила себе гречку или рис на всю неделю, брала кашу на работу, дома же вечерами не ела теперь, а, придя с работы, просто ложилась на диван, вытянув и положив на маленькую подушечку отёкшие за день ноги с сизыми ручейками вздувшихся вен. Она лежала и тупо смотрела в потолок. Иногда ей казалось, что все её последние годы — какой-то дурной сон. Стоит только потрянуть головой — и проснёшься, увидишь на соседней кровати Андрея, с присвистом похрапывающего так, что хотелось с силой пнуть его ногой. Иногда Лидия Андреевна даже проваливалась в рваный сон, но вскоре всплывала из небытия в его прореху, будто оказывалась на поверхности проруби. Появление на поверхности всегда сопровождалось одной и той же мыслью, что это — не сон. Состояние это было как застоявшаяся в озере вода в безветренную погоду. Вода и не прибывала, и не уходила в грунт: подводные ключи постоянно пополняли уходящую в почву воду.

И снова, и снова Лидия Андреевна тянула из тёмного озера свои воспоминания, чувствуя, что ветхая сеть опять зацепилась за корягу, разорвалась и она что-то не сможет уже вытащить на незамутнённую поверхность никогда.

Лидия Андреевна вспоминает, что она загадывала под Новый год в своей молодости. Тогда на самом доньшке колодца под толщей ледяной воды утонувшим серебряным колечком лежала надежда на чудо... Колечко окислилось и покрылось тёмным налётом, но она тогда знала, что сможет его всегда отчистить зубным порошком. Главное, как-то достать со дна! Позднее ожидание и надежда на чудо, любовь, счастье рассеялись как морок и утренний туман... Потом растаяло, словно едкий дымок от

хлопушки, взорвавшейся разноцветным конфетти, и само желание волшебства. Вместо этого она теперь произносила скороговоркой про себя пожелание себе самой, чтобы ничего плохого в её жизни не произошло, чтобы никто не умер, чтобы всё было хорошо, спокойно и безмятежно, как под ватным одеялом после шумной новогодней ночи, когда знаешь, что впереди несколько дней блаженной свободы от расписанной по минутам жизни, безмятежно стекающей на дно песочных часов. Желания растаяли, как пряничный домик или карамельный петушок. Осталась одна обглоданная мокрая палочка, крепко зажатая в руке. Она будто пыталась отсрочить неизбежное мгновение своими беззвучными молитвами...

Потом она вообще перестала загадывать подобные желания. Это случилось после того, как умерли родители, после того, как она потеряла всех, кого положено терять по суровым законам природы.

Когда же она неожиданно и страшно стала терять своих самых близких и родных людей, она почему-то подумала, хотя это и было, конечно, глупо, что всё происходит от того, что она перестала загадывать то своё девичье желание: «Чтобы все были живы...» Есть что-то мистическое в нашей вере в чудеса: перестал верить — и всё пошло наперекосяк.

Лидия Андреевна обнаружила, что теперь сутулится под рюкзаком прожитых лет, что за последние годы оказался так туго набит, что она совсем не могла его сбросить с плеч... Так, видно, и тащить до старости... Не выпрямиться уже никогда. Холод вечной мерзлоты потихонечку проникал в неё. Сначала она начинала мёрзнуть от кончиков пальцев рук и ног, затем холод постепенно поднимался по сосудам ближе к сердцу. Она мёрзла уже при обычной комнатной температуре. Почему-то вспомнила Сенеку из виденного когда-то по телевизору спектакля: «Старость — вечерами надеваю две туники и всё равно мёрзну».

Теперь она закутывалась дома в верблюжье одеяло и так и сидела, завёрнутая в него, как кролик под гипнозом удава, пляясь в телик, где опять стреляли в худенького мальчишку, встрёпанного, будто намокший под дождём воробей...

Голоса близких не уходили. Они целый день звучали у неё в ушах. Иногда она вздрагивала — и оборачивалась. Ей казалось, что за спиной у неё стоят её родные, отбрасывая изломанные тени на стены, и ждут её ответа. Она постоянно слышала их приказания: не делай этого! И отступала в растерянности, так и не совершив задуманного поступка. Это было как наваждение. Голоса звучали в ушах, будто музыка, она даже перестала слышать за этой музыкой окружающих. Медленно, словно выплывала из тумана сна, возвращалась в окружающую действительность... Близкие тут же исчезали, таяли, как дыхание, оставленное тёплыми губами на ледяном стекле. Но проходил час-другой — и снова Лидия Андреевна ловила себя на мысли, что она опять спрашивает у них совета. Когда звонил телефон, она вздрагивала, тормозя свой рывок к надрывающемуся аппарату, напоминающий прыжок с вышки (как в морскую бездну летишь, задержав на мгновение дыхание, набрав полные лёгкие воздуха и зажмурив глаза). Ей всё время казалось, что это дети ей звонят или Андрей... В шумной толпе ей хотелось крикнуть: «Да не галдите же вы так, вы же не даёте услышать моих родных, я почти не различаю их голосов за вашим гвалтом, но хорошо знаю, что они звучат громко и чётко, будто голос диктора, вещающий новости. Я спрашиваю у них совета, и они отвечают мне, и если раньше я могла поспорить и сделать что-то наперекор их советам, то сейчас я этого сделать не могу, просто не имею права. Руки деревенеют на холодном ветру, узелок не развязывается заочневшими пальцами в подагрических буграх, похожих на обломанные сухие сучья. Мои близкие были бы рады, зная, что теперь я живу по их подсказкам...»

Тяжелее всего давались ночи. Днём она иногда совсем забывала о произошедшем. К вечеру же тени в тишине оживали по углам... Снова и снова продолжала она свой неоконченный разговор с ними. Голоса звучали так явственно, что хотелось себя ущипнуть. Возможно, она проваливалась в кратковременный сон, а потом внезапно возвращалась в пустую холодную комнату, с трудом понимая, что близких нет. Только что были с ней — и вдруг растаяли, как мираж в пустыне... Она натягивала до подбородка скинутое одеяло, иногда даже надевала

его капюшоном на голову, крепко зажмурилась, пытаясь вернуть видения, но нет... Сон прошёл, и мысли печальным караваном журавлей выстраивались в осеннем небе, низко и давящем, грозящем обрушить потолок.

«С любимыми не расставайтесь и каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг» — всё время крутилась эта строчка. Почему не почувствовало её материнское сердце беду? Почему всё казалось несерьёзным, как сон, который можно с себя стряхнуть, встав под холодный душ, зябко ёжась от ледяной лейки, напоминающей струи грозового ливня, неожиданно заставшего тебя на развилке трёх дорог. Куда ни пойдешь — вымокнешь до нитки и тяжёлый озноб, уже побежавший по позвоночнику к ногам, будет мелко раскачивать твоё тело, будто молоточек будильника, что никто не сорвётся успокоить, погладив по макушке.

Слёзы высохли, вернее, влились внутрь, образовав в душе своеобразный грот, и неподвижно стояли в своём безветренном укрытии, тяжёлые, как ртуть, и медленно отравляющие своими парами. Больше не плакалось. Она научилась жить со своей болью, как привыкают жить с раковой неоперабельной опухолью, радуясь каждому сумеречному рассвету, обволакивающему боль наркозом утреннего тумана. Жизнь за окном продолжалась, но она знала, что это уже не для неё солнце, вспыхивающее на каплях чистой росы, похожей на детские слёзы, что через час пропадут без следа.

Вот ты опять слышишь, что голос начинает звучать всё громче, дребезжать, как оконное стекло от прошедшего по улице трамвая, и, слушая этот всё накаляющийся голос, внезапно отступаешь, боясь обжечься жарким дыханием, и думаешь: а ради чего и зачем поднимаем давление своим близким? Надтреснутый голос пытается взять ноту всё выше и выше, уже неуклюже карабкается по обледеневшим горам... И вот уже трещинка с надломившегося голоса бежит по сердцу... И ничего нельзя изменить, и лицо белое, будто снег заоблачных вершин и вечной мерзлоты...

Жизнь для каждого теряет смысл по-разному, но результат — утрата этого смысла — одинаков для всех. Раньше она любила уезжать из дома в командировки. Бежала от повседневной

рутины, надеясь стряхнуть с себя осевшую пыль. Скучала, конечно. Звонила каждый день, спрашивала: «Как дела?» Чем ближе было к концу командировки, тем сильнее скучала. Говорила со всеми по очереди, ждала целый день, что вот, наконец, она услышит голоса своих близких. К её приезду муж и дети всегда готовились: убирали квартиру, стряпали что-нибудь вкусное, Андрей даже цветы иногда покупал. Она же каждому обязательно привозила подарок. Потом всем семейством весело разбирали её чемодан, примеряя обновки. Самое хорошее, наверное, и было в этих командировках — вот это её возвращение, да ещё ожидание, когда тебя соединят по междугородному проводу — и ты услышишь голоса своих родных. За время её отсутствия и она сама, и её близкие забывали про все мелкие, наносные и изматывающие стычки, все обиды выцветали в памяти, как пятно, пролившееся из гелиевой ручки, что оказалось под лучами солнца.

Теперь звонить было некому. И, как это было ни странно, уезжать не хотелось, хоть и казалось, что должно бы быть наоборот. Нестись из своего дома, к людям, забыться хоть на неделю (хотя разве можно забыться?)... Но желание бежать почему-то исчезло. Всё время теперь тянуло закутаться в тёплое ватное одеяло, забыться с головой в свою нору и так и лежать наедине со своей болью, баюкая её, точно раскричавшегося младенца. Ей казалось, что другая жизнь, другие города и новые люди могут запросто заглушить голоса твоих родных. Они перестанут в ней звучать как музыка... Начальство на работе, напротив, хотело её постоянно «встряхнуть», проветрить... Уезжала она в командировку теперь с шемющим чувством утраты дома, в котором потеряла всех своих близких, но дом помнил каждой своей вещью движения их тел, впитал их тепло и наполнился их голосами. А теперь она будто оставляла своего старого товарища, с которым у неё были общие воспоминания. Слёзы набегали на её щёки, всё больше становящиеся похожими на картошку по весне... Гуляя по чужому городу и всматриваясь в лица прохожих, она постоянно думала о том, что вот они торопятся домой к своим родным и любимым, а она одна в этом чужом городе, и в своём — всё

равно одна. Она периодически ловила себя на мысли, что ей нестерпимо хочется позвонить домой и чтобы ей позвонили тоже. Но только накручивала на горло шарф поплотнее, ёжась от озноба, стекающего по спине струйками, как от проливного дождя. Приходила в гостиницу, бросала кипятильник в эмалированную кружку, всю в незаживающих оспинах отбитой эмали, и сидела, смотря на белоснежный потолок, где не было ни одной знакомой трещины и который напоминал ей заснеженное кладбище. И нестерпимо хотела домой, туда, где всё помнило о её близких. Её даже больше теперь тянуло домой, чем раньше. Прежде было предвкушение скорой встречи и сиюминутности этой её праздной командировки, где ей дали увольнительную на время от работы на конвейере чётко отлаженного механизма её дома... Теперь механизмом была она сама... Скрипящим и несмазанным. Раньше она могла позвонить и знать, что скоро будет встреча... Ныне у неё оставались только воспоминания. Воспоминания не уходили, бродили брошенными голодными кутятами по чужим дворам в поисках потерянных хозяев...

Она никак не могла справиться с силами и разобрать вещи своих близких. Всё так и лежало, как существовало при них. Так ей было легче. Создавалась иллюзия, что они просто куда-то ушли из дома: уехали ненадолго, вышли погулять и скоро вернуться. Она иногда осторожно входила в их комнаты днём, вытирала накопившуюся пыль и по-кошачьи мягко выskalывала, поплотнее прикрыв за собой дверь. Вечером она почему-то к ним не заходила... Боялась нахлынувших воспоминаний, что подхватят чёрным потоком, сбегаящим с гор после урагана, унесут, затаянут в чёрную воронку? Но разве она уже не в воронке, из которой никогда не выбраться? Можно ещё побахтаться, но какой смысл выплывать? Тяжёлая рука на затылке, которая мигренью вдавливает твоё лицо в его отражение, сморщенное плачем и гримасой боли.

Лидия Андреевна вытаскивала из шифоньера вещи детей и Андрея, вдыхала их запах расширившимися ноздрями, будто наркоманка кофеин, зрачки её темнели, отражая падающие из окна солнечные лучи или жёлтый тёплый свет

от люстры, казавшийся ей теперь нестерпимо ярким и раздражающим сетчатку, будто лучи от ультрафиолетовой лампы. Примеряла по одной штучке две-три со сбивающимся с такта дыханием и, если они вдруг оказывались впору, выносила из комнаты, прижимая к груди, как новорожденного ребёнка. Потом в своей комнате бережно надевала перед зеркалом одну из них, а другую убирала в свой шкаф. По дому она теперь ходила в халатах Василисы, рубашках Андрея и в свитерах сына, спала в ночнушках дочери, в её же кофточках являлась на работу. Так ей казалось, что её близкие рядом с ней. Она теперь слышала не только их голоса — она вбирала в себя их запах, как собака со своим обострённым обонянием, бегущая по следу своих хозяев. Эти вещи вмещали в себя её тело, как когда-то её тело вмещало в себя их владельцев. Они опять были единым и неделимым. Иногда она натягивала ворот свитера или поднимала воротник халата себе на лицо и так сидела, вдыхая запахи близких и кусая ткань, зажимая плач, словно собака переносила с места на место своего новорожденного слепого кутёнка.

Она стала раздражительной на работе. Подолгу могла сидеть, уставившись в одну точку. Делать больше ничего не хотелось. Она стала замечать, что люди её сторонятся. Временами её захлёстывала волна раздражения и ярости, подхватывающая, будто смерч, всё на своём пути, отрывающая от земли, чтобы с силой грохнуть о камни. Слова летели из неё, точно из-под щётки снегоуборочной машины: резкие, колючие, смешанные с землёй.

Внезапно открывшимся фасеточным зрением она замечала, что люди переглядываются, улыбаются и пожимают плечами. Её стали раздражать громкие звонкие голоса, взахлёб рассказывающие о своей счастливой жизни; нервировало назойливое радио, передающее глупые песенки, которые казались ей фальшивыми; она теперь не могла вытерпеть, когда кто-то ей перечил.

Даже любые разговоры, звучащие на эмоциональном накале, вызывали в ней раздражение. Хотелось закрыть уши ладонями и нырнуть в глубину, уйти в свой подводный мир воспоминаний, где не было места резким и звонким звукам, как не было места под водой

яркому солнечному свету. Она обнаружила, что иногда она срывалась, будто катушка ниток со стола: катилась по полу, разматывая накрученную нить слов, свитую из претензий, обид, никчёмных и мелких требований. Странно так. Понимала всю суетность своего раздражения и всю погремущечность дрызг по сравнению с ценностью человеческой жизни, но остановиться не могла... Казалась себе насквозь промокшим ботинком, который выдох и его никак не натянешь на ногу.

Она часто чувствовала себя потом виноватой, когда на кого-то из сотрудников орала, но ничего не могла поделать с собой. Бешенство налетало, как гроза, внезапно — и лилось из прохудившихся небес, как из ведра, лущая кусты, ломая ветки и вминая в землю ростки желаний.

Лидия Андреевна стала всё забывать, совсем не помнила не только куда и что положила, а и сделала ли это вообще. Постоянно теряла какие-то бумаги, словно в комнате поселился бабабашка и уносил всё с собой. Однажды она сама заметила, что ходит по коридору шаркающей походкой: совсем нет сил поднимать ноги.

Временами её клонило в сон. Это могло произойти и дома, и на работе. Она просто роняла на свои руки чугунную голову, в которой бестолково, будто в пчелином рое, толклись воспоминания, — и хоть на несколько минут проваливалась в спасительное забытьё. Вот и нынче опять прикорнула на работе на несколько мгновений. Задремала — и тут же увидела младенца. Он лежал под её боком, уткнувшись в её сырую от слёз и молока рубашку, и чмокал. Лидия Андреевна подумала, что надо немедленно проснуться, а то она может задавить малыша. Она осторожно положила ребёнка к себе на грудь и дала сосок. Ребёнок сосал, а она гладила головку, покрытую пухом, похожим на пух одуванчика.

Работа больше не интересовала её. Казалось бы, сейчас это единственное, за что можно держаться, но мышцы пальцев непроизвольно расслаблялись и держать ничего не хотели. Она ходила на службу по инерции и потому, что не могла оставаться одна в опустевшей квартире целый день. Старость. Неужели дальше лишь старость? Ужасает сильнее всего невозможность выдумывать своё будущее.

Она обнаружила, что начальство её игнорирует. Её не ругали, но и больше не прислушивались к её мнению. Просто старались не пересекаться с ней. Её не сняли с должности, не отправили на пенсию ещё, но уже молодая энергичная её заместительница, женщина тридцати шести лет, командовала, даже не ставя её в известность о назревших проблемах и делах.

Однажды она хотела что-то ей посоветовать — и в ответ услышала:

— Заткнись!

Она даже не обиделась. Просто Лидия Андреевна как бы вышла из той возрастной категории, когда говорят: «Ты сломала мой куличик! А я сломаю твой!», совсем ещё не зная о том, что скоро и тот, и другой куличики рассыплются от осенних зачистивших дождей, насквозь промачивающих их и сравнивающих с грудой сырого холодного песка, и от того порывистого ветра, что отбрасывает недавно тесно прижатые друг к другу песчинки далеко друг от друга, смешивая их с миллионами таких же, похожих для близорукого глаза одна на вторую. Она слышала, что у этой сотрудницы недавно ушёл муж, и понимала, что она просто ей подвернулась под ногу, как ржавая консервная банка, которую захотелось пнуть и послушать, как та покатится по асфальту, оглушая округу пустым звоном.

Она перестала обращать на многие вещи внимание, хоть и говорят, что старость обидчива. Многие рабочие проблемы и кипевшие на службе страсти стали казаться ей до смешного кукольными, будто она взяла бинокль и перевернула его наоборот, чтобы посмотреть находящееся рядом: и увидела не детали, а всё целиком, как на ладони, размером со спичечную головку, но так чётко и резко, словно наблюдала из окошка иллюминатора.

Она отстранённо следила, словно за игрой двух пираний за стеклом океанария, как две уже не очень молодые сотрудницы, более десяти лет проработавшие бок о бок на одном заводе, остервенело делят освободившийся из-под прибора стол, готовые и пустить под откос годами складывающиеся хорошие отношения, и поставить под угрозу возможность дальнейшей нормальной работы просто пото-

му, что одна хочет работать комфортно, а другая понимает, что в таких стеснённых условиях, как работает её группа, долго они не продержатся: и люди побегут, и работа перестанет выполняться. Вот одна небольшая серебристая рыбка, только что лежавшая на дне на боку в обмороке, в который она со страху упала, сливаясь с илистым грунтом, неожиданно очнулась и поплыла. А вот она уже ловко в одно мгновение подгрызла плавник у своей сестрицы, опрометчиво слишком близко проплывшей около неё... А куда устремилась та, с потрёпанным плавником? Боком, будто хромя, головой вниз, но вперёд... Вот там на крючке мотается ещё живой сородич, жадно хватающий разорванными жабрами кислород и извивающийся, точно уж, от боли... Вот его сейчас быстренько и сожрём, оставив рыбаку растерзанные жабры да прозрачный скелетик, мотающийся на крючке, точно отброшенная тень.

Как-то она вышла во двор и увидела, что вход в их гараж зарос дачными клёнами. Они стояли, уже начав желтеть и бросать под метлу дворника свои листья, почему-то свёртывающиеся в трубочки, будто листы старой испсанной бумаги. Теперь в гараж можно было попасть, только срубив эти клёны... Она вспомнила, как рубили эти клёны в деревне, как они, рухнув, неожиданно открыли такой необъятный простор... Как эти клёны проросли сквозь асфальт у гаража? Это было странно и необъяснимо, но они росли, тесно переплетаясь тугими ветвями, наглухо перекрыв вход в гараж, искривлённые, копирующие движение скособоченной яблони, когда-то выросшей под крылом их предков. И снова клёны роняли свои крылатые семена, которые несло ветром на проезжую часть под колёса проходящих машин и автобусов... Скольким из них суждено теперь будет притулиться в городе у такого же заброшенного гаража, хозяин которого больше не открывает его дверь? Единицам? Всё зарастает в этой жизни — и однажды видишь, что входа больше нет.

Она теперь твёрдо знала, что не работа — главное в жизни, а твои близкие, но почему-то требовала от подчинённых работы на износ, забывая, что у тех могут быть какие-то свои личные проблемы.

Иногда она слышала разговоры своих молодых сотрудниц о своих родителях и ужасалась даже не тому, что те говорят о них, а с какой желчью в голосе. Слушала о том, как родители изводят их и делают невыносимой их жизнь, которая тоже пройдёт очень-очень быстро. Она соглашалась про себя, что жизнь пролетит стремительно, и думала о том, что их дети будут вот так же источать недовольство, говоря о них самих. Неужели и её дети о ней так думали? Некоторые звери могут съесть своих детёнышей, например холоднокровные рыбы. У млекопитающих такое редко, но и они могут загрызть своих новорожденных детёнышей. Потом просыпается инстинкт материнства...

Иногда она думает, что, случись что-то с ней, никто о ней даже не вспомнит. Она так и умрёт. Будто мостик к внешнему миру разрушен. Поддерживающий его столб снесло течением — и мост рухнул, болтает теперь вдоль реки своё посеревшее тело, полощет его среди жёлтых кувшинок, выглядывающих на поверхность, словно головы змей. Её даже никто не хватится. Найдут по запаху несколько месяцев спустя. Разве что кот от голода орать будет.

В выходные стала перебирать фотографии родителей, детей, мужа. Смотрела на фотографию своей малышки и на мамину детскую и поразились тому, насколько это одно лицо. Один и тот же распахнутый взгляд, обращённый в небо. Время сравнивало всё. Запросто можно положить в альбом на место маминой фотографии портрет дочери и наоборот... Как всё-таки быстро проходит жизнь! И что с нами делает время, превращая жизнь улыбающейся малышки, бережно спелёнатой пуховым одеялом, в пыль... Вот тут она тоже в кровати, грызёт режущимся зубиком металлический поручень. Она уже стоит и пока ещё не упадёт куда. Натянутая сетка на кровати, похожая на рыболовную, надёжно охраняет её от падения. Тут она на руках у папы. Родные руки так крепко держат её, что она уж тут не упадёт точно, эти руки её не выпустят. Ей тепло и спокойно у него на груди. Головка прислонена к его плечу... Баю-баюшки баю, не ложись ты на краю... Это потом край окажется обрывом, за которым пропасть... А пока от пропасти она отделена рыболовной сеткой... Тут она девочка с бан-

том-пропеллером, танцующая в цветущем майском саду, а тут девочка постарше с тугими косицами и набитым книгами портфелем... А вот тут она в компании с будущим мужем и Фёдором. Они растягивают одеяло на серой траве, которая тогда была ярко-зелёной, и смеются, перетягивая одеяло каждый на себя... А тут оба молодых человека как по команде одеяло отпускают — и она летит пока ещё не в пропасть, а на мягкую, разомлевшую от сошедших снегов землю, волоча за собой съжившееся одеяло и растерянно улыбаясь. Ещё все живы и ещё не все родились, чтобы уйти в небытие. Она подумала, что, когда и она уйдёт туда, откуда никогда не возвращаются, эти пожелтевшие фотографии кто-нибудь ей мало знакомый соберёт в изжёванный полиэтиленовый пакет и вынесет на помойку... И маму, и папу, и брата, и Андриюшу, и Васю, и Гришу — маленьких и постарше, и совсем уже выросших — всё пыльный ворох пожелтевшего сора... Зачем человеку воспоминания из чужой жизни, в которой его не было? Мусор, старый хлам, засоряющий отремонтированную квартиру. С ней уйдут не только фотографии, но и её родители, её муж, её дети, которые, пока она жива, всё равно ещё живы, хотя и живут внутри неё. С ними можно разговаривать, и она очень часто слышит их советы и даже приказания. Умершие продолжают любить и жить в тех, кого они любили. А значит, она должна быть, чтобы продлить их жизнь хотя бы в себе...

Как-то раз она поймала себя на том, что очень осторожно ставит стулья на даче на втором этаже ночью, словно боится разбудить кого-то. Она всегда так осторожно их ставила: боялась двинуть ножкой стула. Теперь эта предосторожность не имела смысла: разбудить она могла только мышей...

52

И снова на земле люди провожали старый год. Праздновали шумно и весело. Громко кричали, радуясь приближению его конца, а значит, и отпущенная им жизнь становилась на год короче. Снова улицы были наряжены в разноцветные огни, расцветающие хризанте-

мами фейерверков, свисающие лианами с водружённых на площадях ёлок, перегораживающие небо над головой натянутыми гирляндами мигающих фонариков. На принаряженный город снисходительно смотрело раскрывшееся разрезанной дыней ликом луны, странным образом увеличенное какими-то ледяными потоками атмосферы, втянувшими в себя свет взорвавшихся петард и бенгальских свечей, высвечивающих на мгновения детали возбуждённых лиц, перед тем как кануть в небытие, оставить пустоту разорённого, небранного дома: сдвинутую со своих мест мебель и горы немытой посуды, сваленной в раковину и на столе; песок у порога, принесённый на сапогах с посыпанных им тротуаров, напоминающий о тщетности минут, сбегających тонкой, но неумолимой и неостановимой струйкой в песочных часах.

Лидия Андреевна тяжело шла по тротуару. За ночь намело с полметра снега — и его никто и не думал убирать. Ноги проваливались в рыхлые сугробы, под которыми скользкими кочками и буграми лежал нескотый лёд. Она с трудом выдирала ногу из снега, облитого красным заревом пожара, чувствуя, что кровь приливает к голове, сердце стучит как перегревшийся мотор и она начинает задыхаться. Она хотела зайти в магазин купить продуктов, но, завернув в супермаркет, увидела такие длинные очереди к кассам с тележками, перегруженными бутылками, колбасной нарезкой и тортами, что потеряла к своей затее всякий интерес. Вышла из душного магазина, переполненного возбуждёнными и раскрасневшимися людьми, и повернула к дому.

Взойдя с трудом по лестнице, останавливаясь через каждые несколько ступенек, вошла в квартиру, сбросила пальто на стул, стянула сапоги с отёкших бутылочных ног, прямо в носках (нагибаться за тапочками уже не было сил) прошаркала в комнату и легла, подложив под ноги подушку.

Так она лежала часа два, не в силах шевельнуть свинцовыми конечностями. Телефон умолк, казалось, навсегда, будто трубку заткнули кляпом. Она словно обитала в другом мире, в котором жили её близкие, которым не было уже места среди её знакомых. Воспоми-

нания снова крепко взяли за руки и окружили её, вода хорооводы. Вырваться было невозможно. Да она и не пыталась. И вся жизнь снова закружилась перед ней в каком-то нелепом и диком танце, где белая тяжёлая маска из гипса передавалась по кругу.

У неё снова всплыли в памяти те строчки из фильма Бергмана: «Но наступит последний день, когда придётся заглянуть в бездну... И в вашем мраке, и в том мраке, в котором мы все пребываем, вы не отыщите никого, кто выслушал бы ваши стенания и растрогался вашими страданиями. Утрите слезы и отражайтесь в своей пустоте». Она даже не сможет проиграть белому клоуну Смерти, выторговав у него чужую молодую жизнь и своё продолжение. Сейчас у неё мог бы быть внук или внучка. Уже бы родились. Она бы носила малышку на руках и прижимала к своей груди, задыхаясь от любви и нежности.

Где и когда она оступилась, идя по обледеневшему краю пропасти, и почему уцепилась за камень, на котором сидели её близкие, нарушив их шаткое равновесие?

Но сейчас бездна кажется ей лишь избавлением от груза, пригвоздившего её живую гранитной плитой к земле, из-под которой не выбраться никогда и так и жить раздавленной

до того дня, когда белый клоун возьмёт её за руку и поведёт за собой по снежному полю...

«Утрите слёзы и отражайтесь в своей пустоте». Одна... И больше никого в этом мире. И с этим надо жить. Слёзы бегут по стареющим щекам, становящимся похожими на сморщенные яблоки в коричневой паутине, хранящиеся с осени в холодильнике. Эта мысль её даже не преследует, она живёт с нею как с тенью, что лишь на недолгие минуты исчезает, словно на солнце набегает облако — и тень пропадает. Она просыпается ночью — а тень уже живёт с ней, машет чёрным крылом, словно летучая мышь над её лицом нависает. «Надень мне варежки». Руки леденеют — и она свёртывается комочком под одеялом, сжав пальцы в кулачки, пытаюсь согреть их друг о дружку. Пальцы медленно начинают отогреваться... Но это только пальцы. Не она.

□

Галина ТАЛАНОВА

(настоящее имя Бочкова Галина Борисовна)

родилась в г. Горьком.

*Окончила Горьковский госуниверситет,
кандидат технических наук.*

Поэт, прозаик. Автор шести книг стихов:

«Годовые кольца» (1996); «Ожидание чуда» (2001);

«Подобие дома» (2006); «Жизнь щедра» (2007);

«Душа любви открыта» (2009);

«И за воздух хватаясь руками...» (2011).

Стихи публиковались в таких изданиях, как

«Литературная Россия», «Новая газета»,

«Роман-журнал. XXI век», «Юность»,

«Север», «Созвучье муз» (Германия), «Истоки» и других.

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

Зоя Фридриховна МАЛЯРЕНКО

родилась в Ижевске.

Училась на филологическом факультете

Петрозаводского государственного университета.

Работала санитаркой, учителем,

журналистом, корректором.

Стихи публиковались в журнале «Север».

Автор книги стихов «Зоя» (2007).

Зоя МАЛЯРЕНКО

г. Петрозаводск

«Игра воображенья...»

* * *

Забудь, что карта выпала недобрая,
Забудь, что уж листва в аллеях собрана,
Что дым костров осенних в небо тянется,
Что день предзимний с летом не встречается.

Забудется, конечно, все забудется,
И тихой станет узенькая улица,
Когда цыганка-осень успокоится
И в снежный день ее кибитка тронется.

* * *

А может, все игра. Игра воображенья.
Напрасные слова. Напрасное волнение.
Мы вместе потому, что одиноки просто,
И белая хоругвь — всего лишь наша простынь.
Сердечный разнбой не имеет резонанса,
А ложе ждет от нас горизонтальных вальсов,
Исполненных любви без привкуса печали,
А мы лишь одиночество с тобой вдвоем зачали.
Вот в этом резонанс зашкалит все приборы.
Рожденье одиночества — долой с голов уборы!
Рождение его — разверстая могила.
...А я ведь так могла... А я ведь так любила...

* * *

Жизнь движется. Куда ее река
Стремит свое подводное течение?
К тем берегам, где боль и отречение,
Иль к мысу, где Господняя рука
Выносит к солнцу, распирающему небо,
Мельканье «не был», «был» и снова «не был»?

* * *

Земля потерь и похорон,
Ты обними меня за плечи,
Где стая реющих ворон
Кричит почти по-человечьи,
Где время, ивой обратясь,
Над черными корнями плачет,
Где оборвется моя связь
С судьбою — девочкой незрячей.

Надежда
БОЛЬШАКОВА

пос. Ревда Мурманской области

ИМЯ И СУДЬБА

Что даёт ребёнку имя при рождении? Как может оно изменить его судьбу?

Долгое время мне ничего не удавалось узнать об имени Надежда, потому как отрочество, юношество и молодость мои выпали на годы полного забвения Бога и всех святых. Но любопытство все же заставило залезть в справочники, энциклопедии, словари, и тогда мне открылась судьба святых мучениц Веры, Надежды и Любви, родившихся в Италии (117–138 гг.), день памяти которых приходится на 30 сентября. Их мать София была благочестивой вдовой-христианкой и потому назвала своих дочерей именами трех христианских добродетелей. Слух о Софии и ее красавицах дочерях: двенадцатилетней Вере, десятилетней Надежде и девятилетней Любви, о их вере и преданности Христу распространился по Риму. Языческий император Адриан решил пресечь это жестокими пытками девочек.

Веру охранники засекали плетью и кинули на железную решетку под поlyingающий огонь, но когда увидели, что та непреклонна, казнили ме-

чом. Надежду решили бросить в котел с кипящей смолой и маслом, но тот лопнул на глазах императора и развалился на мелкие части, тогда девочку обезглавили. Любовь привязали к деревянному колесу и избивали палками, а затем толкнули в огненное чрево пылающей печи, из которого та вышла невредимой, лишь чуть опалив одежды. Обезумевший Адриан велел отрубить голову и ей. Они погибли, но от веры во Христа не отреклись. Все происходило на глазах матери, которая только и могла, что истово молиться за своих дочерей. Адриан отпустил её, решив, что теперь она отвернётся от своего Бога, а София, похоронив любимых дочерей, через два дня умерла на их могиле.

Когда я узнала о принятии мученической смерти маленькими девочками, была потрясена. Какую же нужно было иметь веру, силу духа, чтобы не сломаться, не пасть в ноги своим истязателям. Крест, посильный далеко не каждому взрослому.

Сегодня эта история стала уже хрестоматийной. А каково же значение этих имен для русской культуры и православия?

На протяжении истории Государства Российского имя для человека имело особый сакральный смысл,

и не случайно в последние три десятка лет люди, пытаясь постигнуть тайну своего имени, смысл, заключенный в нем, стали изучать гороскопы, чтобы таким образом больше узнать о себе. Потому как вещая душа народа воплощена в его языке, в том числе и в именах. Не многие родители, давая сегодня имена своим сыновьям и дочерям, понимают, какую тайную непостижимую власть в жизни их детей сыграет оно. Имя, как звучащий образ человека, его оберег, Ангел-хранитель, предзнаменование, определяющее его судьбу. Пытаясь проникнуть в потаенное, мы совершенно не осознаем, что наши имена в основном уже давно заимствованы из других культур.

В большинстве указателей имен говорится, что и такие истинно русские имена, как Вера (ведающая свет); Любава (любовь, дорогая, любимая); Надея (упование, ожидание, надежда) – имена, якобы только заимствованные из старославянского языка, где появились как перевод с греческого: Пистис, Агапэ и Элпис. Имя Элпис происходит от корня, означающего «воля», а русское слово «надежда» – от глагола «действовать». Но если бы в русском языке не было своих собственных имен Веры, Надежды, Любви, то разве родители до сих пор называли бы ими своих дочерей?

Несмотря на то что именины Веры, Надежды и Любви отмечаются только раз в году, 30 сентября, в России это были одни из самых популярных имен. Имя Вера еще недавно давали двадцати из тысячи девочек. А в XVIII веке из тысячи дворянок 40 было Надежд, в купеческом сословии – 20, а среди простого люда – пять. В 1961 – 1970 годах из тысячи девочек это имя получали 29. Также было популярно и имя Любовь, сейчас же эти имена незаслуженно забываются и заменяются именами других культур.

При рождении мама решила назвать меня Натальей в честь бабушки, отец же, придя в поссовет, вдруг взял и поменял решение мамы, записав меня Надеждой.

Кого еще из известных Надежд хотелось бы вспомнить по этому поводу. Наверно, прежде всего первую в истории женщину-офицера, участвующую в Отечественной войне 1812 года, Надежду Андреевну Дурову, автора мемуарных «Записок кавалерист-девицы», приключенческих романов и повестей; поэтессу, детскую писательницу Надежду Александровну Павлович; русскую писательницу Надежду Петровну Тэффи; исполнительницу русских народных песен и романсов Надежду Васильевну Плевацкую; одну из моих любимых актрис Надежду Васильевну Румянцеву, эстрадных певиц Надежду Чепрага и Надежду Кадышеву. Интересный список Надежд и их главных жизненных направлений: писатель-

ницы, певицы, актриса. Я стала писательницей, люблю петь, а на сдаче актерских дипломных работ в институте приемная комиссия назвала меня актрисой души, это так, для констатации факта и того, как имя влияет на судьбу человека.

ПЕСНИ МОЕЙ ЮНОСТИ

Когда была школьницей, некоторых из моих подруг стали отдавать в музыкальную школу, я тоже просилась, но денег платить за учёбу у родителей не было, не говоря уже о том, чтобы купить пианино. Однако проигрыватель был, и тогда я начала петь под пластинки. Особенно любила про войну, песни в исполнении Марка Бернеса...

В Калининском ГПТУ меня от училища с песней «Баллада о красках» выбрали на городской конкурс. Народу – тьма. Вышла, баянист сыграл вступление, а у меня от испуга слова первой строчки забылись. Баянист ещё раз сыграл, меня заклинило. В зале захопала, я стою, наконец вспомнила и запела:

*Был он рыжим, как из рыжиков рагу,
Рыжим – словно апельсины на снегу.
Мать шутила, мать веселою была:
– Я от солнышка сыночка родила...*

Спела-то хорошо, но когда со сцены стала сходиться, запнулась так, что от босоножки каблук отлетел... Краснея от стыда, припадая на ногу, спустилась в зал. Кто-то из выступающих далее нашёл мой каблук и демонстративно со словами «Чей каблук? А твой каблук!» вручил его мне под смешки. Я готова была сквозь землю провалиться.

После долго боялась с песнями на люди выходить, но однажды решилась... И теперь, когда душа просит, вполне могу спеть одну из своих любимых.

Люблю песни в исполнении Изабеллы Юрьевой, Петра Лещенко, Владимира Высоцкого, Александра Малинина, Александра Розенбаума, ранние Аллы Пугачёвой, русские народные, песни 60–70-х годов. Люблю слушать Эдит Пиаф и Мирей Матье, песни в исполнении итальянских певцов и саамской норвежской певицы Марий Бойне. Люблю музыкальные композиции, исполняемые на трубе, саксофоне, флейте. Из классической музыки близки Чайковский и Григ. Любимые балеты – «Спартак», «Лебединое озеро», «Лейли и Меджун», оперы – «Чио-чио-сан», «Кармен», «Тоска»... Но все их я видела и слышала только по телевизору, вживую слышала оперное пение лишь дважды.

Голос певца – удивительный божественный дар, который вызывает во мне такую гамму

чувств, что, слушая, например, живое пение, могу разрыдаться от переполняемых эмоций. Причём заметила, что с возрастом потребность именно в живом голосе исполнителя, особенно оперных партий, возросла.

«СОПРИЧАСТИЕ»

В Новгородском культурно-просветительском училище в дипломном спектакле «Сопричастие» по мотивам сказки Аркадия Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш и его военная тайна» играла Плохиша.

В нашем спектакле речь шла не только о прошлом, но и о настоящем, в котором также совершаются предательства. Почему из одних получают герои, из других предатели? В нашем спектакле участвовали как «мальчиши», так и современники. И уже современники пытались разобраться, произнося:

*Гудят биотоки сердца и мозга –
биотоки высокого напряжения.
Они обжигают тебя и меня,
дышать не дают.
Раздавили!
Загнали!
Не умолкая, звенят и звенят
тревожные,
прыгающие сигналы.
Что гибнет?
Любовь?
Человечество?
Совесь?..*

Захотелось попробовать себя в роли отрицательного персонажа, понять, что движет людьми, идущими на предательство. И, признаюсь, далась мне эта роль нелегко. На фрагменте «Парламентерство» оператор, выхватив меня слишком узким лучом, так ослепил, что я, не увидев края сцены, со всего маха шагнула в зал... Налетев на сиденья, свалив несколько рядов, застыла, ошалев от испуга. Только крик «Ноги целы?» вернул к действительности. Сцена от пола возвышалась примерно на метр. Удивительно, но на мне не оказалось даже царапины. Только сильнейший испуг и истерика.

На «Пытке Плохиша», пробегая вокруг зрительного зала, перед буржуинами я должна была представлять в кувырке. И все бы хорошо, да кувырка сделать не могла. В школе на уроках физкультуры делала кувырки только назад и никогда вперёд, боясь свернуть шею, а тут – вяпалась. Режиссер курса Ольга Николаевна гоняла меня до изнеможения, но кувыр-

ка добиться не могла. Однажды, вновь остановившись, остроносой колобковской туплей я получила такой тычок под зад, что не заметила, как перевернулась, и услышала ее победный крик: «Ну что, шея твоя на месте? Или мне тебя прикажешь каждый раз пинать?» Страх кувыркаться исчез.

А на сдаче спектакля в пробежке вокруг зрительских кресел у меня оборвалась лямка от затягивающего бинта, и мои груди, выскочив из тисков, больно заколыхались точно ошалелые. Между сценами была минута, я с маху влетаю в техническую комнату к Лукину, задираю рубаху и кричу: «Витя, крути!», он тут же начинает бинтовать мои груди, и через минуту я вновь вылетаю на сцену.

После спектакля Виктор подошел ко мне и спрашивает: «Надь, а что это с тобой было-то, когда залетала ко мне?» Оказывается, он и не знал, что мы на спектакль груди перетягивали.

В финальной сцене буржуины, пытая Мальчиша, без конца «стегают» его плётками, я же в это время радуюсь, мол, не выдал тайну – получай. Но радуюсь-то по предлагаемым обстоятельствам, а на самом деле каждый раз от боли внутренне взвизгивала сама, потому как кончик настоящей, отнюдь не бутафорской плётки буржуина жалил ноги мне и всамделишную пытку получал не Мальчиш, а я...

Сколько раз просила Юрия Ганина отойти подальше, но... он в горячке игры постоянно об этом забывал. И на последней песне, когда мы выходили уже из образов мальчишей и пели песню, у меня по-настоящему текли слезы, так было жалко себя. Однако роль любимая, а потому и приходилось терпеть.

Я так любила спектакль, что, когда перед большой премьерой заболела, несмотря на температуру под сорок, играть все же пошла. Мне дали какие-то таблетки, и, отыграв спектакль на одном дыхании, при закрытии занавеса я, обессиленная, рухнула в обморок.

Приехав в Новгород через восемь лет после окончания училища, узнала, что о нашем спектакле, который мы даже по ночам репетировали, обо мне, как играла его с температурой сорок, ходят легенды. Педагоги по режиссуре студентам нас в пример ставят. И, признаюсь, услышать, что стала некой легендой в родном училище, было приятно.

Профессия режиссера научила меня глубже смотреть на жизнь, замечать в ней, в людях самые незначительные мелочи, быть внимательной к слову. Наверно от этого мне и пишется легко, ведь рассказ, повесть, роман – своего рода спектакль, который ты ставишь. Только в спектакле выразитель твоих мыслей и идей – актер, здесь – слово...

ВСЕ С КАКИМИ-ТО КОМПЛЕКСАМИ ХОДЯТ, А Я НЕТ

Как-то на репетиции Колобкова сказала, что в группе есть только один человек без комплексов – я. Не зная на тот период, что такое комплексы, я спросила у однокурсницы Натальи Стеблянко:

– Наташа, только честно, я что, ненормальная? Все с какими-то комплексами ходят, а я нет.

Наталья, как могла, попыталась объяснить, но её доводы мне казались совершенной глупостью, а поэтому, устав приводить примеры, она выпалила:

– Вот потому у тебя их и нет.

Но я не желала оставаться без каких-то загадочных комплексов и целых две недели выискивала их у себя. На очередном занятии победно заявила:

– Вы не правы, Ольга Николаевна, я нормальная, у меня тоже комплекс есть: я боюсь в компании в туалет ходить, потому как все будут слышать моё журчание, вот!..

Все засмеялись... Я, не понимая, чем вызвала столь неудержимое веселье, пыталась дознаться: «Что, скажите, – это не может быть комплексом? А мне девчонки с хорового говорили – может!» И все смеялись ещё больше, я же готова была разрыдаться... Когда смеховая истерика прошла, Ольга Николаевна, вытирая глаза от слез, произнесла:

– Теперь ты, Надежда, точно от последнего избавилась.

Страх, высказанный публично, прошёл, будто его и не было.

НУ ЧТО ТЫ, НАДЕЖДА, ПОСТОЯННО ОРЕШЬ?

Сценречь – после режиссуры любимый предмет. С детства я обладала довольно сильным грудным голосом, да ещё родители, работая на стройке, привыкли громко говорить и эту громкость, естественно, приносили в дом. В училище Ольга Николаевна за голос меня похвалила, сказав, что с ним немного поработать и я спокойно без микрофона заговорю на зрительный зал в пятьсот мест. Начались занятия. Я и не подозревала, что голос, оказывается, нужно ставить. Впрочем, люди редко замечают, что большинство из них ходят с какими-то дефектами речи, при этом совершенно не обязательно шепелявить или не выговаривать слова. Есть много других: разговор без чёткой артикуляции, разговор на связках (чем страдает большая часть наших учителей), зажим нижней челюсти и так далее.

И всегда с моим громким голосом даже в училище у меня возникали проблемы. Стоило чуть повыситься, как все начинали тут же возмущаться: «Надеж-

да, ну что ты постоянно орёшь?» Это так обижало, ведь говорила я, совсем не напрягаясь. Раз на репетиции спектакля меня так этим затуркали, что, не выдержав, уже поставленным голосом я заорала во всю мощь, заорала так, что стены затряслись, ребята уши позатыкали, после обессиленно и тихо, но очень настойчиво сказала: «Если ещё кто скажет, что я ору, буду отвечать таким образом». Больше подобных замечаний не делали.

АНТИСЛОВАРИ

Стыдно признаться, но я до сих пор пишу не слишком грамотно, что очень угнетает. А все началось с того самого Новгорода, когда в училище на занятиях по сценречи мы стали вести «антисловари», постоянно записывая за людьми слова, неправильно ими произносимые. К примеру, если я слышала, что кто-то сказал «булоЧная», тут же относила его к неправильно произнесённым, а в графу правильных записывала «булоШная», если говорили «кОрова», то перечёркивала букву «о», писала правильно «кАрова», как вместо «Омлета» записывала «Амлет» или «ОгОрода» – «АгАрод», вместо «сердеЧность» – «сердеШность», «Остановки» – «Астановка», и так далее. Нас учили правильно говорить, размечая тексты палочками, галочками, подчеркиванием, что в свою очередь значило: длинные паузы, люфтваузы, ударные слова. О, тогда на курсе я считалась одной из лучших студенток!.. Зато сегодня к своему ужасу осознаю, что продолжаю писать как говорю и ставить знаки препинания совершенно не по установленным правилам русского языка, а по внутреннему ощущению текста, прочитывая каждое произведение вслух, чтобы не просто видеть его глазами, а и слышать звучание...

СЛАВА БОГУ, Я В РЕВДЕ ЖИВУ

А ещё не раз предлагали мне переехать в Мурманск, но всем предложениям я неосознанно сопротивлялась, и когда спрашивали: «почему?», объяснить не могла. А на самом деле – почему? В 2003-м, когда принимала участие в научно-практической конференции «Классика и современность», пришло осознание моего сопротивления городу. На «круглом столе» с участием творческой интеллигенции Мурманска услышала рассуждения «российских писателей» о постмодернизме в литературе, эпатажности, парадигмах, модерне... Слушала и не понимала, о чём говорят. Все слова какие-то нерусские, заумные... Через полчаса этих разглаголь-

ствований у меня началось внутреннее неприятие всего, что пыталась понять, и потому раздраженно прошептала рядом сидевшей Людмиле Тимофеевне Пантелеевой, профессору Мурманского педуниверситета: «Наверно, я дура – ничего не понимаю. О чём они?» Людмила Тимофеевна донесла суть разговора, тогда я возмутилась опять: «Так почему нельзя говорить так же просто и доступно?» И облегченно добавила: «Слава богу, я в Ревде живу, где наши люди говорят на всем понятном русском языке». После эту мысль высказала еще нескольким участникам, да и случай из времени учебы в Ленинграде в середине 80-х годов припомнила.

Шла как-то с сокурсниками по Невскому и у одного из кинотеатров увидела необычно одетую женщину. Она была не только сама одета во все голубое, но и с большим голубым бантом на голове. Удивленная, я заметила: «Надо же, в возрасте, а туда же, бант нацепила». Ребята мне как само собой разумеющееся: «Так это голубой!» Я им: «Не слепая, вижу, что голубой, не серо-буро-малиновый же нацеплять». Те с ещё большим акцентом: «Это голубой». Не понимаю, что они имеют в виду, вновь завозмущалась: «По мне хоть в горошек, только не в таком возрасте перед людьми выпячиваться». Тут до спутников дошло моё непонимание смысла, заложенного в слове «голубой». Они, захохотав, пояснили, что это не женщина, а мужчина. И добавили: «Ты что, ничего про них не знаешь?» Я остолбенела: «А у нас в Ревде таких нет». Все, кто слышали мой рассказ, засмеялись, а Татьяна Борисовна Чеснокова из Театра Северного флота сказала: «Ты счастливая, Надежда, у тебя всегда есть с чем сравнивать. Твоя Ревда – это корни. Начало всех начал. По ней ты все и меряешь. А мы, городские, приехавшие в Мурманск со всех волостей, эти корни утратили, потому и цепляемся за все наносное, чтобы от моды не отстать да быть на уровне».

А ранее на конференции шло обсуждение стихов члена Союза писателей России, поэта Николая Кольчева. Многие сравнивали его поэзию с есенинской, рубцовской, но при этом приводили ранние стихи, написанные им в Лувеньге, небольшом поморском селе Терского берега Мурманской области. И правда, стихи Николая того периода и мои любимые. Было замечено, что нынешние стихи, написанные в городе, резко отличаются от тех ранних, хоть в них мотивы раннеколычевские присутствуют. И вновь я думала, почему так? А все по той же причине. Душа поэта стала впитывать в себя жизнь города с его проблемами, политикой, религиозными воззрениями. Ухо поэта улавливать не присущие простому крестьянину, каковым он был в начале своего

творческого пути, навороченные, иностранные, окрашенные новыми веяниями слова. А я, как Кольчев, восприимчива и к плохому, и к хорошему. Стоит переехать в город, наверно и мое творчество изменится, потому предпочитаю жить там, где родилась, где мои корни.

КУСТОДИЕВСКАЯ ЖЕНЩИНА ПРОТИВ РУБЕНСОВСКОЙ МЕЛКОВАТА БУДЕТ...

Будучи на Балашовских чтениях в Новгороде, писатель Владимир Личутин близко разглядел мою подругу Викторию Бакула. Виктория была в поморском костюме, сшитом ею специально, чтобы в Центр музыкальных древностей к Владимиру Ивановичу Поветкину ходить. Личутин, казавшийся против Вики еще меньше в росте, восхищенно произнес:

– Какая рубенсовская женщина!

Затем посмотрел на меня и не так восторженно добавил:

– А ты, Надежда, против Виктории мелковата будешь, только кустодиевская. Хотя это не говорит о том, что Кустодиев рисовал менее красивых!

И когда он так сказал, мне припомнился случай из моей учебы в Ленинградском институте культуры. Сдавали зачет по изобразительному искусству. Когда очередь дошла до меня, пожилая экзаменаторша-искусствовед, вдруг перебивая, спрашивает меня:

– Скажите, как вы считаете, кто из художников стал бы писать портрет с вас?

Я поморчилась и разочарованно произнесла:

– Ну, если только Кустодиев сподобится.

Она заглянула в мою зачетку, чтобы узнать имя, и растяжно произнесла:

– Вы совершенно точно выбрали для себя художника, Надежда, только я не поняла, почему ваше лицо и голос при этом выразили такое непочтение к этому великому живописцу?

Я, вздохнув, обреченно ответила:

– Да потому, что он всегда только толстых купчих и рисовал.

– Как жаль, милочка, что вы не доросли еще до понятия красоты в русской женщине и не видите своей собственной.

Тут уж возмутилась я:

– Значит, по-вашему, толстые бабы на его картинах – это красота? Да я всю жизнь похудеть мечтаю и совершенно не хочу походить на кустодиевских теток!

Экзаменаторша, не обращая на мое возмущение внимания, опять спрашивает:

– А если бы вас саму попросили написать образ земли, вы изобразили бы ее тощей и худосочной?

– Ну, нет, конечно, – даже где-то возмутилась я, – земля должна быть пышной, плодородной, как только что испеченный пирог. Образ тощей земли – это голод, неурожай, болезнь...

– Так почему же вы сами стремитесь не к плодородному образу, а к истощенному? – перебила меня экзаменаторша. – Красота русской женщины всегда заключалась в словах: кровь с молоком! А в живописи она запечатлена именно на полотнах Бориса Михайловича Кустодиева!

А тут в последние годы модное поветрие пошло, в портреты кисти великих художников компьютерным монтажом вставляли лица родных, друзей и дарить «эти шедевры» им на разного рода праздники... Вот и я не избежала подарка такого. И, конечно же, компьютерный маг мою портретную голову «влепил» в картину именно Бориса Кустодиева «Купчиха», что на этот раз меня совсем не расстроило.

«О ЧЕМ ВЫ ПИШЕТЕ?»

Какая девчонка не мечтает в детстве и юности о необыкновенно красивой любви?! Все школьные годы на книжной полке у меня висело изображение Ассоль из повести Александра Грина «Алые паруса», а любимыми сказками были «Золушка» и «Аленький цветочек»... В десятом классе кто-то на двое суток дал почитать «Анжелику». Первый день и на уроках, и дома читала, но чувствовала – не успеваю, а потому на второй день в школу вообще не пошла. Когда мама узнала, что я из-за книги уроки прогуляла, ругать принялась. Отец же примирительно произнёс: «Даже мне такую толстую книгу не осилить в два дня», а он-то книги очень быстро читал. «Пусть читает, не мешай», – и маме этих доводов отца хватило, чтобы отстать от меня.

А так как с началом чтения я пробовала себя уже и в сочинении рассказов о любви, которые на уроках автодела пересказывала одноклассницам, якобы где-то их вычитала, то стала серьезно задумываться, а не стать ли мне вообще-то писателем. Мечтала увидеть свои произведения, опубликованные в газете или даже в журнале, тираж которых на миллионы шел, чтобы все в Ревде узнали, какая я талантливая есть! Чтобы отец порадовался! И опять мое честолюбие не хотело мириться даже в мечтах – стать простым писателем. Только знаменитым!.. Все обыденное, заурядное, как у всех, – было не по душе.

Главный вопрос детей на встречах сегодня: «О чем вы пишете?» И я правдиво отвечаю: «О любви!» Для меня во всем первостепенна любовь. Будь она пла-

тоническая, эротическая, к детям, природе, животным... Только любовь! И становится обидно, когда люди, неплохо знающие меня, услышав признание кому-то в любви, особенно мужчинам, начинают заявлять, что подобными словами я могу человека в грех ввести. Какое ханжество, какая ерунда! Считаю, наоборот, в наше расхристанное время всем, и женщинам, и мужчинам, порой так не хватает добрых слов, и тем более объяснений в любви. Сужу по себе. Когда мне кто-то скажет, что любит, – горы сверну. В этот момент за спиной крылья вырастают, жить хочется, хорошие дела вершить. Энергия от подобных слов удесят�еряется. Потому и сама, если кого в душу приму, не боюсь признаваться в этом. При чем тут грех? И почему люди стали так бояться проявлений любви? Не от этого ли и мир наш сделался таким непримиримым и жестоким?

Хуже, если разочаруюсь в человеке и перестану его любить, тогда он физически начнет в моем окружении ощущать пустоту вокруг себя. Церковь учит меня прощать. Не так давно целый месяц в человеке, что разочаровал, выискивала положительные качества, более того, качества, которые до сих пор восхищают меня, и каждый день записывала их к себе в дневник. Затем прочла Алле Сеницыной, вдове моего друга, поэта и писателя Викдана Сеницына, она выслушала и подытожила: «Да он у тебя святым получился, на такого обижаться грех». Я подумала и решила: а на самом деле – стоит ли? Правда, и той изначальной любви нет, но и неприятие этого человека ушло, будто и не было.

В школе мы все вели вопросники, я тоже не была исключением. Теперь, перечитывая ответы, улыбаюсь их искренности и тому духу патриотизма, что воспитали во мне родители и учителя. Например, на вопрос «Можете ли вы пожертвовать собой?» отвечала: 1971 год – конечно, могу! 1972-й – кажется, да. 1973-й – да, могу! 1975-й – не знаю. 1978-й – боюсь, что нет. 1980-й – ради ребенка, родных смогу!

А в 1985-м на вопрос «Чем больше всего любите заниматься?» написала: «Познавать мир, познавать людей... Познавание нового – самое любимое занятие. Даже познавать себя интересно, ведь дневники».

КАК Я В ДУМУ ХОДИЛА

В 1997 году, когда на дворе стояла золотая осень и я готовилась к Славянскому ходу «Мурман – Черногория», меня вдруг вызвали в администрацию Ловозера. Приезжаю. Николай Иванович Грошев, помощник депутата областной думы Виктора Степановича Воронина, говорит:

– Есть разговор. Не знаю только, с чего начать... Я не любитель длинных вступлений, предлагаю:

– Начните с самого главного!

– Что ж, хорошо, – соглашается он. – Думаю, вы, Надежда Павловна, знаете, что скоро предстоят выборы в областную думу?

– Конечно. Помощь нужна? Статью о ком написать? – спрашиваю я.

– Да нет. Тут дело такое... Вопрос стоит о вашей кандидатуре, – наконец произносит почти торжественно Грошев.

Чего-чего, а этого я не ожидала, потому весело рассмеялась.

– Куда, в депутаты? – И затем сказала как отрезала: – Дума и я – несовместимы! – Затем, уже более примирительно, добавила: – Николай Иванович, миленький, да какой из меня депутат? Я жизнь люблю, людей... Люблю танцевать, творить, свадьбы проводить! Да и ругнуться могу иногда. Нет, определенно, я не для думы, а дума не для меня. У меня времени книги писать нет, а вы говорите – дума. Нет, нет и нет!

– Надежда Павловна, голубушка, но мы именно на вашей кандидатуре остановились. А то, что вы любите, делу не помешает. Думе давно нужны живые, честные и небезразличные люди. Ваши статьи читают и Ловозерский, и Терский районы, Оленегорск. Можете поверить, это не только мое мнение – многих. Мы уверены: люди будут за вас голосовать.

Моим последним аргументом был Маслов.

– Позвоните в Союз писателей. Вам Виталий Семенович по моей кандидатуре все популярно объяснит.

И уже дома меня застигает звонок Грошева.

– Маслов в восторге. Сказал, что они вашу кандидатуру и от славянского движения выдвигают.

Ночью – другой звонок, из Мурманска от Маслова.

– Рады, поддерживаем!

– Виталий Семенович, милый, у меня вообще-то семья! Не смогу... – ошарашенная таким заявлением, отказываюсь я.

– Ты сможешь все! – безапелляционно говорит Маслов. – Тебе люди поверили, должна ценить. Права не имеешь их доверие подвести.

– А как же Славянский ход?

– Сказали, пусть едет, мы все подготовим без неё.

Месяц я была в отъезде. Вернувшись в Ревду, не успела порог переступить – звонит телефон.

– Срочно приезжай в Ловозеро. Надо переписывать заявление – ты идешь от инициативной группы. Необходимо собирать подписи.

Инициативная группа постаралась. 529 подписей за два дня! Так я стала кандидатом. Одним из двухсот шести по области. Нам было дано право по разу

бесплатно выступить на телевидении и радио. Это, конечно, прекрасно, но что говорить?

– Сама знаешь. Не мне тебя учить, – отвечает на мой вопрос работник районной администрации Иван Михайлович Галкин.

Бог мой! – подумалось мне. – Телевидения не боюсь, но излагать свою программу, когда вокруг столько проблем... Какие посулы давать, когда слова для большинства людей – пустой звук? Ведь столько напрасных обещаний за последние годы всеми нами было выслушано, столько клятв оказалось простым сотрясанием воздуха! Чем их пронять? Кто не был в этой шкуре, тому не понять...

– Не переживай, писатели помогут! – успокоил Грошев.

Но в Союзе писателей Маслов оказался занят. Тимофеев на ходу предлагал:

– Расскажи о себе. О том, что ты дочь двух народов, что не понаслышке знаешь проблемы района...

Легко сказать! Проблемы-то я знаю, но ведь и остальным они ведомы... Принялась писать – ничего не выходит. Сухо, надуманно, неубедительно. Кое-как набросала тезисы, и на этом творческий процесс закончился.

Позвонила приятельнице, доценту пединститута. Договорилась о встрече, посмотрим текст вместе, подкорректируем. Заодно и себя в порядок приведу: подкрашусь, завьюсь...

В половине третьего я у её дверей. Звоню. Никого. Значит, вырваться из института не смогла. Делать нечего. Пальто долой. Устраиваюсь на лестничной площадке, достаю папку с бумагами. Обматываюсь шарфом для тепла. Задумалась... Эх, жизнь моя жестянка!

Стала писать. На площадку вышла женщина, руками всплеснула:

– Господи, да как же вы меня напугали!

– Не бойтесь, я к вашей соседке пришла. Пока ее нет, здесь поработаю...

О приличиях думать не приходилось; не на улице же в пургу выступление для телевидения писать? На удивление, работа спорилась. Через полтора часа текст готов. Оставалось на время проверить, чтобы в пять минут уложиться.

И только вслух читать начну, в этот момент кто-нибудь обязательно на лестничную площадку выходит, начинает спускаться или подниматься! Молчу. Жду. И так несколько раз...

Промучившись полчаса, решила ехать к магазину «Океан». От него в половине шестого автобус к телестудии шел. Приехала рано. Увидела магазин и вспомнила, что за целый день крошки во рту не было. Зашла.

– Мне колбаски граммов пятьдесят... И шкурку снимите, пожалуйста.

Продавец посмотрела понимающе:

– Вы, наверное, есть хотите? Возьмите еще булочку.

В магазине жевать неудобно. На улице ветер с ног сбивает. Зашла за телефонную будку. Руки без перчаток на морозе стынют.

Ем и думаю... Тоже мне – кандидат! Смех кому рассказать. На лестничной площадке выступление пишет, за телефонной будкой колбасу жует. Вот что значит из народа в депутаты идти. Ни тебе машин, чтобы до телевидения довезли, ни прически, ни обеда...

Подошел автобус. Поехали. На телестудии девушек навстречу спешит.

– Вы случайно не на программу «Выборы»?

– Случайно да, – говорю обреченно.

Поднялась наверх. В комнате ожидания одни мужчины. Холеные! При костюмчиках, при галстуках, прилизанные, напудренные. На меня равнодушно глянули: не соперница – куда до них?

Вытащила плойку, крутанула челку, чтоб в глаза не лезла, завиваться полностью постеснялась. Как выгляжу – так выгляжу. Достала текст выступления, принялась просматривать.

Подходит один из кандидатов – Яков Галушко, работник «Севредмета», бывший глава администрации Ревды. С любопытством спрашивает:

– Что, Надежда, небось наизусть выучила?

Я ему, как своему, признаюсь:

– Представляешь, только что написала, даже прочитать не успела.

Он недоверчиво головой замотал, мол, говори, говори, знаем, как не успела.

Привели в студию, каждому место указали, монитор. Пока до меня очередь дошла, половину из выступления выкинула. Уложились в 4 минуты 23 секунды. Хорошо, плохо – как могла.

...Затем выступление на радио. Вновь: текст написала, а по времени не выверила. Прибежала на студию только-только. Пока первые кандидаты выступали, я свой чиркала. Режиссер записку подсовывает: «Не переживайте вы так!» Я в ответ: «Не переживаю, прочесть не успела». Ему ничего не оставалось, как только многозначительно посмотреть на меня.

Но это все ничего. Тяжко пришлось, когда вместе с участниками Славянского хода и ансамблем «Луявь» перед избирателями выступала. Когда встречи – глаза в глаза.

Разрывалась моя душа между семьей и долгом. Слово дала, что кандидатуру не сниму, – вот и нервничала. Давление до 160 подсакивало. Это у меня-то, у гипотоника!

Тяжелым получился разговор в Ловозере, в Национальном центре, элита которого меня терпеть не может. Спрашивают:

– Мы хотели бы знать, у вас программа есть, которую вы народу можете предложить?

– Программу хотите, – отвечаю им, – а вам мало «лапши на уши» вешали? Какую программу от меня услышать хотите? Защищать свой район готова на любом уровне – это не программа? Необходимые законы отстаивать, комбинату помогать... Не буду я вам благ и привилегий обещать. Ничего кроме совести своей, честности, неравнодушия – вот моя программа! Мало ее? Хотите, чтоб я обещала вам молочные реки, кисельные берега?..

И так порой на подобных встречах подмывало заявить:

– Да на что мне депутатство это? Снимаю кандидатуру, и вся недолга!

Но ведь слово дала... И, несмотря ни на что, вновь шагала на сцену и говорила правду. Правду о том, что увидели участники Славянского хода на своем пути, о сегодняшнем положении России, о нашей жизни. Говорила искренне – то, что думала, что наболело. Переживаете за жизнь – объединяйтесь. Выберите и проголосуйте – тогда в думе будет свой человек. Разбредетесь в голосах по кандидатам – потеряете и то, что имеете.

Раз шаг сделала, значит, следовало идти до конца.

А бывало, вместо пустого разговора выходила и песню «Черный ворон» пела. Давно на людях не выступала, так почему такой шанс упускать. Кому-то мои выступления нравились, кто-то смотрел на меня как на ненормальную, мол, и чего в думу лезет, коль не научилась себя хвалить.

В день голосования мы с мужем изо всех сил молились, чтоб меня не избрали. Семья для меня дороже любых дум. Считаю, каждый в жизни должен заниматься тем, что умеет делать хорошо. Да, собственно, и голосовала-то я не за себя, а за Калайду Василия Владимировича. Слово сдержала, в кандидатах походила, а от остального – отведи меня, Господи!

После объявления итогов меня поздравляли:

– Выйти на четвертое место из девяти – отлично! Молодец!

Одно поняла: наверное, нужно было пройти через эти выборы, чтобы понять, как люди к тебе относятся. Вот так бы каждому хоть раз в жизни взять и проверить себя на качество.

МАМА, МЫШЬ С МЯГКИМ ЗНАКОМ ПИШЕТСЯ ИЛИ БЕЗ?

Сидела над срочной статьёй в газету, тема совсем не грела, потому писала нервничая. Подходит сын, спрашивает:

– Мама, мышь с мягким знаком пишется или без?

Я вся в своих мыслях, машинально отвечаю:

– Сына, мышь – он мой – мужик, значит, и без мягкого знака пишется.

Семён написал сочинение, а через день-два приносит жирную двойку и, возмущаясь, говорит:

– Мама, мышь – не мужик. Учительница сказала: «Мышь – она моя», а значит, с мягким знаком пишется.

Я опять вся занятая, отрываюсь от печатания текста и, удивлённо взглянув на сына, задумчиво произношу:

– Надо же, а ведь точно, и как это я про собственную книгу о мышонке забыла. Ладно, сына, не расстраивайся, считай, что эта двойка моя.

МОЯ ОТДУШИНА – МУЗЕЙ

Сегодня моя отдушина – работа заведующей в Музее саамской литературы и письменности имени Октябрины Вороновой, который я создала и до сих пор продолжаю обустроить. Квартиру под который приобрела Мурманская писательская организация. Музей – мое любимое детище, здесь спокойно работается, пишется, репетируется.

За годы существования музея (в 2004 году ему исполнилось 10 лет) его посетили школьники и взрослые люди Мурманска, Оленегорска, Мончегорска, Полярных Зорь, Скалистого, Рослякова, Ловозера, Умбы, Гремихи, Кандалакши, Апатит. Постоянно проводятся экскурсии для ребят школ поселка Ревда. Приезжали гости из Швеции, Финляндии, Норвегии, Америки, Германии, Мексики, Новой Зеландии, из ближнего зарубежья – Украины и Белоруссии. Побывали в нем писатели и журналисты не только Мурманска, но и Петрозаводска, Вологды, Москвы, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Ярославля, Саратова. Но одному человеку, сколько бы ни было в нем энергии, такое дело не поднять, нужна поддержка людей. И можно только удивляться душевной щедрости нашего народа. Не скупясь, они делились всем, чем могли: кто-то дарил столы, кто-то люстры, кто-то табуретки. Люди с удовольствием несут сюда старые фотографии, книги, делают бесплатно ремонт и многое-многое другое. И я считаю этот музей поистине народным музеем.

Жизнь только тогда имеет смысл, когда каждый

день – творчество! Написала ли что, нарисовала, связала, игрушку сделала, репетицию провела, фильм поставила...

Кстати, о фильмах. Мы с Александром Даниленко поставили фильмы и о писателях, и о Днях славянской письменности в Ловозерье, о Сейдозере, о Музее саамской литературы и письменности имени Октябрины. Задумок много, да еще бы средства находились...

Хоть редко, но бывают в моей жизни и бездарные дни, когда я, успокаивая свои нервы, сижу целый день, раскладывая пасьянс. Мне говорят, правильно, надо и собой иногда заниматься. Согласна. Похудеть всю жизнь мечтаю, да ничего не выходит, вот и занимайся собой. Четырежды сидела на пятидневной сухой голодовке, когда ни есть, ни пить, ни умываться, к воде близко подходить нельзя. Выдерживала спокойно. Правда, в последней чуть будоражили рекламы сока и пива. Потому, когда в фильмах показывают человека, день или два просидевшего без воды и почти умирающего при этом, вера к такому фильму пропадает. Человеческие возможности гораздо выше.

«С БОГОМ», «СПАСИ И СОХРАНИ»

Что же касается веры, Бога, то здесь все гораздо сложнее. Еще с детства от бабушки с мамой усвоила как оберег слова: «Иди с Богом, со Христом», «Спаси и сохрани». В юности, обучаясь в Новгороде и Ленинграде и изредка бывая в церквях, ставила свечи за здоровье родных, поминая бабушку. Делала это по какому-то внутреннему наитию. Не могу сказать, что мое общение с Богом было постоянным, нет, только от случая к случаю. Причем обращалась я к нему скорее интуитивно, нежели осознанно. Не зная ни одной молитвы, молилась от души, как умела. Когда же узнала историю смерти и воскресения Христа, в дневнике записала, что и у меня в 33 года обязательно будет свое распятие и предательство. Мысли материальны. В 33 года, когда на работе за прямооту мне фальсифицировали прогул и уволили по 33-й статье, я впервые осознанно и серьезно обратилась к Богу. Случайность? Но в случайности я не верю. Пришлось подать в суд. В это время предала и подруга... Я писала в дневник: «Господь! Если ты по правде есть, защити!». И он защитил. На работе восстановили, обвинения и статью сняли, правда, работать в ДК уже не дали. Но не это важно. Важно – уверилась: Бог есть! И в своих рождественских открытках к Нему несколько лет подряд я просила Господа вернуть меня вновь работать в ДК и не по-

нимала, почему Он оставался глух к просьбе. Сколько было пролито слез, сколько проведено бессонных ночей, на нервной почве отказала правая рука... И только тогда, когда серьезно занялась литературным трудом, стала ездить в Мурманский Союз писателей, смирилась с решением Господа. Поняла: работу клубника я переросла и дал мне Господь все это пройти для моего же взросления.

В конце 80-х – начале 90-х с шатанием и развалом Советского Союза в интеллектуальных кругах в открытую заговорили о Священном Писании. Сунулась было и я читать Библию, да только ничего в ней не поняла. В 1992-м, чтобы познать эту книгу книг, обратилась к евангелистам. Веру их приняла всей душой. В принципе, если я что-нибудь принимаю, то от всего сердца. А вот тут-то и стали возникать разного рода сомнения. Проповедовалось одно, делалось другое. Евангелистские братья своими запретами старались всех «подмять под себя». Нельзя краситься, женщинам носить брюк, нельзя писать или читать не о Боге, нельзя, нельзя, нельзя... Книги, кресты, иконы – сжечь. Смотрела на все, слушала и понимала: не от Бога запреты – от людей, чтобы в страхе держать, который сильнее любых цепей. Они говорили: Бог есть любовь, но тут же оговаривались, при каких условиях. К евангелистам пришла с огромным желанием познать Господа, Его Слово. Но у них священный образ в моем сознании раздвоился. В одно и то же время Господь был – Отец, которого я любила, и монстр, которого боялась. И опять возникли метания, ссоры с мужем, родителями, неприятие ими моих поисков. Много молилась, чтобы выяснить, кто же есть Бог? И поняла. Бог – вселенский разум, добрая светлая энергия, совесть. БОГ – ЛЮБОВЬ! Без всяких оговорок, а потому хочет, чтобы и мы любили, Бог – Творец, а значит, и нас хочет видеть творцами, Бог – Совесть, а значит, по делам твоим с тебя и спросится. От евангелистов ушла.

Сейчас для меня Господь – Отец, Друг! Разговариваю с Ним, в Рождество письма пишу, бывает, просто так напишу. Верю, читает он их, потому что большинство моих просьб исполняет, а то, что не исполняет, знаю, считает бесполезным мне. Любит, защищает, оберегает... Что же касается грехов... Стремиться не совершать их необходимо, но люди слабы, разве могут они сравниться с Господом... И сложились стихи:

*Не послушница я, а я грешница,
Не в святой мне обители жить.
Я на землю пришла, сердечная,
Для того, чтоб кого-то любить.*

*То ли черт надо мной потешается,
То ли Ангел дает мне весть.
И в молитвах приходится каяться,
Господь Бог в сердце каждого есть.*

*Ищу в храме душе очищение,
Чтоб спокойнее дальше жить,
А когда получаю прощение,
Начинаю снова грешить...*

*Не послушница я, а я грешница,
Не в святой мне обители жить.
Я на землю пришла, сердечная,
Чтобы, люди, вас всех любить.*

Более моя душа не принимает никакие другие религии, кроме православной. Сердцем поняла: многие века Русь спасалась именно православием – чистой энергией церковью, святостью икон, крестов, звоном колоколов...

В 2006 году в Славянском ходе благословлял меня Патриарх Алексий II, а в 2009-м в Москве я участвовала уже в работе Поместного собора, избравшего нового Предстоятеля Русской Православной Церкви, 16-го Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Поэтому моей душе и ближе родное русское Православие – Славие Бога.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПИСЬМА ГОСПОДУ

Человек постоянно чего-то желает, к чему-то стремится. Для одних высшее счастье в семейной жизни, для других в карьере, третьи получают удовлетворение от ощущения себя богатыми, четвертые от получения удовольствий. Этим своим истинным или мнимым благам большинство людей и отдает все свое время. А если при этом что-то теряют, то страшно огорчаются, порой ссорятся с друзьями, идут на преступления. Люди не понимают: то, что их так волнует, чему они отдают столько сил, ничтожно в сравнении с духовными благами, которые по своей душевной скудости они просто не замечают. Им и невдомек, что высшее и абсолютное Благо – Бог, который находится рядом, и только от Него льются струи света и жизни, и не стоит забывать благодарить Господа, когда Он посылает нам Свои милости, и не роптать, когда отнимает что-либо. Ведь если, по слову Спасителя, ни один волос не упадет с головы без Его воли, то тем более важные события в жизни нашей управляются Его милостивой десницей. И только когда мы научимся именно так смотреть на вещи, тогда от многих бед и огорчений избавим себя. И каждое обстоятельство будет содействовать

нашему благу и благу людей, с которыми мы общаемся. А если Бог не посылает чего-либо нам или даже отнимает, значит, считает это лучшим для взросления нашей души. Главное человеку – познавать Бога, духовно приближаться к Нему, поверить, что посылаемое им есть высшее благо.

В 2009-м потрясло произведение Эрика Эммануила Шмитта «Оскар и Розовая дама». Неизлечимо больной мальчик пишет письма Богу. Ему отпущено двенадцать дней... И каждый день превращается в десятилетие прожитой жизни. 14 писем к Богу... Оказывается, полноценную жизнь можно прожить и за двенадцать дней, если быть с Богом...

Произведение заинтересовало еще и потому, что и сама я уже двадцать лет пишу письма Богу. Происходит это обычно в Рождество, когда они получаются особо подробными, обстоятельными, точно отчет перед Всевышним за прожитый год. Пишу в дневник и могу точно заверить: Господь очень внимателен к ним. Я не Эрик Эммануил Шмитт и все же приведу отрывки из некоторых:

Рождество 2000-го. «Господь! Сегодня Ты по православным христианским канонам народился на свет. С того дня прошло две тысячи лет, срок большой в сравнении с одной человеческой жизнью. Но я верю: Ты был и есть! Потому, обращаясь к Тебе, говорю спасибо за этот год. Ты мудрый, Ты правильно распределяешь мои силы и возможности. Спасибо за встречи с писателями, за многочисленные поездки, интересные знакомства. Это так здорово! Они необходимы мне для творчества. В этом году я наконец-то два раза побывала на ледоколе «Ленин». В конце года сдала в набор книгу рассказов «Тиррв – по-саамски здравствуй». От Баренцева секретариата получила грант, и с Сашей Даниленко сделали два фильма, много работы. За все тебе, Господи, огромное спасибо.

Но у меня есть три проблемы, с которыми хочу обратиться к Тебе за помощью. Первая – здоровье моего мужа. Умоляю, сделай ему послабление. Пусть наконец-то долечится и на работу выйдет, почувствует себя вновь полноценным человеком. Вторая – сын. Господи, помоги, наставь его, чтобы интерес не только к гитаре и скаутам был, но и к чтению, учебе. Третья – пусть отец поменьше выпивает. Я понимаю, идеалов нет, но хотя бы насколько можешь помоги моим мужчинам, которых я бесконечно сильно люблю. Спасибо, Господи, что выслушал меня».

Рождество 2006-го. «Дорогой Господь, с Праздником Тебя, с Рождеством Христовым! Стоит закрыть глаза, и в воображении возникает созданная Тобой земля. И когда вижу ее такой, то чувствую, как сердце мое начинает расти, наполняться любовью, и я обнимаю ее в надежде, что обнимаю Те-

бя. Ведь сила любви – значит сила чистой, доброй энергии, Твоей энергии, Господи! Потому Ты и живешь в моей душе своей любовью и добром. Я грешница, и то Тебе ведомо – бывает, злуюсь, бывает, осуждаю кого, влюбляюсь, впадаю в отчаяние, да мало ли чего бывает... Искренне прошу прощения и не слишком строго наказывать. Обещаю, насколько смогу, буду сдерживать себя, но я человек горячий, потому заранее прошу – прости, если вновь нарушу какие-то из Твоих заповедей...»

Рождество 2008-го. «Дорогой Господь! Прошел год, как я писала Тебе. Год високосный, тяжелый, но Ты был милостив к нам, хранил моих близких и родных, за что Тебе благодарность моя великая. Ты давал нам испытания и болезни: смерть кота Люси, который жил-то всего два года, и собаки Кешки. Кешка хоть восемнадцать лет побегал, его мучил кариоз, он уже стал плохо видеть и слышать и умер тихо, никому не докучая. Ты послал мне испытание неприятием меня мурманскими писателями, но Ты же, дорогой мой, в этот год даровал нам и радости. Родился внук Степашка! Боря сумел выйти из еще одного инфаркта, даровал встречи, поездки, новых друзей, и за все благодарность моя Тебе великая...»

Рождество 2010-го. «Дорогой Господь! Пресвятая Дева Богородица, с Рождеством Христовым вас! Снова обращаюсь к вам в своем рождественском письме. Полчаса как пришла из церкви, ходила на службу. С 15 до 21.30 лепила у мамы рождественские козульки, в этот раз лепила их совсем одна, а мама теста замесила много, потому устала. Спину ломило, но вдруг возникло нестерпимое желание пойти на рождественскую службу в наш храм, чего раньше было за собой не замечала. На службе от души помолилась, исповедалась, причастилась. Господь, дорогой мой, у всех сегодня праздник, все радуются, а у меня почему-то на душе печаль. Нет, я тоже радуюсь за Тебя, за людей, за себя, что Ты у меня есть, и все равно душу что-то гнетет. Викуля Бакула перед Новым годом в больницу попала, Боре сделали вторую операцию по стентированию, но уже 31 декабря и 2 января вызывали скорую, а 5-го и вообще в областную больницу увезли. Господь дорогой, этот год для мужа был очень тяжелым – пять раз в больнице лежал. Я как подумую, что в какой-то момент его сосуд может закрыться и не раскрыться, худо становится. И до безумия жалко себя. Такая я, оказывается, эгоистка есть... Когда это осознаешь, к сердцу уныние подкрадывается: зачем мы куда-то стремимся, что-то делаем, если в итоге всех ожидает свой «девятый километр». Я даже новый обет дала: до Пасхи после 19 часов ничего не есть. Дала за Борю и за Чечню, куда в апреле этого года собираемся в экс-

педицию. Что поеду туда, никому об этом из родных и друзей не скажу, чтоб не переживали и не отговаривали. Я упертая, все равно поеду, а Боре и родителям нервничать совсем нельзя...»

Рождество 2012-го. «05:23. Дорогой мой Господь! Пресвятая Дева Богородица! С праздником вас, с Рождеством! Рада, что могу говорить с вами, почувствовать ваше присутствие, огромную поддержку, помощь (стоит только помолиться и попросить) и вашу милость ко мне, великой грешнице. Особенно я это почувствовала после прочтения книги архимандрита Тихона Шевкунова «Несвятые святые» и инока Всеволода (Филиппьева) «Начальник тишины» – эти книги своего рода чистилища души, потому что, когда их читаешь, душа твоя настолько обнажается, что начинаешь видеть себя со стороны, видеть и понимать, как же далеко тебе, родная, до их света и чистоты. В книге Шевкунова говорится о том, что большую часть своей жизни люди или сами осуждают других, или становятся пассивными участниками осуждений, в простых ли беседах, в новостях, в газетных статьях или передачах СМИ... И я такая же, даже не пассивно осуждающая, а вполне активно, по телефону с подругами перемываю кости то одним, то другим моим обидчикам и говорю хоть не зло, но все равно с осуждением. Право, стыдно. И ведь находится на это время, типа я так от компьютера отдыхаю, а на самом деле активно, даже с некой долей радости грешу... Вот ведь правда какая получается, и не грешить таким образом хватает меня совсем ненадолго, даже не замечаю этого. Стыдно, что это стало в порядке вещей. Сначала обсуждаешь какие-то проблемы, события, а затем можно на личности перейти, и, как выясняется, процесс этот необратим. Как-то раньше я жила, жила и этой своей греховности так остро не ощущала, а после прочтения этих двух книг стало как-то стыдно жить вообще. Может, единственное качество, которое я ценю в себе как в писателе, это то, что в своих книгах я пишу правду...

Вот такие в эту ночь раздумья мои. За все тебе, Господи, огромная благодарность. И спасибо».

ОЩУЩЕНИЕ СЕБЯ ДО СИХ ПОР МОЛОДОЙ

Хочу заметить, что поколение 60–70-х во внутреннем ощущении себя очень помолодело. Я сама не ощущаю себя до сих пор зрелой, хотя мой возраст уже перевалил за пятьдесят, а в детстве 30-40-летних женщин считала солидными тетями, а 50-60-летних – практически старушками. И не оттого, что была маленькой. Просто поколение моей мамы, рожденное перед и во время Великой Отечественной войны, в заботах и трудах взрослело

слишком рано, ведь на возраст давил сильнейший груз ответственности, голод, разруха... Я запомнила свою маму в 33 года и уже тогда считала ее очень взрослой женщиной. Когда же мне самой было 27, мы с ней зашли в магазин, мама увидела какое-то платье, на ее взгляд очень приличное, и предложила его купить мне. Я возмутилась:

– Мам, да ты что, такие только тридцатилетние тетки носят.

Мама засмеялась:

– А тебе сколько?

Говоря о тридцатилетних тетках, я совершенно не думала о своих годах, потому как ощущала себя еще совсем юной. В принципе, мои ощущения не изменились и до сей поры.

А то, что наши мамы, отцы, бабушки с дедушками взрослели слишком рано, можно увидеть в фильмах тех лет и глядя на фотографии, которые запечатлели эпоху.

ПИСАТЬ КАК ДЫШАТЬ...

Вспоминаю Дмитрия Михайловича Балашова и его наставления, как писать:

– Попробуй сначала научиться рассказывать все предельно откровенно, даже беспощадно, забыв на время о печати, цензуре, приличиях – обо всем. Если сразу себя начать ограничивать – ничего не выйдет. Запомни, литература – это всегда открытие и дерзость.

Вспоминаю, как он читал мне у себя дома свою новую рукопись, как после каждой прочитанной главы спрашивал, словно начинающий писатель:

– Ну как, Надька, ничего, или, может, не пойдет такая откровенность в любви?

И я честно признавалась, что мне все интересно. А затем взяла и прямо спросила:

– Дмитрий Михайлович, а почему стал описывать любовь теперь? Не связано ли это с возрастом, когда стала уходить прежняя мужская сила?

Он сам учил меня быть предельно откровенной и потому на вопрос совершенно не обиделся, а так же откровенно ответил, мол, да, к сожалению, в моих словах есть доля правды. Он старел, но это не знаило, что ослеп, потерял голос, слух, обоняние. Может быть, именно в это время он и почувствовал все гораздо острее. Исчезли барьеры, комплексы... Появилась свобода. Наверно потому и о нашем Славянском ходе, и о своей там влюбленности написал так открыто. А может, чувствовал: не так-то много ему оставалось жить. И захотелось высказать то, что не давало покоя, сидело занозой в душе.

Память. Как она важна для писателя! После семи

операционных наркозов, когда вновь взялась за работу над рукописью книги о колоколах и хотела описать встречу с новгородским звонарем Вячеславом Волхонским, никак не могла вспомнить, куда записала его рассказ. Перевернула кучу записей – нет, и решила пойти другим путем – памятью ощущений. Вспомнила, что на встречу брала блокнот, который запросто поместился в кармане моей кофты... Восстанавливая события того дня, засунула руку в карман и ощутила твердую лощеную оболочку нового блокнотика, мысленно вынула его, и память тут же вернула мне цвет – темно-синий! После не составило труда найти и запись. Это всего один пример, но именно память чувств, ощущений, запахов, цвета помогает порой восстанавливать многое в нашей жизни. Это как в театре, актер только тогда сыграет роль правдиво, когда пропустит ее через свою душу и сердце.

Еще пример. Обучаясь в институте, я играла в отрывке пьесы Горького «Васса Железнова» – сцена, когда Васса не отдает сына Рашель. Я играла Вассу, и наш режиссер Владимир Петрович Марков и дело кричал мне: «Не верю! Для Вассы внук – кровь ее, понимаешь – кровь! А ты с холодным носом играешь». Но как бы я ни силилась сыграть по-другому – не получалось. И тогда Владимир Петрович воздействовал на меня другим способом. Он спросил: «А что, если кто-то, подобный Рашель, захочет забрать у тебя дочь?» И только представив это, я тут же сыграла сцену, как того добивался Марков, сдерживая себя от готовности растерзать Елену Ярощук в роли Рашель.

Как-то я спросила одного довольно известного литератора, профессора философии, как он в год умудряется сразу по две книги писать и издавать? И получила потрясший меня своей правдой о нынешних рыночных отношениях в литературе ответ:

– Трудно написать только первую книгу, остальные – дело техники. Текст в компьютере, где убавлю, где прибавлю, где новые сведения введу, вот вторую и слепил, а там и третья на подходе... Материал один и тот же, ты его немного переставь, название измени и смело отдавай в другое издательство.

После этих слов до меня дошло, почему многих новоявленных модных авторов серьезные писатели считают только ремесленниками от литературы. Настоящий писатель живет в особом для него мире – мире его героев.

Дмитрий Балашов рассказывал, как в деревне Чеболакша в Карелии работал над одним из своих романов, описывая сцену новгородского пира, в этот момент к нему зашла почтальонша, сочувственно произнесла, мол, все один да один, не с кем даже словом перемолвиться. Дмитрий Михайлович

удивлен, да как же один, когда у него в комнате пир горой, купцы да бояре за столами сидят. Почтальонша глянула на него как на ненормального и тут же поспешила уйти. Да, впрочем, в январе 2012 года я сама засела за роман о времени Ивана Грозного, новгородцах и судьбе саамской нойты, вошла в эпоху, как говорится, с потрохами, но в это же время пришлось решать множество семейных проблем, и мне вся родня, подруги и друзья то и дело говорили: «Да когда же ты выйдешь из своего XVI века, ведь до тебя не достучаться». Вышла... Правда, теперь вот войти не могу...

Опыт и техника написания со временем приходят, а вот если в тебе нет внутреннего огня, горения, боли, которой хочешь поделиться, радости, чтобы выплеснуть, то как бы ты хорошо и грамотно тексты ни излагал, писателем не станешь. Здесь особый талант требуется, открытость души, парение и горение ее.

На выступлениях мне часто задают вопрос: а как вы пишете? Что сказать по этому поводу? Если у меня возникла идея чем-то поделиться с другими, я зажигаюсь ею и начинаю вынашивать ее в своей душе, как мать под сердцем вынашивает дитя, как бы банально это ни прозвучало. Правда, срок подобной беременности бывает разный. Сказки и рассказы писались сразу же и потом множество раз редактировались, а вот романом «Алхалалалай» беременной ходила целых семь лет. Но это совсем не означает, что все семь лет только его и писала, от силы месяц-два в году. То же происходило и с книгой «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов...». Материал собирала с 1990-го, а идея все обобщить только в 1996-м пришла... В конце 2001-го захотелось написать книгу о колоколах, но только в последний день уходящего 2011 года получила из типографии первые экземпляры... Не знаю, достоинство это или недостаток, но писать быстро я не умею.

КОНФЕТЫ «БЕЛОЧКА»

Мурманское книжное издательство отмечало в музее Есенина свой очередной юбилей. Фуршетный стол заставлен разными вкусностями, но меня на нем привлекли конфеты «Белочка», которые с детства были любимыми. Большая ваза конфет!

Валентине Евгеньевне Кузнецовой говорю:

– Сегодня-то я от души «Белочек» поем. А то мама в детстве купит с полочки кулек, спрячет и затем по одной выдает...

А тут – бери не хочю...

Вечер прошел отлично!.. Много общалась, народ веселила, а когда все разошлись, вспомнила

про «Белочки». Валентине говорю: – Евгеничка, а где «Белочки»?

Та: – Съели давно.

– Как съели? – обреченно спрашиваю я. – И ты ни одной мне не заныкала?

– Ты же знаешь, я шоколадные конфеты не ем – у меня от них пузо чешется, – пожимает плечами Валентина.

И тут я неожиданно для себя горько расплакалась. Казалось, никому не нужна, если даже ни одной «Белочки» не оставили. Евгеньевна успокаивает:

– Да ты что, Надюха, из-за конфет так расстроилась, да я тебе завтра их целый килограмм куплю...

Зашла библиотекарь Наталья Тарасова, увидела меня рыдающей, выяснила причину и спокойно констатировала:

– Она сегодня слишком много энергии всем отдавала, вот у нее нервный стресс и произошел, пусть поплачет, легче станет...

На следующий день Евгеничка с утра была в издательстве и все рассказала Игорю Циркунову, а когда пришла я, он, поздоровавшись, тут же выставил коробку шоколадных конфет к чаю и, извиняясь, со смешком сказал:

– К сожалению, «Белочек» в наличии не осталось, но, может, эти утешат тебя.

Вы, СЕВЕРЯНЕ, СОВЕРШЕННО ДРУГИЕ ЛЮДИ...

Когда выезжаю за пределы Кольского полуострова, от многих слышу, что мы – люди Севера – очень сильно отличаемся от других россиян. Это же подтвердила и моя однокурсница по училищу в Новгороде Тамара Брагина. Я со своей дочерью и сы-

ном Ольги Балашовой пошли Тамару в половине одиннадцатого ночи провожать. Но заволновались: взяли с собой Никиту, а Ольгу не предупредили. Телефонов поблизости нет, и я предложила:

– Может, мобильник у кого попросим?

Тамара посмотрела на меня как на ненормальную:

– Ты что, Надежда, кто тебе в Новгороде мобильник даст, это не у вас на Севере.

Но я с ней не согласилась, обернувшись, вижу, два парня идут. Останавливаю, спрашиваю:

– Мальчики, у вас мобильник есть?

Они, ошалело посмотрев на меня, отвечают:

– Есть, а что?

– Дайте позвонить, пожалуйста, – прошу их, – надо матери сообщить, чтоб за ребенка не переживала. Два слова всего.

Переглянулись, один другого спрашивает:

– Что, дадим?

– Ну, дай, – отвечает первый.

Протягивают телефон, а я им опять:

– Нет, мальчики, вы сами номер наберите, я им пользоваться не умею (у меня тогда еще своего не было), – и цифры диктую.

Когда Ольгу предупредила, поблагодарив, отдала трубку парням, и обращаюсь к Тамаре:

– Вот видишь, и у вас нормальные, понимающие люди есть, даже молодые, а ты не верила.

Она восторженно смотрит на меня и говорит:

– Нет, Надь, это они тебе отказать не могли, я же говорю, вы, северяне, совершенно другие люди...

А я искренне верю: ты к людям с добром, и они к тебе с радостью на помощь придут. В этом меня никто не переубедит.

Надежда Павловна БОЛЬШАКОВА

родилась в поселке Ревда Мурманской области.

Окончила Ленинградский институт культуры.

В 1994 году в Ревде основала Музей саамской литературы и письменности им. О. Вороновой.

Автор многих книг, в том числе:

«Подарок чайки» (1996), «Тиррв по-саамски – здравствуй» (2000);

«Хлебные горбушки» (2005); «Алхалалай» (2003);

«Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» (2005);

«Колокольный перезвон. Колокола в литературе, музыке и живописи» (2011);

«Антология саамской литературы» (2012); «Октябрина» (2012);

«На пике творческого взлета. Сергей Есенин. 1917» (2013).

Андрей
ПОПОВ

г. Сыктывкар

«В молитве нуждается всякий...»

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ

На лицах прохожих, знакомых, соседей
Несложно порой отмечать
Вчерашних тревог и вчерашних трагедий,
Вчерашних смячений печать...

Откуда во мне вдруг берется свобода
От прежних разладов и лет?!
И думаю: солнце, такая погода,
Что судеб несбывшихся нет.

* * *

Когда Ты молитвам внимаешь,
Глядишь на тревожный закат,
То знаешь, конечно, Ты знаешь,
Зачем наши судьбы сгорят.

Сгорят не для точных ответов —
Мы только, как дети, пойдем,
Что строгое таинство света
Дополним неровным огнем.

Запутавшись в снах и порядках
И в чаяньях ночи и дня,
Мы просто сгорим без остатка
Неровного ради огня.

Андрей Гельевич ПОПОВ

родился в 1959 году в Воркуте.

Окончил Сыктывкарский государственный
университет, филологический факультет.

Публиковался в журналах «Наш современник»,
«Север», «Арт», «Арион», «Мир Севера»,
«Войвыв кодзув», «Крещатик», «Московский
вестник», «Родная Ладога», «Аврора» и других.

Автор нескольких сборников стихотворений.

Стихи переводились на венгерский язык.

Лауреат еженедельника «Литературная Россия».

Член Союза писателей России.

НЕЛЁТНОЕ ПОЛЕ

Птиц что-то нет — комары кругом,
Нет куликов для болот.
Ворона каркает ни о чём,
Думая, что поёт.

Нет суматох над родным гнездом,
Дождик, бардак и быт.
У неба к горлу подкатит гром,
Думая, что молчит.

И не укроет птенцов крылом
Чёрный, как грач, вертолёт.
И время молится ни о чём,
Думая, что идёт.

* * *

В молитве нуждается всякий —
Художник, острожник, аскет,
Хмельной, погибающий в драке,
Решивший, что Бога-то нет.

Курилка, герой, трудоголик,
Рыдающий в женскую грудь.
И тот, кто не может от воли —
Покою и воли уснуть.

* * *

Рассеянной жизни упорство,
 Не знающий отдыха труд —
 Стихи да стихи...
 Стихотворство...
 Года, как минуты, бегут.

К чему?
 Никакая известность
 Души не утешит живой.
 Уйду —
 А родную окрестность
 Засеют забвенья травой.

Но, может быть,
 Станным мученьем
 От мыслей унылых и смут
 Отвлёк я кого-нибудь —
 Чтеньем
 Стихов.
 Хоть на пару минут.

ЦАРЮ НЕБЕСНЫЙ...

Небесный Царь и Утешитель,
 Дух истины и тишины,
 Судеб Источник и событий,
 Прииди и вселися в ны.

Мы суетливы, лицемерны,
 Скупы, друг другу не верны,
 Очисти нас от всякой скверны,
 Прииди и вселися в ны.

Едим и спим, едим и пляшем,
 Твои беспечные сыны.
 Помилуй, Блаже, души наши,
 Прииди и вселися в ны.

* * *

Светает. Что-то мне не спится.
 Но я не думаю о сне.
 Поют неутомонно птицы,
 Поют, наверно, обо мне.

Поют о том, что не случится
 Со мной нервическая дрожь,
 Что если думаешь о птицах,
 То от тоски не пропадёшь.

* * *

Мне есть, кого прощать.
 И пусть прошло.
 Пусть им предать что выпить чашку чаю,
 Но на душе порой и тяжело —
 Мне надо их простить.
 И я прощаю.

Прощаю им неискренность и страсть,
 Что заблудились в лабиринтах быта —
 И жизнь им, как измена, удалась.
 Но мною прощена.
 И мной забыта.

* * *

Неряшливый город... Хозяина нет...
 Но жил здесь и умер хороший поэт,
 Обычный потерянный русский поэт,
 Ему сорок шесть не исполнилось лет.
 Не вышло подольше — обиды и быт,
 Совсем не забыт, но почти и забыт.
 Не стала и смерть пересудом газет
 В неряшливом городе...
 Русский поэт.

Николай КОНЯЕВ

г. Санкт-Петербург

«Подвиг власти может состоять в том, чтобы достойно отстаивать внешнюю независимость и величие сана – отстаивать даже до смерти.

Но подвиг власти может состоять также и в том, чтобы, выполняя основные задачи сана, защищая «благочестие и люди своя», внутренне преодолевать, когда это нужно для исполнения основной задачи, земное тщеславие власти».

Г.В. Вернадский

Глава первая

БИТВА НА АВДОВОЙ ГОРЕ

Избранному воеводе земли Российской, светлomu украшению Церкви православныя, Святому Благоверному великому князю Александру Невскому, похвальная восписующе, яко верою враги, видимыя же и невидимыя, победившему...

Акафист Александру Невскому. Кондак первый

Вглядываешься в события истории, и кажется, прикасаешься к тайне судеб божиих...

Вот 1206 год...

В самом сердце Азии, в горах Хангая, на берегу Орхона, курултай монгольских народов провозгласил воинственного Тэмуджина самодержцем (Чингисханом). Совершилось объединение татарских и монгольских племен в единый военно-политический союз. Началась эпоха великих монгольских нашествий на Китай, на Среднюю и Малую Азию, на Русь.

А через год, 7 октября 1207 года, другое событие...

Папа Римский Иннокентий III в послании «ко всему духовенству и мирянам русским» посетовал, что Русь удалась от католической веры, как от груди матери, и стала чужим ребенком. Он призвал Русскую Церковь вернуться с бездорожья на путь истины и пойти под опеку главы католической церкви.

«В случае неповиновения, – отечески печалился Папа, – с Русью может случиться то же, что и с Византией...»¹

Медленно, но неотвратимо сплетаются в глуби-

не столетий гибельные для нашей страны сети. И еще далека опасность, а уже подыскивается русский герой, способный одолеть надвигающуюся беду. И ничье своеволие не способно противостоять божьему промыслу, все равно совершится то, чему назначено совершиться.

Так было и накануне рождения святого благоверного князя Александра Невского. Он родился, когда события разворачивались столь неблагоприятно для Руси, что, быть может, и не было бы без Александра Невского у нашей страны дальнейшей истории.

И удивительно, но само рождение князя оказалось сопряжено с такими колоссальными препятствиями, что, кажется, ему и невозможно было родиться. Темные силы делали, кажется, всё, чтобы не случилось этого...

1

Неспокойно начиналось княжение его отца, Ярослава Всеволодовича...

Ярослав Всеволодович был четвертым сыном князя Всеволода Юрьевича, прозванного Большое Гнездо. При Всеволоде Большое Гнездо разрослось и укрепилось Владимирское княжество, превратившись в самостоятельное и достаточно сильное государство, но еще жив был он, как между старшими сыновьями (всего у Всеволода Юрьевича было восемь сыновей) вспыхнула вражда, затянувшаяся на долгие годы. Поводом стало завещание отца, отдавшего старшему Константину, княжившему в Ростове, великое княжение и город Владимир, при условии, что Ростов перейдет третьему сыну (второй сын Борис умер) Юрию (Георгию).

Константин, не желая терять полюбившийся ему Ростов, не согласился с этим, и Всеволод изменил завещание, отдавая Юрию и город Владимир, и великое княжение.

Это решение окончательно поссорило Константина и с братьями, и с отцом. Константин даже не поехал на похороны отца, и хотя Юрий Всеволодович предложил тогда ему поменяться княжествами, то есть вернуться к первому варианту завещания, но Константин отверг и это предложение. Он объявил, что в Ростове и Ярославле должны княжить его сыновья, а Юрию он может предложить только Суздаль.

Так началась междоусобная война. Ярослав

Всеволодович, получивший после смерти отца Переяславль Залесский, выступил тогда на стороне брата Юрия.

И хотя никто и не претендовал на удел Ярослава Всеволодовича, но так получилось, что именно он и стал виновником грандиозной битвы на Липицком поле в 1216 году, приведшей к полному поражению Юрия Всеволодовича.

Однако при всей внешней очевидности этого факта следует отметить, что от самого Ярослава Всеволодовича очень мало что зависело в столь прискорбном развитии событий. Горестный ход их или, как говорил историк Николай Андреевич Клепинин, трагическая историческая динамика определилась еще в 1215 году, когда Ярослав Всеволодович только начал княжить в Великом Новгороде взамен своего тестя Мстислава Мстиславовича, ушедшего в любимую им Южную Русь.

2

Тут нужно сказать несколько слов о характере отношений владими́ро-суздальских князей с Киевской Русью и с Господином Великим Новгородом.

Как отмечал Николай Андреевич Клепинин, уже ко времени княжения Всеволода Большое Гнездо Владимиро-Суздальская Русь окончательно сложилась и, по сравнению с Приднепровьем, в ней выявилось много нового и самобытного, не похожего на прежний строй Киевщины.

Князья здесь перестали переходить со стола на стол. Вместе с ними и дружина начала оседать и приобретать земский характер. Быт князей и дружины сделался более оседлым. Превращаясь в хозяев-собственников, бояре перестали менять одно княжество на другое, «ищуце себе славы, а князю чти», они прочно обосновывались на своих землях. Интересы земли делались и их интересами.

Смешиваясь с местными племенами, менялось и пришедшее в суздальские земли русское население. Изменились наружность и сам характер переселенцев. Складывался новый великорусский тип.

«Киев был устремлением к Византии, к степям и к Хозарии, – пишет Н.А. Клепинин. – С киевских гор открывались широкие горизонты и свободные дали. Все, что совершалось за рубежами, в Византии и в степях, было ему ведомо и непосредственно на него влияло. На севере горизонты сужаются, заслоняются лесами. Суздаль обращен на восток,

к болгарам, более диким, чем Русь. Все, что доходит до него из других стран через Киев и Новгород, становится лишь далекими отголосками.

Киев как бы согрет отблесками золотопарчовой Византии. На юге князь и его дружина переходили из удела в удел, от стола к столу. Полям их интересов и стремлений была вся Русь. Удел и город были только временным житием, «прокормлением», а мысли их мерили просторы от Полоцка до Киева, от Новгорода до Тмутаракани. В Киеве – широта и размах. В киевских князьях были поэзия удали и лихого полета. И все краски киевской жизни пестры, беспокойны, полны противоречий, языческого буйства жизни и строгости первых монастырей.

На севере эти краски тускнеют. В Суздале сдержанность, труд и прикованность, часто на всю жизнь, к одному городу, к одному урочищу. Работа над землей приковывала взгляд к одному болотистому, неплодородному полю. Мысль не могла рыскать по всей земле. Для этого не было и южных просторов. Здесь княжества затеряны среди широко, во все стороны растекающихся рек, неизвестно куда выводящих, никуда не влекущих, как прямой и многоводный Днепр, устремленный к Византии».

Это различие определило и различное отношение суздальских и киевских князей к Господину Великому Новгороду.

Сам этот город был средоточием огромного края. Он создавался и богател без особого участия князей, и власть в нем всегда принадлежала тому, кто держал в своих руках торговлю – крупным купцам-боярам. Само население создавало страну, и поэтому верховной властью в Новгороде было вече, собрание всех свободных новгородцев. Это вече направлялось и руководилось боярами, но порою «меньшие» люди могли и восстать на людей «больших». Это основное противоречие новгородской жизни – фактическое господство боярства и одновременная подчиненность его вечу – было источником постоянных распрей и междоусобий. В одном новгородцы были едины: в отстаивании своих вольностей. Князь для них был только предводителем войска и судьей, и новгородцы неуклонно пытались удержать княжескую власть в этих границах.

«Возвышение Суздаля, – подчеркивает Н.А. Клепинин, – столкнуло его с Новгородом. В северной Руси оказалось два средоточия. Крепкий своей княжеской властью Суздаль и богатый, свободолюбивый Новгород. В облике Суздаля и Новгорода – глу-

бокая разница. Суздаль – мужик, залешанин, крепкий своей связью с землей, медленным, но верным ростом из болот. В Новгороде есть крепость горожанина торговца, упрямого и свободолюбивого.

Новгород стал на пути Суздаля. Началась постоянная борьба суздальских князей с Новгородом. Эта борьба не похожа на южные усобицы. Это была борьба двух волей, двух упрямых стремлений».

3

Вот этой трагической исторической динамикой противостояния уходящей Киевской Руси с укрепляющимися Владимиро-Суздальскими княжествами и определялось поведение Ярослава Всеволодовича, севшего на княжеский престол в Великом Новгороде.

Всеволод Большое Гнездо послал его княжить в Великий Новгород еще в 1209 году. Тогда и завязалась борьба между ним как представителем владимирских князей и Мстиславом Мстиславовичем, представителем смоленской ветви Рюриковичей, прозванным за удачливость в многочисленных военных предприятиях Удатным.

С перерывами эта борьба продолжалась до 1216 года, и женитьба Ярослава Всеволодовича на дочери Мстислава Мстиславовича Удатного, будущей матери князя Александра Невского, являлась одним из эпизодов развернувшейся борьбы.

В принципе, у Ярослава Всеволодовича не было никаких шансов на победу, но Мстислав Мстиславович действительно воплощал в себе широту и размах южнорусского княжеского служения, исполненного «былинной поэзии удали и лихого полета», и никогда не замыкался в новгородских пределах.

Полям его интересов была вся Русь, и, когда краковский князь Лешко позвал его в поход на захваченный венграми Галич, Мстислав Мстиславович не стал долго раздумывать.

– Есть у меня дела на Руси, а вы вольны в князьях, – объявил он на вече и покинул Новгород вместе с дружиной.

Вот тогда и пригласили на княжение в Великий Новгород будущего отца Александра Невского перемыславского князя Ярослава Всеволодовича.

Как представитель суздальских князей и одновременно зять Мстислава Мстиславовича, он должен был консолидировать противоборствующие в Новгороде силы, но все произошло с точностью до

наоборот. Отношения с новгородскими боярами, заскучавшими о прежнем князе, у Ярослава Всеволодовича сразу не заладились, и, принуждая бояр покориться, князь отъехал в Торжок.

«Той осенью много зла сотворилось, – повествует Новгородская летопись, – побил мороз урожай по волости, а на Торжке все уцелело. И забрал князь весь хлеб в Торжке, не пустил в город ни воза... в Новгороде кадь ржи покупали за десять гривен, а овса по три гривны, а репы воз по две гривны, ели люди сосновую кору и лист липовый и мох. О горе было тогда, братья: детей своих продавали, и поставили скудельницу, и всю ее наполнили».

Мстислав Мстиславович, управившись с венграми, вернулся 11 февраля 1216 года в Новгород как строгий, но справедливый отец и утешитель.

«Сын мой, – написал он зятю, – отпусти мужей и гостей новгородских, уйди из Нового Торга и возьми со мною любовь».

Еще, как сообщает В.Н. Татищев, Мстислав Мстиславович потребовал от Ярослава Всеволодовича жить честно с женой и не давать ее в обиду своим наложницам, а в противном случае отослать ее обратно к нему.

Несомненно, Мстислав Мстиславович испытывал к княгине Феодосии отцовскую любовь, но, право же, тут Феодосия становилась лишь фигурой в борьбе за Новгород.

Поэтому Ярослав Всеволодович, отвечая на эти миролюбивые призывы тестя, приказал заковать захваченных им новгородцев в кандалы и разослать в заточение по залесским городам.

Тогда Мстислав Мстиславович, как пишет Н.М. Карамзин, «хотев прежде дружелюбно разделаться с Ярославом, но принужденный искать управы мечом, взял своим меры, как искусный Военачальник и Политик. Предвидя, что Георгий Всеволодович будет всеми силами помогать меньшему брату, Мстислав заключил тайный союз с Константином и дал ему слово возвести его на престол Владимирский».

Кроме этого, Мстиславу Мстиславовичу удалось заручиться помощью брата, псковского князя Владимира Мстиславовича, и двоюродного брата Владимира Рюриковича – князя смоленского, и в результате междоусобная война между Всеволодовичами разгорелась с новой силой.

«Месяца марта в 1 день, во вторник по Чистой неделе» новгородско-псковская рать выступила в поход, центральным эпизодом которого стала знаменитая битва на Липицком поле 21 апреля 1216 года.

Накануне битвы, то ли выигрывая время до подхода дополнительных сил, то ли оберегая свое имя от обвинений в организации братоубийственной войны, Мстислав Мстиславович не скупился на миролюбивые инициативы.

«Кланяемся тебе, брате, нам от тебя никакой обиды нет, а есть обида от Ярослава – и Новгороду, и Константину, старейшему брату твоему... – пишет он Юрию Всеволодовичу. – Тебя же просим, примиришь со старейшим братом, отдай ему старейшинство по правде его, а Ярославу вели отпустить новгородцев и новоторжан. Да не прольется напрасно кровь людская, за то взыщется с нас Бог».

Если откинуть миролюбивую риторику, эта новая «мирная инициатива» сводилось к тем самым требованиям Константина Всеволодовича, из-за которых и разгорелась после кончины Всеволода Большое Гнездо междоусобная война.

«Мы один человек с братом Ярославом», – кратко ответил на это Юрий Всеволодович.

А вот Ярослав Всеволодович по неопытности – ему было всего двадцать пять лет – сдержаться не сумел. Когда тесть принялся укорять его, дескать, «Новгород есть мой. А ты не по делу схватил мужей новгородских... ты, сыне, отпусти узников, а волость Новгородскую возврати. Так помиримся и не прольем напрасно крови», – ответил воинственно и задиристо: «Мира не хотим; мужи ваши у меня; издалека вы пришли, а вышли, как рыбы на сухо».

И было еще и третье послание мудрого Мстислава Мстиславовича, составленное столь нравоучительно, что, кажется, и не к младшим Всеволодовичам оно обращено, а прямо к летописцам:

«Братья, все мы племени Владимирова и пришли сюда не для войны и разорения, не чтобы у вас отчины отнять, но ищем мира. Вы же по закону Божию и Правде Русской дайте старейшинство большему брату Константину. Знаете сами, что если брата не любить, то и Бога ненавидеть, ничем то искупить нельзя».

Теперь и Юрий Всеволодович не смог сдержаться.

«Скажите Мстиславу, что он знает, как пришел, но не ведает, как уйдет отсюда, – ответил он посланцам. – Ежели сам отец наш не мог рассудить меня с Константином, то Мстиславу ли быть нашим судьей? А брату Константину скажите: пересячь нас, то твоя будет вся земля».

Таким образом, еще не вступив на равнину у Липицы, Мстислав Мстиславович уже выиграл то, что называется сейчас информационной войной. Не случайно летопись рисует Юрия и Ярослава Всеволодовичей накануне битвы как чудовищ, алчущих братской крови:

«Се пришел товар в руки. Вам же будут брони, кони и порты. А человека кто возьмет живого, тот сам будет убит. Аще и золотом шито оплечье будет, и того убей, да не оставим ни единого живого. Аще кто из полку утечет, не будет убит, а схватим его, ино тех вешати или распинати».

Запретив брать пленных, а этот приказ почему-то стал известен накануне битвы именно в войске Мстислава Мстиславовича, братья Всеволодовичи приняли, как утверждает летопись, делить чужие княжества и поделили между собою не только Новгород и Смоленск, но и южнорусские земли. Киев, правда, они решили отдать черниговским князьям, но Галич забрали себе.

Более бессмысленных действий трудно было придумать, и, очевидно, они тоже, как и мифотворческие инициативы, происходили в поле информационной войны, и не Всеволодовичи совершали их, а мудрый Мстислав Мстиславович ...

5

Между прочим, во многом благодаря успехам этой информационной войны и была одержана победа у Липицы.

Всеволодовичи превосходили войско своих противников в численности, кажется, и тактически они даже переиграли Мстислава Мстиславовича, успев занять удобную для обороны возвышенность, называемую Авдова гора.

Войскам Мстислава Мстиславовича пришлось встать на Юрьевом холме², отделенном от Авдовой горы глубоким заросшим оврагом, по дну которого струился ручей ТуNEG.

Анализируя расположение войск к началу битвы, многие отмечают, что сложилась по сути патовая ситуация: войска стояли на двух возвышен-

ностях, кто первый двинулся бы атаку, тот и должен был проиграть.

Ничего не решили – на стороне Мстислава Мстиславовича в Липицкой битве участвовали былинные персонажи: ростовские витязи Александр Попович и Добрыня Золотой Пояс! – и богатырские поединки, которые происходили на дне оврага.

Ничего не решил и хитроумный маневр Мстислава Мстиславовича, двинувшегося было в сторону Владимира. Полки Всеволодовичей только выдвинулись из-за укреплений на Авдовой горе, но спускаться не стали, а остановились на склоне.

Вот тогда-то Мстислав Мстиславович и использовал скопленный в ходе «информационной» войны эмоциональный, идеологический ресурс.

– Братья! – обращаясь к новгородским ратникам, сказал он. – Мы вошли в землю сильную. Воззрим на Бога и станем крепко, не озираясь назад; побежавши – не уйдешь. Забудем, братья, жен, детей и свои дома. Кому не умирать? А к бою идите кто хочет, пеш ли, на конях ли.

– Не хотим умирать на конях, будем биться пеш, как отцы наши на Колокше! – как утверждает летопись, отвечали новгородцы.

Ссылка на битву на Колокше знаменательна.

Какой же крепкой должна была быть историческая память новгородцев, чтобы перед смертельной схваткой их могло воодушевить упоминание о битве, произошедшей в этих местах более столетия назад! Но, похоже, речь тут идет не столько об исторической памяти, сколько о памяти языческой...

Ведь прокричав свои столь похожие на заклинание слова, новгородцы спешили и начали разуваться и раздеваться.

Если спешивание можно объяснить неустойчивостью конного строя на склоне Авдовой горы (спускаясь и поднимаясь по взгорку, лошади падали), то обнажение ратников перед атакой в апрельском лесу проникнуто откровенной мистикой и носит характер языческого обряда.

Некоторые исследователи считают, что, обнажаясь, новгородцы обозначали свой уход из мира живых, но не в мир мертвых, а в особый мир, где человек готов и способен совершить невозможное.

Как бы то ни было, сбросив порты и сапоги, новгородцы с криками побежали по склону Юровой горы. Набрав скорость, они с ходу взлетели на Авдову гору и голые ударили на врага так, как могут

ударить люди, понимающие, что в чужой земле им не от кого ждать пощады.

«И бысть сеча зла, един перед другим хотел храбрость свою изъявить и врага победить. Тут слышати было ломание копий, стенание язвенных, топот конский, за которым ничего ратные не можаще друг по другу рещи, ни повелений воевод слышати, а от праху ничто можаху видети перед себя. Лияся кровь повсюду и падаша по обою сторону на месте там толико много, что никоему не бе поступити далее или назад. Никто же не хотел уступити...»

– Не дай бог, братья, выдавать этих добрых людей! – воскликнул Мстислав Мстиславович и повел в атаку свою конную дружину.

Все окончательно смешалось, и ростовский богатырь Александр Попович по ошибке чуть было не зарубил самого Мстислава Мстиславовича, но тот вовремя назвал свое имя. Алеша Попович с богатырской рассудительностью посоветовал тогда князю стоять в стороне от битвы, потому что в сумятице богатырям недосуг разбирать, где свои, где чужие.

Тем не менее то ожесточение, которое Мстислав сумел сообщить своим ратникам, тот уход полуголых новгородцев в особый мир, где человек, наполняясь силой земли, как бы властвует над своей смертью, помогло одолеть суздальцев. Дружинники Ярослава Всеволодовича дрогнули и побежали, а следом и Юрий Всеволодович тоже «вда плече».

6

Тогда и был потерян знаменитый шлем князя Ярослава Всеволодовича, который тот подарил перед сражением старшему брату Юрию Всеволодовичу.

В 1808 году этот шлем нашла местная крестьянка, и сейчас он хранится в Оружейной палате Московского Кремля...

Ну а в 1216 году хватало трофеев и без этого шлема. Победителям достался тогда весь суздальский обоз, все стяги, все боевые трубы и бубны Всеволодовичей.

А вот пленных было взято всего 60 человек.

Зато погибших суздальцев Никоновская летопись насчитала 17 200 человек.

«Кто не восплачется, – замечает по этому поводу Тверская летопись, – слышав эту горькую победу над своими братьями, стоны проколотых копьями и голоса раненых, ещё живых и крича-

щих от боли? Ибо многое множество избитых ум человеческий не может представить, не только на побоище груды мертвых, но и по многим местам лежали тела, некоторые мёртвые, а другие еще дышали; много же их пойманных и взятых в плен плакали горьким плачем, видя своих мёртвых и не погребённых».

Это был полный разгром...

22 апреля союзная рать подступила к Владимиру, где укрылся Юрий Всеволодович, и обложила город. В четверг 28 апреля 1216 года он с братьями Иваном и Святославом выехал из городских ворот и сдал столицу своего княжества.

Взамен Юрий Всеволодович получил во владение Радилгов-Городец на Волге, город, где 57 лет спустя завершится земная жизнь его племянника, святого благоверного князя Александра Невского.

Впрочем, тогда, в 1216 году, Александр Невский еще не родился и, так складывались обстоятельства, мог бы и не родиться.

Константин Вячеславович помирил Мстислава Мстиславовича Удатного с побежденным зятем, и тот одарил и князей, и новгородцев дарами великими. Однако сам Мстислав забрал дары и свою дочь Феодосию (Ростиславу) и, не входя в город, выехал в станы за город. Ярослав же «многажды сылая с мольбою к Мстиславу, прося своеи княгини: князь же Мстислав не дась ему...»

Что произошло дальше и как удалось помудревшему Ярославу Всеволодовичу вернуть супругу, точно неизвестно. Возможно, сама Ростислава (Феодосия) умолила отца не разлучать ее с мужем. Возможно, как предполагают историки, сыграли свою роль внушения иерархов церкви. Однако, скорее всего, разгадка кроется в сложившейся на тот момент политической ситуации.

Пока Мстислав Мстиславович вразумлял на Липицком поле непокорного зятя, в его любимом Галиче сел с сильным гарнизоном венгерский король Колман. Новая кампания хотя и не сразу, но завершилась новой победой Мстислава Мстиславовича. После заключения мира с венгерским королём и выдачи за его сына Андраша своей дочери Марии Мстислав Мстиславович окончательно утвердился в Галиче.

При подобной расстановке фигур надобность в Ростиславе (Феодосии) в этой южнорусской партии отпала, как, собственно, и в самом Великом

Новгороде. Скорее всего, именно поэтому и возвратил Мстислав Мстиславович зятю дочь вместе с новгородским приданым.

7

Вот несколько дат...

21 апреля 1216 года – битва на Липицком поле.

28 апреля 1216 года Юрий Всеволодович оставляет Владимир своему старшему брату Константину Всеволодовичу.

1218 год. Мстислав Мстиславович Удатный снова оставляет Новгород и отправляется на юг «поискать Галича». В Новгород, который стал не нужным ему, он больше не вернется, и новгородцы снова пригласят к себе княжить Ярослава Всеволодовича.

2 февраля 1218 года. Умирает Константин Всеволодович, умирая, он завещает Владимирский престол брату Юрию Всеволодовичу, с которым так долго и упорно воевал.

И все это происходит за два года, миновавшие после грандиозной битвы, в которой яростно бились и языческие силы, и богатыри, которые станут персонажами былин! И вот прошло всего два года, а результаты великой битвы, которая, как считал Л.Н. Гумилев, подорвала мощь Великого княжества Владимирского, сошли для ее победителей на нет, словно и не было никакого сражения!

Это непостижимо, в этом, рассеивающемся как мираж, одном из самых крупных побоищ тогдашней Руси, право же, больше таинственности и загадочности, чем в новгородцах, раздваивающихся донага перед яростной битвой...

И как тут ни крути, но только 30 мая³ 1220 года придает хоть какую-то осмысленность этим событиям.

Только дата рождения святого благоверного князя Александра Невского подводит черту под миражами и болотными огнями, в которые обратились рассеянные божьей волей темные силы. Уже самим рождением своим соединил он в себе киевские, степные просторы древнерусской культуры и корни рождающейся среди суздальских лесов и болот будущей московской государственности.

И, пытаясь постигнуть, какую же цель преследовал для себя Мстислав Мстиславович Удатный, организовывая одну из самых крупных междоусобных войн домонгольской Руси, возникает

ощущение, что именно соединению отца и матери Александра Невского и пытался помешать он, разжигая распрю Всеволодовичей.

Но хотя и увез Мстислав Мстиславович Феодосию (Ростиславу) из Переяславля, так и не удалось ему разлучить ее с Ярославом Всеволодовичем, потому что не обойтись было будущей Руси без их сына Александра.

И тут, анализируя итоги той междоусобной войны, пытаясь определить, кто же все-таки в результате победил в ней, мы можем сказать совершенно определенно и твердо, что победила тогда Божия Воля...

Глава вторая

НАПЕРЕГОНКИ С ИСТОРИЕЙ

Разумел еси, богомудре Александре, яко преходит образ мира сего, едино же есть на потребу человеком, еже благоугодити Господеви: сего ради измлада от любве к миру и яже в мире уклонился еси, возделев же zde сущими стяжати небесная...

Акафист Александру Невскому. Искос второй

Сын Ярослава Всеволодовича и Феодосии Мстиславовны рос и мужал, словно наперегонки с историей...

Ему было три года, когда прадед по матери, половецкий хан Котян Сутоевич, уговорил его деда, своего зятя, галицкого князя Мстислава Мстиславовича Удатного выступить против нового, неведомого доселе врага...

«По грехом нашим, приидоша языци незнанию, при великом князе Киевском Мстиславе Романовиче, внуце Ростиславле Мстиславне. Приидоша бо неслыханию безбожнии Моавитяне, рекомые Татарове, их же добре ясно никто же свесть, кто суть и откуда приидоша, и что язык их, и котораго племени суть, и что вера их... Бог един весть их; но zde вписохом о них памяти ради князей Русских и беды яже суть им от них...»

Беда эта произошла, когда понуждаемые Мстиславом Мстиславовичем Удатным князья киевские, галицко-волынские, черниговские и смоленские «труба за трубой, стяг за стягом, ставка за ставкой, земля за землей» вывели свои дружины в степь⁴, чтобы попытаться там остановить надвигающуюся опасность.

Это было едва ли не самое большое южнорусское ополчение, которое когда-либо собиралось, и насчитывало оно более ста тысяч воинов.

Мстислав Мстиславович первым столкнулся со сторожевым монгольским полком и погнал его, но, желая, как пишет Н.М. Карамзин, «один воспользоваться честью победы, не дал никакой вести о сражении» ни Мстиславу Черниговскому, ни Мстиславу Киевскому. Поэтому-то, когда монголы опрокинули войско Мстислава Мстиславовича, русские князья даже не успели изготавиться к битве и были изрублены где попало.

Часть князей пала в сече, часть стала основанием помоста, на котором монголы справили победный пир.

Мстиславу Мстиславовичу, главному виновнику поражения, удалось спастись, но большая часть его дружины, геройствовавшая в битве на Липице, осталась лежать в степи.

В этот скорбный для русской славы год, когда черные воды лесной Липицы, смешавшись со степною водою Калки, снова покраснели от крови, трехлетнего внука Мстислава Мстиславовича взяли из материнского терема и совершили над ним княжеский постриг.

После того как епископ остриг Александру волосы, отец, Ярослав Всеволодович, вывел его вместе с братом Федором из Спасо-Преображенского собора Переяславля и впервые посадил на коня.

1

После пострига начинается то, что называлось образованием князя.

Образовывался юный Александр по обычаям того времени.

Круг чтения составляли главные для православного человека книги – Евангелие, Псалтырь, Священное Писание. Еще – святоотеческие творения: поучения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Лествичника, Кирилла Александрийского, Ефрема Сирина...

События всемирной истории постигались по Палам – обозрению событий от сотворения мира до начала христианства и гибели «жидовства». Отечественную историю юный князь изучал по летописям.

Тут нужно сказать, в чем принципиальное отличие русских летописей от прочих исторических со-

чинений. Авторами их были исключительно монахи, и уже в силу своего ангельского чина, занимаясь сбором и соединением в единое повествование исторических сведений, они менее всего стремились к созданию некоей выгодной для властей концепции отечественной истории, задача их заключалась в том только, чтобы выявить из хаоса событий божью волю. Когда летописцу не удавалось узреть ее, он ограничивался сухой констатацией событий, оставляя главный труд следующему за ним летописцу-переписчику, и тот спустя десятилетия или даже столетия, освобожденный от мельтешения сиюминутных пристрастий, прояснившимися глазами прозирал то, что и необходимо было прозреть.

Русские летописи очень условно можно считать учебником истории. Русские летописи – это всегда попытка постижения божьей воли.

Вглядываясь в запечатленные летописью события минувших лет, и постигал юный Александр божью волю в тех событиях, которые происходили по повелению или по своеволию прежних князей, многие из которых были его родными.

И, наверное, в этом постижении, в этом молитвенном прозрении и происходило то, что называется образованием князя, который необходим был Руси для определения ее Пути в будущее...

Ну и, конечно, обучение грамоте и письму совмещалось с развитием в юном князе силы и храбрости, обучали его и самому ратному делу – верховой езде, стрельбе из лука, владению мечом. «Кто из вас горазд стрелять из луку из каленого?» – пелось тогда в песне. И не просто стрелять, а «чтобы прокатилась стрелочка каленая... и попала бы в колечко серебряное».

«Княжича сызмала брали на лов, – пишет Н.А.Клепинин. – Со своего коня он видел облавы на туров, оленей и лосей. Потом, когда он подрастал, его приучали поднимать с рогатиной медведя из чащи. Это была опасная охота. Но и впереди княжича ждала опасная жизнь. Молодые князья рано узнавали жизнь со всей ее суровостью и грубостью. Иногда уже шестилетних княжичей брали в поход. Поэтому для них с молодых лет, наряду с играми, благостью церковной жизни и тишиной терема, были ведомы война, кровь и убийство».

Князь Александр Ярославич с успехом постигал науки и, как утверждает его Житие: «взором превосходил всех людей; голос его был, как труба в народе;

лицо, как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым царем после себя в Египте; сила его была часть от силы Сампсоновой. И дал ему Бог премудрость Соломона, а храбрость римского царя Веспасиана, пленившего Иудейскую землю...»

На миниатюрах того времени мы видим Александра в золоченом шлеме с чеканной иконой Архангела Михаила на челе. Поверх кольчуги юного князя – чешуйчатый доспех с выпуклой пластиной на груди.

На руках стальные створчатые наручи.

В самое время облекся юный князь в тяжелые боевые доспехи.

2

После того как в 1218 году Мстислав Мстиславович Удатный отправился в Галич, в Новгороде княжили малолетние отпрыски княжеских семей, и они не задерживались, меняясь по несколько раз в год. В 1222 году новгородцы выпросили князем себе сына Юрия Всеволодовича, но тот, как пишет Н.М. Карамзин, «по желанию своих бояр, не находивших для себя ни выгод, ни удовольствия в Новгороде, тайно собрался ночью и со всем двором уехал к отцу».

Вот тогда и решили в Новгороде снова призвать на княжение Ярослава Всеволодовича, дружину которого с такой яростью уничтожали на Липицком поле. Позабывать былую ненависть к князю их заставила нужда – очень уж беспокойно становилось на западных границах.

Там тогда действительно творилось невообразимое.

Датский король Вольдемар II, «желая очиститься от грехов», высадил войско на берегах Финского залива и в кровопролитной битве одержал победу над местными, подвластными Новгороду жителями.

К тому же во время битвы случилось чудо. Красное знамя с белым крестом упало из облаков в руки датчан, и им пришлось основывать новый, Дانهброгский, орден.

Но рижские немцы еще до датчан начали приобщать местное население к истинной, как они утверждали, вере. Усиливая неразбериху, явились и шведы, тоже заявившие о своем желании крестить эстонских язычников.

«Бедные жители, – пишет Н.М. Карамзин, – не знали, кого слушаться: ибо их мнимые просветите-

ли ненавидели друг друга, и датчане повесили одного чудского старейшину за то, что он дерзнул принять крещение от немцев. В сей крайности народ эзельский вооружился, побил шведов, взяв приступом новую крепость, основанную датчанами на Эзеле. Скоро мятеж сделался общим в разных областях Ливонских: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе согласно изъявляли ненависть к немцам; умертвили многих рыцарей, священников, купцов, и мечи, обагренные их кровию, были посылаемы из места в место в знак счастливого успеха. Уже все жители северной Ливонии торжественно отреклись от Христианства, вымыли свои дома, как будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и велели сказать рижскому епископу, что они возвратились к древней Вере отцов и не оставят ее, пока живы. В сих обстоятельствах старейшины их призвали Россиян в города свои, уступили им часть богатства, отнятого у немцев, и послали дары к Новгородскому князю, моля его о защите».

Очень заманчиво для Новгорода было ввязаться в эту заваруху, только как сделать это, не имея настоящего, боевого князя?

Но если резоны, толкнувшие новгородцев вновь отдаться под власть столь ненавистного им еще несколько лет назад князя, понять можно, то с самим Ярославом Всеволодовичем все обстоит сложнее. Он-то слишком хорошо знал, чем может завершиться княжение в Великом Новгороде. Та голая новгородская ярость, что обрушилась на него в битве под Липицами, слишком свежа была в памяти.

И тем не менее он согласился вернуться в Новгород...

3

Недобрые предчувствия не обманули Ярослава Всеволодовича.

В 1226 году, когда литовцы начали грабить торопецкие, новгородские, смоленские и полоцкие земли, Ярослав Всеволодович совместно с Давидом Мстиславовичем Торопецким и братом его, Владимиром Псковским, настиг грабителей близ Усвята, многих литовцев перебил, а пленников освободил. Победу эту омрачило то, что новгородцы в этом походе князя участвовать не стали. Дойдя до Русы, они самовольно возвратились назад.

Тем не менее Ярослав Всеволодович и на следующий год воевал, защищая новгородские интере-

сы. Опустошив Финляндию, он отправил священников в Корельскую землю, где, как сообщает Н.М. Карамзин, «не употребив никаких мер насильственных, крестил большую часть жителей, уже давно подданных Новагорода и расположенных добровольно к принятию Христианства».

Но и эти действия не сыскали ему ни любви, ни благодарности новгородцев.

Ярко проявилось это, когда Ярослав Всеволодович попытался принудить псковичей включиться в борьбу с надвигающейся с Запада опасностью.

«Князь Ярослав! – отвечали тогда псковичи. – Кланяемся тебе и друзьям новгородцам; а братьев своих не выдадим и в поход нейдём, ибо немцы нам союзники... Вы восстаете против нас: но мы готовы ополчиться с Святою Богородицею. Идите, лейте кровь нашу; берите в плен жен и детей: вы не лучше поганых».

И хотя в борьбе с немецким орденом сам Новгород был заинтересован более князя, но новгородцы не поддержали его в противостоянии с Псковом. Более того, жалуясь на дороговизну, которая установилась после прибытия в Новгород переяславской рати, они заявили, что, подобно псковичам, не желают более воевать с немецким орденом, и потребовали, чтобы князь увел из города свои полки.

Ситуация была провокационно-критическая.

Нетрудно рассчитать, как бы повел себя прежний Ярослав Всеволодович...

Однако теперь мы видим совершенно другого князя. Необузданность порывов сменилась в нем выдержкой и расчетливостью, незнакомой, кажется, прежним русским князьям. Ярослав ушел тогда с полками, оставив сыновей, Феодора и Александра, «во всей воле новгородской».

Отметим попутно, что нежелание псковичей и новгородцев противостоять немецкой экспансии, чрезвычайно обрадовало Папу Римского Гонория III.

«Ваши заблуждения в Вере раздражают Небо и причиною всех зол в России, бойтесь еще ужаснейших, если не обратитесь к истине, – обращаясь к русским князьям, писал он. – Увещаем и молим, чтобы вы письменно изъявили на то добрую волю чрез надежных Послов, а между тем жили мирно с Христианами Ливонскими».

И точно, «ужаснейшие» последствия не заставили себя ждать.

«С сего времени Новгород был несколько лет

жертвою естественных и гражданских бедствий, – пишет Н.М. Карамзин. – От половины августа до самого декабря месяца густая тьма покрывала небо и шли дожди беспрестанные; сено, хлеб гнили на лугах и в поле; житницы стояли пустые. Народ, желая кого-нибудь обвинить в сем несчастье, восстал против нового Владыки Новгородского, Арсения... Новгородцы... разграбили дом Тысяцкого, Стольников Архиерейского и Софийского, хотели повесить одного Старосту и кричали, что сии люди наводят Князя на зло».

Кипела, бушевала новгородская вольница...

Составлялись заговоры, злая смута ходила рядом с княжьим теремом...

«Небо, – говорил летописец, – оскорбленное сими беззакониями, от коих ангелы с печалью закрывают лица свои крылами, наказало мое отечество...»

Когда новгородцы потребовали от Ярослава Всеволодовича, чтобы он немедленно ехал в Новгород, снял налог церковный и запретил княжеским судьям ездить по области, братья-княжичи бежали в Переяславль-Залесский.

Еще не раз будет уезжать Александр Невский из Новгорода, изгоняемый нетерпеливым и своевольным новгородским вече, но та февральская ночь, когда девятилетним мальчиком скакал он сквозь темный лес, запомнилась навсегда...

4

И все-таки твердая и расчетливая политика Ярослава Всеволодовича приносила свои плоды.

Вроде и не начинает он, как в годы молодости, боевых действий против своевольного Новгорода, но влияние его укрепляется там. Постепенно новгородцы начинают осознавать необходимость присутствия в городе Ярослава Всеволодовича.

И Псков удалось смирить князю, не прибегая к военным действиям...

Глубоко верующий, благочестивый, суровый и замкнутый, «с прорывами гнева и милосердия», – таким встает он со страниц летописей.

Как пишет Н.М. Карамзин, только князь Даниил Галицкий в юго-западной России мог сравниться с ним в способностях ума и в душевной твердости.

«Сии два Князя, связанные дружбою и новым свойством (ибо Василько Романович женился на Великой Княжне, дочери Георгия Всеволодовича), сблизились тогда в своих владениях. Союзник и

родственник Михайлов, Изяслав недолго величался на троне Киевском: Владимир Рюрикович изгнал его, выкупив себя из плена; но вследствие переговоров Данииловых с великим Князем Георгием долженствовал уступить Киев Ярославу Всеволодовичу, который, оставив в Новгороде сына своего, юного Александра, поехал княжить в древней столице Российской...»

Это случится в 1236 году, а за два года до этого, зимой 1234 года, Ярослав Всеволодович предпринял поход на Дерпт (Тарту), в котором участвовал и его четырнадцатилетний сын Александр.

Участвовал Александр и в «ледовой» битве с ливонскими рыцарями на реке Омовже (Эмайыге). Ливонских рыцарей удалось тогда вразумить и заключить мир на условиях, выгодных для Новгорода, но еще ближе придвинулась гибельная сеть, заводимая темными силами на Святую Русь...

Уже в следующем, 1235 году курултай в Каракоруме принял решение послать Тулуя, младшего сына Чингисхана, завоевывать южный Китай.

Средний сын, Чаадай, должен был покорить Персию.

Внуку Чингисхана Батыю было поручено завоевать Европу и расширить улус Джучи «до последнего моря».

С трехсоттысячной ордой Батый двинулся от Иртыша на запад, присоединяя к себе по мере продвижения кочевые орды. Вступив в поволжские степи, Батый послал Субудая Багадуря воевать камских болгар. Осенью 1236 года земля болгар была завоевана и опустошена.

Было тогда князю Александру шестнадцать лет.

Он, как пишет Н.А. Клепинин, вырастал из своего рода. Только вместо неподвижной, медленной тяжести характера отца и дедов в нем была ясность, легкость сердца, быстрота мысли и движений. «Он унаследовал от предков серьезность взгляда, сдержанность и умение переживать и таить в себе свои думы. Во всей своей деятельности он является преемником суздальских князей, ни в чем не ломает родовых традиций, лишь преображая их благоуханием своей святости».

Семнадцать лет было Александру, когда на западе Орден меченосцев Ливонии объединился с Тевтонским орденом Пруссии, а из волжских степей двинулось на Русь войско Батыя.

Князь Ярослав Всеволодович не знал этого, но,

уезжая в 1236 году на княжение в Киев, он посадил шестнадцатилетнего Александра на новгородском столе.

– Крест будет твоим хранителем и помощником, а меч твоею грозой! – сказал он сыну перед алтарем Софийского собора. – Бог дал тебе старейшинство между братьями⁵, а Новгород Великий – старейшее княжение по всей земле Русской!

С крестом и мечом и видим мы благоверного князя Александра на иконах.

С крестом и мечом стоял семнадцатилетний князь, когда осенью 1237 года из волжских степей двинулись на Русь монголы.

5

Страшным на Русской земле был этот 1237 год от Рождества Христова.

Первой на пути полчищ Батыя встала Рязань.

Шесть дней штурмовали татары город и 21 декабря ворвались в Рязанский Кремль.

Страшная участь ждала защитников. Людей убивали, заживо жгли, распинали. Не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков, ни монахов. «И не осталось в городе никого, – свидетельствует очевидец, – ни стонущих, ни плачущих, ибо все были мертвы».

Уцелел только рязанский боярин Евпатий Коловрат, который находился во время расправы далеко от Рязани. Он вернулся в сожженный город, когда татары уже покидали разоренное Рязанское княжество. Воины Евпатия Коловрата настигли их и стремительным ударом смяли их арьергард.

«Изумленные татары думали, что мертвецы Рязанские восстали, и Батый спросил у пяти взятых его войском пленников, кто они? – пишет Н.М. Карамзин. – Слуги Князя Рязанского, полку Евпатиева, ответствовали сии люди: нам велено с честью проводить тебя, как Государя знаменитого и как Россияне обыкновенно провождают от себя иноплеменников: стрелами и копьями. Горсть великодушных не могла одолеть рати бесчисленной: Евпатий и смелая дружина его имели только славу умереть за отечество...»

Чудеса героизма проявляли русские люди, но ничто не способно было остановить завоевателей. Татарское нашествие захлестнуло Русь огнем и кровью.

«За умноженье беззаконий наших попусти Бог по-

ганыя, не аки милуя их, но нас кажа⁶, да быхом встягнулися от злых дел», – отмечает Лаврентьевская летопись.

А татары шли все дальше и дальше – в глубь русской страны.

3 февраля они встали перед Золотыми воротами Владимира.

5 февраля – сожгли Суздаль.

7 февраля пал Владимир.

И здесь все жители города были перебиты. В соборной Богородичной церкви заживо сожгли епископа Митрофана, великую княгиню с детьми, народ, набившийся в храм в поисках спасения.

К концу февраля пали Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь, а татары «идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волге, даже и до Галича Мерьского, а ини idoша на Переяславль и то взяша и оттоле всю страну и гради многа плениша»...

Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, оставивший свою столицу, собирал тогда в глубине ярославской земли войска, чтобы совместными силами дать отпор татарам.

На реку Сить пришли к нему со своими дружинами князь юрьевский Святослав Всеволодович, князь ростовский Василько Константинович, князь ярославский Всеволод Константинович, князь угличский Владимир Константинович...

Но 4 марта татары обрушились на еще не изготовившиеся к сражению русские войска, и каждая русская рать приняла тогда смертельный бой там, где и стояла.

Они бились возле Божонки и Могилыцы...

Возле Колегаево и Станилово...

Возле Семеновского и Сить-Покровского...

Возле Юрьевского и Городища...

Возле деревни Игнатовой и на ручье Войсковом...

От верховьев до среднего течения Сити, где сейчас село Красное, потекла, захлестывая берега, русская кровь.

Погибли тогда основатель Нижнего Новгорода пятидесятилетний великий князь владимирский святой Юрий Всеволодович и его племянник святой Всеволод Константинович. Другой племянник Юрия, князь ростовский святой Василько Константинович, был умерщвлен татарами в Шеренском лесу между Кашином и Калязином...

Убили и святого благоверного князя ярославского Всеволода.

С тех пор и стали кладбища, как утверждают путеводители, особой чертой ситского пейзажа. Если увидишь островки соснового леса среди полей, знай, что это непременно курганные группы...

Ростовский епископ Кирилл, возвращаясь из Белоозера, побывал на берегах Сити, пытаясь найти среди груд мертвецов тело великого князя Юрия Всеволодовича. Он узнал тело по княжескому одеянию; но головы тут не было. Кирилл взял, как пишет Н.М. Карамзин, «сии печальные остатки знаменитого Князя и положил в Ростовском храме Богоматери».

Туда же привезли и тело Василька Константиновича...

А татары шли дальше, и уже некому было сопротивляться нашествию, и везде, где стояли цветущие города, распускали свои черные крылья пепелища. И зарастали русские дороги бурьяном, колочки семян которого принесла на Русь на лошадиных хвостах татарская конница...

6

Всего в ста верстах от Новгорода – татарской коннице хватило бы и дня, чтобы покрыть это расстояние! – раскинулось село Игнач Крест⁷.

Здесь татары повернули назад, и злая участь, ожидавшая Великий Новгород, досталась тогда Козельску. Все жители были безжалостно истреблены. Погиб при штурме и малолетний князь Василий. Он утонул в текущей по улицам крови.

Историки считают, что монголы отвернули от Новгорода, опасаясь новгородских лесов и болот.

Может быть, и так...

Хотя непонятно, почему этот страх охватил их, когда уже столько русских болот и лесов осталось за спиной...

Существует и другая версия – сговора князя Ярослава Всеволодовича с татарами. В пользу ее свидетельствует то, что действительно ведь не пришел Ярослав Всеволодович на берега Сити, чтобы поддержать своего родного брата Юрия Всеволодовича, как тот некогда поддерживал его в битве при Липице.

Опять же и дальнейшая карьера Ярослава Всеволодовича, уже под властью татар, не противоречит версии сговора. Во Владимир он перебрался

сразу после кончины Юрия Всеволодовича, приехал, как говорил Н.М. Карамзин, господствовать над развалинами и трупами.

Так что вполне мог Ярослав Всеволодович, прошедший университеты новгородского вече, проявить определенную осторожность по отношению к татарам, которая, правда, так и не спасла от разорения его Переяславль.

Очень вероятно и то, что новгородцы предложили татарам выкуп, и передать его могли как раз где-то возле Игнач Креста. Все это в духе новгородской политики, хотя и непонятно, почему об этом в летописях не сохранилось ни слова...

Получается, что если события сговора и выкупа, возможно, и происходили, но их как бы и не было...

А если они и были, то не совсем такие.

И не совсем тогда...

Просто обстоятельства вынуждали участников событий действовать определенным образом... Они могли бы действовать иначе, но тогда бы их не было, как не было бы, возможно, и самой нашей страны.

Так, может, и не следует приискивать лукавых объяснений? Может быть, просто надо повторить такие простые и такие мудрые слова, что «нельзя не удивляться судьбам Божественного Промысла, сохранившего для России невредимым князя Ярослава Всеволодовича и его семейство, точно Ноя в ковчеге, среди ужасов гибели и разорения»...

И великой заслугой Ярослава Всеволодовича должно считать, что он сумел правильно распорядиться этой божией милостью.

Мы знаем, что хотя Новгород и не был разорен, но уже в 1239 году отправился Ярослав Всеволодович в Орду, чтобы установить на востоке мир, под прикрытием которого и удастся его сыну Александру отбить нашествие крестоносцев с запада.

7

Великая судьба была уготована князю Александру Ярославичу...

Всего один год разделяет день, когда повернула вспять у Игнач Креста монгольская конница, с днями, когда напишет ярл Биргер новгородскому князю: «Если можешь, сопротивляйся. Знай, что я уже здесь и пленю землю твою!»

И этот год не впустую был потрачен новгородским князем.

«В этой обстановке, – говорит в книге «Новгородские посадники» В.Л. Янин, – значение союза Новгорода с князем должно было возрасти неимоверно. В летописном рассказе о событиях этих лет фигура князя Александра занимает центральное место. Летописец сообщает о мерах по укреплению обороны Новгородской земли (постройка городков на Шелони), женитьба Александра на дочери полоцкого князя, укрепившей военный союз территорий, находящихся в наиболее угрожаемом положении».

Действительно, самое подходящее слово для этого года – укрепление. Укреплялись новгородские рубежи, укреплялась княжеская дружина, укреплялся сам князь...

В 1239 году он обвенчался с полоцкой княжной Александрой Брячиславной. Родственница преподобной Евфросинии Полоцкой становится женой князя, которому предстоит стать святым...

О венчании известно немного.

Было две свадьбы, или, как говорили тогда, две каши. Само венчание происходило в Торопце, перед чудотворной Корсунской иконой Богоматери⁸.

А главные свадебные торжества прошли на берегах Ильменя.

Здесь, на свадьбе князя Александра Ярославича с Александрой Брячиславной, гулял весь Великий Новгород. Вельможи и воеводы, купцы и иереи, кузнецы и плотники праздновали превращение своего князя в мужа.

Семь столетий спустя, в первые дни Великой Отечественной войны, Анна Ахматова скажет:

*Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.*

Час мужества наступал в 1240 году и для Великого Новгорода, и для его князя – Александра Ярославича...

Глава третья
НЕВСКОЕ ЧУДО

*Имяй всегда пред очами своими Господа,
трезвенно пожил еси, блаженне Александре, и вся яже
творил еси, творя во славу Божию, угодил еси Богу...*

Акафист Александру Невскому. Искос третий

Не только татары обрушились тогда на Русь. Нашим согражданам, высмеивающим подозрительное отношение к Западу, неплохо вспомнить время от времени, что именно в страшную годину татаро-монгольского нашествия, 9 декабря 1237 года, Римский Папа Григорий IX издал буллу, возвещающую крестовый поход на Русь. Добывая православную страну, крестоносцы должны были нанести удар в спину израненной Руси, по нетронутому татарскими новгородским землям...

Разгром и покорение северной Руси готовились Западом планомерно и целеустремленно.

Орден меченосцев, как мы уже говорили, усилили слившимся с ним Тевтонским орденом. Рыцарям пришлось пожертвовать частью владений в Ливонии, но взамен римский понтифик разрешил им вознаградить себя покоренными псковскими землями.

А на соединение с меченосцами, с северо-запада, двинулись на Русь шведы. Шведских героев Папа Римский сулил вознаградить новгородской землей.

Ярл Биргер, бывший, по преданию, зятем короля Эрика, возглавил крестовый поход.

– Туда спешите, братья! – показывая комету, вставшую на востоке, торопили римские эмиссары. – Вот вам небесная путеводительница!

1

Война, даже когда готовишься к ней, никогда не приходит вовремя.

Но крестоносцы Биргера сумели выбрать особенно неудачный для новгородцев момент – великий князь Ярослав Всеволодович находился в Киеве... Владимирское и Муромское княжества были опустошены, и рассчитывать на их помощь не приходилось.

И времени, чтобы собрать ополчение, тоже не оставалось. Слишком быстро, «пыхая духом ратным», действовал ярл Биргер.

В начале июля 1240 года шведские корабли вошли в Неву, встали в устье Ижоры и начали со-

оружать, как сказано в Лаврентьевской летописи, «обрытья».

Шведские «обрытья» на берегах Невы в устье Ижоры могли подорвать всю новгородскую экономику, но новая крепость сооружалась не только для того, чтобы преградить исконные новгородские торговые пути.

Она становилась плацдармом для последующей экспансии. Здесь шведские крестоносцы могли спокойно дожидаться приближения немецких рыцарей, чтобы совместно с ними приступить к покорению новгородской земли. Нельзя было допустить этого соединения сил неприятеля. Противостоять объединенному войску крестоносцев новгородским ратникам было бы уже не по силам.

Юный князь Александр Ярославич не растерялся в минуту грозной опасности.

Когда пришло известие о высадке шведов, он первым делом отправился в храм Святой Софии.

Мерцали перед образами свечи...

В гулкой тишине звучали слова молитвы вставшего перед алтарем князя:

– Владыка прещедрый! Слыши слова похваляющихся разорити святую веру православную! Стань в помощь мне! Ты бо еси Бог наш и на Тя уповаем!

Новгородский архиепископ Спиридон благословил князя.

Момент благословения запечатлен на рисунке летописи⁹.

Поднятая в благословении рука владыки Спиридона словно бы очерчивает нимб над головой склонившегося князя.

И воистину, разительная перемена происходит в это мгновение в нем. Когда Александр Ярославич вышел из Корсунских ворот, перед которыми выстроилась его небольшая дружина, он уже знал, на какую войну предстоит идти. Не только себя, не только Великий Новгород предстояло защитить ему. Предстояло отстоять от злого врага западные рубежи русского православия.

– Не в силе Бог, но в правде! – прозвучали над притихшей площадью великие слова¹⁰.

Грозная упругость лука, в который уже вложили стрелу, была в этих словах двадцатилетнего князя. Как стрела, пущенная рукою Господней, устремилась навстречу врагу дружина Александра...

Ярл Биргер, отправляя надменное послание Александру Ярославовичу, откровенно глумился

над ним, потому что знал: силы, которыми располагает князь, не смогут противостоять его войску. Знал Биргер, что и помощи из разоренной татарами Руси Новгороду не будет.

Биргеру оставалось только дожидаться немецких рыцарей, и тогда уже никому не удалось бы разжать клещи, сдавившие северо-восток Руси...

Гордо белели на берегу шатры крестоносцев.

Привязанные бечевами к берегу, лениво покачивались шведские шнеки.

Даже и представить себе не мог ярл Биргер, что несколько часов спустя это выбранное для отдыха место превратится в поле кровавой битвы...

Неведомо было надменному крестоносцу, что Александр Ярославович уже «разгорелся сердцем... и восприим Псаломную песнь рече: суди, Господи, обидящим мя, возбрани борющимся со мною, прими оружие и щит, стань в помощь мне».

И представить не мог Биргер, что Александр двинулся в поход «в мале дружине, не сождався со мною силою своею, но уповая на святую Троицу»...

2

Когда Александр приблизился к устью Ижоры, его встретил ижорский старейшина Пелгусий, крещенный в православие и нареченный Филиппом...

Пелгусию поручено было наблюдать стражу, он всю ночь провел без сна и на восходе солнца услышал грозный шум.

Прямо по небу плыла ладья, на которой в багряных одеждах стояли святые мученики Борис и Глеб. Руки святых лежали на плечах друг у друга, а гребцы были как бы одеты мглою.

*И стояли в ладье двое юношей в ризах червлёных...
На челе их, что солнце, сияли венцы,
И окутаны мглою сидели гребцы...
Словно два серафима спустились с ясного неба...
И признал в них Пелгусий святого Бориса и Глеба.*

– описывал это чудо поэт А.Н. Майков.

С «радостными очима» рассказывал Пелгусий о своем видении. Князь Александр слушал его и смотрел на солнце, встающее над лесом.

Первые лучи уже упали на землю, согревая ее, и над землей клубился легкий дымок...

– И я слышал, – держась за княжеское стремя, рассказывал Пелгусий, – слышал, как Борис ска-

зал: «Брат Глеб! Вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру Ярославичу»¹¹.

Поверх головы Пелгусия смотрел князь на лес, за которым находился лагерь ярла Биргера, на встающее над лесом солнце, и ему открывалось то, что не мог постигнуть ижорский староста: это предок Александра Ярославича, равноапостольный князь Владимир послал на помощь ему, своему праправнуку, своих сыновей.

Всё выше поднималось из-за леса солнце.

Разгорался день 15 июля 1240 года – день, когда празднует Русская Православная Церковь память святого равноапостольного князя Владимира, прапрадеда Александра.

Князь тронул застоявшегося коня.

– С Богом! – сказал он и взмахнул рукой.

3

Как стрела, пущенная рукою Господней, летел впереди дружины юный князь.

Подобно удару небесной молнии был его натиск.

Не успели шведы опомниться, как новгородские дружинники уже прорвались в центр лагеря.

«Бысть бой силен зело, ужасен и страшен...»

Князь Александр «собственным копьем возложил печать» на лицо Биргера, а отрок Савва в это же мгновение подрубил топором столб, поддерживающий златоверхий шатер надменного ярла.

Преследуя бегущих шведов, дружинник Гаврила Алексич верхом на коне взлетел по трапу на корабль за врагами. Его сбросили с конем в воду, но Гаврила остался невредим и, выбравшись на сушу, продолжал рубиться мечом со шведским воеводой.

Отважно крушили шведов дружинник Сбыслав Якунович и ловчий князя Яков Полочанин. А новгородец Миша прорвался со своей пешей дружиной на шведские корабли и начал топить их¹²...

Разгром был полный и сокрушительный.

*И валилися шведы валежником хрупким,
со смертной тревогой,
Убегая от божией страшной грозы
ни путем, ни дорогой:
По лесам и оврагам костями они полегли,
Там, где даже дружинники князя
за ними погоней не шли...*

– писал Лев Мей.

Так бесславно и завершился крестовый поход на Русь¹³.

Каково же было удивление дружинников, когда на следующий день они обнаружили на другом берегу Ижоры ещё одну поляну, усеянную трупами врагов.

Кем были сражены они?

Не ангелом ли Господним?

И, отвечая самим себе, уже как пророческие повторяли дружинники слова князя, сказанные на Соборной площади в Новгороде...

– Нас мало, а враг силен. Но не в силе Бог, а в правде!

Хваля и славя Бога, возвращалась дружина в Новгород, от которого удалось им отвести страшную беду.

Вперед дружины на коне ехал князь Александр Ярославич.

Он был уже Александром Невским.

4

Вопрос о том, когда начали называть князя Александра Ярославовича Невским, приобрел в последнее время особую актуальность. Основываясь на том, что с этим прозвищем имя князя встречается только в летописях конца XV века, некоторые исследователи делают вывод, что «Невским» называли Александра Ярославовича летописцы спустя два века после его кончины. Мысль о том, что составители летописей конца XV века могли пользоваться (и наверняка пользовались!) первоисточниками, которые просто не дошли до нас, этим исследователям почему-то в голову не приходит. Более того, поскольку в летописях упоминаются сыновья и внуки Александра Ярославовича с приставкой – «Невские», делается вывод, что прозвище святого благоверного князя скорее всего вообще связано не с Невской битвой, а произведено от земельных владений, которые, возможно, имелись у Александра Ярославовича на берегах Невы!

Желание во что бы то ни стало развенчать национального героя мешается в подобных умозаключениях с откровенной пародией на историческую науку. Выстраивая подобным образом «научную» аргументацию, нетрудно объявить далее, что совсем не за Русь и не за веру православную бился святой благоверный князь на берегах Невы, а за свои собственные земельные угодья...

Тем не менее и более серьезные исследователи, чуждающиеся псевдонаучной исторической фантастики, скептически оценивают значение Невской битвы на том основании, дескать, слишком уж мало народа погибло в той сече.

Действительно, и до Александра Невского, и после него столько было великих полководцев, добросовестно заваливавших поля сражений трупами своих и чужих воинов, что битва на Неве теряется среди этих кровавых пиршеств.

Но ведь святой князь Александр Невский и не ставил перед собою задачи пролить побольше вражеской крови! Защищая новгородские пределы, ему надобно было лишь отразить нашествие, и он, не позволив шведским крестоносцам соединиться с немецкими рыцарями, с ювелирной точностью нанес разящий удар и разгромил 15 июля 1240 года на Неве силы тогдашнего НАТО¹⁴.

Разумеется, можно согласиться, что Александр Ярославич мог бы носить прозвище Псковского или Чудского, ибо эти будущие победы в стратегическом плане не менее значимы, нежели Невская битва, а по масштабам намного превосходят ее, но всё же народная молва не ошиблась, выбрав Александру имя. Невская битва – это нечто большее, чем просто выигранное сражение.

Ведь шел тогда 1240 год.

Уже пал Киев – «мать городов русских». Лучшие монгольские полководцы Субэдай, Бурундай, Менгухан предавали огню и мечу юго-западные пределы Руси...

Немецкие крестоносцы тоже не теряли времени. В 1240 году они взяли Изборск и Псков.

Поражения, поражения, поражения...

Казалось, что раздробленная, истекающая кровью междоусобиц, сожженная татарами Русь гибнет сейчас навсегда и безвозвратно.

И тут – Невская битва! Она произошла как явление Господом Чудо, свидетельствующее, что страна сохранится, что Русь нужна Богу и Он возродит ее в новой силе и славе.

Не столь уж и значительное в военном смысле сражение на Неве становилось обетованием Московской Руси, идущей на смену Руси Киевской.

И совсем не случайно – мы, далекие потомки Александра Невского, ясно видим это! – была одержана судьбоносная победа в нескольких километрах от нынешнего Санкт-Петербурга, на

подступах к городу, на улицы которого никогда не ступит нога чужеземного захватчика...

Стремительно перешагнула новгородские рубежи слава молодого князя, ибо все увидели, что это он и избран к спасению Русской земли...

И только в самом Новгороде этого значения победы Александра Невского – увы! – постигнуть не смогли. Как водится, с честью встретили князя и его дружину, но опасность миновала, и город вскоре погрузился в обычные заботы. Поссорившись с новгородскими боярами в ноябре того же 1240 года, князь Александр Невский вынужден был покинуть город. Зимой того же года с матерью, женой и всем княжым двором он уехал в Суздаль.

5

Новгородом тогда управляло вече.

Когда враг подходил к рубежам, смолкал вечерний шум, новгородцы искали защиты у князя. Но вот отступала непосредственная опасность, и город снова возвращался к вольной жизни, снова стремился ввести княжескую власть в обозначенные пределы. И не всегда, не всегда побеждала мудрость.

Хитрость и расчет руководили боярами, выживавшими из города Александра Невского. Слишком велико становилось значение князя. Слишком большое приобретал он влияние. Зачем новгородским боярам такой князь? Теперь, когда опасность осталась позади, можно было подобрать другого князька, незаметнее, послушнее...

Но хитрость всегда близорука. Выжив Александра Невского из города, бояре позабыли, что в эту грозную пору Новгороду надобен не послушный князь, умеющий ладить с нужными людьми, а великий полководец, который способен побеждать врагов, чтобы защитить землю...

Как только покинул Новгород Александр Ярославович, меченосцы снова пришли в новгородские владения и, обложив данью чужд и воедь, воздвигли на новгородской земле город Копорье. А когда они взяли городок Тесово, расположенный в тридцати верстах от Новгорода, стало понятно, что никакая боярская хитрость не способна помешать этой неумолимой экспансии.

Папа Римский Григорий IX в новой булле от 6 июля 1241 года призвал теперь уже норвежского короля содействовать «крестовому походу... против язычников в землях соседних»¹⁵.

Новые клещи налаживал Рим, чтобы на этот раз уже наверняка раздавить непокорную Русь.

«В тот же год, наученные диаволом, немцы и иезуиты православной веры, собравшись войском, внезапно подошли к Изборску и взяли его. Были же тут медвежане, юрьевцы, велияжане с князем Ярославом Владимировичем. Этот Ярослав Владимирович был внуком Рюрика Киевского, правнуком Ростислава Мстиславовича: он бежал от Батыева нашествия в Ливонию и был там князем в Медвежьей голове».

И спохватились новгородцы...

Срочно было снаряжено в Переяславль-Залесский посольство во главе с архиепископом Спиридоном, чтобы призвать Александра Невского назад...

Нет... Не стихла обида в молодом князе. Но не себялюбие, не злорадство жили в этом наполненном истинной верой сердце, а подлинная мудрость и подлинное величие. Великодушно простив нанесенные ему обиды, князь Александр Невский возвращается в Новгород, когда немецкие рыцари хозяйничали уже в тридцати верстах от города, облагая данью население и грабя купцов.

И снова стремительны, как полет разящей стрелы, боевые походы князя.

Не дожидаясь, пока будут изготовлены новые латинские клещи, уже осенью 1241 года он нанес удар по немецким рыцарям – срыл крепость в Копорье, служившую опорным пунктом немцев, а когда орденские братья захватили в ответ Псков, отправился походом в чудскую землю.

Перерезав все пути, которые связывали орден и немецкие епископства в Прибалтике с Псковом, Александр Невский неожиданным ударом с запада освободил Псков.

Это было крупным успехом, но его было слишком мало, чтобы обезопасить Русь от латинского нашествия.

Эта победа давала передышку только на время...

Александр Невский не успокоился, ибо понимал, что главное сражение еще впереди...

6

Он искал его, и все случилось, как в пословице: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Передовой отряд Александра Невского, которым командовал Домаш Твердиславович, брат нов-

городского посадника, был разбит немцами у местечка Мосте возле реки Лутсу. Погиб и сам Домаш Твердиславович, и большинство воинов. Лишь немногие сумели уйти от смерти.

Эта небольшая победа чрезвычайно воодушевила рыцарей.

– Теперь пойдем и возьмем Александра руками! – хвалились победители.

В поход двинулся цвет здешнего рыцарства. Шли они добывать русских...

Александр Невский немедленно отступил из орденских владений и, перейдя через Чудское озеро, поставил свои полки на русском берегу, у скалы Вороний камень, что встала на повороте Чудского озера в Псковское¹⁶.

Здесь же стояли уже изготовившиеся к бою суздальские полки его брата Андрея.

Поднявшись на скалу, Александр Невский ожидал преследователей, вглядываясь в даль скованного льдом озера.

Немцы появились на восходе солнца 5 апреля 1242 года.

В накинутых поверх доспехов белых плащах, с нашитыми на них красными крестами двигались рыцари по скованной льдом равнине Чудского озера.

Увидев вставшие на их пути полки Александра Невского, немцы выстроились «свиньей» и, сомкнув щиты, не медля врезались в русскую рать¹⁷.

Их было много, до зубов вооруженных, закованных в несокрушимые доспехи врагов...

Слишком много...

Но не дрогнуло сердце молодого князя.

– Рассуди, Господи, спор мой с этим высокомерным народом! – воскликнул он. – Помоги мне, как помог Ты прадеду моему Ярославу победить окаянного Святополка!

А железный немецкий клин уже рассёк его войско.

Но ни страха, ни паники не возникло в русских дружинах. Смыкались ряды ратников, оцетиниваясь обгагрёнными кровью копьями.

С трёх сторон окружали русские немцев, и тут – этого мгновения и выжидал князь, совершивший обходной маневр! – он ударил в тыл немецкой свинье.

Этого рыцари не ожидали, и паника, которую надеялись посеять они у русских, теперь охватила их самих.

Смешались стройные ряды рыцарей. Началась

ужасная сеча. От звона мечей и треска ломающихся копий не слышно стало криков людей¹⁸.

Словно небесная гроза грохотала над заалевшей от крови ледяной равниной...

Очевидцы свидетельствовали, что видели «полки Божии на воздухе пришедшими» на помощь Александру Невскому.

Разгром был полным и решительным. Всё озеро оказалось усеяно трупами немцев. Многие утонули, провалившись в полыньи, а многие, израненные, скрылись в лесах.

Толпы пленных рыцарей, ещё вчера грозивших «взять его руками», привёл Александр Невский в Псков.

Силы Ливонского ордена были сломлены. Бесповоротно признавая свое поражение, рыцари ордена писали: «Что мы захватили мечом, от того отступаем...»

7

Великое торжество было в Пскове!

Но предоставим слово летописцу, живому свидетелю, ибо он точнее передаёт ощущения, охватившие тогда всех русских людей...

«И возвратися князь Олександр с победою славною. И бьяше множество полоненых в полку его, и ведяху их босы подле коней, тех, кто называл себя «божии рыцари».

И яко же приближися князь к граду Плескову¹⁹, игумени же и попове в ризах со кресты и весь народ сретоша его пред градом, воздавая хвалу Божови и славу князю Олександру, поюще песнь:

– Пособивый, Господи, кроткому Давиду победити иноплеменники, и верному князю нашему помог Ты оружием крестным освободити град Плесков от иноязычных...»

И дальше словно бы срывается в волнении голос очевидца. Словно бы забывая об описании встречи князя, обращается он к псковичам:

«О, неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил Господь в пустыне и которые обо всем этом забыли, как забыли и Бога, освободившего их из египетской неволи!»

И разве только к ликующим псковичам, вышедшим встретить святого князя, обращён голос летописца?

Конечно же, нет...

Он обращён ко всей Руси... И к той, что захлебывалась в крови татарского нашествия, и к той, которая будет подниматься и крепнуть в последующие века, и к той России, в которой живём сейчас мы...

Александр Невский переставал быть новгородским или псковским князем. Он становился князем всяя Руси.

И не просто Руси, а Святой Руси...

Последовавший в 1245 году поход в литовские земли закрепил это положение Александра Невского.

«В то же время умножися языка литовскаго и начаша пакостити волости Александрове, он же выездя [навстречу] и избиваше я, – пишет автор «Жития». – Единою ключися ему выехать, и победе 7 ратии едином выездом, и множество князей их изби, а овех рукама изыма, слугы же его, ругающиеся, вязахуть их к хвостом коней своих; и начаша оттоле блюстися имени его».

Эти слова «Жития» по сути подытоживают весь первый этап деятельности Александра Невского, связанный с его противостоянием западной агрессии.

«Борьба с Западом не окончилась Невской и Чудской битвами, – пишет Н.А. Клепинин. – Она, возобновляясь еще при жизни Святого Александра, продолжалась несколько столетий. Но Ледовое побоище сломило вражескую волну в то время, когда она была особенно сильна и когда благодаря ослаблению Руси успех ордена был бы решительным и окончательным. На Чудском озере и на Неве Святой Александр отстоял самобытность Руси от Запада в самое тяжелое время татарского полона. Обе эти сечи были битвами, которые не принесли ни мира, ни полного освобождения, но которые обозначают собою глубокий перелом, направляют историческую жизнь народа в иное русло».

Глава четвертая ВЫБОР ПУТИ

...подвигами же отвержения себе и ко благим делом принуждения стяжал еси свободу славы чад Божиих...

Акафист Александру Невскому. Искос четвертый

Победа на Чудском озере произошла 5 апреля 1242 года, а в следующем году хан Батый вызвал в Орду отца Александра Невского. Батый назначил Ярослава Всеволодовича правителем всей Руси.

– Буди ты старей всем князем в русском языке! – сказал он.

Мы говорили, что, приехав во Владимир «господствовать над развалинами и трупами», Ярослав Всеволодович много сделал для возрождения Владимирского княжества, но Киев, который сразу после его отъезда захватил Михаил Черниговский, был обращен татарами в развалины.

И вот теперь – в сожженном Киеве по-прежнему сохранялась митрополия, и город оставался номинальным центром Русской земли – вместе с дарованным татарами старшинством Ярославу Всеволодовичу вручен был ярлык на великое княжение киевское.

Ярослав Всеволодович направил в Киев своего воеводу Дмитрия Ейковича, а сам остался во Владимире, потому что именно здесь определялась отныне дальнейшая судьба Русской земли...

События эти – битва на Чудском озере и признание Ярослава Всеволодовича главою Русской земли – хотя и не связаны между собою напрямую, но, вероятно, слухи о победах Александра Невского сыграли не последнюю роль в решении хана.

Еще более очевидна мистическая связь событий.

Ставшему в духовном смысле главным князем на Руси, Александру Невскому открывался путь, чтобы фактически стать главой новой Руси...

1

К середине сороковых годов XIII века уже можно стало подвести итоги не только татарскому нашествию на Русь, но и той местнической политике, тому удельному образу жизни и мышления, которые самоубийственно отважно отстаивали русские князья.

«За умножение беззаконий наших попусти Бог

поганья, не акы милуя их, но нас кажа²⁰, да быхом встягнулися от злых дел», – отмечает Лаврентьевская летопись.

Исподволь мысль о татарском нашествии как Божьем вразумлении крепнет в умах современников...

«О светло-светлая и красно украшенная земля Русская! Многими красотами прославлена ты: озерами многими славишься, реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями, дивными зверьми, различными птицами, бесчисленными городами великими, селами славными, садами монастырскими, храмами божьими, князьями грозными, боярами честными, вельможами многими. Всем ты преисполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская!» – пишет в эти годы в «Слове о погибели Русской земли» летописец.

Переживая смерти и разорения, покаянное ощущение приводит постепенно к постижению божьей воли, выразившемуся тогда в обретении князьями святости...

«Величие святого Александра, – писал Н.А. Клепинин, – заключается не только в его делах и в том, какое влияние эти дела имели на последующие судьбы России: оно в нем самом, в его образе и в его личной святости... Его житие не говорит ни о внутренних подвигах, ни о духовном возрастании. Даже его личная семейная жизнь остается в тени; сведения о ней ограничиваются краткими датами рождений, смертей и свадеб. Но за внешними делами постоянно стоит сам святой Александр. Его внутренний образ ощущается за всеми его поступками. И, погружаясь в его житие, все больше и больше начинаешь ощущать и понимать глубочайшую живую силу его личной святости».

Безусловно, Александр Невский был при этом великим воином и гениальным полководцем, но каждый шаг его, каждое движение души – пример и назидание бескорыстной любви к Родине, самоотверженного служения своему народу. В вере и верности национальным традициям черпает молодой князь необходимые для этого подвига силы.

Еще более поучителен и нравственно неисчерпаем сюжет, связанный с выбором святым князем русского пути.

Да, страшным было татарское нашествие, тяжелой наложенная на страну дань. Еще труднее было

смириться, что целые столетия предстоит теперь жить в зависимости от татар.

И тем не менее такие князья, как Александр Невский или его отец Ярослав Всеволодович, уже тогда понимали, что основная опасность для Православной Руси исходит не от монголов.

Ведь латинство было тогда – призывы Папы Римского к крестовому походу на Русь свидетельство этому! – воинствующей религиозной системой, стремившейся подчинить себе православие и по своему образцу переделать обычаи русского народа.

Монголы же отличались веротерпимостью...

Уместно будет напомнить тут, что лишь в 1260 году хан Золотой Орды Берке примет мусульманство, а во времена Александра Невского монгольские армии, взяв Багдад, нанесли по мусульманству страшный удар.

Но и потом, когда Берке примет мусульманство, произойдет это, так сказать, на улусном уровне, а на имперском – великие монгольские ханы сохраняли мудрость и веротерпимость и продолжали покровительствовать другим религиям.

Разумеется, уважение монголов к русскому православию, хотя первые монгольские армии и состояли преимущественно из буддистов и христиан (несториан), надо было еще завоевать нашим князьям-страстотерпцам.

И завоевывать это уважение приходилось порою ценой собственных жизней...

В русской памяти останутся не только подвиги святого князя Александра Невского, но и подвиги его современников, ставших святыми мучениками.

Когда Батый приказал черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу и его боярину Федору исполнить языческие обряды, князь ответил на это:

– Я готов поклониться царю, ему вручил Бог судьбу царств земных. Но я – христианин, и я не буду кланяться тому, чему поклоняются ваши жрецы.

И, сбросив с плеч княжескую шубу, добавил:

– Не погублю души моей. Прочь слава мира сего тленная. Не хочу её!

Долго мучили князя. Рассказывают, что последними словами святого были:

– Аз есмь христианин!

Он отдал Богу душу под страшными пытками, но никогда не бывает напрасным страдание за православную веру.

Не напрасны были и подвиги наших князей-страстотерпцев.

Более того.

Оглядываясь из многовековой дали, только удивляешься, как быстро достигли эти подвиги цели. Увидев, что русские князья предпочитают лютую смерть измене православию, завоеватели перестали принуждать Русь к языческим обрядам.

2

Свой мученический подвиг черниговский князь Михаил Всеволодович совершил в 1246 году, в том самом году, когда пришло время испытания и подвига и для князя Александра Ярославовича Невского.

В 1246 году он потерял отца²¹.

Ярослав Всеволодович умер на берегу Орхона в столице монгольской империи Каракоруме²², и сразу распространились слухи, что великий князь отравлен Туракиней, вдовой хана Угэдэя...

Слухи эти распространял монах Иоанн де Плано Карпини, посланный Папой Иннокентием IV в Монголию, и делал это, как представляется нам, с дальним прицелом.

После того как все попытки римского престола силой покорить северо-восточную Русь провалились, в Риме решено было выпросить у монголов под свое управление... Русскую Православную Церковь.

Римское посольство в Каракорум было снаряжено и для этого тоже.

Однако великие монгольские ханы не поддались на римскую уловку, и теперь нужно было искать другой путь.

Разумеется, распространяя слухи об отравлении Ярослава Всеволодовича, посланники Папы Римского рисковали. Но уж слишком заманчиво было поспорить с татарами главного врага крестоносцев – князя Александра Невского...

Догадывался ли Александр Невский, что слухи об отравлении отца – козни папских посланников?

Неведомо.

Скорее всего слепящие разум слухи дошли до него, когда он спешил во Владимир на похороны отца, но князь не дал воли своим чувствам.

Александр Невский воспринял смерть отца как предостережение.

Прощание с отцом оказалось омрачено торопливостью, с которой дядя Александра Невского,

Святослав Всеволодович, поспешил разделить отцовское наследие.

Сам он уже успел получить в Орде ярлык на великое княжение и сейчас раздавал племянникам уделы²³.

Александр Ярославичу достались Переяславль, Зубцов и Нерехта.

Мы уже рассказывали, как, опасаясь растущей славы Александра Невского и любви к нему народа, бояре поспешили изгнать князя из Новгорода.

Сейчас всё повторялось. Доблести племянника Святослав Всеволодович противопоставил ханский ярлык. Сознательно или несознательно, он делал всё, чтобы подтолкнуть племянника на необдуманные действия, которые неминуемо должны были привести Александра к гибели.

Но Господь даровал Александру Невскому не только отвагу и гений полководца, но и высочайшую мудрость правителя – предвидение и терпение.

Он не позволил уловить себя в дьявольскую сеть обстоятельств.

Не выказав обиды, вернулся в Новгород, куда вскоре и пришло напоминание Батыею о необходимости явиться в Орду...

Это было еще одно испытание.

«Мне покори́л Бог многие народы... – писал грозный хан. – Ты ли один не хочешь покориться державе моей?»

Дальнейшее промедление означало бы войну, которую пришлось бы вести не только с татарами, но и с родными братьями и дядей – данниками хана.

Но это с одной стороны. А с другой – поездка в Орду была сопряжена с опасностью бесславной гибели.

3

Задумавшись, какие мысли могли занимать Александра Невского, когда вскоре после похорон отца отправился он в ставку хана.

Какие чувства переполняли отважное сердце осиротевшего князя?

Он был властителем единственного нетронутого вражескими нашествиями Новгородского края!

Блистательные победы над могущественными врагами – Невская битва, освобождение Пскова, Ледовое побоище, разгром литовцев под Торжком, Торопцом, Бежичами, Витебском – сияли за спиной молодого князя.

Вспомним, наконец, что Александру Невскому было тогда всего двадцать шесть лет...

Как же не воспламениться, как не разгореться в сердце праведному огню мщенья?!

И если бы князь Александр Невский был просто героем, он так бы и поступил.

Но Александр Невский не просто герой.

Он – святой князь. Степенная книга говорит, что «смирненную мудрость» Александр «стяжа паче всех человек».

Смирненномудрие, не вписывающееся в западный героический эпос, уживалось в святом Александре Невском с воинским бесстрашием и дерзкой отвагой.

Он и сейчас сумел найти в себе силы смирения.

Решение это потребовало от него большего героизма, чем любой бранный подвиг. Ведь ради исполнения воли божией, ради спасения Отечества и Православия князь жертвовал не только самим собою, но и славой непобедимого героя...

И если действительно святыми не рождаются, а становятся, то, возможно, именно по дороге в Орду и произошло с Александром Невским это дивное преобразование...

Житие Александра Невского утверждает, что, увидев русского князя, Батый сказал:

– Правду мне говорили, нет князя, подобного тебе.

Однако на Русь Александра Невского не отпустил, а велел ехать в далекий Каракорум, где два года назад и умер его отец, Ярослав Всеволодович.

Путь Александра Невского в Большую Орду к великому хану пролёг практически вдоль границы будущей Российской империи по степи Средней Азии в далёкое Забайкалье.

4

Наши историки до сих пор еще не определили до конца отношения к державе, зародившейся в читинско-монгольских степях, на берегах Орхона.

Тем не менее постепенно происходит осознание того непреложного факта, что именно империя Чингисхана была непосредственной предшественницей Российской империи...

Поразительно, но ведь и наследница её – Советская империя – практически совпадала своими границами с ними.

Воистину, в этом смысле наша страна – феноменальное, небывалое в мировой истории образова-

ние. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти три государства, но совпадала их территория, на которой – лучше ли, хуже ли! – но обеспечивалось выживание всех включенных в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным силам разрушалась, она снова возникала уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах.

Что это значит?

Да только одно...

То, что эта империя нужна Богу, то, что народам, населяющим нашу страну, надобно исполнить то, что предназначено нашей стране Богом²⁴.

И, может быть, именно эту истину и прозревал в молитвенном сосредоточении святой благоверный князь Александр Невский, когда пробирался в далёкое Забайкалье сквозь степи Средней Азии.

Поразительно, но путь Александра Невского практически пролёг вдоль южной границы будущей Российской империи, которую еще предстоит построить его потомкам.

«Подчинение Александра Орде иначе не может быть оценено как подвиг смирения, – пишет Г.В.Вернадский. – Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа».

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику.

Ему неизвестно было, что, разгромив нашествие Биргера, он защитил не только новгородские пределы, но еще и будущую столицу империи, которую столетия спустя построят возле места Невской битвы его потомки.

Разумеется, Александр Невский не знал, что, пробираясь в далекий Каракорум, он по сути очерчивает южную границу этой империи...

Но Александр Невский был святым и яснее, чем мы сейчас, вооруженные знанием исторических фактов, прозревал духовным зрением последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного выбора.

И мы видим сейчас, что выбор святого князя оказался безукоризненным и с геополитической точ-

ки зрения. Сохранив православие, Русь надежно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках святого Александра Невского началась кристаллизация нового центра Русской земли – Москвы, разросшегося в могущественнейшее государство, вобравшее и подчинившее себе и своих завоевателей...

И это государство, которое через века прозревало святой князь, не могли сокрушить никакие враги...

И разве сыщется пример более полного совпадения пути спасения и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства?

Навечно повенчав Русь со степью, князь выбрал не только свой Путь.

Он выбрал Путь Руси на многие столетия вперед.

Этого выбора наши западники не могли простить Александру Невскому и столетия спустя...

5

Еще во времена императрицы Анны Иоанновны случился занятный конфуз.

Датский профессор Педер фон Хавен, написавший книгу «Путешествие в Россию», в которой мы находим чрезвычайно любопытные описания Санкт-Петербурга тех лет, говоря об Александро-Невской лавре, сказал: «Прежде это был маленький монастырь, основанный русским героем по имени Александр или посвященный ему; он в XII веке защищал русскую веру и в битве одолел татар на том месте, где теперь на берегу Невы построен монастырь, почему его и назвали Невским».

Ошибка знаменательная.

Простодушный датский профессор даже и предположить не мог, что благоверный князь Александр Невский сражался за православие не с татарами, а с крестоносцами.

И не потому Педер фон Хавен совершил ошибку, что не мог уточнить этот факт. Нет, ему и в голову не могло прийти, что Петр I поклоняется святому, всю земную деятельность которого он зачеркивает своими реформами.

А вот еще один занятный сюжет, связанный с попытками европейской трактовки образа князя Александра Невского...

У нашего знаменитого либерала Тимофея Николаевича Грановского, профессора всеобщей истории Московского университета, помимо знаме-

нитого революционера Александра Ивановича Герцена был еще и другой ученик – Василий Осипович Ключевский, ставший в дальнейшем автором прославленного курса русской истории.

Василий Осипович, как сообщает энциклопедия, оставался крупнейшим представителем русской буржуазно-либеральной историографии. Это действительно так, коли в его «Курсе русской истории» так и не вошел узловой персонаж русской истории – святой благоверный князь Александр Невский.

Имя благоверного князя упоминается в этом пятитомнике четыре раза. Два раза, когда речь идет о родственнике святого князя, один раз в списке персонажей книги, которую читал Петр I, и еще раз в связи с Александро-Невской лаврой.

Самого же святого князя, его подвигов и побед в объемистом курсе, по которому изучали русскую историю многие тысячи русских людей, просто нет.

И тут только и остается подивиться мастерству Василия Осиповича! Ведь и перечитывая его пятитомник, только случайно замечаешь, что из этого курса изъят такой узловой персонаж русской истории!

Ну а если говорить серьезно, то невозможно не заметить некий мистический смысл в том, что Александр Невский не вошел в историю России, которую создал либерал В.О. Ключевский... Святой князь сам ушел из нее, потому что эта история имела очень малое отношение к истории Святой Руси, в которой жил и которую защищал святой благоверный князь.

В цепочке «учитель–ученик–ученик ученика» Василий Осипович занимает промежуточное место. Воспитанник Тимофея Николаевича Грановского и сам воспитал немало профессоров-историков.

Наиболее известен из них Михаил Николаевич Покровский, который при советской власти стал бессменным заместителем наркома просвещения и создал учебник «Русская история в самом сжатом очерке». При этом он пошел дальше учителя. Василий Осипович в своем «курсе русской истории» умудрился не заметить Александра Невского, а Михаил Николаевич не замечает в «сжатом очерке» и самой русской истории.

До конца своей жизни этот ученик Василия Осиповича Ключевского принуждал всех русских школьников изучать историю по своему учебнику, который не столько образовывал граждан нашей

страны, сколько насаждал большевистско-интернационалистскую ненависть ко всему русскому.

Ну и если мы протянем цепочку «учитель–ученик–ученик ученика» далее, то попадем в наше время, в школы и институты, где нам навязывали представление, что наш народ – это то, что думала о русском народе разная либеральная диссидентская публика XIX и XX столетий.

И сколько усилий необходимо было предпринять, через какие беды свои личные и всей страны нужно было пройти, чтобы осознать, что диссидентская публика и в XIX, и в XX столетии не столько пыталась понять русский народ, сколько увязывала с мыслями о народе собственные нездоровые ощущения, собственные комплексы...

6

Всем этим попыткам противостоял и продолжал ет противостоять святой благоверный князь Александр Невский...

Отличительная черта блистательных воинских, дипломатических и государственных побед святого князя в том и заключалась, что он всегда ощущал себя исполнителем воли божьей и, принимая зачастую новаторские стратегические и тактические решения, никогда не увлекался, никогда не позволял эмоциям восторжествовать над собою.

Всё его житие можно уподобить образу, сверяясь с которым, можно и должно строить свою деятельность правителям Руси и её защитникам.

Более того...

Совершив свой подвиг христианского смирения, Александр Невский преподавал всем своим соотечественникам великий национальный урок того, как, подчиняя собственное своеволие божьей воле, обретает русский человек воистину сверхчеловеческие способности, помогающие ему совершить невозможное.

И в высшей степени поучительно, по-настоящему образовательно то, что этот урок усваивается теми, кто искренне желает служить России.

Это хорошо понимали последние русские императоры: Александр II, Александр III и Николай II.

В рукописном журнале «Муравейник», издаваемом великими князьями под руководством В.К.Жуковского, было помещено в 1831 году сочинение наследника престола Александра Николае-

вича о своем небесном покровителе – святом князе Александре Невском.

Будущий император не обладал литературными способностями, но сам строй мысли очень точно передает волнение, переживаемое автором в момент прикосновения к тайне свершений святого князя...

«Александр... понял.... Таинственное знамение, сложил руки, пал на колени и, решившись в глубине души быть для народа своего тем, что солнце сие для всего мира, смиренно произнес: «Да будет воля твоя»...»

И нет никаких сомнений, что столь глубокое сопереживание тайне служения благоверного князя, пережитое юным Александром Николаевичем, и позволило потом императору Александру II совершить то великое деяние, которое не могли совершить ни его отец, ни дядя, ни дед...

Можно говорить о роли Александра Невского и в судьбе другого русского императора, Александра III. Практически во всех сибирских городах, вдоль прорезавшей Сибирь железной дороги выросли тогда храмы Александра Невского, и именно этими соборами и крепилась Транссибирская магистраль.

И разве не ощущаем мы в чуде происходившего тогда преобразования Сибири могучую поступь святого князя?

7

Но все это произойдет шесть столетий спустя, а в 1247 году святому князю Александру Невскому еще только предстояло сделать свой выбор.

Была уже осень, когда прибыл он в Каракорум.

Тут толпились пришельцы со всех концов мира, но самого хана не было в столице.

Пришедшие из степей монголы были кочевым народом.

Они покоряли и опустошали страны, но своих городов не имели. Города монголам заменяли передвижные лагеря, которые разбивались в том месте, которое указывал хан. Бесконечные улицы шатров выстраивались тогда и стояли месяцы, иногда годы, чтобы в один день погрузиться на телеги и исчезнуть вместе с Ордою в степи.

Хан тоже лишь изредка появлялся в огромном дворце, а основное время кочевал с бесконечным обозом по степям. Вместе с обозом везли и его юрту, обитую изнутри листовым золотом и украшенную драгоценностями.

Коротая ожидание, часто сидел князь Александр Невский на берегу Орхона, смотрел на бегущую воду, думал о своем отце, о далекой Руси...

Бурливая на отмелях, стремительно бежала река к неведомой князю Селенге, чтобы влиться ее прозрачными и чистыми водами в далекое озеро Байкал...

Сохранилось несколько редакций «Жития святого благоверного князя Александра Невского». Все они содержат рассказ о переговорах, которые пытались вести с князем посланцы Папы Римского.

Место переговоров точно не указывается, но рассказ о переговорах стоит рядом с поездкой Александра Невского в Каракорум, и вполне резонно предположить, что, пока ожидал князь возвращения великого хана, и оболщали его римские дипломаты, обещая похлопотать об умножении славы благоверного князя...

Взамен от Александра Ярославовича почти ничего и не требовалось.

Александру Невскому передали послание Иннокентия IV, который предлагал князю всего лишь признать «римскую церковь матерью» да покориться римскому первосвященнику и апостольскому престолу. Зато взамен Папа Римский сулил Александру Ярославовичу особое почтение среди других католических государей...

И снова думал святой Александр Невский о пути, по которому должна пойти Русь. И, наверное, вспоминал он и мертвые руины городов, что лежали вдоль его пути в Каракорум.

Конечно же, путь, о котором говорили ему папские посланцы, выглядел заманчиво. Это был тот путь, который изберет князь Даниил Романович Галицкий, который, кстати сказать, был тогда гораздо более могущественным, чем Александр Невский, князем. Словно в подтверждение справедливости выбранного Александром Невским пути, Даниил Романович попытается создать с помощью Папы Римского антимонгольскую коалицию.

Но – увы! – ничего не получится из этого.

Как справедливо отмечают исследователи, Даниил Романович разменяется на повседневные политические мелочи и упустит из рук главные нити исторических событий. Он выиграет несколько отдельных сражений, но, пожертвовав ду-

ховной самостоятельностью, проиграет самое главное – Православную Русь.

Г.В. Вернадский считал, что Даниил Романович Галицкий имел в своем распоряжении исключительно благоприятные историко-географические силы: несравненный плацдарм в сердце средней Европы; используя он с тыла поддержку монгольской силы, он достиг бы результатов совершенно непредвиденных и необыкновенных...

Но в конечном результате не прошло и ста лет после смерти Даниила, как вся его отчина – Галицко-Волынское княжество – превратилась в захудалую окраину Европы, в ту буферную зону, которой по плану римских политиков назначено было стать и всей Руси.

Об этом в тридцатые годы XIX века с присущей ему немецкой прямоотой написал А.М. Амман, осудивший святого князя за нежелание совместно с западными христианами бороться против татар. А.М. Амман считал, что Александр выбрал «игу», вместо того чтобы «Русь стала предпольем европейской крепости в оборонительном сражении против татар».

Александру Невскому превращать Русь в «предполье европейской крепости» не хотелось, и он предпочел пойти по другому пути...

Как ни тягостна была сама мысль о превращении Руси в один из улусов Золотой Орды, но Александр Невский ясно видел, что татары уже не пытаются посягать на православную веру. Православная Церковь в России сохранила полную свободу своей деятельности и более того – получала поддержку от ханской власти...

Обложив русские княжества данью, ханы разумно ограничили её десятой частью доходов. Политическая свобода князей, разумеется, была сильно урезана, но вместе с тем в управление княжествами, во внутренние дела княжеств татары не вмешивались, ни о какой оккупации или колонизации Руси речь не шла...

Всё противилось в Александре Невском этому выбору, но третьего пути – увы! – не было. Третьим путём проезжал он в Каракорум, мимо лежащих в мёртвых руинах городов...

Кратким и недвусмысленным был ответ святого князя искушавшим его посланцам Папы Римского.

– Мы знаем истинное учение Церкви! – ответил он. – А вашего не приемлем и знать не хотим.

Окончание следует

Примечания

¹ Еще в сентябре 1198 года Папа Иннокентий III обратился к византийскому императору Алексею III с требованием об «объединении» (унии) христианских церквей и подчинении греческой церкви римскому престолу. Алексей III отклонил предложения Папы, и уже в 1203 году крестоносцы, собравшиеся в IV крестовый поход, восстановили на византийском престоле царевича Алексея, ставшего императором Алексеем IV. Под общественным нажимом Алексей IV тоже вынужден был порвать с крестоносцами, так и не выполнив своих обещаний, и тогда само собою вспыхнуло народное восстание и на византийский престол взошел Алексей Дука. Но и он предпочел уклониться от исполнения плана, предложенного Папой Римским, и тогда крестоносцы, защищая, как сказали бы сейчас, права человека, свергли и его. После захвата Константинополя крестоносцы открыто занялись «правозащитной» деятельностью. «Сами сарацины, – свидетельствовал византийский хронист Никита Хониат, – более добры и сострадательны по сравнению с этими людьми, которые носят на плече знак Христа». В результате Византия так и не смогла воспрянуть после 57-летней оккупации ее латинянами и оказалась в XV веке легкой добычей для турок. Небольшим островком православия оставалась тогда Никейская область, в которой пребывал православный патриарх, который и утверждал новых митрополитов для Руси.

² Авдова гора – самое высокое место в северных окрестностях Юрьева. Ее современная высота – 225 метров над уровнем моря. Юрьева гора (максимальная высота 182 метра) поднимается над южным отрогом Авдовой горы.

³ 12 июня по новому стилю.

⁴ Нынешняя Донецкая область.

⁵ Брат Александра, Федор Ярославович, с которым «делил» Александр новгородский престол, скончался 10 июля 1233 года, готовясь к свадьбе. Считается, что он был старшим братом Александра, но некоторые историки, исходя из обстоятельств, связанных с вынужденной разлукой родителей, полагают, что Федор и Александр были близнецами... И надо отметить еще одно удивительное совпадение. И дед Александра Невского, Мстислав Мстиславович, и отец, Ярослав Всеволодович, получили в крещении имя Федора, но в историю вошли именно как Мстислав и Ярослав. Вот и в Новгороде тоже Александр княжил вместе с братом Федором, но когда наступает время исторических свершений, Федор уходит. Зато остается печать Александра Ярославовича с изображением святого Федора Стратилата, которой он и пользовался все свое правление. Совпадение непонятное, но едва ли случайное...

⁶ Наказывая.

⁷ Нынешние Крестцы.

⁸ По преданию, Торопецкую икону, называвшуюся тогда Корсунской или Эфесской, привезли из Византии в XII веке

благодаря хлопотам святой Евфросинии Полоцкой. В Торопец икону привезла Александра, внучатая племянница Евфросинии. С этой иконой полоцкая княжна и венчалась с девятнадцатилетним князем Александром Ярославовичем... С тех пор, кажется, и началось особое почитание этого образа. Как свидетельствуют предания, не раз чудотворная икона спасала город Торопец от набегов неприятеля и эпидемий. В центре города специально для этой иконы был выстроен величественный Корсунско-Богородицкий собор, где чудотворный образ и хранился до 1921 года.

В Торопце, вблизи этой чудотворной иконы, прошло детство и отрочество сына здешнего священника Иоанна Белавина, которому в страшные годы большевистских гонений, будучи уже патриархом Тихоном, суждено будет возглавить Русскую Православную Церковь и провести ее по крестному пути. В 1921 году Корсунско-Богородицкий собор был закрыт, и чудотворную икону Богородицы увезли в местный краеведческий музей, откуда ее в 1936 году забрали в Государственный Русский музей. Чтобы доказать «молодость» иконы, излишне ретивые «реставраторы» частично «расчистили» икону до основания, но сейчас Торопецкая икона Божией Матери, слава Богу, вырвана из их рук и временно находится в храме Александра Невского в поселке Княжье Озеро под Москвой.

⁹ Лицевой летописный свод. Лаптевский том. Лист 898 об.

¹⁰ «Не в силах Бог, но в правде; помянем песнопевца Давида, глаголюща: сии во оружии, а сии на конех, мы же во имя Господа Бога призовем, ти спяти быша и падоша».

¹¹ Пелгусий стоял «при крае моря, стрежашеть обою пути, и пребысть всю ночь во бденьи; яко же нача всходити солнце, и слыша шум страшен по морю, и виде насад (судно) един гребущь, посреде насада стояща мученику Бориса и Глеба в одеждах червленьх... и рече Борис: брате Глебе! повели грести, да поможем сроднику своему Александру».

¹² Подвиги воинов Александра Невского запечатлены в миниатюрах Лицевого летописного свода. Это миниатюры, изображающие подвиги Гаврилы Олексича, новгородца Сбыслава Якуновича, Якова Полочанина, новгородца Миши, младшего дружинника Савы и подвиг Ратмира.

¹³ Вскоре после Невской битвы в устье Ижоры была построена деревянная часовня. По указу Петра I в 1711 году здесь заложили церковь Александра Невского. В 1725 году эта церковь сгорела и была отстроена заново к маю 1730 года. Но и эта церковь с колокольней сгорела в 1797 году от удара молнии, и через год ее отстроили заново уже в каменном виде. В 1934 году храм закрыли, и здание использовалось как клуб и склад. В начале блокады саперы взорвали колокольню, служившую ориентиром для артиллерии немцев. В 1990 году храм был возвращен верующим и отреставрирован. Рядом с храмом в июне 2003 года открыли памятник Александру Невскому (скульптор В.Э. Горевой).

¹⁴ Другой аргумент скептиков строится на том, что, дескать, в летописях мало говорится об этом событии, но тут

можно напомнить, что и об уничтожении татарами цветущего Киева тоже сказано летописцами немного, но это не умаляет размеров уничтоженного города...

15 Актуальность этого похода диктовалась военной необходимостью. Стратегически чрезвычайно выгодно было создать на территории Новгородско-Владимирской Руси своеобразное предполье католических государств. Напомним, что 9 апреля 1241 года монгольские войска нанесли при Лигнице сокрушительное поражение немецко-польскому войску, в которое входили также французские тамплиеры и рыцари Тевтонского ордена. Считается, что тогда монголы отрезали у убитых врагов правые уши и набили ими девять мешков.

16 Ближе всего к месту Ледового побоища расположено село Кобылье городище (50 километров к югу от Гдова), существующее на месте крепости, основанной в 1462 году. В память 750-летия Ледового побоища в 1992 году в Кобыльем городище установлен памятник Александру Невскому. От прежней крепости сохранилась церковь Михаила Архангела.

17 «Новгородцы осуществили необычный маневр: они отступили на лед Чудского озера «на Узмени у Вороньего камня», – пишет А.Н. Кирпичников. – Туда подошло и орденское войско. Таким образом, место битвы было определено русской стороной с явным расчетом осуществить против немецкого построения, названного «свиньей», маневренный бой одновременно несколькими, по преимуществу конными, отрядами. Судя по указанию источников, создается впечатление, что немецкое войско не разделялось на отряды, а выступало одной сплоченной массой».

18 «И бысть сеча зельна на немцы и на чудь, – говорит Житие Александра Невского, – и треск велик от копей ломания и звук страшен от мечнаго сечения... и не бе видети леду: покрыло бо ся кровию».

19 Пскову.

20 Наказывая.

21 Мать Александра Невского Феодосия скончалась еще 5 мая 1244 года, приняв схиму с именем Евфросинии. Ее погребли в Георгиевском соборе монастыря Святого Великомученика, Победоносца и Чудотворца Георгия (Юрьев монастырь) под Новгородом, основанном князем Ярославом Мудрым.

22 Согласно русским летописям, Ярослав Всеволодович умер естественной смертью, не выдержав тягот обратного пути, как это произошло с большей частью его свиты еще по дороге в Каракорум.

23 «Сыновци (племянники) свои посади по городом, якож бе им отец урядил Ярослав».

24 Отметим попутно, что мы, осознавая себя наследниками великих созидателей нашего государства, должны ясно понимать, что все те, кто тем или иным способом пытаются разрушить страну, враги не только нашего государства, но и самого Бога.

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,

«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,

«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,

«Гавдаря», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,

«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,

«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,

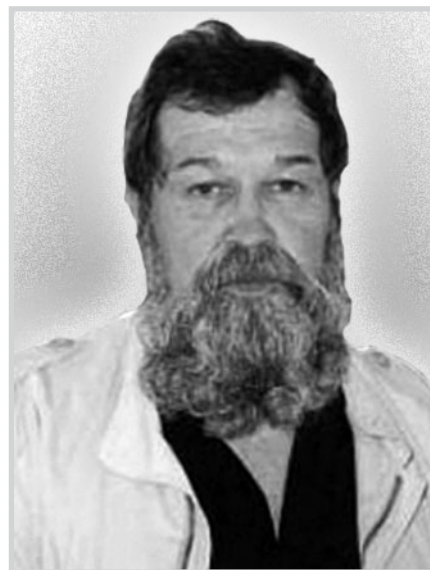
«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.

Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,

премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,

годовыми премиями журналов «Наш современник»,

«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

Ростислав МОШНИКОВ

родился в 1994 году в Петрозаводске.

Учится на филологическом факультете

Петрозаводского государственного университета.

Участник коллективных поэтических сборников.

Автор книги стихов «Пролог»,

выпущенной издательством Державинского лицея

г. Петрозаводска в 2011 году.

Лауреат республиканской стипендии

имени Роберта Рождественского 2013 года.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Ростислав
МОШНИКОВ**

г. Петрозаводск

*«Как в морозы
теплеет сердце...»*

* * *

Желтый дождь светофоров –
Будто слезы волчонка в норе...
Листья мечутся сворой,
Растекается кровь в сентябре.

Не болезнь и не рвота...
Непонятный и странный недуг.
Глубина небосвода –
Льется свет фонарей мимо рук.

Ребра – тесною клеткой.
Тротуары сентябрь запятнал.
Не спасает таблетка.
Стая жадно идет по пятам...

* * *

За окошком щебечут птицы...
Удивительно мне теперь,
Что могла до утра веселиться,
Веселить мое сердце – метель:

Оголтелый шаманил ветер
Во дворе среди громадин домов,
Серый сумрак на желтый вертел
Насадил свет фонарных столбов...

День морозный – пришел без шума.
Воробей у трубы согрелся...
Удивительно, я подумал,
Как в морозы теплеет сердце.

Иван РОГОЩЕНКОВ

г. Петрозаводск

*«Не насытились горячей доли,
Снова на распутье стоим».*

Иеромонах Роман

Живая творческая мысль не даёт покоя, влечёт к открытиям... всегда ли? Исследования, споры о том, кто действительно автор «великого», «гениального» романа «Тихий Дон»¹, заслонили главное: сущность знаменитого произведения. Посмотрим на явление прямо, отвлечёмся от многообразных оценок. Это возможно и нужно: роман как бы отделился от создателя и живёт своей жизнью в трудах исследователей, в мнениях читателей.

В чём гениальность «Тихого Дона» и его автора (кто бы он ни был)? Русская религиозная философия утверждает: гений выше таланта, потому что он, кроме художественных достоинств, обладает истиной, любовью, свободой во Христе (Борис Вышеславцев). В нашем случае такое определение слишком возвышенно. Надо опуститься на грешную землю. Обнаружим общее убеждение: Пушкин – гениальный поэт (во всяком случае, недавно так было). Найдём книгу Семёна Франка «Этюды о Пушкине». Многие считают автора этюдов крупнейшим русским философом и религиозным мыслителем. Семён Франк заключает своё исследование так: Пушкин обладает «великим духовным миром», «скрытой духовной глубиной». Далее: «Тишина, гармоничность, неиссякаемая сладость и религиозная просветлённость скрытого, глубинного слоя духа Пушкина дают ему, с одной стороны, в силу контраста, возможность особенно отчётливо и напряженно сознать и трагизм, и суету, и ничтожество человеческой жизни. С другой стороны, окрашивается светлым колоритом само это трагическое сознание. Именно в силу религиозного характера этого глубинного духовного слоя, т.е. сознания его онтологической значительности, Пушкин воспринимает религиозную значительность, святость всяческого творения, всех явлений мира». «Пушкинский трагизм есть... скорбная резиньяция – печаль, смягчённая примирением. Это не есть, конечно, ещё подлинное христианское смирение, но это есть человеческая ступень к нему».²

¹ Лев Аннинский. Кто такой Михаил Шолохов? «Север», 2013, № 9-10.

² С.Л. Франк. Этюды о Пушкине. Москва, «Согласие», 1999, с. 167, 170.

Ничего подобного нет у Шолохова. Роман начинается с высокой поэзии действительной жизни (Борис Пастернак). Всё последующее – междоусобица гражданской войны, жестокая кровавая драма. Автор как бы «парит» над схваткой красных и белых. Можно усмотреть сочувствие к страданиям тех и других и даже осуждение жестокостей. Но во имя чего?

Невольно думаешь: создатель романа знает причины совершающегося, предвидит, в какое гармоничное единство выльются бедствия народных. Ничуть не бывало. Завершается эпопея крахом белого движения и полной неясностью о будущем красного. В «Поднятой целине» Шолохов становится в ряды одной из двух борющихся сил, перспектива авторского взгляда сузилась, великого романа не получилось. Видим опять разложение белого движения, но и романтик революции и гражданской войны Макар Нагульнов одинок в новой жизни. Неужели кровавая драма разрешается «гармонично» в коллективизации? Что это? И Шолохову диктовал Воланд, как мастеру Михаила Булгакова? Исследователи назвали гениальностью «Тихий Дон» не по праву?

Шолохову чужды духовные страдания русской эмиграции, поиски путей возрождения России. Иван Бунин ответил К. Симонову, уговаривающему вернуться на родину: России больше нет, возвращаться некуда и незачем. Иван Шмелев перед революцией сочувствовал писателям-реалистам, группировавшимся вокруг Горького. В эмиграции его память воспроизводила только былое: Святую Русь в неприязнительном быту старой русской жизни. Философ Иван Ильин жадно ловил сведения о духовной жизни в Советском Союзе, искал реальные пути возрождения России. Протоиерей Александр Ельчанинов писал: «И мне хочется сказать нашей молодёжи: вы молоды, у вас крылья молодости, вы сумеете совершить этот подвиг – остаться православными и русскими. Вы – православные, все сокровища Церкви к вашим услугам: её молитвы, Таинства, – знакомьтесь с этим сокровищем, изучайте его, всё культурное наследие, весь гений величайшей нации – это ваше добро, даром вам доставшееся. Ваша обязанность изучать это наследие, культивировать его в себе, принимать участие в общем русском деле». ³ Подобные заботы и надежды не для автора «Тихого Дона», кто бы он ни был.

Борис Пастернак в романе «Доктор Живаго» ведёт своего героя через революцию, мировую и гражданскую войны, но описаний сражений – нет. На первом плане скорее быт происходящего. Зато найдём осмысление эпохи. Внимание к бы-

ту заложено в основах мировоззрения автора и героя. В Евангелии, считают они, Иисус Христос учение о Царстве Божьем, самую суть учения объясняет самыми простыми, бытовыми событиями того времени. Это возможно, если бытовые события внутренне значимы, несут в себе глубокую тайну бытия. Подобным образом противоречиво искусство, его исток – Откровение Иоанна Богослова: повествование о смерти творит жизнь, смерть, разрушающая жизнь, выявляет её истинную ценность.

По Борису Пастернаку, человек наделён сознанием и талантом, первое более внешнее – рациональное – качество, второй исходит из самых таинственных глубин живой жизни. Так, роман начинается со смерти матери героя, затем герой (доктор) открывает в себе материнскую наследственную болезнь, грозящую ему ранней смертью. Сознание могло бы отравить ему жизнь, талант дарует ему силы проявить свои возможности, желания, полностью раскрыть себя.

Отсюда понятно отношение к революции. Поклонники поэзии Блока приняли Февральскую революцию, их жизненный опыт подсказывал: в обществе необходимы перемены для духовного развития и обогащения личности, однако плоды перемен должны сказаться в настоящем, а не в отдаленном будущем. Революционеры-практики находились в плену отвлеченных от действительности теорий, суливших результаты преобразований в светлом, неведомо когда и как построенном обществе. Можно ли жить человеку в настоящем полной жизнью? Классовая борьба, гражданская война исключают гармонию и полноту, нацеливают только на истребление противников революции, на разжигание ненависти, низменных страстей, уводящих от Бога к дьяволу.

Протоиерей Александр Ельчанинов: «Божье любить ненавидящих. Дьявольское – ненавидеть, оскорблять любящих. Человеческое – любить любящих, ненавидеть ненавидящих. Но – будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный (Мф. 5, 48)». ⁴ Да, человеческое очень неустойчиво само по себе, того и гляди – скатится к дьявольскому без благодатной помощи Свыше.

Так случилось с другим героем Бориса Пастернака. Антипов всего себя отдавал революции, гражданской войне и ужаснулся: что он создавал в настоящем для будущего, всё это оказалось не-

³ Протоиерей Александр Ельчанинов. Православие для многих. Москва. «Дар», 2013, с. 276.

⁴ Протоиерей Александр Ельчанинов. Православие для многих. Москва. «Дар», 2013, с. 130-131.

совместимым с мало-мальски нормальной жизнью в настоящем. И застрелился, увидев разверзшуюся перед ним бездну зла, дьявольскую бездну.

Юрий Живаго устранился по возможности от деятельного участия в революции, гражданской войне. Наступил мир, он в социальной иерархии общества искал себе место не вверху, а ближе к основанию реального бытия, где идеология сходила на нет и открывалась хоть какая-то возможность для полноты живой жизни.

Так обозначена и осмыслена судьба героя в романе. Эта сторона воспринимается читательским сознанием по преимуществу. То, что выше и глубже сознания, душевно-духовная суть героя – талант, раскрывается в стихах Юрия Живаго, существенно восполняющих прозу. Без стихов роман оказался бы неполон.

Главный герой романа Бориса Пастернака выстраивает мировоззрение, исходя из Евангелия. Обратимся и мы к вечной Книге. Иисус Христос пришёл на землю спасти людей – от чего? «Той бо (Христос) спасет люди своя от грех их» (Мф. 1,21). «Люди своя» – то есть верующих в Него. Спасёт от грехов их. Не освободит от римского владычества, не станет царём израильским, наоборот, умрёт, по языческим понятиям, позорной смертью на кресте. Не избавит бедных от угнетения богатыми, не защитит подвластных от угнетения властвующими, не обещает власти бедных над богатыми. Иисус Христос пришёл освободить человека от греха, освобождение – процесс двуединый: Бог принёс свободу, человек должен принять её свободно. Пока это не произошло, весь мир во грехе: бедные и богатые, властители и подвластные – все в рабстве греху, а рабство греху разрушительнее для души, чем рабство социальное. Потому невозможно Царство Божие на земле – только на Небе, куда призваны все, избавившиеся от грехов крестным подвигом Иисуса Христа, добровольно пронесшие Его крест всю жизнь.

Евангельское слово становится камнем преткновения для многих: жестоко слово сие. И отступают от Богочеловеческого понимания истории к человекобожескому, к земному мудрованию, к революциям и глобализациям, демократиям.

Михаил Булгаков верен евангельскому суду над миром, лежащим во зле. В современной ему советской действительности прозревает присутствие тёмных сил («Дьяволиада»). По советской России путешествует... Чичиков и находит весь набор гоголевских «мёртвых душ» («Похождения Чичикова»). Что такое гражданская война? Пол-

чища «аггелов» идут из царства антихриста, за ними – «лик сатаны», Троцкий («Белая гвардия»). Роман «Мастер и Маргарита» повествует о последствиях похода «аггелов». В побеждённую Москву прибывает Воланд, чтобы на месте увидеть, что натворили его посланцы. Всё сотворённое ими оказалось, по народным поговоркам, ни к селу, ни к городу, ни богу свечка, ни чёрту кочерга. Не веря в Бога, они отрицали бытие самого сатаны – Воланда, не признавали никаких высших сил над земным человечеством. Признавалась только материя, почему-то в людях ставшая разумной, хотя тут попахивало чудом, недопустимым в материализме, но «аггелы» пренебрегали логикой. Во время войны руководствовались только рассудком, низшей формой разума, да низменными страстями, так и мирную жизнь собирались создавать с тем же душевным багажом.

Берлиоз втолковывает простодушному, неразвитому Ивану Поньреву своё представление о будущем обществе как о механизме: душевная жизнь – венец физиологии, сознание – совокупность общественных отношений, быт освобождается от таинственной занимательности. Поньрев инстинктивно чувствует чужеродность учения Берлиоза живой человеческой душе, отвергает учение, остаётся со своим стихийным брожением в сознании. Не мог принять современной ему действительности и современного ему массового сознания – всё равно, признающего или отрицающего социализм, – образованный и даровитый мастер. Бедность идеала эпохи его отталкивала. Незаурядность, таинственная сложность Воланда мучительно притягивала. Ничего удивительного: многие читатели и исследователи романа видели в Воланде наказателя зла и покровителя добра.

Загадочность образа Воланда поможет понять запись в дневнике протоиерея Александра Ельчанинова – размышление о дьявольских искушениях, отвергнутых Господом. Кратко это место Евангелия (Мф. 1-11): если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни стали хлебами; если Ты Сын Божий, бросься вниз с крыла храма, ибо написано: не преткнёшься о камень ногою; показал Ему царства мира и славу их, – всё это дам Тебе, если поклонись мне. Отец Александр пишет: «Если человек отдался злым настроением, то он в своей душе отверз входы демонским силам. Общее во всех искушениях дьявола (хлеб, чудо, власть – плоти, души, духа) – они тонки, не грубы: нет искушений обычными человеческими соблазнами, нет речи о явном грубом грехе. Но все три отрицают свободу, т.е. веру и любовь к исти-

не. Грехи чувственности, тщеславия и властолюбия задевались лишь косвенно. Повторение этих грехов в истории – социализм, оккультизм и этатизм (государственность)». ⁵ Вот объяснения загадочной привлекательности Воланда (дьявола) в романе.

Божий промысел человеческую историю приведёт к победе Добра над злом, хотя земной путь к победе тяжёл: на каждом шагу – соблазны и искушения, отнимающие свободу во Христе, приводящие к трагическим заблуждениям. Об этом стихи Хомякова («Суд Божий»):

*Глас Божий: «Собирайтесь на праведный суд,
Собирайтесь к Востоку, народы!»
И слепо свершая назначенный труд,
Народы земными путями текут,
Спешат через бурные воды.*

*.....
Народы собрались из дальних сторон,
Волнуются берег и море.
Безумной борьбою весь мир потрясён,
И стон над землёю, и на море стон,
И плач, и кровавое горе.*

*Твой суд совершится в огне и крови,
Свершат его слепо народы...
О Боже, прости их и всех призови!
Исполни их веры и братской любви,
Согрей их дыханьем свободы!»⁶*

В мире есть только две свободы: свобода во Христе и свобода (воля) от дьявола. Какую свободу выбрал мастер? Именно герой, ибо он не выражает мировоззрение Булгакова. Эпиграф из Гёте («... так кто ты наконец? – Я часть той силы, что хочет вечно зла и вечно совершает благо») нельзя относить ко всему роману «Мастер и Маргарита», а только к роману мастера о Пилате («евангелие» от дьявола). Одно дело вольно или невольно жить во грехе, другое – в свете Евангелия смиренно («не судите, да не судимы будете») печалиться о своих и чужих грехах.

Мастер по причинам личным и общественным лишился веры в Бога. Видя торжество зла и безуспешность человеческого разума, человеческой воли создать достойную жизнь, он, в безнадежном положении, свои упования направил к тёмным силам. Эти силы олицетворял в романе Воланд. Его искушения и соблазны «тонки, не грубы», «нет речи о явном, грубом грехе», отменялись докучные запреты в творчестве. Мастер открыл душу дьяволу, написал «евангелие» от сатаны, внушённое Воландом. Отпавший от Бога,

отвергнутый Господом первый ангел денница не может назвать Иисуса Христа – Иисусом Христом, а дух и смысл Евангелия для него существенно исказились. Ложь сатанинскую воспринял мастер да ещё от себя (писательским даром он наделён) живописно расцвел детективную историю походов Иуды. Человек без имени – это только чья-то тень. Мастер – тень и выразитель задуманного Воландом. Чтобы герой романа не выглядел отвлечённой схемой, автор наделил его некоторыми своими биографическими приметами, не более. Маргарита – живая, деятельная натура, увядавшая в бесцветной жизни, в любви к страдающему человеку – мастеру, нашла себя и преобразилась в ведьму. Отмечу любопытную и неожиданную переключку этого булгаковского образа с образом Лары в романе Бориса Пастернака. Лариса на похоронах Юрия Живаго сознаёт себя во власти дьявольской силы. Один из близких ей, говорит она, убил себя, другой умер, остался самый противный – Комаровский. Последний с сатанинской ловкостью устраивается при любой государственно-политической системе, его власть обволакивает Лару.

У Василия Шукшина сущность свободы, несменяемой нравственными запретами, раскрыта в историческом романе «Я пришёл дать вам волю». Мстите, братья, – призыв Разина. «Сия заповедь вам, да любите друг друга» – это Евангелие (Ио. 15,17). Движущие силы бунта – гордость, вольное отдание себя страстям, господствующим над разумом. Парадоксальность такого состояния: чем больше гордых претензий, тем меньше реальных опор для деятельности. «Живущий вне Бога человек осознаёт себя слабым, полным противоречий, подверженным греху и смерти. Таким же представляется ему и мир, а в то же время он жаждет обожествления для себя и для мира» (отец Александр Ельчанинов).⁷ Дьявольская воля, отчаянная дерзость опустошают душевно и духовно человека, исход для него – гибель, он сам ищет её. Таков Разин у Василия Шукшина.

Пушкин не хотел другой истории, кроме той, которую дал России Бог. Не раз потрясали страну безжалостные и беспощадные бунты. Но наши Разины и Пугачёвы шли не во имя Карла Маркса, они хотели возвести на престол чудом выжившего сына царя. Бунт истощался, жизнь входила в традиционную колею, власть самодержавная

⁵ Протоиерей Александр Ельчанинов, с. 71.

⁶ А.С. Хомяков. Стихотворения и драмы. БП. 1969, с. 134.

⁷ Протоиерей Александр Ельчанинов, с. 134.

ещё более утверждалась, вера Православная спасительно укреплялась. Русский народ не создал учения о социализме и коммунизме, его получили мы с Запада. Революции в Европе расшатывали, разлагали монархии, а из разложившегося материала строили демократии. Не будем спорить, где лучше, но бесспорно: там и там жили в соответствии с духом народа.

Характеры, напоминающие разинский, писатель встречает в современной ему действительности. Обожествивший себя, любящий жить без оглядки на законы Божеские и человеческие, герой рассказа «Охота жить» лишён романтического и героического ореола, предстаёт уголовным преступником, безжалостным и бесчестным. Егор из «Калины красной» искренне раскаивается в грехах своего прошлого, ищет пути к достойной жизни – прошлое мстит ему за измену. Роман «Любавины» – история трёх поколений настоящих кондовых сибиряков. Старшие – суровые, по-своему яркие личности, живущие самостийно по древним преданиям, жестоко мстящие нарушителям устоев. Их потомки обтесаны цивилизацией, то есть войнами мировыми и гражданскими, коллективизацией и индустриализацией... Один из них, приноровившийся ко времени и его заботам, увидел, «как в лучах восходящего солнца занимается ярким огнём заброшенная церквушка... отчего-то защемило сердце... Подумалось вдруг о Боге. И каким-то странным образом: что человек, особенно женщина, лучше Бога...» Любимая им женщина о нём самом судит так: бледная, как бы стёртая личность в сравнении с отцами и дедами. Иронично: он «коммунизм строит». «Это же очень важно – строить коммунизм. Очень серьёзно».⁸

Редкой красоты женщина, встретив Воланда, стала бы ведьмой, как Маргарита, она ищет необыкновенное, а находит заурядных строителей коммунизма. Строить-то они строят, но что могут создать, кроме внешних социальных и политико-государственных недолговечных форм, ежели души их неустроены? Герои Василия Шукшина с неустроенными душами...

Послереволюционная действительность России втискивала людей в однообразный строй, механически движущийся к единой цели, рационально жестоко обозначенной. Уклонения не допускались. Что оставалось личностям, одарённым творческой дерзостью, широким кругозором, богатой фантазией, духовными исканиями? Возможные и жизненно необходимые человеческой природе свободы остались в прошлом.

«Глаголаша убо Иисус... аще вы пребудете во сло-

веси Моем, воистину ученицы Мои будете и уразумеете истину, и истина свободит вы» (Ио. 8, 31-32).

Апостол Павел: «Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Вся искушайте, добрая держите» (Сол.5, 20-21). Живите соборно, без розни. «Комуждо же дается явления духа на пользу». Дарования духа различны, многообразны, но во всех «действует един и тойжде дух» (1 Кор. 12, 7-11).

Не будем «уничжать» святых и пророков, живших на земле в наше время. Их творения ближе к нам. Святой праведный Иоанн Кронштадтский для России желал не политических свобод, а свободу во Христе, которую он имел по благодати.

«О, вера святая! Какими словами, какими песнями я прославлю тебя за бесчисленные блага для души и тела моего, дарованные мне тобой, за все силы, которые ты во мне совершила и совершаешь, за блага мира и отъятие смятения, за блага свободы с отъятием тесноты горькой, за блага света духовного и прогнание тьмы страстей, за благо дерзновения с отъятием малодушия и боязни, за благо духовной власти и духовного величия с отъятием рабства греховного и низости духа, за благо святости с отъятием греховной нечистоты... Слава Тебе Богу, Благодетелю моему во веки веков!»

Завещает России соборность вместо глобализации: «Велики эти слова «...даждь нам едином сердцем и едиными усты славити и воспевати пречестное и великолепное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа...» О, если бы так было всегда и не были сердца врозь, не говоря уже с людьми, но и с самим собою!»⁹

Духовное делание святого праведного Иоанна продолжил протоиерей Александр Ельчанинов: слово одного – молитва, другой бедную мысль человеческую возвысил до молитвы. «Суть веры и религиозной жизни не в принудительной очевидности, а в усилении и выборе».¹⁰ «Всё яснее становится мне, что Православие – это стихия абсолютной свободы. Боязнь уставов, правил, боязнь как-то ограничить себя, поставить слово, мысль, декорацию раньше или без факта, отвращение к проповеди, насилию, хотя бы чисто идейному или психическому, боязнь убеждать,

⁸ Василий Шукшин. Любавины. Роман. Москва, «Советский писатель», 1990, с. 348-349, 433.

⁹ Святой Праведный Иоанн Кронштадтский. Моя жизнь во Христе. Издательство Сретенского монастыря. Москва, 2009. с. 585-586, 580.

¹⁰ Протоиерей Александр Ельчанинов. Православие для многих. Издательство «Дар», Москва, с. 80-81. Далее страницы указаны в тексте – в скобках.

вера только в самую наличность религиозной жизни – всё остальное придёт само». (61-62) «Христианство, понятое как великая Красота, – Православие». (60) «В самоотречении – освобождение от рабства греху (без него – плен) и свободное выявление своей истинной сущности в её первоначальном Божьем замысле о нас». (76)

Глубоко осознанная независимость отца Александра от модных философских и религиозных систем: «Относительно религиозности Толстого и Руссо дело обстоит так. Религия дело сложное. Вино, например, состоит из воды, спирта, ароматических и красящих веществ и т.д. Так и религия – в ней есть спирт догматов, ароматические вещества культа и обрядов и нравственные правила – вода. Вот Толстой и Руссо одну эту воду и видели». (251-252) «До чего могут довести ложные идеи! Так погубили свою душу многие революционеры, которые, исходя из правильной (но ограниченной) идеи народного блага, пришли к сатанинской злобе, лжи и человекоубийству. Это ждёт и служителей национальной идеи, пока они её не подчинят идее высшей». (45)

Жить должно соборно: «Святость и познание даются соборностью. Неведение и грех – удел отдельных особей. Лишь в церковном единении – продолжение того и другого. Человек находит в Церкви самого себя, но не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе своего единения с братьями и Спасителем. Церковь есть живой организм, объединённый взаимной любовью, составляющий абсолютное единство во Христе живых и мёртвых». (105) «Но думаю, что вопрос этот (о соборности в жизни. – **И.Р.**) не разрешим силами индивидуальными и даже церковными. Мир безоружными нам не пройти, это гордыня, мы должны пользоваться орудиями мира сего. Нам надо признать смиренно государственность, внешние методы воздействия на мир. То, что мы потеряли Россию, не только политическая ошибка, но и грех против церкви». (78-79) Вот почему Тютчев думал о Православной Империи.

Увы, высокие откровения великих не господствовали в душах и умах граждан дореволюционной России. Иван Шмелёв написал в эмиграции эти горькие строки: «Дух Живой уходил из жизни, как уходит теперь повсюду. Дух живой уходил от Церкви, она ослабела: правила оболочку, а не душу. Порабощённая властью Церковь не оплодотворяла душу. А она, молодая, ждавшая Жениха своего, вся в порывах на высоту и в дали, искала, разметавшись, ждала... И, не дождавшись Града, метнулась к аду... И ринулась!..»¹¹ Ослеплённая, ошиблась: инстинктивно приняла социализм как форму проти-

востояния Западу для сохранения самобытности.

В двадцать первом веке Россия катится – глобализация! – к Западу, усваивая западную – без Бога! – демократию, не задумываясь, совместимы ли демократия и глобализация. «Россию спасёт только чудо, Но вымолим чудо ли мы?» – иеромонах Роман (Матюшин) будит русское самосознание.¹²

У русских поэтов, больших и разных – со времён Пушкина и доныне, есть стихи как бы не в ряду с другими, не на главном направлении творчества. Это стихи об интимном, тайном – покаянные.

Пушкин («Воспоминание»):

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Воспоминание – самооткровение, откровение души для самой себя, для принятия истины. В душевной глубине зреет жажда Преображения.

У Николая Заболоцкого найдём подобное состояние («Это было давно...»):

*Все он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.*

Воспоминание – повод, чтобы собрать воедино волю и разум в сердце и найти в себе образ Божий.

В исстрадавшейся душе Сергея Есенина вспыхивает свет былой веры, вызывая мольбу о прощении («Мне осталась одна забава...»):

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Николай Тряпкин молится перед Богородицей, даровавшей ему способность видеть свои грехи («Это было в ночи...»):¹³

¹¹ Иван Шмелёв. Душа Родины. Изд. «Паломник». 2001, с. 328.

¹² Иеромонах Роман. Пред всеми душа виновата. Минск, «Белорусский Экзархат». 2006, с. 20.

¹³ Николай Тряпкин. Стихотворения. Москва. Изд. «Художественная литература». 1989, с. 269.

*Проклинаю себя. И все страсти свои не приемлю.
Это я колочусь в заповедные двери Твои:
Ты прости меня, Матушка, освятившая землю,
За неверность мою. За великие кривды мои.*

Елена Пиетилияйнен (из книги «Предошущение»):¹⁴

*Мою душу, Господь, не рви...
Бумерангом вернулись поступки,
Ледяные слова нелюбви,
Несогласия и неуступки.
Эта кара впиивается в плоть
Равнодушьем колючим и гневом.
Это жизни нас учит Господь
На земле –
Пред распахнутым небом...*

Предошущение – состояние души, освобождённой от внешнего – от ощущений, представлений; души, оставшейся наедине с собой изначальной, для беседы с Богом. Поэзия – проблеск небесного разума в реальном земном человеке.

Стихи – жемчужины духовного обаяния, хотя не определяют творческого пути авторов. Редко, но можно найти покаяние за свою прошлую и за всю будущую жизнь. Николай Гумилёв¹⁵:

*Я не прожил, я протомился
Половину жизни земной.
И, Господь, вот Ты мне явился
Невозможной такой мечтой.*

*Вижу свет на горе Фаворе
И безумно тоскую я,
Что взлюбил и сушу и море,
Весь дремучий сон бытия;
Что моя молодая сила
Не смирилась перед Твоей.
Что так больно сердце томила
Красота твоих дочерей.
Но любовь разве цветик алый,
Чтобы ей лишь мгновенье жить,
Но любовь разве пламень малый,
Что ее легко погасить?
С этой тихой и грустной думой
Как-нибудь я жизнь дотяну,
А о будущей Ты подумай,
Я и так погубил одну.*

Да, жизнь – жестокая красота, горькая радость, страдания, падения на каждом шагу, всем необходима помощь – найдём ли её?

Ручейки покаяния сольются ли в единый поток, внятный Небу?

«Духа не угашайте...» – взывает к нам наше историческое Великое Прошлое.

¹⁴ Елена Пиетилияйнен. Предошущение. Петрозаводск. 2010, с. 21.

¹⁵ Н. Гумилев. Колчан. Стихи. 1916, с. 65-66. Репринтное издание. Москва. Изд. «Книга». 1989.

Иван Константинович РОГОЩЕНКОВ

родился в 1933 году в Смоленской области.

Окончил Литературный институт им. А.М. Горького.

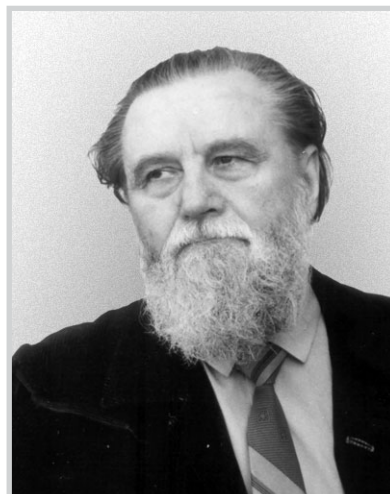
Несколько десятилетий заведовал отделом критики в журнале «Север».

Автор книг «Воля творить жизнь» (Петрозаводск, 1979 г.),

«Память и надежды» (Москва, 1988 г.).

Член Союза писателей России с 1980 г.

Живет в Петрозаводске.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

рассказы

Когда я учился в старших классах, часто самостоятельно ездил в деревню, практически каждые выходные, не говоря о каникулах. Старики наши, бабуля с дедом, тогда еще животинку кое-какую держали: кур, коровку да поросенка или теленочка на откорм до зимы. Молоко, сметанку, творог, яйца, мясо — все для детей да для внуков, все — в город. Для города-то самое начало девяностых — голодное время было. А так — просто для себя — не стали бы старики хозяйство вести — годы-то уже не те. А мне, старшему внуку, как говорится, сам бог велел помогать им хотя бы по выходным: сена натаскать, навоз выкидать. С дедулей, помню, договаривался: мол, ты, дед, на неделе только за окошко из коровьего-то стойла навоз откидывай, а я в выходной приеду и все перекидаю от окна в компостную кучу специальную.

Михаил ЯКОВЛЕВ

г. Раменское,
 Московская область

Все полегче старику, а мне-то, молодому, за радость — лучше любого спортзала такая физкультура. Дров поколешь еще — тоже все мышцы прокачаешь от пяток до макушки, тогда еще газ не проведен был к частным домам, вот наколешь да наносишь в дом к печке.

Сидишь потом, помню, наработавшись с непривычки-то городской, руки-ноги гудят, а усталости никакой не ощущаешь. Смотришь на стариков да радуешься: как им приятно — внук приехал. Наговорятся со мной за чаем, все поразузнают, как там, в городе, мама с папой, братья как, как учеба да друзья мои, которых дедуля с бабушкой в большинстве своем знали. Да сами порасскажут, как у них что тут в деревне. А после обеда и дедуля со мной выйдет — не сидит на месте — я дрова колю, он понемногу в дом носит, что-нибудь да делает. Потом смотрим, бабушка пошла в магазин к ужину что-то прикупить. Все в делах — и так это приятно, думаешь: что сделал? Да ничего, просто приехал, а старикам — радость, и суетятся ради этого.

Самому становится как-то на душе светло. Получается, приехал им помочь по хозяйству, а помогают они мне. Уезжаешь — силищу такую в себе чувствуешь — на все готов и все ни-почем.

Как-то весной, когда мне было, кажется, лет тринадцать или четырнадцать, я, как обычно, приехал в деревню. Был тогда апрель, наверное, в самом своем начале. По привычке встав с утра рано, тихонько, чтобы не побеспокоить стариков, хотя и знал, что уже не спят они, вышел из комнаты в сени, где с закрытыми глазами знал, какие половицы скрипят, какие нет. Старался не греметь дверью, а точнее длинной старинной дужкой, на которую запиралась когда-то дверь из сеней на террасу. На терраске натянул рези-

новые сапоги, которые норовили с грохотом вырваться из рук на деревянный пол, накиннул хэбэшную, как называла бабушка любую легкую одежду, ветровку и вышел на крыльцо.

На улице было светло, хотя солнце еще не поднялось из-за горизонта. А может, уже и оно выглянуло, понять этого я не мог — весь двор был залит, будто парным молоком, туманом. Пару минут постояв на крыльчке, всматриваясь в ту сторону, куда хотел пойти, и тщетно пытаясь разглядеть очертания калитки, я сошел со ступенек. Видно было во все стороны шага на три, не больше. Указателем служила тропинка, выложенная кирпичом. Белые и красные, они были расположены дедушкой каким-то чудным, непонятным мне узором. С детства я старался каждый раз идти по кирпичам одного цвета. Тем утром шел по красным — их в тумане было лучше видно, стараясь не ступать на белые, ассоциировавшиеся с туманом, занявшим все пространство вокруг.

За калиткой красные островки тропки кончались. Снег почти весь сошел, лежал лишь кое-где в низинках да в тени деревьев и кустов — это я заметил еще вчера вечером, только приехав. Сегодня же ощутил твердую, еще мерзлую с ночи землю, голую, без травы — ее черноту было хорошо видно и в тумане. Но, несмотря на то что землю было видно, ступать приходилось осторожно, чтобы не повредить ногу. Кочки, ямки, неровности земли, замерзшие за ночь, представляли опасность для неопытного деревенского пешехода: земля непривычно прогибалась и пружинила под ногой, неожиданно выставляла вверх твердую острую оконечность, с которой нога легко срывалась то в левую, то в правую сторону. Можно было легко подвернуть ногу, а то порой и свернуть шею, если не удержать равновесие и упасть.

Идти было недалеко, метров двести, до конца овишницы, где на небольшом пригорке росли три березы, посаженные дедушкой когда-то лет тридцать назад. На мое удивление, туман на овишнице был не такой густой — на просвет было видно небо вдаль, кое-где были видны кусты ивы, росшие по краям нашего небольшого поля. Скорее всего, не туман был другой, просто в замкнутом пространстве двора рядом с домом не было никакого просвета, а здесь, наоборот, не было стен.

Подойдя к березам, я увидел, что оставленные

мною с вечера нехитрые приспособления на месте. Каждую весну, как только сходил почти весь снег, дедушка набирал для нас с братьями березовый сок. Со временем стал брать нас с собой за соком. А теперь вот я сам. Забрался на несколько метров вверх по сучкам, надрезал один не очень толстый, чтобы пролез в горлышко бутылки, надел бутылку на него и привязал эту несложную конструкцию к стволу, оставив до утра. Сейчас же, добравшись до бутылки, я увидел, что она полна до краев, и, видимо, уже давно — по бересте текла тонкая струйка сока. Как я любил тогда, прислонившись к стволу, вдыхать запах оживавшей со всей весенней природой березы. Кажется, даже сейчас слышу аромат бересты.

Сняв бутылку, я заклеил порез на сучке, чтобы через него дерево не теряло свои силы напрасно. На всю жизнь запомнился мне первый поход за березовым соком, когда дедушка не только показал, как собрать сок, но и рассказал, что у дерева корни повторяют крону, только под землей. Все равно что перевернуть дерево вверх ногами. Что всеми этими подземными веточками береза впитывает соки земли, поднимает их наверх, напитывая почки, давая новую жизнь готовым скоро появиться листьям. Потому и заклеивал, помню, дедушка то сучок, то ствол. Из чего сок наберет, то и подлечивает потом.

Именно тогда я впервые задумался и сильно удивился тому, как же зимой дерево будто умирает, становясь бездушной замерзшей деревяшкой, а весной снова оживает. Пусть не умирает, конечно, но как оно переживает русскую зиму с сильнейшими морозами, я точно понять не мог. Дедушка тогда мне сказал, что где-то в корнях, видимо, и сосредоточена жизнь дерева зимой, а летом, когда тепло, она поднимается с соком вверх и распускается в виде листьев.

Каждой весной, снимая новый урожай сока, я вспоминал об этом и размышлял о природе, ее законах. Теперь понимаю, что мысли эти не отпускали меня из-за своей глубины, фундаментальности — все мы живы за счет своих корней, напитываясь от них живительной силой, мы оживаем после любых холодов житейских проблем. Не только растения, но и люди сильны тем, что есть у них свои, человеческие, корни: родители, дедушки и бабушки, история семьи. Не потому ли и я, приезжая каждую неделю к своим старикам, уставая от физической

работы, уезжаю всегда из деревни полным сил, просветленным душевно, будто попив не березового сока, а какой-то живой деревенской водой напитавшись от корней своих.

Задумавшись, казалось, на минутку, я и не заметил, как, только поднявшись, солнышко начало немного припекать, что туман почти рассеялся и стал виден наш дом на другом

конце овишни. А начавшая оттаивать мерзлая с ночи земля поблескивала каплями талой воды на солнце, заставляя меня то и дело шуриться. Пряча глаза от солнечных зайчиков, я пошел домой. Мне думалось, что там наверняка уже приятно пахнет бабушкиными оладьями, дедушка наливает горячий чай и, когда я приду, мы все вместе сядем завтракать.

Алеутские острова

Моему деду

— Но, милые, но! — прикрикивал дедушка на лошадей, сидя вместе со мной в сани. — Ты посмотри, Павёлко, Рыжуха, справа то которая, всё головой мотает, словно недовольна чем. В другой раз давай сахару принесем ей, а то она всю езду расстраивает.

— Деда, зато Воронок смотри как бежит.

— Коренной-то? Да, этот всех сегодня ведет. Да только если пристяжные-то будут баловать, далеко мы с тобой не уедем...

«Так катались мы с дедушкой на санях, запряженных тройкой лошадей, то по зимним заснеженным полям вокруг нашей деревни, то по холмам, то по оврагам. А больше всего мне нравилось съезжать с горки, когда дедушка сажал меня к себе на коленки, чтоб не вылетел я из саней, обнимал меня крепко, и только ветер кидал мне крупинки снега в глаза. Я зажмурился, и мы мчались вперед», — рассказывал о своем детстве мой друг Пашка. А Павёлко — это его только дедушка так звал, который любил всякие такие имена и слова придумывать, которых никто не знает.

Сдружились мы, я и Пашка, в возрасте лет семи-восьми, оказавшись в одном первом классе. Сидели за одной партой и даже внешне были тогда чем-то похожи: два невысоких пухляша с одинаково большими голубыми глазами, одноклассники первое время нас различали только по причёске, я челку направо зачесывать пытался, а

Пашка — налево. Жили рядом, в школу, из школы — вместе, гуляли вместе, всё — вместе. Любили мы сидеть после уроков то во дворе, то дома у кого-то из нас и вспоминать что-нибудь интересное из совсем, как нам казалось, далекого нашего детства, которое было еще до школы и нашей дружбы. Вот Пашка и описывал свои приключения в деревне у деда с бабушкой. И все бы ничего, да только друг мой, Пашка, необычный.

Точнее, дедушка его. Ну, ладно: катались они зимой на санях, запряженных тройкой лошадей. Да еще и в деревне. Что в том такого? Так в том и было все чудо: Пашка с таким задором рассказывал свои истории, описывал, казалось, все происходящему, а оказалось...

Оказалось, что ходили они с дедом гулять, когда Пашке было лет пять примерно. На окраине деревни, рядом с заброшенным сараем, стояли давно никем не использовавшиеся старые-престарые сани, деревянные и с деревянными же полозьями.

— Сани-то, понимаешь, — сам удивляясь, рассказывал Пашка, — старые, да не простые какие-нибудь дровни, в которых только дрова да сено и возили, а люди в таких санях если только сверху как-то примостятся да так и едут. Нет, наши-то сани были как карета, только без крыши, с виду будто резные, а внутри сиденье есть. Подойдет дедушка, рукой погладит сани, по полозьям постучит, будто проверяет, а потом довольно скажет: «Вот той зимой, Павлушка, я полозья-то укрепил, видишь, по подошве-то деревянной полоску железную пустил. Это, выходит, чтоб полозья крепче были да скользили лучше».

В сани эти дедушка сажал внука, забирался сам, и они катались...

— Настолько заразительно дедушка все придумывал, — говорил Пашка, — что я верил. Я и сейчас иногда сомневаюсь, что было на самом деле,

а что нет. Понимаю, конечно, что лошадей никаких не было, но, когда закрывал глаза, чувствовал снег, бьющий мне в лицо, и слышал дедушкино: «Но, родимые!», то казалось, что сани наши и вправду плавно скользят по широкому бескрайнему снежному полю. Дедушка еще и сани начнет раскачивать, будто мы на ухабах снежных трясемся. А то бывало в сторону наклоняется резко и меня за собой влечет, будто мы на повороте чуть из саней не валимся. А сам со смехом приговаривает: «Эй, потише, соколики, на поворотах-то, Павлушку не выбросьте из саней». А сани наши как стояли у старого сарая, так и стоят все это время. Вот так и катались.

Как мы с Пашкой смеялись каждый раз, когда он рассказывал это, надо было видеть.

А то была у них с дедом другая забава. Дед до пенсии работал в деревне, в колхозе, значит, главным механиком. То есть главным по всякой технике: по тракторам, комбайнам, сеялкам. Да и выйдя на пенсию, знал все о своих железных конях. Так и говаривал порой, мол, в детстве он пахал на живом коне, а вот теперь пашет на железном.

Работает где-нибудь неподалеку от дедушкиного дома техника, трактор например, дорогу ровняет, дедуля ведет туда внука. Стоят в сторонке — Пашке радость: вблизи на трактор работающий смотрит. Рабочие — на обед, а старый да малый в трактор забираются. Деда же все знали, и молодые трактористы не отказывали ему в просьбе показать внуку технику изнутри.

— До сих пор, — говорил Пашка, — помню запах в тракторе — смесь соляры и машинного масла. Как мне нравился этот запах тогда — не описать. Запах, связанный с ожиданием чего-то, что вот-вот сбудется, что сядем сейчас с дедом, мотор заревет — и поедем куда-нибудь далеко. А трактор гусеничный: в кабине два рычага да педали — и всё. Одним рычагом управляешь правой гусеницей, вторым — левой. На месте можно крутиться, когда одна гусеница не двигается, а другая едет. Вот сперва мне дедуля все покажет да расскажет, а потом мы на тракторе-то, как на санях, и катаемся. То есть трактор-то на месте стоит, а мы, значит, то поле под пшеницу распахиваем, то будто мы не на тракторе вовсе, а на танке, фашиста воюем. Ох, и выдумщик же дедуля у меня был.

Было время, мы с Пашкой чуть не каждый

день после уроков смеялись над его рассказами об их с дедом путешествиях. Теперь я уже теряюсь — может, друг мой что-то и от себя прибавлял к этим вполне правдивым историям. Придумывал то есть. Да и повод так думать у меня появился в скором времени. Как-то раз учительница наша вызвала родителей Пашкиных в школу. А мы с ним только-только, буквально несколько дней назад, в составе школьной команды соревнования шахматные выиграли в районе, в пример нас ставили перед всей школой, хвалили, а тут такое происшествие.

Писали мы сочинение тогда на днях. Какое-то вроде несложное, о семье. Кто предки твои, надо было описать. Кто кем был да кем сам хочешь быть — все в таком духе. А Пашка возьми да и выдай: мол, дедушка его — вождь племени алеутских индейцев, что сам он, Пашка то есть, все каникулы проводит на родине своей исконной, на Алеутских островах, значит, живет там в землянке, одной для всего племени, ест юколу, рыбу то есть вяленую по-ихнему, охотится на тюленей. И когда вырастет, то выучится на строителя, поедет туда на острова да будет там для алеутов дома строить, а то, говорит, в землянках так и живут, а он им, выходит, прогресс туда привезет.

И так он расписал, помню, все это подробно, мы с ним потом перечитывали его творение на спортивной площадке за школой и буквально катались по траве от смеха. А когда учительница оценки объявляла за сочинение, Пашку не назвала, зато после уроков в дневнике его написала послание родителям, чтоб те в школу пришли.

Пришел отец. Пашка решил дожидаться его у школы. Я, конечно, не мог оставить друга одного ждать исхода всего этого дела. Мы ведь толком и не знали, что там учительница надумала. Но ужасно боялись — само собой. Боялись, что влетит Пашке по полной за подобную импровизацию. Когда через полчаса, показавшиеся нам мучительно долгими, отец вышел из школы, мы стояли хмурые, опустив головы вниз, ожидая страшного родительского гнева. Я сам трясся, будто это мой отец и попадет сейчас мне. А он подошел, улыбнулся, потрепал Пашку по волосам и сказал: «Ну ведь прямо как дед. Сказочник ты наш». Тогда мы ничего не поняли: то ли учительница ничего не рассказывала, то ли отец не увидел в случившемся чего-то страшного, заслуживающего наказания.

Как выяснилось позже, папа сказал учительнице, что фантазировать и выдумывать — это, вообще говоря, для ребенка естественно и даже очень хорошо, но, конечно же, это не должно мешать его учебе. И пообещал направить фантазию сына в нужное русло.

Надо сказать, взялся отец за это сразу и всерьез. В тот же вечер он посадил Пашку за стол, дал ручку, чистую тетрадку и велел писать. Для начала написать об алеутах, а потом — что сам захочет. И продолжалось это с завидным постоянством. Отец принялся за сына будто за спортсмена: каждый день ему давалось некоторое время для тренировки, а именно для того, чтобы тот писал. Кажется, у них даже какая-то программа была: в будни Пашка писал на свободную тему, по выходным описывал то, что они с родителями видели в музее, театре, зоопарке, где бы ни были — надо, значит, написать сочинение-отчет.

В итоге, постоянно развивая фантазию и умение излагать мысли на бумаге, мой друг к двенадцати годам написал свой первый научно-фантастический роман. Отрывок даже напечатали в журнале «Юный техник». Тогда же он, бывало, писал стихи. Потом писал сказки для своей младшей сестренки, с которой ему приходилось частенько сидеть вместо гулянок с ребятней во дворе. А сейчас он мечтает поступить на филологический факультет. Говорит, что будет изучать литературу, может быть, станет собирать сказки, записывая их у стариков, кто еще что-то рассказывает. Те, что де-

душка его знал да в свое время рассказывал, он сразу переписал.

И обязательно собирается Пашка в экспедицию на Алеутские острова. Хотя и узнал, что острова эти вместе с Аляской Россия продала Америке еще при императоре Александре II и что вряд ли там мог родиться его дедушка, прадедушка да и прапрадедушка тоже. Но эта недоступность еще больше манит его. Побывав там, Пашка собирается написать повесть о жизни маленького мальчика индейца-алеута — о том, как этот мальчик растет под руководством старого вождя их племени, как рассказывает мудрый индеец своему ученику легенды о том, откуда пришли алеуты, как жили в давние времена, как охотились, когда не было еще современного оружия, в каких богов верили, пока не приняли христианство. А еще в своей повести расскажет Пашка, как старый вождь водит мальчика на море. Как плывут они на байдаре, мальчик закрывает глаза и чувствует, как дует сильный ветер с открытого моря, как качает их на волнах, как брызги соленой морской воды попадают ему на лицо...

...И, несмотря на то что байдара стоит на берегу и по нос закопалась в песок, совсем не думая о том, что волны создает старый индеец, раскачивая байдару из стороны в сторону, чудятся мальчику-алеуту бескрайние морские просторы и высокое голубое небо с кричащими в нем крачками...

□

Михаил ЯКОВЛЕВ

родился в 1979 году в Ярославле.

В 2001 году окончил физмат педагогического университета

(ЯГПУ им. К.Д. Ушинского),

в 2005-м — Институт профессиональной оценки

(Финансовая академия при Правительстве РФ, г. Москва).

В данный момент учится в Литературном институте

им. А.М. Горького (семинар прозы А.Н. Варламова).

Лауреат конкурса «Северная звезда — 2013»

в номинации «Проза».

Дебют в «Севере».

В ЗЛАТОКИПЯЩЮ МАНИГАЗЕЮ

Юрий БЛИНОВ

г. Москва

р о м а н

Часть первая.
МОСКОВИЯ

Год 7122 – начало исчисления
от сотворения мира

1. Мать-царица Марфа

Михаил Романов, со слов хорошо знающих его людей, слыл человеком мягким и, по сравнению с Рюриковичами, что царствовали на Руси до Фёдора Иоанновича, довольно безобидным правителем. Однако, как и все Романовы, противоречив и, взойдя на престол, он принялся прежде всего убирать со своего пути претендентов на царский трон. Добился того, чтобы поля-

ки, на тот момент временно замирившиеся с Россией, выдали Варёнка, маленького пацанчика, дитя совсем ещё, сына Марины Мнишек и Лжедмитрия II, и повесил принародно его на Красной площади. Тот долго болтался в петле живой, поскольку толстая верёвка не затягивалась на тщедушном теле мальчика. Второго претендента на царский стол из рода великих князей Шуйских тоже на площади, тоже, так сказать, для общего обозрения посадил на кол. Этот, наоборот, тяжёл оказался, кол, пройдя пищевод и не повредив его, вышел со спины. Князь сутки оставался жив, вращал осатанело больными глазами, моля о пощаде, на потеху шатающемуся праздну народу, хихикающему и тыкающему в него пальцем. Ничего не скажешь, безобидный, мягкий правитель.

Неизвестно, что стало бы с ним, а вместе и с Государством Российским, не будь рядом его матери Марфы — инокини, суровой и жёсткой правительницы. Родственники с её стороны (Салтыковы) постарались окружить молодого царя такой «заботой», от которой надо было бежать и бежать куда подале и как можно расторопнее. Алчность, развращённость могущественного клана Салтыковых, ставших волею судьбы у руля власти, не знали границ, но Марфа сумела уберечь сына от дурного влияния родни. Она старалась не допускать их к важнейшим державным делам, особенно к решению торговых и военных вопросов. Это означало, что государственная, пускай вначале и скудная, казна была для Салтыковых наглухо закрыта. Марфа, женщина сильной воли, требовала неукоснительного исполнения наказов, повелений своими подданными.

С внутренней дрожью и волнением в зиму 1624 года шагал к ней воевода архангельский по коридорам дворца, слабоосвещённым редкими свечами. Шёл мимо караульных стрельцов, застывших наизготовку в переходах, которые, казалось, не обращали на воеводу и сопровождающих его лиц никакого внимания, на самом деле охрана пребывала в чутком стороже и готова в любую минуту применить самые жёсткие меры воздействия к ним. Впереди воеводы шёл вооружённый саблей и кинжалом жилец, позади — пятидесятник стрелецкого полка, возглавлявший охрану кремля, Василий Кузьмин. Шли молча, сосредоточенно. Тучков не знал, только догадывался,

куда ведут, но ничего не спрашивал, считал, что бесполезно, пятидесятник был наделён властью, привык впустую, особенно с доставленными по приказу, слов не тратить. Перед закрытой дверью в палаты Марфы жилец остановился, встали и его спутники.

— Ты пока подожди здесь, господин воевода, — тихо и не оборачиваясь сказал жилец и скрылся за бесшумно открывшейся дверью.

Афанасий огляделся — коридор был пуст, мрачен, скамеек, табуретов для посетителей не предусмотрено, у стен, около палаты монахини, прямо у входа стояли с отрешёнными лицами, как истуканы, два стражника. Ждать пришлось недолго, из дверей выглянул жилец и пригласил обоих — и Афанасия, и Василия зайти. Однако в огромном зале Марфы не оказалось, здесь на длинных скамейках перед длинными же столами сидели монахини, склонившись над рукодельем. Ни одна из них (а было их около десятка) не оставила работу, даже ради любопытства не подняла голову. Пожилая монахиня, вероятно, старшая из всех, открыв невысокую дверь, прячущуюся за шёлковыми розовыми занавесями, молча, одним жестом пригласила Афанасия пройти внутрь. Жильцу и Кузьмину тоже жестом указала остаться на месте.

Афанасий шагнул внутрь и сразу же оказался перед правительницей, величественно стоявшей в чёрном строгом одеянии посередине палаты, поднял глаза и в первую очередь увидел не царицу-монахиню, а женщину, женщину-повелительницу. Её суровые глаза из-под густых бровей требовательно и властно смотрели на Афанасия. Однако при пристальном внимании в них, кроме суровости, просматривались забота и участие. Дородный, хищный нос и сжатые тонкие, сухие губы не портили лица, а говорили о сильном и властолюбивом характере. Афанасий склонился в глубоком поклоне, она же только чуть кивнула в ответ и непринуждённо, на удивление по-девичьи легко отошла к распахнутому окну, из которого тянуло крепким морозцем, закрыла заскрипевшие от налипшего льда створки, повернулась к застывшему Афанасию и, чуть приоткрыв свои в ниточку губы, сказала:

— Ну, начнём. Ты теперь кто будешь, кем состоишь? Давай докладывай, слушаю! — И присела в глубокое простецкое кресло, поправив пе-

ред этим обшитую зелёным бархатом подушечку, лежащую на сиденье.

— Тучкова Тихона сын, — оторопел от вопроса Афанасий, доложили же, да и знала она, кто он таков, но ответил, не выказав недовольства и как следовало. — Афанасием кличут. Воевода астраханский я.

— Из московитов, что ли, дворянской семьи? Что-то не припомню у нас таких.

— Нет. Из мелкопоместных. Ярославские мы. Отец служил здесь в Большом полку, воевал с Дивлет-Гиреем, был ранен в боях у Молоди, с тех пор обосновался под Угличем. Моя тётка Ирина Жданова находилась при дворе Нагих в Углическом уделе, состояла кормилицей царевича Дмитрия.

— Твоя тётка — и кормилицей царевича? Надо же! Неисповедимы пути господни. В ногах правды нет. Присаживайся, воевода, — сказала и указала тонким перстом на стул возле стола, на котором лежали поверх разукрашенной карты Московского государства свёрнутые в свитки бумаги и несколько толстых книг в красных сафьяновых переплётах.

Афанасий хотел было воспротивиться, перед царицей, мол, стоять должно, но Марфа, заметив его растерянность, настояла на своём.

— Садись, садись, воевода, разговор длинный.

Афанасий прошёл к столу и, присев на краешек стула, снова украдкой посмотрел на сидящую в профиль Марфу, пытаясь по её лицу определить, что сулит ему встреча. Он прекрасно понимал, что от того, какое решение примет сейчас эта женщина, целиком зависит его судьба, и не только его, но и предприятия, которое он задумал и уже начал осуществлять. Очень уж могущественна была царица. Крест нести пришлось бы всему роду Тучковых, и в первую очередь ему и старшему брату Бажену, который со всей дворней и семьёй жил под боком — в Москве и который целиком и полностью поддерживал эти начинания.

— Не удивлён, воевода, что я тебя принимаю? И не где-нибудь, а здесь, в самом Кремле.

— Не знаю, что и молвить.

— Не юли, вижу, что удивлён. Потом поймёшь. Не всё же время мне вдали сидеть. Тем более мой монастырь сейчас в крепость превращён, на осадном положении почти. Я хотела монахинь

отправить в Троицко-Сергиеву лавру, но они, причём все, против, хотя врага польского здесь, в Москве, встретить, помощь оказывать царским полкам. Может, оно и правильно. Ты, кажется, тоже однажды в свите польского посольства состоял. Или не так?

— Нет, матушка, я с Дмитрием Иоанновичем был. Это же...

— Замолкнь! — грозным голосом перебила его царица, вскинув вверх смоляные брови. — Ты хочешь сказать, что ты настоящему сыну царя Иоанна Васильевича служил?

— По всему так, матушка, — тихо ответил Афанасий, опустив глаза долу, и гробовая, зловещая тишина повисла в палате, такая, что негромкое щёлканье спиц монахинь в соседнем зале резало ухо.

— На том стоять будешь даже под пыткой? — нарушила напряжённое молчание монахиня.

— Буду, матушка, — встав тяжело со стула, ответил, не покривив душой, Афанасий. Внутренне приготовился к самому плохому. «Чему быть — того не миновать», — видимо, решил.

— Сядь, сядь, защитник, — махнула недовольно рукой Марфа. — Не прав ты. Он есть и навсегда будет беглый монах-расстрига Гришка Отрепьев, а никакой не Дмитрий. Так решили Дума и патриарх, который публично осудил его. Этого не изменишь. А ты — «Дмитрий Иоаннович»! Какой он Иоаннович? Самозванец он и есть самозванец. Ну ладно, чего старое ворошить, и без того лишений, всяких напастей хватает на Руси.

— Я с ним, матушка, с первого дня его бегства из Углича, — стоял на своём Афанасий. — Дмитрия-то спасли люди добрые, чувствовали или знали, что неладное в стране с приходом к власти Годунова затевается, они и подменили. Наёмники Битяговские глотку перерезали не ему, а его сродному брату Григорию. Убогий брат был, блаженный, слаб умом, телом, но похож сильно, даже родинка такая же на носу была, и рыжеватый, как Дмитрий.

— Упокой, Господи, душу раба этого, как ты глаголешь, Григория, — перекрестилась Марфа. — Но не об этом сейчас речь, хотя интересны твои речи. Ты вот что скажи: как ушёл со службы самозванцу? Провинился чем или дошло, что не тому служишь?

— Не смог я терпеть высокомерие ляхов, их

наглость, чванство. Из-за Марины ещё. Марина Мнишек — жена Дмитрия, его сподручница, меня не приняла, травила, не доверяла.

— Своенравная, спесивая шляхтичка, путался ты у неё под ногами, алчным замыслом, делу её мешал. Она спала и видела, как царицей стать. Вот и вытолкала тебя.

— Делу мешать не мог. За веру служил. Сам попросился подальше от них. Дмитрий согласился и не стал неволить, отправил меня в Архангельск. Я по разрядному приказу уже числился воеводой, сила в руках большая, поэтому и отпустили легко, опасаться стали.

— Понятно. Я самозванцу тоже кое-чем обязан, небось, знаешь, он мужа и всю семью Николая, брата Филарета, из ссылки вернул. Плохо другое — что ляхов и евреев привёл на Москву. Врагов — на родную землю, что это как не предательство?! Марину коварную, шлюху эту, притащил с собой. Она даже из могилы грозитя новыми набегами на Московию. Один только любовник её Ванька Заруцкий чего стоит. Разоритель, тать, сколько страданий, горя принёс на Русь. Правда ли, что Марина из католичек в православные перекинулась?

— Выходит. Она икону Богородицы целовала.

— Слышала я о том, но не думала, что она такая дура, — кто ей поверит? Чего не сделаешь ради престола! Самозванец тоже туда же, он, наоборот, тайно католичество принял. Так, нет?

— Так, матушка. Я, когда узнал об этом, был сильно смущён, долго не находил объяснения. Стал высказывать ему, что не дело так поступать, но он обругал меня, сказал, что лжа это, злые разговоры шляхтичей, что он блюдёт веру истинную, православную. Иначе де как он может стать царём в православном государстве, будучи не той веры. Всё это ложью оказалось. Отцы-иезуиты, чтобы получить благодарность и мзду от Ватикана, в этом деле замешаны, они спят и видят, как бы Русь сделать католической. Я не верил ему, из-за любви он всё, Марина как хотела, так и крутила им.

— О какой любви ты говоришь, воевода, коли он с Ксенией, дочерью царя Бориса Годунова, в то же время жил, считай, полгода пользовал, обещал жениться, а Марину под венец повёл, на царство с собой посадил. Еретик, подлец он, каких свет не видывал.

— Тут я согласен, матушка, — опустил воевода глаза, вздохнул тяжко, виновно, как будто сам в обмане был замешан. — Я Бориса не любил, а о Ксении ничего плохого сказать не могу, славная была царевна. Подлость зачлась Дмитрию, Шуйские всё ему припомнили. Меня в то время не было на Москве, но я наслышан, знаю.

— Что мне Борис, я сама его недолго любила! Ксения была первой красавицей на Москве, умницей, мастерицей. Она же от Дмитрия, тьфу, от Гришки Отрепьева, родила ребёночка — мальчика в монастыре, он почти сразу умер. И подделом, Бог всё видит, нельзя самозванцев плодить, — монахиня надолго замолчала, глядя задумчиво в окно, и продолжила уже деловым голосом. — Ладно об этом. К делу перейдём. Мне докладывали, что ты обоз привёл из Архангельска с серебром и пушной рухлядью, рыбой, мясом, богато сдал в казённые приказы. Что ж, добро, Москве твой обоз весьма кстати. А забота твоя в чём? Говори, слушаю.

— Дело серьёзное, матушка. Весьма. Всё то добро я из Мангазеи привёз. Туда морем ходил. В граде Мангазея уже два раза был с купцами вместе, с товарами для торга.

— Мангазея... Да, краем уха слышала что-то. Что это за город? Где он? Показать можешь, как ходил, каким путём? — живо заинтересовалась матушка, закидала вопросами.

Афанасий достал из-за пазухи свиток, развернул и расстелил на столе, показав на карте подвернувшейся заколкой мангазейский морской ход в подробностях.

— Вот Архангельск, вот Холмогоры, с них начало, вот Белое море, — увлечённо рассказывал он. — Вот волок канинским ходом, дальше Московское море и проход между Вайгачом и материком, дальше Нарзямское море, ямальский волок, меж Нейтинскими озёрами, Мангазейское море и река Таз. На ней и сама Мангазея. Вот она! И это не предел, из Мангазеи можно по Худосейке волоком на Енисей и дальше на восток идти, просторы Сибири необъятны. И в Мангазее, и на Енисее злата пушного немерено, места там нетронутые, богатства сами в руки просятся.

— Златокипящая Мангазея, выходит, — подхватила восторг Афанасия Марфа. — Так, что ли? — и посмотрела оценивающе на него. — Эвон куда тебя занесло, воевода! На край земли, выходит?

Ну, рассказывай, как там, и всё по порядку давай, в подробностях. Чем ещё богат Мангазейский край, какие ещё есть промыслы?

Ободрённый заинтересованностью Марфы, Афанасий присел (в ногах правды нет, как Марфа сказала), облизал пересохшие от волнения губы, огладил ладонью густую курчавую бороду и заговорил обстоятельно, неторопливо:

— Прежде всего богат и красен сам град Мангазея, он на высоком берегу Тазовской губы стоит, кораблям, что речным, что морским, удобно чалиться в гавани, что для торговли немаловажно, две церкви в нём православные, большие, знатные, часовня видная. Лабазов, складов не счесть, вокруг стеной крепостной опоясан, пушки на стенах, охрана из стрельцов опытных, и немалая, словом, хорошо от набегов защищён. Главное, как я разумею, в граде живут люди работные, рисковые. Полторы тысячи где-то таких у мангазейских воевод: и казаки, и стрельцы, и рыбаки, и охотники, и пришлые бедовые людишки есть, больше архангельские, но и из других мест. Поморы, кормщики, купцы, иностранного люда много, аборигены местные — самоеды наезжают. В общем, всякой твари полно, матушка.

— Вестимо, завсегда так, новые места лихой люд обживает, — прервала его пылкую речь матушка. — Я грамоты тобольских воевод читаю, так что в знаю, что на моей земле творится. Меня другое интересует. Есть ли в тех землях серебро, золото, руда медная, ещё что-либо ценное? Обо всех ли богатствах мне подданные доносят, не таят ли что от казны?

— Таить в тех краях нечего, матушка, всё на виду — тундра, на сто вёрст всё просматривается, не укрыться, не спрятаться — ни деревьев, ни деревень, ни выселок. По берегам рек да по губам — лес только, пушного зверья в нём полно, а пушнина, матушка, дороже и выгодней золота идёт. Серебро, медь тоже недалёко, их на Камне валом, только искать надо. Урал-горы — в трёх днях пути будут, если на оленях от Мангазеи идти. Чего ещё-то надобно! — невольно повысил голос Тучков.

— Ты голос не повышай, — мгновенно отреагировала Марфа, недовольно поморщилась, встала, прошла мимо вмиг присмирившего Афанасия, в волнении теребя чёрные бусинки чёток. —

Я ведь к чему завела этот разговор: мне кажется, не всё отдают в казну воеводы ваши, а особливо тобольские, чрезмерно липнет к их рукам, думаю. К тебе-то у меня претензий нет, а вот к ним... Не слыхал ли что?

— О том не ведаю, матушка. Знаю другое: что мимо рук наших, то бишь государственных, проходят без пошлины девять из десяти судов — английских, ганзейских и прочих заморских купцов. Вот где выгоду выпускаем, матушка. Они до чего же ловки, кручёны, умеют умастить, товар продать с выгодой. Вот у кого учиться надо.

— Неуж так, воевода? Ну-ка поподробнее.

— Ходил я, матушка, по сибирским морям, рекам с иноземцами, зорко и дотошно к ним присматривался. Канальи те ещё, выгребут всё подчистую из наших вотчин. Наши купцы не успевают за ними, им крохи остаются. Те развернулись широко, куда нам до них! У них деньги большие, корабли мощные, вооружение, поддержка государства. А мы сами по себе действуем. Если что берём — то мелочь по сравнению с иноземцами. Так и эта мелочь расходуется не на расширение торговли, не на увеличение флота, а на охрану судов, на их починку, на подкармливание местных князьков, бояр московских.

— Знаю, куда гнёшь, воевода. Поддержки просишь купцов иноземных прижать, князьков, бояр зарвавшихся, — перебила его матушка. — У нас ведь испокон веку так повелось: без подарков, без мзды ни одно дело не сдвинется. Что ты тут сделаешь? Ты сам что против этого предложить можешь?

— Прижать их, матушка, надо, и крепко, да не в моей это воле. Нам бы с товарами разобраться, порядок навести, уж больно дороги они, особенно против тех же немецких, и мало у нас их, выбора никакого, нам на обмен местным предложить нечего.

— Ты, конечно, дело говоришь, есть над чем подумать. Льготы-то купцам иноземным не мы выдумали, их ещё Иоанн начал даровать, потом Годунов расстарался, дворы европейские всё умастил, защиты искал, благодарности. Не дождался, наоборот, совсем на шею сели. Мне благодарностей от этой Европы ждать ни к чему. Начнём, не сразу, конечно, но поприжмём их чрезмерную прожорливость, — поджала сурово Марфа губы, Афанасий

сий затих, ожидая дальнейших слов. — Шуйские к этому тоже руку приложили, да и дружок твой Гришка Отрепьев тоже не зря жидовский и польский хлеб с маслом жрал. Никто о России не думал, все только о своём брюхе заботились. Не скоро ещё кабальный договор кончится. Расторгнуть его сейчас мы не имеем права. Где он тут у меня? А, вот. На, прочти. Грамотен, должно.

— Обижаете, матушка.

— Ладно, время не терпит, на словах скажу. Не до того сейчас нам, чтоб с этим договором разбираться, забот и так полный рот. Война идёт, враг почти у стен. Войско измотано. Год, даст бог, продержимся, а дальше что? Казну надо пополнять, что только для этого ни делали, и кабаки новые пооткрывали, лавки, где только можно, вином крепким напропалую торгуем. Народ голодает, ему бы хлеба больше, а мы его травим. Мытарей везде поставили, чтоб ничего не пропало от винокурения. В казну прибыло, но это же крохи. Вернуть бы деньги, разворованные всякими лжеправителями, да где там! Захоронены, растрчены попусту — себе, врагам в услужу, России во вред.

— Строгановых если потряхнуть? — предложил Афанасий.

— Своим умом дошёл? Может, услышал что-либо про это? — искоса, недоверчиво взглянула на него Марфа.

— Своим живу, подслушивать не научен. Не понял я, к чему вы это, матушка?

— О Строгановых что знаешь, спрашиваю? Не понятно, что ли!

— Встречался я с ними на Каме, давно, правда, ещё при Дмитрие, видел их город, промыслы, копи соляные. Богато живут, с размахом, потому и говорю. Сейчас, слышно, в Сибирь, к нам сети забросили. Деловые люди, работные.

— Ну, в Сибирь не сейчас, положим, а ещё при Иоанне Васильевиче туда стопы они направили. Строгановы — хребет России, нам бы таких Строгановых семей двадцать — тридцать на всю Россию, так завтра же можно было со всеми врагами покончить. Мы тоже хороши, их так обложили, что хребет трещит. Шестьдесят тыщ подати в год Дума постановила. Дело ли — купцов гнобим, сук рубим, на котором сидим. А никак иначе! Ляхи не сегодня завтра к Москве подойдут, обложат. Не

желает польский круль признать Михаила царём. И тут тоже без твоих дружков Гришки Отрепьева и Марины Мнишек не обошлось. Лжедмитрия прибили, сучке этой башку отрезали, а всё мало, теперь этот Владислав, польский их покровитель, на русский престол метит. Его ведь на него короновали даже. Так или нет? Что молчишь? Где помощь брать, чтоб от него отбиться? И Филарет, как назло, у поляков сидит, который год насильно держат, препятствуют освобождению, козни строят, больших денег — аманатов просят за освобождение. Везде деньги, деньги, деньги, а где их взять? У богатых бояр да именитых евреев только, да их перерезали, передушили ополченцы Минина и Пожарского, по окрестным лесам и весям вылавливаем. А сколько уходит на посольства в западных государствах! Одних сибирских соболей — тыщи, а толку — чуть. Везде отказывают, пнуть норовят, обмануть. Ничего-ничего, встанем на ноги, тогда посмотрим, кто посмеет в наш огород камень бросить. Ты, должно быть, слышал об этих делах?

— Каких, матушка? Насчёт посольств, то так и есть, слышан. О том даже простые люди глаголют. Мало хорошего.

— Что мало, то мало, правду люди глаголют. Послы у нас никуда, одни неприятности от них. Головы бы им порубать за службу такую.

Афанасий хорошо сведущ был о посольских вывертах. О них наперебой рассказывали не только в Первопрестольной, но и в Архангельске, даже до Мангазеи от иноземных купцов слух докатился о том, какие московские послы душечки, какие бессребреники, как легко расстаются с соболями, раздаривая их направо-налево. А уж как лихо по неделям не выходят из кабаков, шастают по гулящим девкам, пропивая, проматывая казённые деньги. В Гамбурге, например, Голица и Выргоз напильсь до чёртиков и покушались на честь знатной вековухи-англичанки. В Гааге Требецкой и Ратник, будучи в гостях у вельможи и державного казначея, пытались растлить безмерно вертящую аппетитным задом его дочь. Дело дошло до того, что в некоторых городах Европы, в Вене, в Варшаве, например, знатные женщины боялись выходить в свет без солидной охраны. Пьяные москвиты гонялись за женским полом, устраивали в уважаемых домах драки, охотились не только за знатными, но

и не брезговали проститутками, которых после потребления гоняли, глумясь и куражась, по улицам города. У австрийского императора, в конце концов, лопнуло терпение, и он приказал выставить «уважаемых» дипломатов за пределы государства. Дома дипломаты спесь поубавили, появились перед владычицей Марфой с опущенными головами, со слезами на глазах, с просьбой о помиловании. У Марфы тоже терпение, видать, лопнуло, никого не пощадила, головы не поотрывала, но лишила звания, сослала в захолустья. Крутая, как уже говорилось, правительница.

— Нам бы сначала шведов поприжать, потопить, что ли, кораблей несколько. Ну, не знаю, как ещё, — продолжила разговор о деле Марфа. Нравился ей своей прямоотой, простодушием воевода, вот и не скрывала от него, даже порой крамольные, свои мысли. — Англия обещала помочь против Швеции, её, что ли, привлечь? Только условия у англичан кабальные: тюленьи и китовые промыслы на Груманте уступить, беспощинный проход учинить по Оби, Иртышу в Индию и Китай через Бухару, а по Волге — в Персию. Кроме того, обеспечить охрану их караванов от вольнолюбивых казаков, что засели в астраханских плавнях. Казаки там совсем распоясались, грабят без зазрения совести купцов всех мастей. Бесчинствуют, несмотря на наши грозные приказы, ставленников наших гонят, дать бы им хорошенько по шее. Да, совсем обессилела Москва.

На Порту, на крымских татар тоже была надежда, думали, поддержат нас против поляков. Не вышло, Порта с Персией не вовремя начала войну. Единственно, персидский царь дал взаимы, да и то каплю, — продолжила тихим голосом как бы про себя Марфа, сама, однако, не спускала глаз с воеводы, глядя по выражению лица его приятие и неприятие дел государственных. — Владислав по осени овладел без боя Дорогобужем, Ванька Ададунов-предатель сдал крепость, а знать поголовно присягнула полякам. Видано ли, подлость какая. Предательство. Теперь наших ратников заставят с нашими же сражаться. Воевода Михаил Шеин, князь Георгий Трубецкой тоже злыдни, с врагами нашими душа в душу живут. Сколько их, перебежчиков. Отчего, почему на Руси такое, а? От своих бед терпим больше, чем от иноземцев. Владислав с их помощью уже

до Вязьмы дошёл. Ладно, ничего, дай время, дождутся и поляки, и предатели — всем припомним, — лицо Марфы по мере разговора становилось всё жёстче, голос твердел.

— Один переход — и они в Москве. Вместе с Владиславом иуда Игнатий идёт. Знаешь такого? Ещё Гришкой Отрепьевым в патриархи провозглашён, в мутной воде рыбку ловит, власть поиметь хочет. При тебе дело было, когда он патриарший посох принял. Чего молчишь?! — грозно глянула на Афанасия владычица.

— При мне, матушка, — ответил, не скрывая хотя и горькой для него правды, Афанасий и снова почувствовал, как почти замогильным холодом опахнуло его. — Я, матушка, знаю его давно и близко.

— Игнатий-то короновать Владислава на трон московский собрался. Мыслишь, с кем ты связывался? Так-то!.. Мы вынуждены были оставить Можайск, Борисов, люди за нами на Москву подались. Оставили богатые города на растерзание полякам и казачкам из Сечи и Дона. Гетман Конашевич тоже ирод, спит и видит, кого бы ограбить, почуял, где жареным запахло, быстро двадцать тысяч испытанных вояк привёл, чтоб разорить московские города и сёла. Только лютые морозы их остановили, а то вряд ли бы виделись мы с тобой. Мы-то не сидим сложа руки, не думай — ведём переговоры с Владиславом. Надо при нашей слабости как-то выворачиваться, хитрить, уступать. Может, договоримся, дай бог. В одном месте заткнёшь, в другом сыплется. Тут опять Господь посылает нам испытания, крымчаки зашевелились, разбирают засеки на Белгородско-Валуйском укреплении. Значит, весной жди в гости, нападут на Воронеж и другие южные города. А защититься нечем — значит, опять ищи деньги для выкупа детей и жён из рабства татарского. Деньги, деньги, везде деньги. Где взять их? Послали полк стрельцов на подмогу нашим заставам. Так разве это поможет? Не удержат. А больше нет, всё, что смогли, оторвали, — неожиданно, как-то затравленно и несколько даже обречённо посмотрела на воеводу матушка. — Одна надежда на позднюю и холодную весну — если не даст она травы для прожорливых лошадей крымчаков, тогда спасены. Спокойно только лишь у тебя в Сибири — на Востоке то бишь. После присяги Кучума тихо. Пока

только хорошо известно, что верность татарина зыбка и непостоянна, подл он до безобразия. В основном из ваших дальних краёв и ждём помощи: людьми, деньгами, пушниной, золотом, на вас надежда в первую очередь. Есть думы, что сейчас надо сделать для пополнения казны? Что можешь предложить?

— Есть кое-что. Вот самая, пожалуй, существенная. Корабли до Мангазеи туда-обратно ходят два лета. Если приложить руки, воспользоваться старым ямальским волоком, преобразовать его в канал, а не ходить по длинному пути, огибая остров Белый, можно оборачиваться всего в одно лето. Значит, увеличится оборот вдвое и казна пополнится вдвое. Кроме того, за использование канала другими купцами брать деньги, у кого нет — товар. Вот ещё выгода.

— Иноземные купцы не заартачатся, не начнут рогатки ставить?

— Куда они денутся? Купцы считать умеют, навар за версту чувят. За год обернуться или за два, дитю ясно, что выгодней, — рассудил воевода.

— Сколько может в этом случае дать твоя северная Сибирь? Вот тебе для сведения что раньше брали с Тобольска. При Иоанне Васильевиче по челобитным, из грамот выходит, что ясака и податей с Сибири брали до двадцати тыщ соболей, двух тыщ куниц, столько же почти лисиц. Через пятнадцать лет при Федоре Иоанновиче в первые годы его царствования в казну было доставлено уже двести тыщ соболей. В десять раз больше! Чувешь? Десять тыщ чернобурок, столько же куниц. А сколько Тобольск поставил в прошлом году? Ведомо тебе?

— Нет, матушка.

— То-то! — Марфа многозначительно подняла бровь. — Столько же, сколь при Иоанне Васильевиче. Смех. Почему? В чём дело?

— Я думаю, из-за разбоев, начиная с татар и инородцев в самой Сибири и кончая здешними на подступах к Москве, всякой швалью, бандами поляков, казаками. Дальше из-за того, что сами товару стали меньше на обмен возить, иноземным купцам торг отдали — им воля, а с нашей стороны — попустительство. Я что хочу: такой морской путь наладить, чтоб охрана кораблей была надёжная, чтоб заставы военные стояли на волоках, на каналах, на обзорных, далеко видных местах, тогда нам нипочём засады разбойные,

нас бояться как огня будут. Наш купец крылья расправит, без опаски товар повезёт, торговлю расширять начнёт.

— Тебе от того какая выгода, лично тебе? Все мангазейские барыши тебя минуют. Выходит, за Россию радеешь, воевода? — пытливо глянула матушка в глаза Афанасия. — Отрадно! Ну и что в итоге?

Афанасий помедлил, огладил бороду и начал:

— Я так смекаю, матушка, через год тыщ сорок от Архангельска с учётом Мангазеи получим, что вдвое больше, чем сейчас. Через два — вполне по силам ещё раз в два прибавить, ну а дальше на Енисей выйдем, там вообще нехожено, богатств уйма. Для этого и нужна державная помощь. Без государства тут никак. Тут и защита военная от разбоя, тут и помощь в строительстве морских судов, тут и потребность в обученных мореходах, кормщиках, товары нужны будут разные на обмен, на продажу, нужно будет оружие. Как ни странно, а сейчас берём товар из Новгорода, Пскова, а почему московских купцов не подключить? Хватит и иноземцам потакать. Обложить их настоящим налогом — пускай на нашу казну работают, чем на свою. На наших же землях промышляют, торгуют. Нашим купцам, наоборот, больше свободы дать, пускай богатеют, разворачиваются, казна от этого только выиграет.

— Ого, не думала, воевода, что ты так широко мыслишь, по-государственному. Что ж, всё в наших руках, всё, что ты сказал, вполне выполнимо. Тебе остаётся не сбиться с выбранного пути, блюсти интересы государя, он в свою очередь забудет твои прегрешения перед престолом. Понял ли, о чём я? О твоём прощении. — Марфа пытливо прищурила глаза.

— Понял, матушка. Век не забуду милости вашей.

— Что ещё? Говори, пока не передумала, дух государев переменчив. Что нужно сейчас именно, чтоб дело пошло?

— Высочайшего соизволения. Именного указа государя. Грамоты нужны мне и моим людям, что будут они по праву осваивать и править в сибирских землях. Порядок в Сибири установить должно, чтоб раз и навсегда, и поддерживать его всенепременно.

— Круто берёшь, воевода, а не надорвёшься,

осилишь? Не будешь потом в ногах валяться, прощения просить, что не справился, не рассчитал.

— В самый раз, матушка, — твёрдо и коротко ответил Афанасий. — К указу и грамотам уже в эту экспедицию надо обязательно присовокупить охрану из стрельцов, к ним — оружие, порох, снаряды, нужны будут люди работные, мастеровитые, нужны кормишки, мореходы. Вот, пожалуй, самое основное, без чего и дело затевать не стоит.

— Это понятно, это решаемо, а деньги что не просишь? — Матушка сплела руки на груди.

— Десятую часть прибыли прошу, матушка. Деньги не на ветер, не в карман, они пойдут на прокорм людей, на строительство кочей, других судов, на оружие, которое докупать придётся, ведь у государства нет. Вот, матушка, у меня ещё челобитная, взгляните — в ней всё расписано. — Афанасий достал из-за пазухи свёрнутый тугой свиток и с поклоном передал Марфе.

— После, после. Внимательно надо посмотреть, — с уважением и в то же время с недоверием глядя на Афанасия, положила Марфа свиток на стол. — Заранее сработал, предвидел ситуацию? Надеюсь, здесь всё обстоятельно и глубоко изложено так, как всё на деле станет. Надеюсь, без приписок, прикрас, — пытливо, из-под бровей глянула на Афанасия Марфа. — Ну-ну, а чтоб дело запустить, сколько серебра, злата надо, на словах, прямо сейчас можешь сказать?

— Сейчас, гм-гм, — зачесал голову Афанасий, не ожидал такой оборотистости от монахини, но испросил скромно, не стал пальцы загибать. — Сейчас надо только на дорогу до Архангельска. В Архангельске, при указе и грамотах на руках, сами добудем, если, конечно, лях Лисовский не разграбил город. Вряд ли он, конечно, туда сунется, город хорошо укреплён. На стенах пушки, стрельбы, пушкари хорошо обучены, стрелять, воевать умеют, по зубам враз дадут. Там я потрясу купцов, монахов соловецких — дадут, у них немало серебра, злата в загашниках. Убедим, заинтересуем, должны выгоду в освоении сибирских земель для себя увидеть, обязаны! И дадут. Новгородские мужи помогли в своё время Минину и Пожарскому, дали на освобождение Москвы, а здесь для той же Москвы, только для защиты и укрепления её стен.

— Ишь ты, куда махнул — Минину и Пожарскому, — хмыкнула Марфа. — Дали!.. Минин и Пожарский заставили дать, выгребли деньги у богатеев и купчишек. Ты не слыхал, что ли, как дело было?

— Нет, матушка, — с любопытством наострил уши Афанасий.

— Так и быть, расскажу. Хотя и так засиделась с тобой. Не по чину мне, да и без тебя дел невпроворот. Ну да ладно. В общем, когда собрали ополчение, то призадумались, как полковую казну Пожарского наполнить. Пошли к купцам, те зажались, клялись, что во время смуты у них все деньги выгребли. Пожарский сделал умный ход, послал стрельцов и арестовал жён, детей, почти всех зажиточных мирян, посадских и посадил. Опосля за деньги стал освобождать их. Перед продажей объявил, что если кто не явится для выкупа, то баб и детей разъединят и продадут туркам в Корфу. Понесли деньги как миленькие, у всех нашлись. Видишь, какую смекалку проявили Минин с Пожарским. Честь и хвала им обоим, — с гордостью сказала Марфа, чуть повысив голос. — Теперь ты о Лисовском расскажи, велико ли у него войско, настолько ли грозно, как пугают?

— Точно никому не известно. Он хитёр, разделил войско на три части, и те действуют по отдельности. Малым числом легче прокормиться на наших разоренных землях. Когда затевают большой набег, то по секретному сигналу собираются в кулак и нападают сообща. У него разбой чётко поставлен, в каждом городе, в каждой вотчине лазутчики, соглядатаи есть. Откуда ему, скажем, было знать о выходе нашего обоза. Мы это в строгом секрете держали. Он всё равно узнал, напал, хорошо, мы ожидали нападения, подготовились, дали отпор. А в прошлый раз мы ни ухом ни рылом, он и застал врасплох, напал и полностью разграбил, научил нас. Тогда, правда, о нём даже слухов ещё не было.

— Как мыслишь, есть ли его осведомители среди твоего приказа? — Марфа зорко глянула на Афанасия.

— Не знаю, но подозреваю, что есть. За дьяком одним присматриваем, но уж больно ловок, скользкий, как уж, всё время ускользает. В этот раз сотни две только конных напало, их собрать время надо, ясно, что заранее оповестил кто-то. Его дело, должно. Ничего, отбегается — высле-

дим, выловим. Тут главное, чтоб охрана была добрая, тогда никакие осведомители, лазутчики не страшны. Стрельцов обученных, боевитых больше надо, казачки — те для этого негожи. Они сегодня за меня саблями машут, а завтра меня ночью зарежут за врагов моих. И всё из-за корысти — жадный, коварный люд, сброд же в основном, беглые к ним идут, мазурики.

— Неужели сотни две напало, откуда столько? — усомнилась матушка. — Как отбился? Сила-то для простого обоза немалая.

— Предчувствие, матушка. Часть конных перед тем послали другой дорогой — лесными тропами, в обход с проводником. На двух санях у меня были упрятаны пушки, о них не только лазутчик, но и свои мало кто знал. При атаке конных мы пушки развернули и ударили по ним картечью, почти сразу треть войска вывалили. В стане врага началось смятение, разброд, кто назад побег, кто по инерции вперёд скачет. Тут наши конные подоспели, что с тыла в обход ушли, и ударили дружно в спину, взяли многих на пики, порубали саблями. Добро, люто побили разбойников, считай, половину из двухсот на тот свет отправили, до четверти в плен взяли. Лисовскому только с несколькими всадниками удалось уйти. Моих полегло всего девять человек, а могло быть намного больше, если бы не пушки. Господь Бог помог да ещё природа наша русская. Зимы-то у нас снежные, снегу по брови наваливает, наши конные налегке ходят, а у татей конница тяжёлая, неповоротливая, с нею легче справиться.

Марфа чуть помолчала и спросила:

— Куда пленных дел?

Афанасий обреченно развел руками:

— Приказал повесить, матушка. Вынужденно, их же охранять надо, перевоспитывать недосуг, я боялся, что Лисовский оправится и опять нападёт. Они в таком случае обузой будут, а при недосмотре помогать своим бросятся. В бою-то с них станется. Ничего, разбойникам за то неповадно, будут знать, что их ждёт за посягательство на чужое добро. Теперь они от злости зубами скрежещут, на меня зуб точат, изучили мои повадки, хитрости, поджидают, когда с новым обозом в Сибирь пойду. Потому-то, матушка, и прошу помощь людьми ратными, обученными военному делу, а ещё лучше в деле, в битвах побывавшими, стрельцов бы сотню хотя бы.

— Свои-то служивые плохо, что ли, обучены? Или за глаза, как шоша с ерошей, набраны?

— Почему?! Нет, они у меня битые, в боях с ляхами испытанные, только, говорю же, мало их. А враг, как уже сказывал, серьёзный и немалочисленный, не шайка, а войско.

— Мне ещё вот что сомнительно, неужели на тебя сам Лисовский напал? — продолжала своё Марфа, не отвечая на просьбу. — Может, ватага супостата Янки Баловня или Захария Заруцкого? Захарий-то люто, за брата своего Ваньку всех готов убить.

— Мне зачем выдумывать? Пленные его выдали. Я, кроме того, повадки его знаю, встречался с ним в Польше, в походе на Москву. В Киеве у князя Острожского на приёме также вместе с ним и Дмитрием были, — Афанасий чувствовал, что говорит лишнее, но при своей открытости — душе нарасташку, при своём простодушии не мог и не умел таиться, промолчать, когда требуется. — И тут при обозе в бою узнал я его, сошлись мы на саблях, но он ловчее меня, гад, оказался, достал клинком. Своих гикнул и ушёл. Догонять не стали — с оставшимися бы сладить.

— Сильно ранил?

— Кафтан рассёк и грудь слегка помял. Слава богу, броня отцова на мне, она защитила. А то бы лежать мне, матушка, в земле сырой, ушиб сильный был, долго болел.

— То-то вижу — бледный ты. — Матушка участливо покачала головой.

— Бог даст — затянется. На мне, как на котике. На морском, имею в виду, — усмехнулся Афанасий.

— Скажи, а Лисовский как атаман, как стратег силён ли? Что нам от него ждать?

— В военном деле он, что и говорить, весьма борзо способный и хитёр к тому же. Сам всеми видами оружия владеет, дерётся дай бог каждому. Не одного меня сумел, наших многих достал, — потупил Афанасий взгляд. — Люди его тоже хорошо обучены, в бою ловки. Он не просто разбойник: грамотен, расчётлив, боевит, с англичанами, австрияками дружит, корыстолюбив, версту за версту чует, не упустит.

— Вот как! Я была о нём худшего мнения. С такими способностями ему, пожалуй, и твой Архангельск по плечу. Смогут ли твои люди без тебя отстоять его?

— Должны, матушка. Там есть кому без меня отпор дать. Тот же сотник Поленов, славный воин, у него две сотни проверенных в боях стрельцов, двадцать пушек, местное воинство. В случае чего можно ополчение собрать. Лисовскому сейчас не с руки на Архангельск идти, ему выгоднее на Москву повернуть, Владиславу на подмогу. Владислав недалеко от нас уже шатры развернул. Вот где можно пожить. Он это чует и наверняка так поступит.

— Понятно, что за птица этот Лисовский. Теперь скажи, а как в Архангельске с хлебом? Хватает ли?

— Слава богу, есть хлеб. Всем хватает. Предвидели, что зимой туго будет, и ещё осенью прорвались наши обозы через шведские заслоны с большими запасами муки. Вот соли мало, солью тогда же нерасчётливо оплатили хлеб и муку.

— Понятно. Поможем солью, порох, людей, стрельцов тоже дадим. Ружей и пушек нет. Сейчас никак, сам видишь, что творится. Обложили Москву, обороняться нечем, кольями против ядер много не навоюешь, — тяжело вздохнула Марфа, с усилием поднялась, повела по-царски рукой к выходу, показывая, что свидание закончено.

Афанасий встал, хотел откланяться как велено, но Марфа остановила.

— Готовь обоз, воевода! — отчеканила твёрдо она. — Дело твоё важное. Успешным должно быть! В Москве зря не задерживайся, нечего твоим казачкам дебоши устраивать, своих забияк полно.

— Благодарствую за всё, матушка. Дай бог здоровья тебе, — в пояс поклонился Афанасий. Хотел сказать, что быстро из Москвы не получится, на одни сборы месяц без мала уйдёт, но увидел, как задумчиво потяжелел взгляд Марфы, промолчал. Понял, что не вконец, не совсем то есть, его она простила, ещё борется с сомнениями, наверняка думает: заковать или отпустить с миром воеводу? И решил, что лучше на данный момент обратиться подобру-поздорову и как можно быстрее.

— Запомни, воевода, я уделила тебе много времени только потому, что затеял ты большое дело — государственное, для России важное. Теперь ступай с богом, — промолвила она, не оборачиваясь, вслед Афанасию.

Изгнания, насильственный постриг в монахи, лишения, высылка любимого мужа в иночество, несправедливые гонения правителями, начиная с Бориса Годунова, заботы о молодом, но уже царствующем сыне, переложение его дел на свои плечи, незаслуженные упреки, подковёрные козни приближённых к трону людей закалили и в то же время ожесточили её характер, сделали непреклонной. Самое страшное, что пережила она — это пять лет жизни без сына, которого ещё совсем маленьким отобрали. Любовь к нему была безмерна, она едва сумела перемочь эту пытку. Заслуга её перед Отечеством огромна и состояла прежде всего в том, что она спасла его, будущего монарха, от клинков польских, не дала на развратное воспитание алчущей родне, тем самым сберегла его для исторически важных, праведных деяний.

Афанасий понимал: спасли его от справедливого наказания, от опалы, а может, даже заточения неподъёмные тяготы земли русской. Одно только то, что он был пособником Лжедмитрия, что сам лично подбивал казаков, разбойных людей в поход на Москву, довольно для плахи. Несмотря на это, воевода пошёл на встречу с Марфой-царицей, мог ведь затаиться где-нибудь в Сибири, но он все равно шёл, и не вину вымаливать. И даже не полководческие услуги, на данный момент очень востребованные, предлагать, а шёл с предложениями о росте величия России, о её могуществе за счёт сибирских земель. В подтверждение этому привёл обозы с товарами, с пушшиной, мехом, рыбой с тех земель, подати за два года с архангельских поморов, мирян, с соловецких монастырей. И в самое время привёз, казна государева опустошена войнами, не на что не только пушки, а даже порох купить, а враг, как выше говорилось, у стен Москвы костры жёг. Можно бы ему и пересидеть лихое время в Архангельске, в Мангазее, его бы и не обвинил никто, не до ушедшего в Сибирь воеводы царю-батюшке, врага бы отбить, Владислав бы похвалил только, он же всерьёз хотел сесть на московский престол.

«Для меня, — думал Афанасий, — вроде бы и Владислав неплох, имя «Тучков» ему известно, он за невмешательство и наградить мог, вотчину какую-нито во владение дать». При последней мысли его даже передёрнуло, он постарался по-

быстрее забыть её — крамольную. Не о том они мечтали с Дмитрием с юных лет, не о деньгах, не о положении, славе — они о России думали, о её величии, негодовали, осуждали Бориса Годунова за его бесхребетность, за ущербную для России политику. Это уже позже благие намерения благодаря советникам Дмитрия, его бездумной политике превратили их замыслы в злодейство.

С такими разными, непростыми мыслями покидал дворец Афанасий. Он забрал у жильца пояс с саблей, перетянул тегляий ремнём, набросил на плечи поданную прислужником волчью шубу, скомандовал громко и властно — так, чтоб все слышали, что царский двор к нему благоволит:

— Лошадей давай! Бегом!

— Уже ведут, воевода, — склонился в подобострастном поклоне всё тот же слуга.

— Крикни возницу! Где он запропастился, чёрт дери его!

Ни на кого не глядя, он быстро сошёл с крыльца, трижды перекрестился на купола собора Ивана Великого, сияющего сусальным золотом, коротко прошептал слова молитвы и грузно сел в кошёвку. Кони тут же круто взяли с места, повернули около хором матушки Марфы и понесли мимо дворцов, храмов, возле царь-пушки.

— Стой! — неожиданно приказал Афанасий.

Возница резко натянул вожжи, осадив захрипевших, набравших бег рысистых ездовых.

Тучков вылез из кошёвки, медленно подошёл к пушке, сотворённой знакомцем и умельцем мастеровым Андреем Чоховым, ласково погладил её холодный латунный лафет и проговорил с досадой:

— Не пойму, хоть убей, не пойму, почему у такого отменного мастера пушка всего один раз выстрелила. Выстрелила-то чем — прахом Дмитрия Иоанновича, растерзанного и сожжённого на костре. Может, потому и разорвало тебя — плата тебе, счёт божий за несправедливо казнённого. Эх, повернуть бы твоё жерло на запад да вдарить настоящими ядерными зарядами по польским супостатам.

Постоял, погоревал — вернулся в кошёвку и погнал дальше за стены Кремля, из Спасских ворот — на Красную площадь, мимо крепких, основательных подворий бояр, между простых построек, меж лавок, посередь московского базара, наполненного суетой, руганью, спора-

ми, острыми запахами, смехом, визгом и пронзительными вскриками зазывал.

Воевода не слышал всей этой кутерьмы, глубоко ушёл в себя, ещё и ещё раз проверяя, не упустил ли чего при встрече с Марфой, а сам наметанным глазом подмечал готовность москвитов к нападению Владислава. Находил, что неплохо, даже более того, по всему было видно, что достойно должны встретить врага. Он, конечно, не видел всего, всех сил, что для отпора собрал Михаил, но по количеству пушек и дозора на прилегающей к Красной площади стене Кремля мог сказать, что их вполне достаточно, хотя и плакалась царица Марфа. И даже здесь, за стенами Кремля, он то и дело встречал вооружённых до зубов стрельцов, ополченцев, казаков. Мимо шли и шли отряды, полки вооружённых людей, катили в Кремль набитые снадью, оружием обозы купцов, пастухи гнали на бойню ревущий скот, отары овец. Неожиданно из корчмы, едва не подмяв кошёвку, вывалилась дюжина пьяных в стельку, вооружённых кто чем казаков. И сразу, схватив друг дружку за грудки, начали выяснять отношения.

— На какие шиши пьют? — спросил себя воевода и сам же ответил. — На казённое жалованье, должно. Значит, и казна не только не пуста, но и дюже набита. Ох, и хитрая бестия эта инокиня, — похвалил и одновременно осудительно покачал головой воевода. По пути несколько раз их останавливали дозоры стрельцов, с подозрением смотрели на воеводу, укутанного необычно для Москвы — в редкую волчью шубу, мохнатую бобровую шапку, на тёмного лицом, скорее нерусского, возницу, но грамота о беспрепятственном продвижении по стране, выданная на такой случай инокиней, действовала безотказно.

2. Брат Бажен

Поздно к вечеру, когда уже начало смеркаться, подъехали к дому брата Бажена. Бажен, старший брат Афанасия, увидев братца живым и невредимым, едва не расплакался, выпучил от удивления глаза и, распахнув руки, пошёл на Афанасия.

— Афанасий, ты?! Господи боже мой, живой, здоровый! Мы уже глаза проглядели, ждавши тебя! — вымолвил он восхищённо и радостно.

— А кто же ещё, знамо, я, — улыбнулся широко Афанасий, любил он старшего как никого более в своей родне. Они встрялись посередине просторного двора, обнялись, троекратно по-русски расцеловались, хлопая друг дружку по плечам, спине, как бы понарошку. Однако хлопки были настолько увесисты и ощутимы, что братьев пошатывало и они едва удерживались на месте.

— Слух, что ты обоз привёл, давно до нас долетел, а тебя нет и нет. Только вот донесли, что велено тебе в Кремль явиться! Уж не к самому ли царю батюшке... Хотя, постой, его же нет в Москве... Не к инокине ли, не пред её ли строгие очи являлся?

— Угадал, в Кремль я по делам был зван.

— Неуж царь, приехавши, звал, у самого побывал?

— Да нет, не у него. Молод он ещё, неопытен, чтоб важные дела решать. У матушки Марфы был. Челобитную-то, помнишь, вместе писали, отправляли, а вызвали и доставили меня туда одного.

— Вона как!.. Провожу, что туго пришлось, слава богу, хоть живым выбрался. Как она, инокиня-то? Не зверствовала? — крикнул Бажен. Москвичи наслышаны о жестокости инокини.

— Никакой не зверь она, умная женщина, мудрая правительница. Болтают больше, язык-то без костей.

— Скажешь тоже. Она своих-то не жалеет, а чужих подавно. Родню — Салтыковых — и то удалила от трона, а приближённых, тех, кто был за Годунова, за Шуйских, всех — кого на плаху, кого в монастырь, а кого в Сибирь.

— Ну, Сибирью-то не меня пугать, — рассмеялся Афанасий. — Она для тех страшна, кто там не был, она для меня вторая родина. Места там давно знакомые, обжитые, — заговорил взволнованно. — Ты, конечно, Бажен, прав, рисковал я, на рожон лез. Меня ведь предупредили, что царь в отъезде, он молод, с ним без опаски, а матушка все мои грехи помнит, за них казнить могла запросто, но, видишь, не казнила — миловала, невредимым оставила, мало того — помощь обещала в нашем деле.

Получилось-то неожиданно. Нежданно на наши склады явился царский десятник Василий Кузьмин и спрашивает: «Где есть архангельский воевода Тучков? Здесь ли или умотал куда? Не

погиб ли в походах? Челобитную царю подал, а сам бог весть где шастает».

«Вот он я, воевода Тучков, весь перед тобой», — отвечаю, улыбаясь, я.

«Ты?! — набычился он. Строго, с прищуром глянул на меня и повелел: — Выходи из лабазов! В сани садись!» — и повёз, чёртов детина, меня без объяснений, без каких-либо лишних слов в Кремль, под охраной. Саблю перед хоромами Марфы забрали, я-то думал, к Михаилу ведут, а он, видишь ли, с матерью поменялся, сам в монастырь подался, а мать — в Кремль. Оно вышло, что так даже лучше, всё равно без неё никуда, она всем заправляет.

— Не совсем так, он и его окружение тоже много делают. Царь монастыри не зря обезжестит, силы собирает, к осаде готовится, чтобы дать достойный отпор Владиславу. Ну и как, чем дело кончилось? Главное-то — насчёт Мангазеи как? Скажи, не томи, не терпится мне.

— Порядок. Готовим обоз туда! Пойдём через Ярославль, Пермь, Архангельск в Холмогоры, как обычно, сушей, дальше — морем. Месяц сроку Марфа дала. Теперь уж на полных правах туда пойдём. Грамоты дадут, подписанные самим царём Михаилом Романовым, и другие необходимые бумаги. Матушка Марфа твёрдо обещала грамоты у него подписать и через десятника мне лично доставить.

— Не может быть! Неуж всё так удачно вышло? Нам и не снилось, мы на такое и не рассчитывали.

— Вышло, вышло. Можешь радоваться. Будет и канал на место волока на Ямале, будут и корабли, и оружие кой-какое, стрельцов, мореходов дадут. Будет доступней Мангазея, и не только она, но и более восточные провинции. Прирастать будет Московия северной Сибирью. У тебя само собой оборот возрастёт. Что нам с тобою ещё желать?! — воскликнул радостно Афанасий, обхватил старшего в замок, чуть присел и легко оторвал от пола.

— Уймись, окаянный, — покраснел от натуги, болтая в воздухе ногами, Бажен. — Вот медведь сибирский. Все ребра помял, ну и силища, откуда у тебя, от деда, что ли? Тот тоже кобыл жерёбых на плечах носил. Поставь, говорю, на место, недавно же на рану жаловался.

— Вот чёрт дери! — воскликнул, передёрнув

плечами, воевода и опустил брата на пол. — От радости забыл о ране-то. Давай-ка, братец, налей доброго звару, того, что у тебя в погребе, отменное вино у вас — терпкое, игривое. Не грех нам по такому случаю и выпить.

— Так ведь пост.

— Ничего, дело великое с места сдвинули, простит нам Господь такую малость. Мы опосля замолим свой грех, а?.. — толкнул он пальцем в бок Бажена и подмигнул озорно.

— Что с тобой сделаешь, уговорил. Но сначала — банька. Давно ждёт тебя. Должно, выстоялась. После неё в самый раз и звар, и медовуха, и вино, что душе мило — всё в яблочко.

Баньки в те времена топились ещё по-чёрному — дым уходил из печи не через трубу, а через прорубленное в потолке оконце, оставляя на потолке, на стенах чёрный (потому и «по-чёрному») слой сажи. Только Бажен не зря же сказал: «выстоялась». Это в его понятии значило, во-первых, баню зело добро протопили, дали время уйти угару — выстояться; во-вторых, перед тем как мыться, сенные девки под надзором обмели и протёрли сырыми тряпками, лапником пихты (для запаха) потолок, стены, пол же подмели вениками, а после поскоблили и помыли водицей колодезной.

Вот и сегодня, только зашли они в предбанник, как из парилки девка сенная выскочила почти голая, в одних подштанниках, распаренная, раскрасневшаяся, замерла от неожиданности и испугу, как кобылка необъезженная, перед мужиками, но быстро оправилась, глаза шальные, огромные, со смешинкой лукавой выкатили. Сама крутобёдрая, груди как яблоки зрелые, тугие, соком налитые, соски торчком, в стороны. Залилась двойной краской, Афанасия в упор рассматривая. Афанасий тоже на неё уставился, глаз оторвать не может. Она в кулак прыснула и вон за порог предбанника.

— Постой, Аглафера! — окликнул её Бажен. Она за дверь затаилась, высунула баское личико с глазами томными, зовущими в проём. — Чего испугалась-то, это брат мой Афанасий, из Сибири прибыл. Намёрзся там, погреться хочет. Как банька-то, готова ли? Парок есть?

— Готова, готова, Бажен Тихоныч. Усё на славу сроблено, банька, как никогда, протоплена, аж уши заворачиваются, потолок, стены, полы про-

мыты с пихтою, поскоблены, запах стоит ядрёный, густой, обалдеть можно.

— Молодец, коли так. Ты вот что... Ты, когда мы с братцем попаримся, приходи спину потереть, тело, кости промять, мышцы отбить. Ручки-то у тебя молодые, сильные, а вот ему ой как необходимо это сейчас. Отваров, настоев, мазей принеси, я знаю, ты умелица, у тебя в запасе всё есть. Ранен он сильно, рана-то беспокоит, не заживает. Если одной трудно, ещё кого-нибудь прихвати из девок-то.

— Поняла, Бажен Тихоныч, прийдём, принесём, — сказала, дверью хлопнула и скрылась.

— Добра девка! Где такую выкопал? — заинтересовался Афанасий.

— Где выкопал, там нет, — усмехнулся довольным Бажен — знал, чем порадовать брата. — Умелица, каких поискать. Всё умеет: и мыть, и врачевать, и петь, и плясать.

— И банька хороша, хорошо выпестовала. А запах-то, запах и правда колдовской, — потянул носом Афанасий, как только зашли в парилку. Толк в банях Афанасий знал, немало попарился на своём веку: и в сибирских бывал, и в банях средней полосы России, и в польских. Залез на полок, прогрелся слегка и крикнул вниз: — Ну-ка, поддай, братец!

И понеслось! Брат махнул ковшом — и с каменки ухнул столбом пар, расползся по парилке, добрался до полка, обхватил жарким широким обручем тело Афанасия, и тот ну себя охаживать веничками из запашистой берёзы с вплетёнными ветками можжевельника. Бажен поддал ещё и, легко вспрыгнув на полок, присоединился к Афанасию и сначала за него принялся, начал отоваривать братца со всех сторон: со спины, боков, ног, затем также с улюлюканьем и ором начал хлестать себя, тело своё не жалея, не милосердствуя. И так, по очереди поддавая парку и утюжа тело, парились они до тех пор, пока терпезу хватало, пока кожа не запросила пощады, пока волосы на голове от жары не затрещали. Выскочили из бани — и по снегу босые, голые — до проруби, что была недалече, за тыном, в водоёме, туда с головой по очереди — бултых, бултых! Вода ледяная, ожоговая, ухватила яички, скукожила, тело пошло пупырышками, побарахтались — и вон из проруби, и опять на полок, и опять ковш за ковшичком на каменку, согрева-

ясь, толкаясь, паря себя всласть, вволюшку и друг дружку охаживая веничками из дуба, крапивы, ясеня. Тут уж кто на что способен, кто как чужое тело обласкать научен: кто — «тихим шёпотом» — пар веничками нагоняя, около спины ими крутя, помахивая, пришлёпывая, а кто — Афанасий — ясное дело! — со всего плеча, с оттягом, с силою, с приговорками: «Баня парит, баня жарит, баня мощи придаёт». Нахлестались, нажарились вдосталь, до разжижения мозгов, вывалились, выкатились из парилки в предбанник обессиленные, расслабленные, хватили кваску по кружечке и развалились блаженно на широких лавках. Тут и санные девки подоспели, ядрёные, кровь с молоком, соком брызжущие, глаз не оторвать, руками не облапить, принялись, подхихкивая, подначивая, мылить, тереть мочалками, вехотками могучие тела братцев, затем смывать горячей вперемешку с холодной водой. Потом давай мять, тискать, тереть нежно, ласково и в то же время сильно работными пальчиками, прихлопывать ладонями, потом натирать их пахучими мазями, маслами. Старались всюю, с умением, с охотою наяривали так, что звон стоял, не впервой, видать, было им, знали отменно дело своё. Любили, видать, хозяйина, указы его с радостью, наперегонки исполняли. В общем, отделали славно мужиков так, что братья после таких услад, таких «мук», таких «измывательств» на седьмом небе оказались, словно бы пять — не меньше — лет скинули.

— Ну, будя, — промолвил сладко-утомлённым голосом Бажен. — Пойдём, Евдокия, стол накрывать. А ты, Аглафера, поработай, поработай ещё, поколдуй над ранами братца моего любимого, видишь — он весь в рубцах, ссадинах, нахватался в сечах, боях, сражениях, пока в Сибирь ходил, плавал.

Не успела дверь за Баженом закрыться, как Афанасий притянул девку к себе, она ловко, ужом вывернулась.

— Зачем так грубо-то, свет Афанасий Тихонович? Я хоть девка сенная, но не гулящая, ласку люблю, слова нежные, от души сердцем сказанные. Скажите, я хоть нравлюсь вам? — сначала возмущённо, потом с тем же шаловливым озорством пропела. Сама-то Аглафера с самого начала прониклась доверием, уважением к Афанасию, такого сильного, такого

настоящего мужчины у ней никогда не было. Не то что не было, а и не снился никогда. Она только в грёзах, в сладких мечтах грезила о таком, бывало и жаждала, а тут увидела настоящего, сотканного из упругих мышц, волевого и запольхала внутренним огнём так, что её, как магнитом, потянуло к Афанасию, пышущему здоровьем и удалью, какой-то неуёмной силой, необузданностью, исхлёстанного студёными ветрами, солёным морем, прожаренного тундровыми походами.

— Прости меня, голубушка. С голодухи я, девок век не видел. А к тебе с любовью настоящей, не обманной. Зря ты невесть что подумала. Как увидел тебя, так и воспытал. Дай хоть поцелую тебя, ненаглядная моя зазнобушка.

— Вот с этого и надо было начинать, а то хватать, лапать — на это и босяки способны. Нет уж, тепереча жди, пока прощу, — отвечала опять же озорно она, а сама губы подставляла.

И слились они в жарком поцелуе и так и не расплелись, обнимаясь, целуясь, милюясь, пока его не крикнули, пока не позвали к столу.

Напаренные, намытые, натёртые свежей, пряно пахнущей пихтой, ароматными маслами, мазями, в облаке пара, сели мужики за большой, метра три в длину, дубовый стол. Хозяйка, жена Бажена, несмотря на войну и ограниченные возможности, не поскупилась, наоборот, как могла, расстаралась, заставила стол различными напитками, ягодными соками, морсами, терпкими винами, зварами, медовухами, на разных травах настоянными. Еды, яств тоже немало набуравила: тут тебе рыбы различных сортов, тут тебе и овощи, фрукты, зелень, грибы, капуста, огурцы солёные, опять же пироги с рыбой, грибами, луком, яйцом, шаньги с творогом, другие кушанья, снадобья.

«Хлебосолен брат мой, — взглянув на стол, подумал Афанасий. — Мошна-то, поди, ополовинена, а не жалеет, вон как расхвастался, будто купец толстопузый, все остатки выгреб, знать. Нашёлся богач, посуда-то вон почти вся деревянная — ни серебра, ни олова. Надо помочь ему, пушной рухляди подкинуть. Так не возьмёт ведь. Горделив не в меру. К Ульяне подъехать придётся — женщина от подарков, подносов не откажется».

— Давайте, братцы, за хозяйку дома выпьем,

— поднялся грузно Афанасий. — За рачительную хозяйку, хлебосольную. Спасибо тебе, Ульяна, уважила, такой знатный стол собрала, что царю не срамно, — поднял высоко над головой он медный кубок.

Все, кто был за столом, последовали его примеру, дружно встали, так же дружно, не торопясь выпили, вытерли усы, бороды полотенцами и потянулись к закуси.

— Будет вам, Афанасий Тихонович, разве это стол, вот до войны столы накрывали так накрывали, — зарделась, стрельнув в Афанасия глазами, наполненными шенячьей тоской и нерастраченной любовью, Ульяна, подняла кубок вдвое поменьше, чем у Афанасия, и за себя вместе со всеми с вызовом выпила.

— Ладно, ладно краснеть-то. Всё славно, всё баско, — успокоил Ульяну, не заметив вызова, Афанасий, не уловив жаркий, наполненный страстью взгляд её.

— Давайте теперь уж и за хозяина выпьем, а то, не дай бог, возьмёт и обидится, — пошутил Афанасий. — За братца, за моего первого помощника. За дело наше, что мы с ним начали. Чтоб получилось оно, чтоб выгорело! — добавил уже серьёзно.

— Эх, хорошо у вас! — после продолжительного молчаливого застолья слово взял опять Афанасий. — Всё чудно, еды обильно, богато, вино на выбор отборное, сладкое, забористое, только вот музыки нет, песен не хватает. Позвала бы ты, Ульяна, девок, своих песенниц, уж больно сладко, душевно поют они.

— Это мы с охотою, это мы сейчас, — подхватила Ульяна, готовая шею сломать для исполнения малейшего желания деверя. И, верно, ждала и готовилась к такой просьбе. — Эй там, в сенях, девоньки, ну-ка выходите, покажите, что можете, на что способны.

На её зов в палату выплыли, как лебёдушки, девки в ярких, до полу сарафанах, причёсанные на прямой пробор, с косами русыми толстыми, длинными — до пят. С ними две приживалки — музыкантши — запевалки в кокошниках расписных с маленькими струнными гуслиями. Девки расселись на вынесенную за ними длинную лавку и руки на груди величаво сложили, головы в красных уборах-коронах вскинули, стан выгнули, грудями тугими воздух испарывая.

— Что тебе по сердцу, деверь мой Афанасьюшка? — спросила Ульяна.

— Давай что-нибудь щемящее, чтоб за душу брало, умиротворяло, уж больно жизнь нынче невесёлая, в тяготах, в мучениях. Война проклятая омрачила, испоганила всё.

— Есть у нас такая, мы не пели ещё, девки с улицы подобрали. Песня новая. Ты, поди, не слышал.

— Ну-ка, девки, давайте, покажите братцу, на что способны, спойте задушевненько, пожалостливее, — вмешался в разговор уже крепко набравшийся Бажен. — Я эту песню слышал от них. Трогательная, скажу тебе, братец, песня. Ты должен полюбить её. Ульяна, слышь, запевай сама, у тебя лучше получится. В песне этой царевна Ксения Годунова плачет. То не она, братец мой, плачет, а вся Русь слезами горькими обливается. Слушай и внемли!

Ульяна села среди приживалок, те положили на колени древние, потемневшие от времени гусли, пробежали живо пальчиками по тугим шелковистым струнам — и дом наполнился щемящей музыкой. Ульяна чуть запрокинула голову и завела первую строку, девки подхватили, и полилась завораживающе песня:

*Сплачется Ксения-царевна,
Борисова дочь Годунова:
«Ино Боже Спас милосердный,
За что наше царствие погибло,
За батюшкино, что ли, согрешение,
За матушкино, что ли, немоление?
Светлы вы наши, высокие хоромы,
Кому вами тепереча владети,
После нашего покойного княжения?»*

*Светлы убраны убрусы,
Берёзы ли вами крутити?
Светлы золотом ширинки,
Леса ли вами задарити?
Светлы яхонты камня,
Не сучьё ли вас задевати?
После славного нашего жития,
После батюшкиного преставления
Светлого князя Бориса Годунова.*

*Едет на Москву расстрига,
Хочет Москву взяти,*

*Меня, царевну, имати,
На Устюжну в монастырь отослати,
Меня, царевну, постричи,
За решётку в ад засадити.
Там мне горе горевати,
В тёмной келье тосковати,
Горьки слёзы лити, прозябати.*

Плакали женщины, плакал горькими слезами служивый казак Заварзин, первый войсковой Афанасия помощник, приглашённый к общему столу, слезами давился и подвыпивший Бажен. Афанасий тоже не удержался, опрокинул махом под конец песни кубок звара. Вспомнил воевода неземную красоту царевны Ксении. Горькую судьбу её — Ксении, заложницы Устюжьего монастыря, вспомнил её чёрные длинные, растрёпанные волосы, её дрожание, с просвечивающей кожей руки, протянутые к нему, её душераздирающий крик не из гортани даже, а из окровавленной души, из раненого сердца:

— Убей меня, Афанасьюшка! — слёзно кричала она. — Не могу больше жить. Смерти прошу, ако милости. Господи, помоги подвинуть на то воеводу, дай силы ему. Возьми мою душу грешную, прими на благодать мне, себе на милость.

— Ты что, сдурела?! — одёрнул её тогда Афанасий.

— Я сдурела? — возмутилась она и забилась в истерику. — Это люди, окружающие меня, сдурели. Посмотри, что вокруг делается. Изверги! Хриstopродавцы! Убей меня, Христом Богом прошу, убей. Не просила бы, руки наложить сама на себя не могу, — молила она, протягивая руки, и ползла к нему на коленках.

— Сгинь, уйди, ведьма! — оттолкнул её от себя Афанасий и выскочил из темницы в полном смятении.

Мог ведь и убить, чего, собственно, и добивалась Ксения. Такое время было тогда — лихое, лютое. Спасибо, рука не поднялась на женщину — молодую девицу-красавицу. Мелькнула мысль помочь ей бежать и самому вместе с ней уйти от Дмитрия, словно в омут с головой броситься, но остановило что-то, какое-то, может, провидение, нет, не любовь к ней, Ксении, а жалость. Не ровня он ей по иерархической лестнице. Сейчас, по прошествии ряда лет, он

судил себя за то, что не оградил её от Дмитрия, что не помог Ксении бежать. Говорили же Афанасию, что Дмитрий изнасиловал её, не верил людям, думал, наговаривают.

— Где она ныне? — спросил сам себя он, ни к кому, собственно, не обращаясь, но из-за переживаний получилось неожиданно громко.

— В монастыре она, здесь, под Москвой, — ответила Ульяна и грустно добавила: — Свои и чужие грехи замаливает.

— Видать, род у них такой — то страдают, грехи замаливают, то свирепствуют, казнят, насилуют. Дед её Малюта Скуратов столько зла сотворил, что до пятого колена не отмоются. Иоанн Грозный и сам убивец, дал воли ему — потешился, поизмывался Малюта над людьми, попил кровушки вдосталь. По Москве погулял с собачьими головами, пожёг, побил бояр, — произнёс осуждающе Бажен. — Его как никого другого долго будут проклинять на Руси, плевать на могилу.

— Ладно, други, хватит о них, о всех вместе взятых, — остановил неприятный разговор Афанасий. — Лучше спойте, девки, ещё что-нибудь этакое весёлое. Развеселите, успокойте душу. Я не забуду, отблагодарю. Очень уж у вас славно выходит.

3. Сборы

Весь месяц Тучков мотался по стольному В граду, от приказа к приказу, от ямского подворья до торговых рядов, от лабазов к лавкам. Всюду надо было побывать и поспеть: и обоз снарядить, и людей подобрать стоящих, чтоб один к одному — мастеровитые, дельные, боевитые, и об охране обоза, то есть о служивых людях, позаботиться. Обоз на этот раз большой получался, своих-то людей проверенных не хватало. Царица слово сдержала — дала сотню стрельцов, а что сотня, когда шайки разбойников во много больше. И об этой сотне, и о самим набранных тоже надо озаботиться, и вооружить полностью, харчеванием обеспечить, и корма для лошадей с резервом запасти. Деревни-то, что по пути к Архангельску, все разорены — одни головёшки да трубы от печей. Всё погубила, выжгла разбойничья саранча из Польши, Литвы и свои тати,

ушкуйники. Не только сами деревни разорили, но и мужей, жён, детей в полон увели, мужиков обычно на галеры, девок — в гаремы на утеху ханам, баям и прочей тьмутаракани.

В Пушкарском приказе выдали, не скупясь, пороху для пушек, пищалей и иноземных пистолей, не дали только пуль для ружей и ядер для пушек. Сказали: «Нет! Сам ищи!»

— Камни вместо ядер собирай, — посоветовал один знахарь-подьячий. — Чего глаза вылупил, впервой, что ли? По стволу покатай, если не застрянет, то и шмаляй ими. Только пыжуй ствол плотнее — и всё пойдёт.

«Тебе тот пыж в зад вбить!» — хотел отблагодарить за совет подьячего Афанасий, да передумал, уж больно много зависело от этого советчика — распорядителя оружейного склада, скорее, наоборот, у него в ногах валяться. И горячился Афанасий зря, не совсем не прав подьячий, бывало уже такое, заменяли ядра на камни, правда, не так уж хорошо выходило, но всё-таки отбивались ими от осаждающих стены противников. Правду говорят: когда прижмёт — и на раскалённую плиту голым задом сядешь, не на такое пойдёшь. Тем паче при теперешнем осадном положении Москвы Афанасий и сам не отдал бы ядра железные, в первую очередь для обороны столицы необходимые. Зато другое провернуть сумел, смог внушить несговорчивому служащему, что на море без пистолей никуда. Они действительно хороши были в плотном бою с вооружёнными до зубов пиратами, с другими разбойными людьми, а пистолей у подьячего на складе достаточно оказалось. Покряхтел, побурчал казённый муж, но лишних полста штук выдал. Сказал при этом, что шотландцы, которые нашему царю служат, эти пистоли больше мамки родной ценят, за ними только и гоняются, то и дело спрашивают: «Не привёз?» Афанасий любовно повертел в руках оружие, прикинул мушку к глазу и пожалел, что пистоля при себе не было, когда из Архангельска в Москву добирался. Вряд ли ушёл от него тогда бы Лисовский, и бронь не помогла бы.

«Ничего, ещё свидимся, — подумал с нетерпением он. — Захочешь ведь со мной за уничиженный отряд посчитаться. Вот тогда и заговорят пистоли».

В Ямском приказе подобрал лошадей, заменил слабых, болезненных на сильных, здоровых. Там же овсом про запас разжился. В Земской же приказ не хотел, а пришлось срочно бежать, не ко времени разбираться. Его казачки передрались с людьми князя Оболенского, были наказаны плетями и брошены в холодную. Пришлось пообещать вратарю-охраннику пять соболей, чтоб выпустили драчунов, правда, при этом батогов им ещё добавили, чему Афанасий не перечил, наоборот, способствовал. Потом сам тем, кто улизнуть не успел, добавил, а рука у Афанасия тяжёлая, под неё лучше не попадать. Словом, хватало у воеводы хлопот, забот, но дела эти были в основном приятные, необходимые. Работа спорилась, на месте не стояла, что радовало, на удачу настраивало. Между делом помогал Бажену снимать копии (их называли тогда списки) с важных документов, грамот. Работал вечерами, спал мало, надо было оригиналы тут же (на один день, как правило, давали) возвращать. Брат Бажен однажды расстарался, достал лист исписанной бумаги, протянул Афанасию, заговорщицки сказал:

— Посмотри, не пригодится ли тебе это в дальней стороне? Коль сгодится, то перепиши, я на один день и то еле-еле выпросил.

— Интересно, что тут, — развернул Афанасий свиток из доброкачественной бумаги и с любопытством вчитался в текст.

— Почитай, почитай. Зело угодная бумага, — подлил масла в огонь Бажен.

«Во имя отца и сына и святого духа Утверждённая Грамота, — прочёл вслух Афанасий. — Великого Всероссийского Собора (Церковного и Земского) 7121 год.

Послал Господь свой Святый Дух в сердца всех православных христиан Земли нашей, яко едиными усты вопияху, что бытии Царём и Самодержавцем Тебе Великому Государю Михаилу Фёдоровичу Романову. Целовали все животворный крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, Богом избранного и Богом возлюбленного, и за их Царские дети, которых им, Государям, впредь Бог даст быть, головы свои и души положить и служить им, Государям нашим, верою и правдою, умом и сердцем. Кто ибо не похощет послушати сего Соборного Уложения, начнёт глаголетии ино, молву в

людях чинити, то таковой, аще от священного чину, аще от бояр царских, аще от воинских или кто от простого люда, в каком чину ни буди, по священным правилам Святого Апостола и Вселенских седми Соборов святых Отцов, то по Соборному Уложению извержен будет и от Церкви Божьей отлучён, и от Святых Христовых тайн приобщения. Будет признан яко раскольник Церкви Божьей и всего православного христианства, яко мятежник и разоритель Закону Божьему, а по Царским Законам месть восприемлет. От всего Священного Собора не будет на нём благословения от ныне и до века. Да будет твёрдо и нерушимо в предыдущие лета, в роды и роды и не прейдёт не единая глаголица от написанного в Утверждённой Грамоте...»

Афанасий долго, сидя за столом, читал и перечитывал написанное. По всему выходило: Собор навсегда положил к ногам Романовых Россию. Значит, конец самозванцам, людям осточертели всякого рода смуты, раздрави, войны, хотелось мира на земле. Собор прямо указывал, даже грозил всем смутьянам и отступникам божьим гневом, отречением от Церкви, от тайн приобщения.

— Я не один вечер просидел над этой грамотой, никак в толк не мог взять некоторые главы, — сказал Бажен и открыл заранее приготовленную для разговора Библию. — В ней именно царскую власть подразумевает апостол Павел под «удерживающим» явлением Антихриста. Читаю его слова: «И ныне вы знаете, — пишет он в послании сулуныянам о пришествии Сатаны погубели, — что удерживает его явиться в своё время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды корень, удерживающей её теперь». А ведь это почти дословно о нашем Михаиле Романове пишется.

— Ты прав, Бажен. Я тоже в этом искал смысл и тоже был ошарашен, когда дошёл до него. Выходит, властью божьей через собор Романовы будут сдерживать приход Антихриста.

— Истинно глаголешь, брат.

— А если Романовы не смогут власть удержать? — осторожно, с опаской спросил Афанасий.

— Тогда опять конец, придёт ко власти князь Тьмы. Так сказано в Библии, — удручённо отве-

тил Бажен. — На всё воля божья. Будем молиться о спасении душ людских, царя, своих душ и детей наших. Нам ли, православным, бояться конца света. Помнишь пояснения блаженного праведника Феофилакта?

— Нет, напомни, что за пояснения.

— Он предвещает: когда только будет взято Римское государство, тогда только придёт Антихрист. И только когда оно будет разрушено до основания, тогда воцарится безначалие и Антихрист будет стараться похоронить человеческую и божественную власть. Вспомни, наш Государь Иоанн Васильевич, надевая шапку Мономаха и садясь на престол, назвал Московию Третьим Римом, второй Византией, значит, наше разрушение имел праведник в виду.

— Подобные чаяния Антихриста подтверждает и еврейский талмуд «...В опустошении Рима — наша погибель», — согласился Афанасий. — В нём только не объясняется, какого Рима. Если третьего... Тогда точно нам нести крест, на нас пал божественный выбор.

— И нести до конца.

— Аминь на том.

— Скажи, когда ты успел прочесть иудейские книги? — удивился после разбора пояснений Бажен. — Зачем тебе, православному, книги еретиков? Опасно же. Доиграешься.

— Когда-то давно ещё был у меня товарищ из иноземцев, звали его Томас Лесли. Много земель прошёл он, многое повидал, искал во всех религиях, верах истину, нигде не нашёл, кроме православия. Он говорил, что Рим погиб ещё тогда, когда папская власть в нём осела. В Пантеоне римских богов было одно очень скромное имя, Ватикан, он отвечал за первый крик младенца. Теперь это имя присвоило государство, которым правит Папа Римский. Ещё Блаженный Августин говорил, что античные боги были в своё время людьми, прославившимися своими деяниями. «Будьте как боги», — древний соблазн искушителя. Он прельщал человека славой, властью, силой, деяниями. Демон же в переводе с греческого не что иное, как знание, вся суть — какое знание. Демоны со своими знаниями Тьмы и разврата к нам кинулись, в православие.

Пока мы в вере сильны, страшен ли нам Князь Тьмы, я думаю, вряд ли, как бы того ни хотелось иезуитам. Они спят и видят Москву уделом Сата-

ны. Я их замыслы хорошо знаю, сам по темноте своей когда-то приложил руку к этому, хотел, чтоб католики стали строить ватиканские капича на русской православной земле. Нет мне прощения за это, — скрежетнул зубами от злости к самому себе Афанасий.

— Остынь, брат. Успокойся, хватит мучить себя горькими мыслями. Сколькo воды утекло. Ты давно прозрел.

— Ах, Бажен, Бажен, сердце-то всё равно кровотоцит. Как вспомню, что сотворил — Дмитрия привёл на Москву. Слыхано ли!..

— Он бы и без тебя пришёл. О чём ты?! Ладно, что было, то былём поросло, назад не вернёшь. Лучше сотвори молитву и ложись спать. Утро вечера мудренее.

К концу февраля, как и намечали, санный поезд, загружённый под завязку товаром, тронулся в Архангельск. Пошли от торговых рядов Красной площади, дальше — по Сретенке, через крепостные ворота, за ними — на накатанный зимник и вперёд, на рысах — только дрогнула дорога. Впереди гарцевали казаки, горяча лошадей перед встречными, особенно перед молодками, разгоняя обозы, сани диким свистом, щёлканьем нагаек, звериным храпом уросливых коней. Встречные люди, обозы либо шарохались на обочину, в сугробы, увёртываясь от коней, из-под нагаек, либо задиристо не уступали дорогу. Их тут же окружали казаки, заталкивали лошаадьми в снег, загоняли со свистом, смехом, улюлюканьем по самые ноздри.

Впереди ехал лихой десятник Заварзин со стягом и полотнищем Николая Угодника, чтобы все видели, что идёт государев поезд под знаменем приближенного к царю воеводы архангельского. Обоз действительно большущий вышел, таких Афанасий не отправлял ещё. Почти двести гружёных саней, это только своих, кроме того, ещё обозы московских и иных купцов, напросившихся в попутчики, и саней простых людей — крестьян из вологодских, ярославских, архангельских земель. Вестимо, под охраной путь гораздо надёжней и безопасней. Тучков брал их на свой страх и риск, знал, что в случае нападения от неопытных, не нюхавших лиха людишек одна маета: тут и паника, тут и сумятица, бегство, словом, помощь врагу, поражению. С другой стороны, чем больше торговых людей идёт в Сибирь,

тем Сибири лучше, тем больше богатого народа на Руси, а в итоге — богаче государство. И город Архангельск, до которого шёл санный поезд, тоже имел немалую выгоду, поскольку и ему везли часть товаров и продуктов. Как же иначе, это же его город, Афанасия, он же, а не кто иной, был в нём воеводою. Ему развивать, ему оборонять его.

Дорога не ближняя — не менее полторы тысячи вёрст, с днями до обидного короткими, метельными и главное — небезопасными. Преодолеть её без потерь — дело нештучное, дней сорок, а то и более даже при хорошем раскладе требуется. За сорок дней всё может произойти, всё надо постараться предусмотреть. Два с лишним дня Афанасий сидел, на бумаге подсчитывал, записывал: это взять, то не забыть, это добрать, это докупить, то прихватить. Основное: до Ярославля добраться — леса сплошь, то и дело засаду жди. Идёшь с предосторожностями, с оглядкой, разведку впереди гонишь, потому долго: дней пятнадцать — двадцать уйдёт. Дальше легче будет, пойдут более-менее открытые места — спрятаться, засаду устроить татам непросто. К Вологде — не только открытые, но и пустынные места пойдут, деревень, сёл наперечёт, переночевать негде, при хорошей луне можно идти и ночью, а без луны можно и при факелах, поэтому путь преодолевается быстро, всего за четыре-пять дней. От Вологды до бухты Святого Николая дней десяток уйдёт, там уж совсем никого — ни селений, ни встречных-поперечных, дикий, неосвоенный край. От бухты до Архангельска — совсем недалеко, пара-тройка дней и на месте.

Сам Афанасий на этот раз не пошёл с обозом, вынужденно задержался, за суматохой дел забыл про обещанное Ульяне, жене Бажена, и её девкам-певицам, свою возлюбленную не забыть. Слово дал — надо выполнять, без решения оно никак нельзя. Оставив с собою с десяток казаков, Корнею же повелел проводить обоз по всей форме и красе за окраины Москвы, а вечером вернуться к брату Бажену. Сам с Игнашкой поехал на Красную площадь, в торговые ряды, присмотреть каких-либо безделиц, подарков для женского пола, а заодно поглядеть, чем торгует Москва. Пока ходил, толкался, приценивался, на него глаз положил муж один чернявый, нос горбатый, явно не славянского происхождения. Выделялся сей людина своей курчавой чёрной

бородой и буйным до плеч волосом, пробитым седьми прядями. Словом, был весьма приметной личностью. Афанасий сначала подумал: «Может, иудей это, живёт здесь, в Москве. Что тут делает, если торговлю не ведёт. Сцапают ещё». Дело в том, что иудеям жить в то время постоянно в Москве запрещалось. Хотя к купцам иудейским, приезжающим в Москву торговать, власти относились снисходительно. «Торгуй, но если кто посягнёт на тебя, на твоё добро, то сам себя и защищай», — милостиво разрешали они. Разборками, связанными с грабежами еврейского имущества, караванами земские приказы не занимались. Иначе говоря: «Рискуй, жид пархатый, а нас не тревожь, не стоишь ты того, чтоб время на защиту тебя, твоего барахла тратили». Выходило, что жида мог обидеть каждый встречный-поперечный.

Незнакомец несколько раз как бы невзначай появлялся перед Афанасием, а когда тот загляделся на красочный моток ниток для золотшвейных дел, на парчу, то стал рядом и посоветовал присмотреться к парче серебристого цвета, которая продаётся недалеко, всего лишь во втором ряду. Афанасий зорко вцепился оком в его лукавое лицо, хмыкнул, но пошёл за евреем. Материя во втором ряду действительно оказалась лучше осмотренных и, на удивление, дешевле. Афанасий поднял отрез, подкинул, пощупал ткань, помял, прочувствовав его увесистость, и бросил на руки следовавшему за ним по пятам Игнашке.

— Ещё чего желает боярин? У нас всего полно, всё самое лучшее, — подсунулся с другого бока жид.

Тучков уже более пристально смерил его оценивающим взглядом, рассмотрел ярко-золотистый бухарский халат под богатой из горностающей шубой, корсачью шапку с охвостьем, спадающим на левое плечо. «Не столько иудей, сколько бессермен с земель полуденных, — подумал воевода. — Только они, бессермены — басурманы, так чисто говорят по-русски».

— У тебя других дел нет, как возле меня виться? — вслух ругнулся он, строго глядя в юркие глаза бессермена.

— Обижаете, боярин. У купца дел всегда невпороворот, — хихикнул тот и тут же прикрыл ладошкой рот, понял, видать, что лишку хватил, и

продолжил уже серьёзным тоном. — Вижу, боярину вещи хорошие, чтоб на загляденье были, требуются, может, прикидываю, мне удача улыбнётся, мой товар боярин выберет.

— Слушай, как тебя, бессермен ты иудейский или чистый иудей, с чего ты взял, что я боярин? — прервал его красноречие Тучков. Помедлил, подумал, есть ли смысл раскрывать себя, решил, что и без того, поди, знают, ушлый же народец иудеи эти, и отчеканил: — Я воевода. Ясно тебе?! А ты кто на самом деле, должно, всё-таки бессермен, уж очень кручён, так и вьёшься, так и наби-ваешься. Чего хочешь, говори! Ну!

— Хочу, чтоб товар посмотрели, оценили.

— Что ж, давай глянем на твой товар, только смотри, чтоб без обмана и чтоб лицом в грязь не ударил, а то живо башку снесу.

— У меня товар ходовой, не замухрыжный, у меня его полно. У меня всё, что захочешь, что душе угодно, — запел зазывно, громко торговец. — Есть товары бухарские, есть шелка китайские, есть персидские халаты, есть кыргызский войлок, плётки есть, к ним рукоятки из карагача, нагайки есть, нагайки с вплетёнными свинцовыми пулями, есть арканы каракалпацкие, есть волосняные, жемчуга есть, золотые украшения и прочая, прочая мишура и дребедень.

— Так, понятно, кончай на уши дуть, где всё это — не вижу!

— Не здесь, в жемчужном ряду, восьмом с краю. Идём. Сюда, сюда, воевода, за мной, — нырнул в проход, помахая руками, купец, указывая путь. Шустро, пронырливо засеменял впереди. Место для торговли бессермен действительно выбрал с умом, знал в этом толк. От суетной толпы его отсекал поперечный ряд, зато те покупатели, которые проходили к нему, уже были отрезаны и хотели не хотели, а должны были настраивать себя на серьёзный просмотр товара, а там и покупки, а не для того, чтобы просто поглазеть, время убить и свалить. Самым торгом лихо заправляла пара шустрых молодцов-лавочников. Сам же купец продолжал, обрабатывая Тучкова, лить воду на мельницу, разливаясь перед воеводой соловьём:

— Славный ухватили мы неонечь жемчуг, господин воевода. Ох и горяч, ох и искрист, ох и переливчат! Кафимский, турмужеский, из Персии, из Отомании. Жёнки, девки без ума от него. Как

складен и пригож он для расписной вышивки, как удобен в деле для бус, ожерелий и прочих безделиц. Ничуть не уступит российскому, что с Севера, с Ильмень-озера или что с града Киева. Есть и другой, что с Кеми, тоже хорош, тоже игрист, тоже переливчат, но не продаётся, поедет со мной в Бухару. Там толк в жемчугах знают, с руками оторвут, но для тебя, воевода, могу уступку сделать, продать, коль захочешь.

— Больно ты заливать мастак, как я посмотрю, у тебя у одного, что ли, такой жемчуг?! У нас в Архангельске, на Варзуге-речке не хуже твоего есть, — неожиданно для себя выдал потаённое место приобретения жемчуга оптом Афанасий, раззадорил проклятый бессермен его, чёрт за язык и дёрнул.

— Да неуж?! — округлил глаза пронира купец. — Не слышал я про Варзугу. Много там жемчуга, что за места?

— Как же так, эх ты, а ещё бессермен. Известные же промыслы. Простые крестьяне и то скребут там жемчуг кошёлками и продают монахам, а те поставляют в женские монастыри монашкам для рукоделия, а также иконописцам в ризы, в иконы, — растолковал ему Афанасий. — Жемчуг с Варгузы хорош своей чистотой, нисколько ни твоему, ни морскому, что с Прибалтики, не уступит.

— Зато в тёплых морях, откуда мой, жемчужницы растут быстрее и размеров достигают чуть ли не с птичье яйцо.

— Что верно, то верно, ты пояснять поясняй, но и товар показывай. Мне базарить тут особо некогда. Пожалуй, возьму у тебя вот этих кафимских и турмужеских. Смотри мне, если уличу в подмене или изъян какой обнаружу, то тебе, бессерменская твоя рожа, плетей не миновать, твоими же кыргызскими камчами отвозят так, что и дорогу сюда забудешь, — повторно для острастки пригрозил Тучков и улыбнулся так, что у торговца мурашки по спине побегли.

— Что ты, что ты, господин воевода, — замалхал тот руками. — Никак не можно. Я не дурак, чтоб крупных покупателей терять. Вы же не последний раз ко мне... И я не первый год в деле. В Москве хочу по-настоящему сесть, дело своё ставить.

— Ну-ну, знаю я вас, не раз обманут за чрезмерное доверие. Ладно, проехали. Пошли дальше,

покажи-ка мне войлок и арканы. Да-да, и волосяные, и пеньковые. Нет, волосяные, пожалуй, лучше, их и возьму. Как сам-то мнишь?

— Известное дело — волос дольше служит.

— Теперь вот что, ковры покажи, что потолще, поворсистей и с ценой некусачей. Их не в термах будем стелить, а в юртах, чумах, беру для подарков и на обмен. И давай пошевеливайся, тороплюсь зараз. Давай побрякушки вот эти женские, серьги, бусы, бижутерию, да не по одной-две давай, а кучками.

Товару набралось так много, что у купца пришлось ещё сани просить. В своих уже места не было, как плотно ни укладывали, ни вминали — всё равно не влезало. Под конец бессермен проговорился, зачем перед воеводой стелился, бегал по пятам зачем.

— Ты воевода, — сказал он, — человек с Севера, с Сибири, знаю я, знаю, не округляй глаза. Так не забудь мой ряд, когда что-либо ценное, выгодное там объявится, кликни, дай знать через посыльных. Я отблагодарю, в долгу не останусь. Сибирь, я знаю, земля богатая.

— Не забуду. Только не скоро я там буду. В Москве дел ещё много, да и путь длинный. В следующем году, скорей всего.

— Ничего, я подожду, мы, евреи, терпеливые, своего часа не упустим, дождёмся. Может, дело какое торговое подвернётся, известите попутной весточкой, господин воевода. Война к концу идёт, торговле большой ход, значит, будет, расцвет маячит. Я хочу шелками вплотную заняться. Шёлк — товар лёгкий, при перевозке много места не занимает, потому прибыльный. Я думаю его поставлять из Азии в Европу, в Сибирь, в частности, на твой Север по великим сибирским рекам — Иртышу, Оби вплоть до Обдорска.

— Вон куда махнул, — усмехнувшись, пробасил Афанасий, — пронира и есть пронира. Сложный это путь, но стоит того, чтобы попробовать. С Обдорска и до Мангазеи, куда я северными морями хожу, недалеко. Можно идти и по воде по Обской и Тазовской губе, а зимой нартный путь есть — оленями. Я этот путь из Азии в Сибирь и на наш Север, о котором ты заикнулся, сам хотел испробовать, да мне бы своей морской из Москвы до Мангазеи успеть наладить. А шёлк — что говорить — товар ценный. Не зря же в старину шёлковые пути были. Ну, что ещё у тебя? Вижу —

мнёшься, не всё сказал, а то мне пора. Будешь надобен — отыщу.

— Погодь, воевода, осади. Есть ещё одно, очень для тебя важное. Надо его по секрету молвить. Зайди сюда, подале от глаз людских, — приоткрыл он полог — вход внутрь лавки.

— Чего надумал ещё, вот бессермен?! — недовольно проворчал Афанасий и, склонившись, осторожно сделал шаг в темноту. — Чтоб тебя черти драли! Хоть глаз выколи. Чего тебе ещё?

— Не хотел сразу-то при людях говорить, воевода. Зачем мне лишние заботы, но вижу, человек ты хороший, людей ценишь, поэтому решил как на духу. В общем, человек за тобой ходит, чую, неладное затевает.

— Кто, где? — резко, всматриваясь по сторонам, крутанул головой Афанасий. — Почему сам не видел? — ещё раз встрепенулся он и пытливо уставился в лицо еврея, слабо освещённое свечой.

— Я не приглядывался, но, видать, ловок и опытен соглядатай тот, на глаза не лезет. Вот и сейчас, как я его только засёк, сразу улизнул.

— Какой он, что за морда? Запомнил?

— Издали-то не разглядишь, видно, что высокий, не простого сословия, в шапке монашеской, волосы длинные, в зипуне.

— И всё?

— Всё. Да по масти он светлый, скорее ваш — северный.

— Евон что. Не ожидал, хотя почему не ожидал, вполне может стать. Ладно, спасибо тебе. Звать-то тебя как?

— Иосиф, — улыбнувшись, сверкнул черными глазами еврей.

— Учтём, зачтём тебе, Иосиф, — закончил с намёком Афанасий. Сел в сани и помчал к дому брата Бажена.

Вечером перед расставанием Бажен опять затащил его в баню. Афанасий согласился — баню-то он, как настоящий русский, любил крепко, истово, перед дальней дорогой тем более надо было помыться, попариться — когда ещё представится, но больше-то для того шёл в неё, чтобы опять увидеть ту ладную девицу — красавицу Аглаферу свою. Уж больно она по нраву пришлась ему: сочна, баска, смела, озорна. Перед дальней разлукой больше всего на свете и хотелось обнять её, прижать к серд-

цу. Уходил-то не на один день — на полгода, дорога опасная, могло всякое случиться, мог и вообще не вернуться — лечь на поле брани с пиратами, с аборигенами либо просто от стрелы от татя коварного. Хотелось, жаждалось встретить её, обласкать, запомнить надолго. Прижаться к разгорячённой плоти её, к сердцу девичьему и хотя бы на минуты забыться, забыть обо всём, об будущих ратных стычках, тревогах, о массе дел, о бесчисленных хлопотах, навалившихся в последнее время, не отпускаящих ни на минуту.

Бажен тоже хорош, сам, что греха таить, подпустил девку к брату, смекал — для баловства, для снятия нагрузки, для отдыха, не думал, не гадал, что братец вдруг прикипит к ней, влюбится в бабу сенную. Но чем молодец — так не стал, однако, осуждать его, наоборот, потрафил, назначил готовить баню и оставил их после парной одних.

Не успел Бажен выйти, Афанасий сграбастал своими железными руками девицу и начал её пылко, страстно целовать, ласкать, жадно, запоминающе в глаза смотреть, ответное расположение разглядывать. Она не ожидала такой страсти, такой жадности, готовилась-то к услугам банным: парить, мылить, растирать, кости, мышцы разминать. Думала, поигрался барин и забыл, такое на каждом шагу же происходило, чего уж тут, хотя и подспудно надеялась на чувства глубокие с его стороны, но об этом боялась даже и загадывать. Сама-то сразу почти его полюбила, в такого мощного, сильного, настоящего русского богатыря и не мудрено было втюриться, поэтому не сопротивлялась, наоборот, прикинула к нему всем своим знойным телом, вжалась в него, запрокинула голову, подставила лицо, губы и со всей страстью и негой отдалась ему.

— Что, Аглаферушка, лебёдушка ты моя, солнышко ясное, будешь ждать меня? Ведь уезжаю я. И надолго.

— О чём ты, свет Афанасьюшка, ведь я не жена твоя. Ведь у тебя есть она в граде Архангельске.

— Откуда знаешь? — встрепенулся он.

— Как откуда? Я же в доме брата твоего служу. Тут все всё про тебя знают. Как ты за море ходишь, какие испытания в пути терпишь.

— Евон как, надо же, не думал, что и дворян про меня всё знает.

— Как не знать про богатыря кормчего, через год на кочах ходящего в земли сибирские дальние, покоряющего их, привозящего оттуда добро возами. Молва людская о храбрых людях, славой покрытых, быстро разносится.

— Я не про то, я про жену спрашиваю. Хотя понятно, раз меня назубок знаете, то и про жену мою всё вынюхали. Да и не жена она мне вовсе, сожительница. Я с ней под венец не собираюсь. И из головы выброшу, если ты моей пообещаешь стать. Будешь ждать меня? Уж больно прикипел я к тебе, своей лебедушке.

— Я-то и рада бы, люб ты мне, свет Афанасьюшка. Но разве это от нас зависит? Захочет Бажен Тихонович или жена его — и отдадут меня за другого, я же подневольная.

— Не дам. Я скажу ему. Не тронут, коль в согласии с братом жить хотят.

— Если так, то твоей буду до скончания веку, любимый мой, Афанасьюшка. Верь, — припала она к нему и крепко обняла.

— Коль так, то добро. На этом и поладим. Вот тебе подарок, чтоб лучше помнила, — проговорил он и повесил ей на шею самое красивое, на его взгляд, ожерелье из кафимского янтаря.

После такой баньки, после таких ласк, объятий, после запредельных, у самого горла чувств, наслаждений уставший и опустошённый, но и одухотворённый одновременно Афанасий едва дотащился до дома. Там уже, прямо у порога, с низким поклоном его ждала жена Бажена Ульяна, опять одарившая Афанасия цепким женским взглядом, и пригласила за стол. Длинный стол заставила всевозможными яствами, кроме них и во главе, прямо посередине, дымился паром и одурманивающе пах недавно убитый и только на вертеле приготовленный кабан средних размеров.

— Ну, хозяйева, ну, угодили! — не смог удержать благодарности и первым с кубком вина поднялся Афанасий. — Ну, наготовили! Спасибо вам, дорогие мои, за хлеб, соль, за вино, за баньку — за всё-всё! Давайте выпьем за дорогу мою дальнюю, и пускай она стелется скатертью.

Все, кто присутствовал на проводах, поднялись, выпили, запрокинув головы, по полному

кубку, и вслед за Афанасием откинули кубки на стол. И пошло, покатилося веселье, пошли тосты, шутки, разговоры, подначки. Афанасий пил мало, знал, что завтра догонять обоз, что надо для этого иметь светлую голову. Он и вообще-то не увлекался выпивкой — так, по случаю мог принять, и то в меру, зато Заварзин, вернувшийся с проводов обоза, озябший, не смог отделаться от хлебосольства Бажена, от предложений попробовать того-этого вина, звара, хмельного кваса, пива, медовухи. И уже через каких-то часа два они сидели с ним, обнявшись, хмельно уверяя друг друга в уважении, любви, нескладно запевая и тут же обрывая песни. Бажен махал руками, чуть не крича, объяснял Заварзину пути-дороги по стольному граду и из Москвы.

— Через Стромынку, — говорил он с нажимом, как будто Заварзин Корней его оспаривал, — дорога идёт на Суздаль, с Тверской — на Тверь, с Твери — на Великий Новгород. Сретенская улица выходит прямо на Ярославский тракт, а уж с Рогожской слободы тоже трактом — на Казань и Нижний Новгород.

— А я что говорю? — смотрел на него лукаво и хмельно Корней. — Я о том же. Разве нет? Чего ты шумишь, гудишь? В Серпухов из... Э-э, как её, улицу-то?..

— Чего о том же. Ничего не знаешь, балда. Слушай и запоминай. Не слышишь? Рог тебе в ухо, чтоб мышей ловить начал, не переспрашивал, — закипел от досады Бажен. — В Серпухов — через Коломенское надо. Дорога прямо на полудень, далее — на Тулу. А через Арбат и Дорогомилowo — только на Можайскую дорогу, далее по ней — на Смоленск. Я-то, брат, все дороги изъездил, исходил, а ты — Серпухов, Серпухов, только и знаешь один Серпухов.

Афанасий, глядя на двух побагровевших спорщиков, засмеялся и, чтоб унять их, а то не дай бог дело до драки дойдёт, кликнул Ульяну и попросил:

— Ульяна, сделай милость, позови своих сенных девок, пускай споют, отвлекут мужиков, а то эти петухи скоро раздерутся, — кивнул он в сторону брата и своего десятского. — Их же больше ничем не возьмёшь, неужели водой разливать?!

— Этих ладно, а казаки, что с Заварзиным пришли?.. — замаялась Ульяна. — Их куда?

— Как куда? — не понял Афанасий.

— Их бы подальше отсюда, а то боюсь, после этакого девки казачат притащат в подолах...

— Ну и что, чего ты, Ульяна, пусть рожают. Народу русского немерено на последних распрях, смутах полегло. Тыщи. Без приплода, без прироста никак, оскудеет земля русская. Это, если хошь, дело государственной важности, — спрятал улыбку в усы Афанасий.

— Мягко стелешь, деверь мой Афанасьюшка, своим служивым потакаешь, да не пришлось бы нам жёстко спать. Кто потом прибудных казачат будет подымать, а? Ты?

— Ладно тебе, в первой раз, что ли. Вырастут. Всем миром вытянем, — положил тяжёлую руку ей на голову Афанасий. — Ты кликни девок, а уж я прослежу, чтоб не зарились.

— Тогда — конечно. Что будем петь на этот раз, Афанасьюшка? — спросила Ульяна, когда девицы выплыли из соседней горенки и расселись по лавкам.

— Давай опять что-нибудь не шибко весёлое, лучше томительное, грустное, чтоб за сердце брало. Что ни говори, жаль мне с вами со всеми расставаться, надолго же ухожу.

— Ну-ка, давайте, девки, споём деверю моему «Подорожную». Запевай, Варька, — приказала Ульяна, и полилась песня о путях-дорогах, странствиях, о переживаниях, об опасностях, о тоске по родине.

— Спасибо, девки, — поднялся Афанасий из-за стола, после того как не только песня закончилась, но и отголоски её растаяли. — Ну, уважили. Славно-то как! Спели — душу полечили. А теперь налетай, буду всех одаривать. В первую очередь тебя, Ульяна, как хозяйку, как певицу, мастерицу, закопёрщицу, — вытащил он значительную часть жемчуга, что у прощелыги купца Иосифа приобрёл, смахнул посуду со стола и рассыпал его на стол. — Забирай, Ульяна, весь твой.

— Ой, куда столько! — воскликнула обрадованная неслыханному богатству Ульяна. — Много, очень много, уж больно щедр ты, Афанасьюшка.

— Забирай, забирай.

— Ну, если девок вот ещё одарю... Тогда только...

— Забирай, забирай, твой он, куда хошь, туда и девай: хошь — девкам, хошь — сама носи. Впрочем, девок я тоже не забыл. Да и как забыть та-

ких певиц-соловух-канареечек — грех великий, — высыпал он на другой край стола бусы, серьги, прочие женские побрякушки. — Смелее, мастерицы-девицы, выбирайте кому что нравится. А нам пора и честь знать, на покой надо. Завтра рано в поход. Так, казаки?! — взглянул он строго на захмелевших изрядно казаков. Казаки на удивление смирно поднялись из-за стола, знали — у атамана (про себя они Афанасия иначе и не называли) рука тяжёлая, и гуськом потянулись к выходу, в отведённый им покой.

Утром поднялись чуть свет все вместе, взяли лишь те двое саней, что выторговал Афанасий у бессермена, запрягли лошадей и тронулись почти налегке догонять обоз. На тридцатой версте, когда уже Афанасий догнал и ехал во главе обоза, его настигла благая весть: польский король Владислав согласился пойти на перемирие и готовился увести войска из московских пределов. Казаки, стрельцы, обозники, прочая челядь, обсуждая меж собой перемирие, не только истово крестились и облегченно вздыхали, но и умильно шептали: «Наконец-то дождались, слава Тебе, Господи». Всем надоела проклятая, разорительная война, но и, как уж на Руси водится, тут же под радость шутки понеслись злословия: «Тошная, знать, казна, как и кишка у шляхтичей, полезли — не замерили. Не по зубам им Москва — объелись», «Сам-то круль тоже хорош — спесив, жаден, а запалу ни на грош», «Запал, что запал — намок запал, коли в штаны наклал», «При чём здесь запал, когда с характером завал».

Тучков, слушая их, блаженствовал, весть, что ни говори, радостная и пришла ко времени, к месту. Он глядел, прищурясь, на мартовское солнце, жмурился, приговаривал:

— Пусть поговорят, пусть позлословят, попотешничают. У меня теперь зато гора с плеч, насколько забот меньше, отпала нужда быть постоянно начеку, ждать засады либо нападения от поляков. Можно без боязни оставить обоз на Заварзина или на стрелецкого сотника. Самому же пора навестить отчий дом, повидать отца, мать, сестёр, давно не виделись. Хорошо, дом-то недалеко находится, всего несколько вёрст от нашего пути, — и, распорядившись соответственно, взял с собой в сопровождение парочку казаков, направил коней к родному дому.

Часть вторая.
КРАЙ ЗЕМЛИ — ЯМАЛ
 Год 7126 — начало исчисления
 от сотворения мира

1. Начало лета (ендя) — месяц комара

Сразу, как только отчалила экспедиция под началом воеводы Афанасия Тучкова, поначалу обозами из Архангельска, потом на кочках из Холмогор, взяли курс, чтоб выиграть время, не по океанскому побережью, с волоком по Канинскому полуострову, не так, как обычно ходили все торговые суда, а пошли морем. И удачно обошли полуостров, не встретив льдов. От Канина Носа опять же шли прямо, не жались к берегу, оставив южнее не успевшие оттаять острова Колгуев и Долгий.

Около пролива Югорский шар из-за шторма вынуждены были задержаться. Высадились на материк, ожидая окончания шторма, разыгравшегося не на шутку, и на целую неделю застряли. Сидение без дела на берегу, как и всегда, оказалось нудным (ждать и дожидаться хуже всего), тошным, а главное — затратным в части бесполезного уничтожения съестных припасов. Совсем впустую, правда, не сидели. Находили чем заняться: чинили паруса, одежду, плели канаты, чистили оружие. Всё это от безделья — разве для того шли в поход. Хорошо еще, что нашли старое обжитое зимовье морских охотников, подлатали его мал-мал, обустроили и жили в тепле, в нормальных, конечно, относительно условиях. Афанасий, уже к тому времени не иначе как старый морской волк, знал, как и чем разгонять тоску, как не дать заболеть людям — не расстроить психику, каждому давал дневное задание — конкретно то-то и то-то, а в конце дня принимал работу.

Дальше шли благополучно, Афанасий не стал, как обычно, заходить в Пустозёрские острога брать товар и попутчиков, поскольку шёл в Мангазею не торговать, а прокладывать из Холмогор в Сибирь постоянный водный (без волоков, без обхода острова Белый) ход. В Нарзямские (Карские) ворота их опять же не пускали торосистые льды. Они прошли по самой их кромке, всё время опасаясь быть зажа-

тыми и раздавленными. И Вайгач огибали из-за льдов южнее, а могли бы и там спрямить.

Льды, льды, повсюду мешали льды! Ах, кабы их не было!.. Ещё в то время зародилась мысль у Афанасия о ледоколе, но осуществить её он, естественно, не мог, лишь только через триста с гаком лет появятся ледоколы.

В начале июня, как и надеялся Афанасий, он и его сотоварищи дошли до острова Белый. Надежда мореходов на то, что пролив между островом и материком чистый, не оправдалась. Пролив и отчасти сам остров оказались заторочены толстыми льдами, принесёнными весенними паводками сибирских рек. Океанские штормы, волны Нарзямского (Карского) и течение Мангазейского (Обская губа) морей тоже нагнали в пролив горы торосистых льдов и наглухо закрыли проход на восток. Остров Белый по поверью аборигенов считался вотчиной ненецкого Духа — Бога Сэру Ирику. Видимо, Сэру Ирику прогневался и не хотел пускать в свои владения людей другой веры и всячески препятствовал мореходам.

Чёрно-белёная поверхность льдов не отражала свет, не искрилась под лучами полярного солнца, наоборот, жадно вбирала в себя тепло, обрекая льды, в конце концов, на исчезновение. Льдины на глазах обильно слезились, истончаясь, лопались, а окунаясь в воду, ещё более худели, становясь похожими на драных, облезлых котлов. Однако до полного их исчезновения, чего так жаждали мореходы, было ещё далеко. Ждать их конца времени не имелось, надо было спешить, но как, каким путём — на всём пространстве ледяные хребты.

— Не пройдем! — сказал как отрезал старший кормщик Василий Севрюк, стоявший рядом с хмурившимся воеводой. — Самоедский бог не пускает. Вели поворачивать кочи вспять.

Тучков промолчал, сделал вид, что не расслышал горьких слов. Да и не знал, что ответить. Он, пристально всматриваясь в рваные края ледовой преграды, напряжённо думал, всё-таки, видимо, надеялся найти в заламах чистую воду.

— Говоришь, не пройдем, — наконец протянул он, поглядел в упор на кормщика. — Да-а, Ямал не Канин, а Нарзямское море не Московское (Баренцево), оно много холоднее. Не повезло нам, не поймали удачу за хвост. Два года подряд

ведь проходили, шёл фарт, везло. Что же, не всё коту масленица. Жаль, обидно до слёз, через неделю бы пришли на место, в устье Зелёной.

Василий смахнул с ресниц слезу, выступившую от встречного колючего ветра и долгой бессонницы. Искоса взглянул на воеводу, ожидая, что тот дальше скажет. Тянуть некуда, пора и приказ на разворот давать. Не послушал сразу кормщика, а ведь тот советовал идти к полуострову другим путём, понадеялся на пустое — на удачу. Упрямец!

Тучков продолжал молчать, может, вспоминал свои же попытки в другое время года, почти летом, когда обходил Белый севернее, по Нарзямскому морю. Если в проливе ледяные торосы, то в открытом море льды, возможно, ещё круче — во весь рост и без конца и края. Наконец собрался и, как обычно, принимая трудное решение, набылчился, резко повернувшись к кормщику, приказал:

— Поворачиваем, идём обратно. Попробуем обойти Белый севернее, как считаешь, кормщик, обойдём?

— Можно попробовать, — ответил, немало сомневаясь, кормщик. — Этот путь тоже, может, закрыт.

— Что верно, то верно. Новгородцы и поморы не единожды пытались обойти остров в это время, но чистой воды не всегда находили. Они меня об этом предупреждали, а это настоящие моряки, они языком чесать зря не будут. Года три тому я тоже здесь не прошёл, пытался дождаться, когда вода очистится, но только время потерял. Так что не медли, разворачивай и — вперёд.

Кочи развернулись и пошли назад, в обход Белого. Афанасий опёрся об оструганный борт корабля, чуть подался вперёд, пристально вглядываясь вдаль. Но на всём пути, сколько хватало глаз, стоял лёд. Путь обхода тоже оказался закрыт.

— Что же, ничего не остаётся, как идти к древнему волоку. Придётся кочи перетаскивать, — ругнулся от досады Афанасий.

— Волок так волок — ни много ни мало четыре версты будет, — прикинул Василий, осматриваясь по сторонам. — Наломаем кости, набьём спины, повыворачиваем ноги. Одни пойдём или англичанина Джеймса Коллинза подождём? Он обещал подойти. Или без него? Прой-

дём реку, потом озёра. А уж в озере остановимся и дождёмся Коллинза. Или по-другому как?

— Джеймс неизвестно когда будет. Чего ждать? Давай заходи в реку, — настойчиво торопил Афанасий. — Вода в ней, должно, высокая, до середины августа, как мне говорили, по ней ходят. Должны пройти, заодно проверим, как там наши Тимошка Глазов с Фёдором Устюговым, что заготовили, где запасы оставили? И начнём без спешки перетаскивать, груза у нас — дай бог, не хочу гонки устраивать, людей загонять. С напрягом, но не спеша, — быстрее осилим. Джеймс, поди, на Шароновых кошках охотится, там зверя морского невпроворот. Может, по его прибытии пролив откроется, он же везучий, и англичанин в губе вперёд нас окажется.

— Может и такое быть, одного хорошего шторма достаточно, чтоб пролив очистился. Коллинз — хитрюга ещё тот, он никогда не пойдёт за нами. Зачем ему волок? Он нырнёт в Мангазею на торг. Ему главное — самому пройти, а после ни до кого дела нет, даже до нас, нерасторопных москвитян.

Хотя тоже рискованно — воды сейчас в проливе высокие, мели скрыты, можно сесть, что не возрадуешься, — продолжил о Коллинзе разговор Василий. — Но у Джеймса кормщики добрые, один Елисей Караев чего стоит. О нём особый сказ, нам бы переманить его к себе. Он не раз ходил на сам Грумант, жил там, зимовал, бил китов, поставлял ворвань в Печенежский монастырь. Он фартовый, ему везде везёт, хвала Николаю Угоднику, его заступнику. Бури, штормы его не трогают, проходят мимо. Хорошие деньги имел он с охотничьих и рыбных промыслов. Ходил также с иноземными торговыми кораблями. А почему не ходить, если выгодно? Считаю, за два года разбогател, заимел то, что обычный помор за десять лет, горбатясь и рискуя, не сумеет нажить.

Афанасий молчал, он знал, что англичанину при любом раскладе выгодно и достойно иметь дело с архангельским воеводой, то есть с ним. Как-никак, а при сотрудничестве с государевым человеком, также при хорошем раскладе, можно приличный барыш получить за доставку груза. И чуть ли не главное, от чего Коллинз чуть не подпрыгивал до потолка,

— нос лишний раз утереть амстердамским, ливонским и ганзейским купцам.

Прав Василий, артель неплохая подобралась у иноземца. Кочи тоже хороши, срублены монахами в собственное пользование для новоземельного промысла, у них и перекуплены Коллинзом. В Печёрском море шесть лет назад попал под чудовищную бурю его торговый декар, целиком заполненный пушным золотом. Декар разбило о скалы и разбросало по частям да щепкам. С тех пор Джеймс отдавал предпочтение поморским кораблям. Понял, что только они приспособлены ходить северным путём из Балтийского, Белого, Баренцева, Нарзямского морей в Мангазейское.

Со своей стороны, Афанасий понимал, что главное для Джеймса не столько торговля, сколько политика — он же значился не столько купцом, сколько государевым человеком. Политика — особенно касаясь богатой Сибири, а из неё — Азии: Китая, Персии, Индии и так далее, только уж речными и горными путями. Получить доверие у русских, а дальше — простор для торговых и политических дел по большому азиатскому континенту открываетсь необычайный.

В этой связи англичанин очень хотел знать, прямо до зуда, наличие карт и лоций морских, наземных путей в Сибирь и далее. Жаждал их приобрести любым способом. Коллинза, естественно, не меньше интересовали и другие, особенно секретные, дела Государства Московского. Грязные лапы англичан уже чувствовались во многих начинаниях молодого государя Михаила Романова.

Но не пойман — не вор, а поймают — так всё равно кнутом не побьют, ноздри раскалёнными щипцами не порвут — не Иоанн Грозный на престоле, а Михаил — политик мягкий. Посол тоже не какого-нибудь задрипанного, а мощного Английского государства. И не те времена — обессилена сейчас смутой, войнами Россия, а когда-то запросто топила лазутчиков, шпионов в проруби, на дыбу вздымала — не боялась. Сейчас же не только Россия, а ни одна страна в мире не посмеет портить отношения с владычицей морей Англией. Да и чуть ранее только Иоанн Грозный из всех коронованных особ Европы мог себе позволить ос-

корбительные выражения в адрес Лондона, и то будучи убитым отказом ему в замужестве английской королевой. «Варвар! — оправдывали его англичане. — Что с него возмёшь!» Сейчас как по характеру, так и по родовому корню в России другой царь, да и времена шаткие — только-только мирно жить начали.

Афанасию, признаться, тоже корысть, чтобы Коллинз доставлял груз к нему на склады, в лабазы в Архангельске, не обходил заставы для таможенных проверок и уплаты пошлины. Джеймсу, наоборот, торги в самой Мангазее выгоднее, там цены намного выше, для неё он товары подбирал, в основном спросом пользующиеся, дефицитные. Для неё неподъёмные бочки, бачки со снедью, с продуктами вёз, огромные тюки и кипы с тканями, украшениями, бижутерией, оружие дорогое, ценное и прочее, прочее. Свозил это сначала в лабазы к Афанасию в Астрахани, собирая чуть ли не со всего света, а дальше — сам, на своих кораблях прорывался в Мангазею, при незагрузке своих кочей, а другой раз и по настоятельной просьбе воеводы Тучкова забирал и его попутный груз.

У Афанасия под началом нынче как никогда много кораблей. Целых шесть штук: один большой и пять малых кочей. Из-за большого и пытался он обойти Белый, уж больно тяжёл он для волока. Протащить-то, конечно, можно, но с какими потугами — потом и кровью. Стоит ли овчинка выделки? Из маленьких же наиболее значимы два струга, поскольку строились и снаряжались Соловецкой обителью на монастырском плотбище острова Валаам. Передавались вместе с мореходами, с припасами за долги по прошлым недоимкам. Монахов пять человек ещё добровольно обитель выделила для ведения службы и строительства часовни на месте предполагаемого селения задуманной таможни.

На два эти судна просил он сначала денег у ганзейской компании, жиреющей на торговле нашими пушниной и моржовой костью, да где там! Ни в какую, сколько ни упрашивал, сколько ни обещал льгот в дальнейшем. На том же стояли англичане, не учуяли, не усмотрели ни те, ни другие перспективы в деле Афанасия. Вот если бы Тучков вёл отряд прямо до Мангазеи! Тогда, не торгуясь, отдали бы они

хоть пятую, хоть четвёртую часть прибили за провод судов по Ямальскому волоку, через проклятушие Кошки-бары, перекрывающие проход в Мангазею. Ведь неизвестно им, сумеют, не сумеют москвиты построить проход — канал ко времени, не успеют — можно застрять, закукарекать на Ямале и не попасть в златокипящую и даже вообще не вернуться к концу судоходства в Архангельск. Иноземцы по наивности считали, что канал можно за сезон построить. Забыли, видать, что Ямал весь в вечномёрзлой зоне.

Джеймс-то прямо из кожи лез, чтобы доказать всем, в том числе и поморам, что туда-обратно до Мангазеи можно за сезон сходить. Доказывал это без выкладок, ставя карту на везение и адский труд поморов. Афанасий в возможности ходить на Мангазею за сезон с ним был согласен, но согласен только не за счёт рабского труда и случая. Были, конечно, и у него удачные походы за одно лето. Но одно дело слепой случай, а другое — постоянный, надёжный на многие годы водный ход.

Афанасий понимал, и почему Коллинз, отрывая от сердца, подарил ему карту Луки Вегенера. Джеймс рассчитывал на обратную взаимность — карту, составленную нашими холмогорскими поморами. Но Тучков тоже не лыком шит, он только поблагодарил Коллинза и прислал ему в подарок несколько соболиных шкурок. Негоже русскому воеводе плясать под чужеземную дудку! Карты создавались десятилетиями, с великим трудом, с риском, с жертвами пропавших судеб, загубленных жизней не одного десятка людей. Передать их, значит, предать мореходов. Изменить тем жертвам можно за один угарный кабацкий вечер, а уж по алчности так и подавно. Продал же Джеймсу один подлец — не стоит он того, чтоб называть имя, — карту, составленную холмогорским дьяком Дмитрием Герасимовым. Карту, почти сто лет назад сработанную с подробным указанием всех поморских дорог, ходов, путей и возможных на них опасностей. Данные для карты собирались мореходами-тружениками ещё со времён новгородских ушкуйников. Большинство поморов, в том числе и Афанасий, многие годы пользовались той картой, с уверенностью ходили по начер-

ченным морским дорогам и путям. Афанасий и в этот раз пользовался отчасти ею, уточнённой им самим и переработанной. И прошёл без потерь три моря, сверяя ходы по единственному на его головном коче компасу. Компас и карта, что и говорить, выручали добро, раньше-то вообще ходили без них — по звёздам, по солнцу. Кстати, в это время года, в начале лета, звёзды хорошо видны и указывают верный путь — только умеи ориентироваться. По солнцу — хуже, Земля же, а следовательно, и её моря вокруг него крутятся, но, зная это, тоже можно попробовать. «Овальный поморский компас» мореходы в шутку называли солнцем. А ещё раньше, во времена царя Гороха, ходили просто по наитию — божьему провидческому дару, но такое присуще только избранным, а их на земле — единицы.

Знал воевода и другие мысли Джеймса, который хулил за непостоянство московскую власть. Действительно, как можно на такую власть рассчитывать, если она сегодня дарит льготы, а завтра отбирает?! Неудивительно — власть-то на протяжении одного лишь десятка последних лет не раз менялась. В России, как появлялся новый царь, менялись и власть, и её требования, законы. Такая власть не всласть! Власть должна выполнять обещания, условия договоров прежнего правительства, иначе нет ей веры.

Безусловно, путь в Мангазею за сезон не так прост, есть тайны у поморов, которые держатся в строгом секрете. Поморы иноземцами брезговали, они никогда не отдавали им свои карты, никогда даже не высаживали и не подбирали иностранцев, которые занимались сборами сведений или замерами морской кромки русских берегов. Поэтому и не было у Коллинза чётких, топографически выверенных очертаний русских побережий.

Спасибо Марфе, нынешней матушке-царице, она за дело твёрдо взялась, от слов данных не отказывается, у неё даже понятия «словами бряцать» нет. Она и серебро нашла, оружие, снаряжение. На её деньги, пусть и не великие в государственном масштабе, но дополнительно снарядили три корабля. С миру по нитке — нищему рубаха, а тут не рубаха, а целая флотилия у воеводы вышла. Два судна он целиком загрузил инструментом для земляных работ,

для рытья канала. Остальные — съестными припасами, шатрами, канатами, оружием, снастями для охоты, рыбалки. Часть — специальным снаряжением, в частности, одеждой для проживания в суровых зимних условиях.

— Эй, на руле, держать вправо! Ребятки, навались на паруса. Убрать бром-аксель! А ну, разом! — раздался зычный голос Василия Севрюка. — До места рукой подать. Веселей, ребятаки! Ступим на твердь земную, отдохнём тогда. Вволю потешимся.

Помощники кормщика легли грудью на тяжёлые водила руля, те натужно закрипели, пошли с неохотой по кругу. Мореходы схватились за концы канатов, повернули паруса главной мачты. Кочи, повинувшись воле людей, плавно легли курсом в сторону темнеющей вдаль кромки земли. И сразу, как по заказу, разбежались тучи. Небо очистилось, засияло, наполнилось голубизной. Лёгкий ветер набежал, потрепал паруса, но не долго, не серьёзно, только лишь слегка коснулся выбеленной ткани и убежал. Кочи вольготно и дерзко резали носами гладь озёр, бураня и вспарывая встречную волну. Высокий темнеющий берег полуострова медленно, но неотвратимо приближался.

Несмотря на то что ветер был стылый, а дыхание ледяных полей прохладно, лето всё-таки давало о себе знать. Палубы кораблей, то и дело обливаемые брызгами, а то и ушатами воды упругих волн, всё равно потеплели, размякли и заплакали багряными слезами. В пазах сосновых набоев, в обшивке бортов, в щелях досок — везде просочилась, проклюнулась, выперлась смола. Всюду, куда ни сунься, торчали выводками её смолянистые, казавшиеся прозрачными горошины. Резко, оглушительно пахло сосной, хвойным лесом, бором, неполозкой тайгой.

Мореходы задирали бородатые, густо заросшие лица к небу, к солнцу, живо стягивая с себя пропотевшие кафтаны, рубахи, подставляя оголённые тела ласковым лучам, с наслаждением окунались в солнечное тепло, в его ласковые, тёплые волны. С гиканьем, ором хлопали себя по груди, рукам, били товарищей по мускулистым спинам. К сожалению, недолго, вдруг внезапно, как только приблизились к полуострову — осталось рукой подать, ударил

встречный северный ветер — «сиверко», который, на глазах набирая мощь, налетал, жалил и мешал кораблям идти к полуострову.

Мореходы, не успев понежиться, с ворчанием и руганью натягивали обратно на себя одежду, прятались от пробирающего насквозь задиры за мачты, за паруса.

Афанасий, посоветовавшись с Севрюком, решил не останавливаться у намеченной цели — в устье Зелёной, а заняться охотой. Запасов еды, а особенно солонины, подчищенной за время похода, имелось достаточно, но опытные мореходы знали, что запас карман не тянет и в роковой час, ежели крушение, затёртость льдами, всегда может пригодиться. По уговору-то в устье Зелёной Афанасий должен был поставить стрелецкую заставу, на это дана ему грамота из Тобольского приказа, на заставе ещё по прошлогоднему соглашению обдорский воевода обещал выставить шестерых сменных военных с толковым писцом, умеющим вести приказные, столовые дела. Стрельцы из обдорского городка обещались выйти аргишем (оленим караваном), ещё по зимнему путику дойти до Зелёной, подняться по ней вверх и ждать корабли на Нейтинских озёрах. Путь от Обдорска до места встречи был не близок, но и не в тягость бывалым кочевникам. Доставить их обещали самоеды. На них тоже можно положиться — они для быстроты гоняли оленей по заснеженному льду Мангазейского моря. На льду снег лежит плотно, ровно, без застругов, на нём нет, как в рваной тундре, оврагов, взгорков, нет опасных провалов, ловушек в заметённых кустарниках. Выходить на берег не надо, только разве на ночёвку и для подкормки оленей. Погоняй да погоняй. Берега губы большей частью высоки и круты, пастухи для выхода использовали лайды (долины), устья рек, впадающих в губу, по ним легко поднимались на издревле известные им ягельники. Подкармливали оленей — и вновь на ровную морскую дорогу, и опять мчи да мчи во всю прыть, на всю волюшку вольную, на какую способны быстرونogie олени и сами каюры-погонщики. Единственное, что мешало — торосы, приходилось уходить от них, петлять, а иногда и заваливаться, тащиться на боку либо — что ещё хуже — под

нартами. В таких случаях заранее привязывали себя к ним и тогда чёрт не брат. Обычно самоеды слово держали крепко — что обещали, то делали. Так что за судьбу отряда обдорского воеводы Афанасий не переживал, знал, что эти надёжные, лихие люди придут на место в точно назначенный срок.

Волок преодолели тяжело, потрудились, поломали спины славно, но управились, как и наметили, в срок. Вышли в Мангазейское море и всю последующую ночь и утро кочи шли вдоль западного берега Ямала. Высокие чёрные и иссиня-красные обрывы стояли стеной по правому борту кораблей. Старший кормщик, всю ночь простоявший у руля, не захотел дышать духотой корабельной каюты, спал здесь же, на открытой палубе, укрывшись длинношёрстной овчиной драного полушубка. Поднявшееся высоко солнце припекло его, но укрывшемуся с головой кормщику ничто не мешало, он продолжал, громко всхрапывая, мирно спать и по-детски пускать слюну на подбородок.

Воевода давно встал и с интересом поглядывал на кручи, сложенные глиной, песком, сусеями, местами сильно обрушенные волнами прибоем. По кручам от растеплённой лучами солнца вечной мерзлоты текли в море грязные ручьи, ручейки. Иногда кочи из-за мелей, обширно встречающихся на пути следования, уходили в глубь моря. Желтоватые тела мелей не представляли опасности, они ещё издали, в спокойной воде, с высоких бортов кораблей хорошо просматривались. Попутный ветер продолжал надувать паруса, что радовало сердца мореходов, а особенно — их воеводу Афанасия Тучкова, — цель была близка.

2. Чумовая — река неожиданностей

Идя по береговой кромке полуострова, отряд на второй день пути подошёл к устью небольшой речки, плавно впадающей в море. Здесь мореходы и решили остановиться на некоторое время для охоты, рыбалки — для того, чтобы, как и говорилось, пополнить запасы. Поскольку знали, что, когда начнётся копка канала, переустройство волока, а также строи-

тельство таможни на Зелёной, времени не будет. Северное лето, к сожалению, очень короткое. Июнь ещё не лето, июль уже не лето.

— Как речушка эта называется? — спросил Афанасий у кормщика.

— Чумовая, воевода, — весело отозвался тот, озорно улыбаясь и скаля блестящие на солнце зубы. Хорошая погода, удачно осуществлённый волок кораблей, видимо, располагали к хорошему настроению.

— Тут что, чума ходила?! — насторожился Афанасий. И сразу посерьёзней, загорелое до черноты лицо напряглось, в глазах мелькнула тревога.

— Нет, слава богу!.. В устье этой реки я прятался, когда лет пять назад при возвращении из Мангазеи нас прихватила буря. Еле успели ноги унести. Ежели не она бы, затонули или на берег бы нас выбросило. Буря-то бушевала недолго, но сильно, на следующий день уже стихла, волны улеглись, небо прояснилось. Я вышел на берег у тех вон холмов, осмотрелся, — показал Севрюк рукой вправо. — И узрел самодские чумы. Штук пять-шесть на вершине сопки. Как их ветром в ту ночь не сдуло, непонятно. Стихия ночью разыгралась так, что света белого не видать. С тех пор и зовут эту речку Чумовой. Мы за спасение наших товарищей на другой год крест здесь поставили нашему заступнику святому Николу Угоднику. Во-о-он он, издали виден, — опять ткнул пальцем Севрюк вправо по ходу струга. — На самую вершину, как на Голгофу, тащили его артельщики с припевками, с молитвами. Все сделали, как и положено, как завещано нашими предками.

— Вот оно что, а я уже подумал о проклятой болезни, — повернулся воевода к кресту, перекрестился троекратно, пристально всматриваясь в большое, почерневшее на ветру сооружение.

— Чума и холера не шибко приживаются в Заполярье. Тяжело ей по тундре бегать. Суслики и тарбаганы, её разносчики, здесь не водятся, не то что в ногайских степях или в жаркой Астрахани. Холод их тут давит, мерзлота норы рыть не даёт.

— Я думаю, что здесь ещё Бог руку приложил. Холера и чума любят собирать обильную жатву, а здесь народу-то раз-два и обчёлся, вот наш заступник и не даёт им ходу. Как ни

странно, суслика здесь нет, а мышей, особенно лемминга, хоть отбавляй, им же тоже норы нужны или у них зубы железные. В Мангазее тоже по лабазам крупные пасюки, с кошку — не менее, шныряют. Заговорились, слушай, мы, рули-ка вправо, в затишек, господин кормщик, швартоваться будем.

Место швартовки выбрали на редкость удачное, речушка оказалась достаточно глубока, даже при отливе суда беспрепятственно прошли меж желтеющих на глубине отмелей. Пришвартовались вдоль отрывистого берега, заросшего густым зелёным мхом, тоже удачно и почти одновременно всеми восемью кочами. Палубы малых кораблей при отливе оказались вровень с берегом, а борт большого корабля почти на три аршина даже вознёсся над прибрежной полосой. Петля реки, высокие берега с версту длиной и коса, далеко уходящая в воду, образовали небольшую со всех сторон подходящую бухту, в ней без всяких сомнений можно было переждать любой ураган.

Возбуждённые мореходы наконец-то сошли, ступили на долгожданную твердь земли, шутили, толкались, подначивая друг друга. Не сговариваясь, дружно разбили стан, поставив недалеко от берега татарские шатры, тут же натаскали топляка, развели костры. От берега немного погода скользнула на воду небольшая лодка — «стружок» — это четверо артельщиков, по слову Корнея Заварзина, отправились мелкочейстыми сетями перегораживать реку.

Афанасий кликнул шестнадцатилетнего казачка Ивашку Дёмина и направился с ним на разведку вдоль берега, вверх по течению Чумовой, к высокому обширному холму, возвышающемуся над окрестностями. Воевода легко ступал по набитой зверовой тропе, вьющейся, как змейка, вдоль берега, оставляя по правую руку бугор с чернеющим поморским крестом.

Около путников всюду шумела тундровая жизнь: свистели кулички-круглоносики, перекликались плавунчики, кудахтали куропахи, пели лапландские подорожники, дрались не на жизнь, а на смерть дутыши, турухтаны. Пролетали над головой стайками, издавая свист острыми крыльями, кулики-воробьи, утки чирки, за ними — утки разных мастей и клином — гуси. Тропа местами сужалась, заросла камышом,

густыми малорослыми полярными берёзками, багульниковом, приходилось не идти, а продираться. Из густой травы, одноколосковой пушицы и прямостоячей осоки поднялись тучи комаров и вьедливой мелкой мошки, тут же облепившей лица разведчиков. Мореходы отвыкли за зиму от гнуса, вначале отмахивались ветками тальника, а потом, не выдержав напора кусачей твари, накинули на головы лёгкие шерстяные башлыки, щедро пропитанные вонючим дёгтем — наилучшим средством от гнуса. Казачок старательно повторял маневры любимого капитана и, пыхтя под нос, шлёпал подвёрнутыми кожными бахилами по торфянистой жидкой тропе. Его умильная рожица, блестя на солнце, чернела потёками дёгтя, сверкала белозубой улыбкой. Рядом с Ивашкой, путаясь под ногами, бежало единственное в отряде животное — пёс Полкан, который своими размерами вполне соответствовал прозвищу — «полконя».

— Господин воевода, в дешных местах никто, что ли, не живёт? — спросил Ивашка, догнав Тучкова и заглянув лукаво в глаза.

— Живут, конечно, но мало. Совсем мало, брат Ивашка. Только такие люди, как мы с тобой, — бродяги да ненцы, которых на весь огромный Ямал всего несколько тысяч, — ответил Афанасий и улыбнулся в ответ. — А почему это тебя заинтересовало?

— Тропа плохо натоптана.

— Это точно. Тропа-то звериная, человек по ней мало ходит, а зверь — он легко ступает, не утаптывает, — разъяснял Афанасий, а сам, хотя и знал, что врагов здесь нет, всё равно по привычке цепко и зорко оглядывал окрестности. — Зверья зато здесь много, кормится зверь около реки, на водопой ходит. Присмотришь — тьма мышей под ногами шмыгает, за ними песец, лиса приходят — мышкуют, полярная сова их любит, выслеживает. Заяц тут тальником, травкой, ерниками кормится, олень приходит водицы хлебнуть, волк его в засаде поджидает. Куропатки разодетыми боярынями вперевалку бегают, не бояться, что их, в свою очередь, лиса караулит. Вот, Ивашка, сколько здесь птицы, зверья разного, все к речке жмутся. Жизнь на глаз человеческий не видная, а она на самом деле кипит, ни на миг не останавливается.

— Господин воевода, а какие здесь зайцы — большие?

— Нет, такие же, как у нас в Архангельске, — беляки, тумак. Русаки в тундре не водятся, пища здесь скудная. И ещё потому, что самоеды сено не косят, русак же готовое сено любит — полежать в копне, в стогу для него великое удовольствие, — пошутил воевода.

Тропа пошла в гору, и они замолчали, жирные лемминги, похожие на полосатых бурундучков, юрко шмыгали перед путниками, шустро ныряя в густые заросли тальника. Неожиданно на тропу, нисколько не смущаясь, вывалила серая полярная утка-шилохвостка со своим пикающим выводком, направляясь вниз по тропе, в воде поплавать, утят поучить, насекомых пособирать. Птица заметила пса и, предупреждая опасность, тревожно закричала, цыплята тут же замерли, превратившись в комочки, напоминающие тёмно-жёлтую грязь на проезжей части дороги.

— Ишь ты, схоронились, думают, что спрятались, — засмеялся Ивашка, останавливаясь перед выводком по примеру воеводы.

Шилохвостка неожиданно кинулась к путникам, а потом в кусты, вытянув в сторону крыло и прихрамывая — подранком нарядилась, закричала, привлекая к себе внимание, ещё громче, отводя опасность от цыплят.

— Не дури, никто за тобой не кинется, отводи своих дитят, — крикнул, смеясь, Афанасий и свистнул по-разбойничьи — пронзительно и громко, так, что Ивашка с испугу сжался, присел. Утята, наоборот, со страху ожили и кинулись врассыпную в кусты. Путники поблагодарили бога, что Полкан отстал, он-то из-за охотничьего усердия запросто мог передавить весь выводок. Полкан, хотя и был далеко, но как услышал свист хозяина, сразу отозвался звонким лаем и вскоре появился с измазанной тёплой кровью и птичьим пухом, но довольной мордой.

— Раздолье тут тебе, образина. Птицы невпороворот — сколько за лето передавишь, — дружески пожурил пса Тучков и приласкал собаку — потрепал густой загривок, облепленный комарами и мошками.

— Давайте прогоним его в стан, а то утят догонит и подавит, — пожалел выводок Ивашка.

— Не дадим, да и насытился он уже. Пусть бегаёт, набирает резвости, а то насиделся в коче, пока сюда шли.

— Я видел, как он сидит. Лишь только заметит уток или гусей — сразу охотничьей страстью брызжет, мечется, гавкает, за борт норовит. Дюже охоч до пернатых. Его только цепь и удерживала. И ту сколько раз рвал, а мы его потом всей командой вылавливали.

— То-то, знай наших! Ничего не скажешь, охотник он рьяный! Добрый пёс, на ногу быстрый. Надо и нам прибавить, видишь — впереди голая сопка. Давай ускорим шаг, чтоб на одном дыхании наверх заскочить. Выдюжишь или не спеша пойдём? — спросил заботливо, но с долей иронии Афанасий.

— Я-то — известное дело — выдюжу. Как стрела вылечу.

— Я и не сомневался.

Они поднажали и быстрым шагом подошли к подножию холма и, не останавливаясь, по пологому склону, поросшему лютиками, хвощом и ягельником, поднялись на его плоскую вершину, продуваемую всеми разбойными ветрами. На проплешинах холма редкими клочками проросли лишайники. Ягель громко хрустел под ногами, напоминая о жаркой погоде (в сырость он мягок и нежен) и о добром начале лета. Ивашка первый раз с восторгом увидел седой мох, сунул веточку в рот, пожевал и, скривившись, выплюнул.

— Как только его олени едят? Корова, та ни за что не станет, а если силой накормить, то, думаю, сдохнет.

— Зато олени его с удовольствием поедают, ничего вкуснее для них нет. Набредут на ягельник — не выгонишь, грибы ещё любят, тоже у них лакомое блюдо, и не определишь, которое из них первое. Корова по-другому устроена, она что попало не жуёт, да и молоко после такого корма будет горькое. На острове Белом есть мох, который даже человек может есть, пользы от него только мало. Его на крайний случай, при бескормице, говорят, при лихоманке помогает.

— А вам приходилось?

— Бывало, друг Ивашка, когда жрать нечего, голод заставит. Что ты всё о еде да о еде?! Лучшее посмотри, красота-то вокруг какая!

Действительно, в море гулял зелёными волнами несильный шторм, водой захлёстывая берега, на севере моря, на середине водной глади качались молочные с грязью льдины, вырывающиеся с клёкотом из малых рек. На юге моря гуляла мерная волна, билась об отмель, образуя белые гребешки пены. За береговой чертой рыбачили крупные чайки-халеи. Они, выследив рыбу, падали камнем вниз. Промажнувшись, недовольно, пронзительно, как сварливые бабы, орала, хлопала крыльями. На поверхность, в промоины, меж льдами то там, то тут выныривала, забыв об опасности, лупоглазая нерпа. Она, гоняясь за косяками вкуснейшей жирюющей сайки и корюшки, не замечала, как к ней осторожно подкрадывался белый медведь.

Внимательно осматривая местность, путешественники неожиданно в неглубокой седловине меж холмами обнаружили с десяток грузовых нарт с увязанными на них большими тюками поклажи. Рядом с нартами отчётливо просматривались следы старых, омытых дождями костров.

— Это что за стан? Откуда он взялся в безлюдной тундре? — спросил казачок. — Людей не видеть. Зброшенный, что ли? Может, погибли?..

— Это старое стойбище пастухов, они, видеть, к морю оленей скаслали¹, а припасы здесь оставили. Что они определяют про запас — то называют «мюд», летний запас — летний мюд, запас на зиму — зимний мюд. По всей тундре на сотни километров друг от друга лежат оставленные ими поклажи — мюды, тундра им дом родной, где ни остановились, там и приютились. И никто даже безделицу не возьмёт, и нам ни в коем случае нельзя, быстро вычислят и проклянут.

— Эвон как! Ну а если ещё кто покусится?

— Кто покусится, кого ты имеешь в виду?

— Ну, мало ли, — почесал затылок Ивашка.

— Зверь, чужеземцы... Свои всё же, так кто-нибудь...

— У ненцев нет воров, — резко перебил Афанасий. — Они живут по совести. У кого учиться — так у них. Эх, Ивашка, если бы все люди на свете жили по совести, как Христос завещал, сколько бы зла убавилось. Самоеды Библии не знают, Нагорной проповеди не читали, тем не менее живут по библейским законам.

— Они что, святые, совсем без греха?

— Нет, конечно, — засмеялся Афанасий. — Люди есть люди, без греха не бывают. Понимаешь, мерило добра и зла, хотя Бог и закладывал для всех одинаковое, а понимают их все по-разному, у нас, христиан, и у них, язычников, во многом они не сходятся. У них, например, чужое не то что красть, а даже трогать нельзя.

— Н-да-а! — растянул Ивашка. — Тогда, конечно, да. У нас такого нет.

— Это точно, — проговорил Тучков и добавил: — Что плохо, Ивашка, много у нас таких, кто не по совести живёт. Ты пока не сталкивался с грязью, обманом, подрастёшь, сам познаешь, где белое, где чёрное. Не сразу, конечно, с годами, и люди добрые подскажут. Не внемлешь, не возьмёшь за правило, сам обязательно обожжешься, впрочем, на ошибках учатся, набьёшь себе шишек, тогда и начнёшь понимать, что к чему, — попытожил Афанасий и снова с восхищением огляделся.

Прямо перед ним по всему горизонту зелёным ковром раскинулась холмистая тундра. Бугры, холмы, взгорки, ложбины, болота, речки, речушки, озёра, заводи, редкий по берегам рек лесок... Особенно живописно смотрелись холмы — величаво, мощно. Каждый кого-нибудь да напоминал — либо человека, либо животное, они хорошо продувались ветром, который уносил с собой в лес, в камыши надоедающих до жути комаров, мошек, паутов. Афанасий смотрел на богатые тундровые пейзажи широко раскрытыми глазами, жадно вдыхал упоительный запах — дурман тундры. Разноголосое пение певчих птиц, крики, хрипы зверей, стенание, зуд гнуса, вой ветра наполняли его душу патокой, радовали до умиления сердце бывалого морехода-путешественника. Он стоял навстречь ветру, подставляя лицо тугим струям воздуха, и не замечал, как от умиления катилась слеза по щеке, выбитая всё тем же ветром.

3. Гость из тундры

— Господин воевода, — тревожно закричал мальчишка. — Колокольцы звенят. Я слышу — недалече.

Афанасий наострил уши, повернул правое к ветру.

— Точно — звенит. Похоже, что в нашу сторону. Только из-за вон того холма не видно. Гости к нам едут. Ага, что я говорил, вон и оленье упряжка показалась. Четвёрником идут, быстро будут.

И действительно, сразу звон колокольцев стал явственней, нетерпеливое покрикивание каюра и усталое хорканье оленей слышней.

— Одна упряжка. Спустимся к ней? — спросил Ивашка. — Самоед нас не узрит, он, похоже, нас ищет.

— Уже узрел, пускай сам поднимается. Олени на ветру хоть от гнуса передохнут.

Вскоре к ним подкатила упряжка, запряжённая в лёгкие нарты. С неё, оставив короткий лук и колчан со стрелами, спрыгнул низкорослый, коренастый ненец в легкой выгоревшей малице, под малицей — поддёвка из оленьей шкуры. Малица перепоясана широким ремнём из тюленьей кожи, с массивным охотничьим клинком в костяных ножнах, скреплённых кожаными поясками в медных бляшках. Ненец первым делом привязал жоака к копылу нарты, воткнул в землю хорей (длинный шест), которым управлял оленями, лишь затем лёгким, чуть ли не подпрыгивающим шагом направился к русским мореходам. Мореходы, ожидая, стояли не шелохнувшись, молча разглядывая самоеда. Ивашка — тот вообще пялился, от удивления раскрыв рот. Ямальских аборигенов он видел впервые. Ненец казался ему похожим то на лопаря, что из мурманской тундры, то на татарина из ковыльных степей. Широкоплеч, низок — воеводе лишь по плечо, лицом смугл и кругл, без усов, бороды, видно, что молод. Глаза живые, узкие, как и волос, чёрно-маслянистые.

— На нашего татарина Игнашку похож, — шепнул казачок и тут же добавил, усмотрев длинные, как у попа, волосы. — Не стрижен, как наш чернец. В шкуре ходит. Не жарко?

— Жарко, должно, но у них так принято, малицу мужчина снимает только в чуме. Малица от комаров спасает, так что выбирай, что лучше: жара или гнус. Ты сейчас помолчи, — положил тяжёлую руку на плечо пацана Афанасий. — Не крутись под ногами, не встревай. У меня разговор будет серьёзный.

— Ань торова, еруо², — поприветствовал путешественников ненец и улыбнулся во весь рот.

— Здравствуй, кто ты?

— Моя Хаулы Окатетто зовут, — свободно по-русски ответил ненец и для убедительности ткнул себя пальцем в грудь.

— Меня — Афанасий Тучков, — протянул руку для приветствия воевода. Мужчины обменялись рукопожатием, присели на сухой бугорок лицом к ветру, дующему со стороны русского становища, как раз напротив упряжки. И тотчас же к ним вылетел мокрый по самое брюхо Полкан. Рыкнул, не останавливаясь, на оленей, те на него — никакого внимания. Они, чувствуя себя на холме привольно, стали не спеша укладываться на мох. Однако коренной крайний справа жоак (хабт), разглядев уж слишком большого, не внушающего доверия пса, насторожился, хоркнул недовольно и остался, косясь большими влажными глазами на пса, стоять с опущенной к земле головой, рогами к собаке. Пёс и не нападает, видимо, поняв, что олени не дикие. При спокойном, не дающем команду «взять!» воеводе их лучше вообще не трогать, Полкан подался к людям и улёгся возле ног хозяина, высунув длинный красный язык.

— Саво вэнгу³ волка берёт? — спросил самоед, кивнув на пса.

— Берёт, — подтвердил Афанасий, поддерживая зачатый разговор.

— Откуда ты? Далеко ли твой чум? — опять, не картавя, четко спросил ненец по-русски.

— Из Архангельска мы, служивые люди у царя-батюшки. Велено нам прокладывать водную дорогу на Мангазею — проход вместо волока рыть, соединить каналом Нейтинские озёра, — сразу изложил причину своего пребывания здесь Афанасий.

— Трэм — хорошо. Я знаю Архангельск. Оттуда много людей у нас бывает. Идут на больших лодках, раньше и на лошадях были. Вся ямальская тундра Архангельск и Москву знает. Много ли купцов нынче будет оттуда?

— Будут и в это лето, и в следующее. Морем уже вышли, должно быть, на подходе. Ты какого еркара⁴ будешь?

— Мой отец Окатетто, дед Окатетто и род Окатетто. Бабу взял у Худи Ямала.

— Худи Ямала? Это Тар Ямал, ты его знаешь?

— Знаю, его вся тундра знает — и лесные, и тундровые ненцы знают.

— Далеко ли он отсюда кочует?

— Сейчас он Сэру Ирику сторожит. День пути будет.

— Мне надо его увидеть. Разговор серьёзный к нему есть. Он, как и прежде, ваш вождь?

— Конечно, кто же ещё! Что за разговор у тебя?

— По казённому делу.

— Ты, значит, казённый человек? Моя сразу не понял, — мелькнула большая заинтересованность в глазах Хаулы, он с уважением оглядел красный кафтан Афанасия.

— Царский слуга! Имею звание — воевода.

— Ясак брать будешь?

— Нет. Ясак пусть обдорский старшина собирает. Кому платили — тому и платите, — заверил Афанасий. — Мне другое поручено. Мне люди для прокладки канала, много людей нужно.

— Ваших мало? — протянул руку в сторону стана Хаулы. Туда, где от пылающих костров к небу тянулись плотные седые струи дыма от сгорающего плавника, где суетилось множество морского люда. Спросил и недоверчиво посмотрел на русского начальника.

Без мала восемьдесят человек насчитывалось под началом Афанасия. Они с холма как на ладони просматривались, даже их лица — весёлые, жизнерадостные, их фигуры — крижистые, полные сил.

— Мало! — вздохнул Афанасий. — Дело большое задумано. Работы много, без вашей помощи не обойтись. Для того и хочу с Тар Ямалом говорить. У меня кобылы нет, чтобы к нему ехать. Да и где его искать — тундра большая. Вы к тому же на одном месте долго не стоите — кочуете. Очень тебя, Хаулы, прошу, пусть к нам приедет. Так и передай. Жду, мол, с нетерпением. Пастухи без него управятся? У него есть кому стада гонять?

— У Тар Ямала? Да у него тьма пастухов.

— Вот и передай. Воевода архангельский, мол, ждёт. Очень важный разговор. Пока будь гостем. Идём к нашему шалашу.

— Как же олени? — обернулся Хаулы к животным.

— Не горюй, — засмеялся Афанасий. — Мой парнишка их вкруговую к стану приведёт,

напрямую-то всё равно не проедешь — кусты, ерники. Ивашка — паренёк смышлённый, он разберётся. А мы пешком, поговорим по дороге. Ивашка, справишься с оленями?

— Господин воевода, я же никогда не ездил на них.

— Не дрейфь, казак! Здешний олень спокойней нашей лошади в десять раз. Возьмёшь вот этого главаря за уздцы и поведёшь в лагерь по чистой тундре. Вот так, — показал рукой Афанасий путь Ивашке. — В кустарник не лезь, обходи стороной, а то построжки запутаются — пропадёшь тогда. Понял? Ну и топай, хорей, шест то есть, не забудь.

Дав указания Ивашке и проследив, как он справляется, Афанасий встал, отряхнулся и обратился к Хаулы:

— Давно за нами наблюдаешь?

— Моя Тар Ямал послал охранять святое место Ямал-Хе. Я море смотрел, оттуда мало-мало видно Белый. Увидел большие лодки, Тар Ямал послал моя спросить, куда идут лодки. Что за люди, зачем по тундре бродят, что ищут?

— Нам скрывать нечего, со временем всё без утайки расскажем. Ты для начала скажи, долго ли лёд будет стоять в проливе?

— Если Нгэрм пошлёт сильный ветер, то лёд скоро в море уйдёт, может ещё солнце растопить, если по-настоящему жарить будет.

— Кто такой Нгэрм? Не знаю я такого.

— Большой бог, там живёт, — ткнул Хаулы рукой на север и, помолчав, поведал. — Я пойду лодкой на Белый, когда льда в проливе не останется. Оленя-дикаря-илебца буду брать. Тынзян⁵ новый нужен, из кожи дикаря вязать надо.

Афанасий кивнул, он знал, что шкура дикого оленя очень высоко ценится у ненцев. Илебць раньше домашнего уходит на север, переходит по льду залив и всё лето и осень до нового ледостава кормится на Белом. Дикие важеньки рожают раньше домашних на месяц-полтора, что позволяет ягнятам без труда идти вслед за матерью, а матери — за самцом. Стада, таким образом, не несут больших потерь. На Белом их, диких оленей, пруд пруди. На острове к тому же благодаря близости полярных льдов летом нет гнуса, нет и известных врагов оленей — волков. Обширных пастбищ тоже нет, поэтому на зиму олень уходит на материк,

идёт до Камня (Уральских гор), а то и в богатые тобольские леса. Поскольку дикаря не жрёт гнус, шкура его цельная, без дырок — не прокусана, крепка, хороша для выделки, из неё получается добрая сбруя, упряжь, арканы. Такая шкура высоко ценится и идёт у ненцев как разменная монета, за одну шкуру илебца дают десять домашних.

Не успели путники подойти к становищу, как их окружили мореходы, казаки, стрельцы, разглядывая самоеда как диковинку, удивляясь на пёструю роспись одежды, обуви, на полное равнодушие самоеда к гнусу. Василий Севрюк стоял в стороне и ухмылялся, он за последние двадцать лет восемь раз ходил на Мангазею, ненцев навиделся, понимал их хорошо, знал, что они не боятся гнуса, наоборот, гнус боится запаха их тела, источающего резкий, годами не смываемый вонливый пот. Знал он и другое: что в Заполярье комара не так уж и много, и что там, куда они направляются, куда также спускаются, кочуют и ненцы, гнуса значительно больше, и что он крупнее и кусачее. Те же, кто в походе был первый раз, с любопытством и назойливостью рассматривали лёгкую, просторную и в то же время непрокусываемую насекомыми одежду — малицу Хаулы. Стрелец Игнашка, крещённый татарин, протянул руку к поясному ножу ненца, но Василий перехватил руку и двинул локтём татарина в бок так, что Игнашка начал хватать ртом воздух, словно рыба на суше.

— У самоеда нож, что у казака сабля, — басом сказал ему Василий на ухо так, чтоб всем было слышно. — Никогда не тронь. Тронул, значит, надо меняться на подобную вещь. А тебе и дать нечего. Сабля твоя ему не нужна, в тундре сечь, рубить наотмашь не принято, да и некого. Пищаль отдашь, а без пищали тебя командор враз жалованья лишит или выгонит. Так, господин воевода?

— Вестимо, так. Не зная брода, не суйся в воду. Ты, Игнашка, не стой колодой, займись-ка лучше угощением гостя.

— Что за белая кость у него к поясу прикреплена? — спросил у Заварзина один из поморов.

— Оберег. Его из медвежьего зуба делают.

— Правда? Смотри, какой огромный клык.

Хаулы что, сам такого большого мишку завалил? — заудивлялся мужик, разведя руками.

— Ты сам у него спроси, не убудет.

— Для чего он, клык-то энтот?

— Я же тебе сказал, оберег, — нетерпеливо рявкнул в ответ Заварзин. — От чертей охраняет, от чёрного сглазу, от неудач на охоте, да мало ли.

— Язычники. Чтоб их черти драли, — понизив голос, прошептал помор.

— Язык не распускай!

Хаулы Окатетто, ошарашенный большим сборищем людей и усиленным к себе вниманием, смущённо улыбался, пожимая руки бородатым и наголо обритым луця, то есть русским. Руки их, видел он, мозолисты и мускулисты, выше локтей белы, как моржовый зуб, а лица от солнечного полярного загара и морских ветров просолены и черны. К крайнему шатру подъехал Ивашка, он легко управился с упряжкой и уже не шёл, а сидел на нартах, как заправский каюр. Он лихо, так же, как и до того ненец Хаулы, вонзил хорей в торфянистую почву, привязал жоака к копылу и помахал рукой ненцу. Мол, всё хорошо, олени доставлены. Рядом с ним так же гордо трусил Полкан, всем своим видом показывая, что он на берегу занимался важным делом, а не бил, как прежде, баклуши на палубе.

— Хаулы, идём к костру, — пригласил Афанасий.

— Мэтта итя — смотреть нарта надо, — он подошёл к упряжке, оглядел узел кожаных вожжей — верно ли, надёжно ли за копыл саней привязаны. — Смотри-ка, начальник, твой казачок как ненец вяжет!

— На море узлам выучен, — довольно засмеялся Севрюк, словно его, а не парнишку похвалил самоед. И вполне заслуженно похвалил, он лично учил мальчика вязать морские узлы. Знание такое являлось обязательным для любого помора с детских лет.

Костёр меж тем поджигили, он пылал вовсю, в его прожорливую пасть шли брёвна, сучки плавника, притащенные поморами с берега моря, которые лежали для просушки срубом, выбеленные морем и солнцем. Посреди кострища на чугунной треноге стоял огромный — на шесть вёдер, закопчённый до ушей-прихватов медный казан, в котором варилась уха,

распространяя душистые запахи по всему берегу, такие вкусные для уставших, наработавшихся людей, что слюнки текли. За время путешествия, начиная с Югорского шара, мореходы не ели горячего, обходились сухомяткой. Волны, постоянно ходившие в море, не позволяли разводиться огонь ни в корабельной каюте, ни на палубе коча.

— Хаулы, ты уху любишь? — спросил Ивашка.

Ненец, чтоб не обидеть хозяев, неопределённо пожал плечами. Ивашка не знал, что самоеды редко едят варёное, предпочитают всё сырое. Мёд, соль, хлеб тоже не признают.

— Ничего, съест, не отравя. Распробует, потом за уши не оттянешь, — сказал вслух Василий больше не самоеду, а мужикам, столпившимся с мисками и ложками у казана.

Перед трапезой по обычаю встали все в ряд, сняли шапки, ушанки, кепки и помолились, мелко крестясь и кланаясь:

«Очи всех на Тя, Господи, уповают, ты даеши нам пищу во благо и во времени. Отверзаеши Ты щедрюю руку Твою и исполняши всякое животно благодение...» Молитва скорая, как раз для полярных мест, где постылый гнус не даёт долго псалмы распевать.

Дымящуюся паром уху разливали огромным черпаком по деревянным мискам, сухой хлеб ломали через грудь. Десяток здоровенных двухаршинных щук и прочую мелочь выловили перед раздачей из варева и положили на скошенную саблей зелёную траву.

— Подай гостю свежую рыбу, — подозвал Афанасий Игнашку, шепнул на ухо. — Не вздумай щуку предлагать. Не едят они её, не считают рыбой. Запрет у них на неё. Понял меня?

— Понял, — ответил Игнашка и полез за рыбой.

Полкан метался меж двух артельных котлов, благодарно махая хвостом тем или иным едокам за подачку, ловил на лету брошенные вверх объедки.

Хаулы поковырял варёную рыбу и отодвинул. Игнашка уловил момент, живо смотался к реке и принёс из свежего улова двадцатифунтовую нельму и подал с улыбкой самоеду. Хаулы тут же, на глазах моментально снял с неё шкуру чулком, распотрошил и начал, смачно

причмокивая, за обе щёки уплетать рыбину. От соли, предложенной ему, отказался, хлеба небольшую краюшку взял и назвал, пристально рассматривая, по-ненецки «нянь».

— «Нянь» — хлеб, стало быть, по-нашему, — растолковал непонимающим один из казаков.

— Если есть название, то, значит, едят его, — поддержал его другой.

— В Мангазее, знать, покупают или обменивают, там хлеб из привозной муки пекут. Может, муку берут, чтоб самим печь, у нас учиться. Мы-то без него никуда, хлеб у нас всему голова. Может, и до них дошло — распробовали.

— В Мангазею не только муку везут, туда купцы со всего света съезжаются. Шёлк, парча, меха, сбруя, кожа, оружие и много чего другого привозят. Проще сказать, чего не везут. Самоеды на побрякушки падкие, всякую дребедень на меха обменивают.

— Продукты хоть и везут, а всё равно запасов частенько не хватает — не довозят либо рассчитывают неверно, — поделился с едоками Афанасий, переживший три года назад голодную зиму, угостившую всех цингой. Спасали людей самоеды, привозили вяленую, мороженую рыбу, пускали под нож пелея (крайнего справа из упряжки оленя). Мясо, кровь, шкуру отдавали за просто так. Весть о страшной напасти дошла до Обдорска, город, поднатурившись, собрал обоз со съестными припасами (люди порой отдавали последнее) и погнал его в Мангазею. Однако как ни старались дойти быстрее, но далёк и долог оказался путь оленного аргиша из Обдорска до Мангазеи. На пустой-то нарте — неделя, на гружёной — вдвое больше. На пути наперекор обозу встали метели, пурги, небывалые в том году морозы. Они же не давали местным охотникам выходить на рыбный промысел, хоть как-то поддерживать оголодавший люд. Пока помощь пришла, рядом с городом большой погост вырос, гораздо больше существующего 20 лет. Мёрли прежде всего и почти поголовно приезжие, по тем или иным причинам оставшиеся на зиму в городе. Скончались несколько сотен и местных горожан. Люди продолжали умирать даже тогда, когда пришла помощь со съестными припасами. Цинга, психические расстройства — самые страшные заболевания в

долгую полярную ночь и в не менее долгую студёную зиму.

Трапеза заканчивалась, рыбу запивали крепко посоленной ухой — загустевшей юшкой, вдогонку зажёвывали снедь репой. Репой угостили и Хаулы, тому она жутко не понравилась, он куснул разок, пожевал и с трудом проглотил. Огрызок с отвращением долго рассматривал и, покосившись на едоков, отложил в сторону.

— Не нравится самоеду монашеская пища, — засмеялся кто-то из стрельцов.

— Ему она не нужна. Мяса и рыбы — валом. Ешь — не хочу, — сказал другой. — Видал, какие олени упитанные. Их у самоедов тысячи — стадо за стадом. А рыбы — она сама в сети прыгает. Однако нам всё одно благодарить должно монахов — сеятелей, землепашцев, они для нас своего труда не жалели — корячились, спины гнули.

— Это точно, — поддержал первый. — Русаки куда без репы да квашеной капусты?

— Бог напитал — никто не видал, — плотно поев, встал с чурбака Афанасий, перекрестился двупёрстно и после общей молитвы, зачатой Козьмой, добавил: — А кто видел — тот не обидел. Мореходы, служивые люди, слушай, что на завтра скажу, кого какое дело ждёт. Яшка, Петро — стан сторожить. За кострами Ивану с Семёном смотреть, чтоб не разгорались особо и чтоб не гасли, в оба глаза глядеть. Без костра, а значит, и без еды — что за жизнь? Не походная она, а тюремная, — раздал он наказы походникам, всем по порядку, повернулся к Хаулы и Севрюку, проговорил, улыбнувшись: — Вот теперь можно и разговор продолжить. На сытый желудок — варит рассудок.

Люди потихоньку расходились от костра, кто мыл посуду у реки, кто готовил, таская на кошению траву — готовя постели ко сну. Сметливые нагребали из костра угольки в оловянные плошки, черпаки, ведра, накладывали сверху сырого мха — делали дымокуры, тащили их в шатры, устраивали набившемуся за день туда гнусу войну, выгоняя вон из жилища. Время подходило к ночи, но солнце и не думало уходить с небосклона, только подкатило ближе к горизонту, к тому месту, откуда пришли кочи, и, казалось, замерло в потемневшей голубизне неба. По реке там и тут рас-

ходились круги от играющей по глади, бьющейся в сетях рыбы. Рыбаки, озадаченные воеводой, вновь спустили на воду лодку, пошли выбирать рыбу, которая ходила ходуном в поставленных ещё с утра сетях.

— Богатая речка, — произнёс Афанасий, ворячая палкой трескающие и сыплющие искрами угли. — Никто, видать, здесь её не тревожит. Хаулы, ты чем рыбу ловишь — сетками, мордами?

— Моя мало совсем ловит. Таких сеток, как ваши, нет у моя. Моя олень пасёт, песец ловит. Тар Ямал много слопец^б имеет. С десяти хвостов один — мой.

— Своих нет, что ли, капканов, ловушек?

— Не поэтому. На чужой земле мне нельзя свои слопцы заряжать. Вся занята, ничьей мало, назад поеду — знаю, где поставить. Заряжу и поймаю, — уверенный в добыче, ответил твёрдо Хаулы.

— Вот оно что!.. Тундры много, а земли мало. Всё как у нас. Оленя тоже нельзя пасти на чужой земле?

— Оленя пасти можно, песца ловить нельзя.

— Странно, запрещать — так всё... — задумчиво ответил Афанасий.

— Летом маленьких живём ловлю, зимой вырастут — продам. Щенки песца хорошо в чуме живут, не убегают. Летом он норный, — крутанул Хаулы руками, изображая нору. — Живым песца ловить Тар Ямал разрешает. Продам, Мангазея поеду, жена товар брать: бусы, нитки, себе — капканы.

— Денег много надо, ты богат?

— Нет, моя не богат. Раньше, о-о! — мечтательно протянул ненец. — Раньше много оленей водилось. Я бога оленей обидел, копытка всё стадо съел, сейчас пастухом работаю Тар Ямала.

— Как платит?

— Двести оленей есть, когда шесть лет назад с жена пришёл к нему, три оленя было, они чум везли, моя пешком шёл.

— По тридцать с лишним оленей в год выходит, — быстро посчитал Афанасий. — Неплохо, щедрый на руку ваш вождь.

— Трэм, — подтвердил Хаулы.

— Где ты так хорошо научился по-русски? — спросил воевода, по-прежнему что-то прикидывая в уме.

— Мангазея жил, Обдорск, торговал, Тар Ямалом ездил, ясак платили казне. Ваша церковь ходил, русского Бога на икона видел — русского тадибея⁷, ваша поп слушал, запоминал. Так и научился. Моя способный, Тар Ямал так про моя говорит, — не без гордости похвалился Хаулы.

— Сам ясака много платишь?

— Твоя что не понял?! Моя не платит, — удивился немало самоед. — Моя Тар Ямала работает, он за меня платит. Он за всех, кто у него работает, платит.

— За всю тундру, за весь остров, что ли? — в замешательстве переспросил Афанасий.

— Зачем за всю, — опять удивился ненец непонятливости луця. — Есть другие хозяева, он только объезжает всех своих, ясак сам собирает и аргиш⁸ в Обдорск ведёт, там рассчитывается. Кто не может платить — разорился или копытка напала, стадо прикончила — те помощи просят, он не отказывает. Не может старший богатый ненец отказать соплеменнику. Он ясак за них платит. Должник потом отработывает. Лучше отработать, чем уклоняться от уплаты. Позор.

— Конечно, — согласился с Хаулы Афанасий. — Лучше в долг залезть, чем плетей от воеводы обдорского получить. Скажи-ка мне, Хаулы, много ли в ямальской тундре родов, семей?

— Точно не знаю, — задумался самоед, поднял глаза к небу. — Многа, считать надо, ездить.

— Скажи тогда, кто твои родители, живы ли, где сейчас они?

— Хельмеры⁹, — погрузнев, потупился Хаулы.

— Прости. Не знал. Земля им пухом, — повинился Афанасий, голову склонил.

— Наша в землю не хоронят, — поправил его самоед. — Наша в ящик ложат и на земле оставляют, считают, что человек не умер, а просто ушёл из стойбища, из племени.

— Как думаешь, Хаулы, тундра сможет помочь нам? — перешёл к делу Афанасий.

— Что делать? Оленей пасти, рыбу ловить, охотиться? — прикинулся непонимающим хитро-мудрый Хаулы, сам-то уже прекрасно уяснил, что задумали русские.

— И это тоже, но я о другом, впрочем, с тобой такое не решишь. С вождём надо, с Тар Ямалом.

— Трэм. Это так. Тар Ямал самый старый в нашей тундре, самый мудрый. Он богатый, честный, его уважают, его слушают. За помощью только к нему — он вождь. Как вождь скажет, так и будет, — без тени сомнения ответил самоед.

— У тадибея, у шамана не надо спрашивать?

— Тар Ямал и вождь и тадибей, по-вашему — большой поп. Вождь, наверное, говорить будет с Сэру Ирику, сейчас он как раз стережёт его. Сэру Ирику скажет: «Помоги», и ненцы помогут луця.

— Как скоро я смогу увидеть Тар Ямала?

— Тар Ямала? До него, моя уже говорил, день пути. Вот эту река обойти или переплыть надо. Зачем искать? Тар Ямал через два дня сам здесь будет. Он здесь весной каслал, чумы здесь оставил. Видел их с горы? За ними придёт.

— Нарты я видел. Значит, придёт, говоришь... — сложив руки на груди, произнес Афанасий. — Ты когда к нему едешь?

— Завтра. Сегодня не могу, олень устал, отдых нужен. Тяжело летом с санями ему.

— Посему второй раз и настоятельно прошу: передай Тар Ямалу — очень он нужен мне, дело есть. Передашь? — воевода пытливо глянул на ненца, а тот уверенно кивнул вместо ответа. — Ага, тогда я подожду. Почивать где будешь? Айда в мой шатёр, там хорошо, мужики гнус выгнали.

— Не-е, моя с оленем будет, летом с оленем хорошо спим.

Рано утром Афанасия разбудили негромкие, со сна сильные голоса рыбаков, собравшихся у костра. Видать, ожидали, когда туман рассеется. Нагнувшись, чтобы не задеть низкий потолок шатра, Афанасий вытащил из сидора, что лежал сбоку, расшитое красными петухами льняное полотенце и сразу вспомнил Аглаферу, её глаза, гибкий стан, и на душе стало теплее и одновременно тоска нахлынула. Он частенько в походе вспоминал её — девку русскую, подневольную. Прикипел к ней, при отъезде наказал брату Бажену, чтоб не трогали, тем более замуж не надумали отдать.

Бажен сначала воспротивился: зачем, мол, тебе девка сенная, ровни, что ли, мало. Но взглянул в глаза брата и осёкся. Столько в них

стояло решимости, непреклонности, что не до возражений стало. Понял Бажен, что братуха сильно втюрился и от своего не отступится. Знал он, что становится у него на пути себе дорожке. Она-то, Аглафера, и собирала его в дорогу, вот и рушник, расшитый цветасто, мастеровито, дала. Окунулся в сладкие мечты воспоминаний Афанасий и вылез из-под полога своего самого маленького из всех шатра, распрямился, с наслаждением потянулся и замаха руками, разогревая мышцы. Схватил за сучки колоду в два раза толще себя, что лежала в срубе, несколько раз подбросил и уложил аккуратно на место. Хотел крикнуть Ивашку, который один из всех спал с ним, но пожалел казачка, подумал: «Пускай понежится мальчонка, придёт время — напашется», и зашагал к реке.

Солнце, оказалось, и не уходило совсем, оно вроде как стояло на том же месте, что и вчера, разве что чуть сместилось к востоку. Судя по его вчерашнему короткому и открытому закату (без облаков и туч), день обещал быть погожим, погода — вёдренной. Костры не потухли, горели вполсилы. «Молодцы, выполняют распоряжения», — похвалил про себя воевода казак. Возле котлов уже крутился Семён, закладывал уху и вполголоса ругал выползших из всех щелей комаров.

Афанасий ухмыльнулся в бороду, подумал, что теперь долго ухой они кормиться будут. Не было в этом ничего страшного, поморы на рыбе живут, на рыбе выросли, монахи тоже, стрельцы, почти все из тех же поморов. Вот казаки — с теми сложнее, у тех рыба не каждый день, они больше мясо предпочитают. В основном это люди, переметнувшиеся на север после похода на Москву Ивана Болотникова. Ивану башку срубили, их разогнали. Куда разбойникам деваться? К себе, в донские степи, в Белгородчину не сунешься, тамошние воеводы наставили столько заслонов, что ни волку пролезть, ни соколу прорваться. Оставалось к полякам, тогда придётся по разорённой русской земле через захваченный шведами Смоленск пробиваться. Больно надо — потеряешь последнее: и лошадь, и седло, и, может стать, даже волю. Оставался русский север: Новгород, Архангельск, Сибирь-матушка. Отча-

янных, отъявленных, даже, можно сказать, бандитских казачишек особо-то никто не ждал. Их особо-то не привечали, сторонились, отказывали, вот они и прибились к Афанасию, когда узнали, что он поход в Сибирь, на Мангазею затеял. Их не пугал неизвестный край, не пугал холодный, мёрзлый север, не пугал гнус, они хлебнули лиха и были ко всему готовы. Поначалу-то между ними и поморами возникали трения, но потом притёрлись, пообвыклись, даже некоторые дружить начали. Русские же люди — душа нараспашку, смерти не боялись, наоборот, заигрывали с ней, а если требовалось, то и с песней смерть принимали. Всё им знакомо. Чего ещё надо? Тем более зипуны у воеводы бесплатно давали, сапоги, сукно на кафтан, кормили на убой. Казённая каша — не пустая, с наваром, с вяленным мяском — сытная, обжорная, и не только она.

«Обтешутся казаки, — решил Афанасий. — Со временем без рыбы жить не смогут, будут лупить не только варёную, но и сырую». Умылся Афанасий, скинув сорочку, по пояс, холодная вода обжигала, бодрила тело, дух. Пока умывался, мужики накрыли стол, часть из них, на ходу перехватив, спешили к лодкам, одни — поднимать, выбирать сети, другие — на охоту за крупным морским зверем.

— Доброе утро, господин воевода! — незаметно подкрался Василий, тоже любитель рано вставать — такая же, как воевода, ранняя птаха.

— Доброе, доброе. Пойдёшь со своими зверобоями или останешься здесь? Оставайся, дел полно.

— Нет, не заманишь, воевода. Пойду на промысел. Я тут уже бил тюленя, места знаю. Мало тогда его было. Всего трёх за три дня взяли, в бурю ещё чуть не попали, еле ноги унесли. В бурю попал — считай — пропал. Может, сейчас повезёт.

— Может. Здесь нерпы много. Заяц морской есть. Вчера в воде видел их круглые головы, — припомнил Афанасий, как ходил места осматривать.

— Они рыбу ловят, её много скатилось из озёр и рек после паводка. Вот и жирует зверь на мелководье, в устья рек не ленится заходить. Ночью сеть нерпа порвала, скрутила всю и ушла, зараза. Нерпу будем бить, её жир в зимнее время ой как пригодится.

— Жиру на зиму возьми в устье Мутной, там тюленя много.

— Нам и сейчас жир не помешает, у мужиков сапоги скоро протекать начнут — скукожились от воды да от жары, — с заботой в голосе ответил Василий, поглядывая на ноги.

— Что точно, то точно, у меня вон тоже ссохлись, утром едва натянул. Что касательно воды, то в тундре её хоть отбавляй, мерзлота же больше чем наполовину из воды. Представь себе: если её растопить, что тут будет, — не суша, а море. Мхи, что её покрывают, тоже почти целиком из воды. Не дай бог дожди пойдут, тогда вообще беда, сапоги наши не сохнуть, а гнить начнут. Пойдём, слушай, на корабль, чего мы тут посреди тундры стоим, заодно посмотрим, что да как... — махнул Афанасий в сторону берега.

— Пойдём. Только давай сначала живот мал-мал напитаем.

Напитали, и не мал-мал, а под завязку — день длинный, дел по горло, на голодный желудок не наработаешь. Опосля осмотрели большую часть кораблей, приготовленных к промыслу. Придаться не нашли к чему, всё блистало, к охоте подготовлено, сели на крепко стянутый верёвками разобранный насад, который предназначался для перевозки груза по мелководью, по суше — при волоке.

Начать работу по рытью канала намечали с Зелёной, сначала поставить небольшой городок в её устье, за зиму обжить его и начать работу на следующий год, сразу после окончания ледохода.

Городок ставить хотели к востоку от канала, как уже говорилось, в устье реки, которая впадала в Мангазейское море, и помощь в его становлении ожидали из Обдорска по льду моря. Выбор места поселения ещё тем хорош, что мимо града не пройдёт незамеченным ни одно судно. В хорошую-то погоду с возвышенного места поселения видно не только море, но и даже противоположный крутой берег Гыданского полуострова.

Покамест судна волоком перетаскивали, отвозили людей в устье Зелёной, чтобы впоследствии создавать там факторию, ставить дома, таможенный приказ, часовню. Часовенку — обязательно, только благодаря ей настоятель Соловецкого монастыря Алексей выделил не-

достающие средства для похода. Сказал, что, как построят часовню, пришлёт из Тобольска ещё людей, а вместе с ними дополнительно монахов. Велико было желание у чернецов всю тундру окрестить, продолжить благочестивое дело святого Стефания Пермского. Тот вместе с соловецкими монахами многие годы положил на крещение лопарей и кольских ненцев. Обращение в веру ямальских ненцев и предполагали начать с этой часовни, так что монахам при строительстве её придётся попотеть наравне со всеми, а может, и более. Впрочем, им это не в тягость, ещё со времён татарского ига в Уставе Соловецкого монастыря записано: главное для верующих — труд, труд и ещё раз труд во имя Господа Бога и державы. Тяжёл и однообразен порой он, но ничего лучшего не придумано в суровых монашеских условиях.

Афанасий хлопнул рукой по связанной стопке сухих досок разобранного насада и поднялся, снова перешёл к делам насущным, спросив:

— Что это мужики твои засуетились, зачем-то бочки с судна к реке катают? Им что, делать нечего?

— Почему нечего, то я распорядился. Баба с возу — кобыле легче. Суда надо к охоте облегчить, при безветрии на вёслах придётся ходить. Бочки к тому же хочу водой заполнить.

— Рассохлись, что ли?

— Бог миловал. Хорошие мастера на Валааме, обруча плотно набиты, материал из дуба, доска к доске надёжно пригнана, плотно. Делу, однако, не повредит, если перед засолкой зальём водицей.

— Понятно. Ну, удачи тебе, кормщик. Ни пуха ни пера.

— К чёрту! — сплюнул через левое плечо Севрюк.

Через некоторое время два малых коча по одному отчалили от пристани и, с трудом развернувшись в теснине речных берегов, ходко пошли в море. Ветерок оказался попутным, как раз со стороны тундры, он живо наполнил паруса. Даже с берега стало отчётливо слышно, как шуршит и скребётся парусина. Тут же недовольно загалдели, завопили проснувшиеся крачки, поднятые с песчаной косы мелкой волной.

Стан окончательно просыпался, несколько человек из отряда с топорами, баграми и верёвками отправились тягать брёвна из воды. К Афанасию подошёл чем-то озабоченный десятский Корней Заварзин и спросил:

– Долго ли будем стоять здесь, господин воевода?

– Дождёмся местного вождя – шамана Тар Ямала, надо с ним важное дело обсудить. Будем просить помощи от тундры, без ненцев мы вряд ли осилим рытвё обводного канала, строительство таможи. Если он даст добро, то у нас не только не будет козней с их стороны, но и в рабочей силе, в мясе, рыбе не будет проблем. Его влияние распространяется не только на местных самоедов, оно очень велико, его хорошо знают в Пустозёрске, Обдорске, Мангазее и даже в Тобольске. Силён старый. Он должен не только оказать помощь, но и благословить задуманное нами предприятие. Иначе дело не пойдёт. Мы, я, в частности, должны убедить его в полезности начинания.

– Он что, местный епископ или патриарх? – усмехнулся Заварзин.

– Почти, только языческий.

– Выходит, долго будем стоять. За два дня с таким делом не управишься, дня три-четыре потребуется.

– Может, и больше. Дело того стоит, – уверенно ответил Афанасий.

– В таком случае, чтоб время зря не терять, надо хоть рыбки подкормить, подвляить. Дождей нет, солнце ярко светит, ведро долго ещё простоит, ветерок северный, благоприятный налетает. Эх, благодать-то какая! – мечтательно поглядел на чистое небо Корней. – Самый раз сейчас, тем более рыбы – прорва, сама в сети лезет. Дураки будем, если не воспользуемся.

– Дело говоришь, бери людей и начинай смело. На дым для копчения брёвен наловите, можно и берёзу местную карликовую, в ней что хорошо – дёгтя мало, не то что в родной сестре с земли, её только прорву надо.

– Что ж, пошёл я, воевода, людишек собирать.

– Давай.

Довольный десятский зашагал косолапо к артели рыбаков, переговорил с ними, и они тут же начали ставить шесты для вяления рыбы.

Стрельцы тоже нашли занятие – натягивали

пеньку меж кольев, вешали на неё для просушки подмокшую, отсыревшую одежду. Они, помимо походной одежды, сшитой из сермяжной ткани чёрного цвета, имели броские алые кафтаны с нашивками на груди и высокие шапки с опушкой из барсучьей или овечьей шкуры. Эта одежда предписывалась для парадов и встречи заморских купцов, а также при таможенном досмотре кораблей. Стрелец при параде с бердышом, а! Красавец, да и только! Тяжёлые бердыши для представительства и отпора пиратам везли с собой.

У Афанасия тоже имелся такой кафтан, отличался он от рядового опушкой по подолу, воротнику, только вместо стоячего воротника – шалька, а опушка шапки сшита не из овечьего, а из соболиного меха, и кушак, и петлицы расшиты золотой нитью. На шапке ярко белел вышитый речным жемчугом византийский орёл.

Наконец Афанасий добрался до палатки, только собрался положить на место полотенце, как подошёл заспанный Хаулы.

– Здравствуй, Хаулы. Как спалось? – спросил Афанасий. – Я вижу, ненцы любят помять бока.

– Ань торово, здравствуй, воевода. Что есть, то есть. Но может моя сутками не спать и при этом работать без усталости. Моя двое суток не спал.

– Знаю, знаю. Когда выезжаешь или остан... – вырвалось у Афанасия, но сразу осёкся – очень не хотелось ему, чтоб задерживался гость.

– Трэм. Сейчас поеду. Быстро надо. Вождь ждёт меня с ответом.

– Возьми у Игнашки сырой рыбы, поешь на дорогу. Сушек возьми, да чего есть – бери. Я Василию накажу, чтобы снарядил снедью в дорогу тебя.

– Спасибо, спасибо. Ничего не надо. Моя так хорошо.

4. Смута

Афанасий не дал договорить ему, перебил с неудовольствием в голосе:

– Как это «ничего не надо». Э-э, брат, так не пойдёт, ты мой гость. Вон и Игнашка бежит,

рыбу тащит. Давай садись снедать. Садись, садись! Рыба свежая, только из реки, как раз на ваш вкус. Я сейчас, — сказал он и зашёл в шатёр, неспешно надел кафтан, перетянул себя поясом с висящей на нём кривой саблей в видавших виды ножнах и вышел. Кликнул Заварзина и повелел принести несколько тюков с вещами, непременно тех, в которых были котлы и свечи.

— Подарок для колдуна? — спросил, кривясь, Заварзин.

— Чего кривишься? Для подарков тундре товар и брали. Считаешь, дорого, расточаем? Не скряжничай, не простого человека в гости ждём, а великого. Под ним вся тундра ходит, а знают его во всех землях, что с Ямалом связь имеют. Я думал, позову его по приходе в Нейтинские озёра. Однако на ловца и зверь бежит, тут, видать, и Господь помог, по-своему решил. Ты-то чего жмёшься, чего не договариваешь, по глазам вижу, что-то есть на душе, что-то тревожное? Дело ли — скрывать от своего командира. Не томи, говори что! Я пойму. Что не так?

— Монаси-чернецы наши недовольны, что с колдуном, с ересью дело иметь будешь. Кое-кто и из стрельцов ропщет.

— Понятно, что ещё им не нравится? — уже заводясь, спросил Афанасий, и глухая досада закипела в душе. Ведь говорил же перед походом на кругу, что в его дела не даст никому лезть.

— Монахи глаголют, что это не что иное, как ведьмак, раз с антихристом шашни заводишь, что от такого не жди ничего хорошего, страдает всё, мол, наше дело. Они — что плохо — об этом не только меж собой говорят, но и стрельцам, казакам втирают.

— Надо же, вот стервецы. Не знал. Это гораздо хуже, ладно бы меж собой. Ты сам-то что думаешь?

— Как сказать? — замялся Заварзин. — Я в этих делах не очень-то разумею. Может, и правы они, может, нет. Антихристы они и в тундре антихристы.

— Плохо, что так мыслишь. Чтобы там ни было, за общее дело надо стоять, а не смуту поддерживать. Ладно, как уедет самоед, собирай народ, буду из заблудших ваших голов

дурь вышибать. При самоеде не хочу сор из избы выносить. Разногласия — наша слабость, а не сила. Нам сейчас они как никогда не нужны. К главному делу приступаем. Ты хоть понимаешь, к чему я клоню?

— Я-то понимаю, я ничего не имею против, а вот монаси, стрельцы!..

— Кто заводила, часом не иеромонах?..

— Он, Козьма, у них всем правит. Начитанный, нетерпимый. Монаси за ним держатся, без него ни шагу.

— Ладно, разберёмся. Иди, неси тюки. Надо в путь Хаулы отправлять.

Хаулы уже дожидался у запряжённых оленями нарт, поклажу, принесённую Заварзиным, вместе с другими подарками тщательно уложил, крепко увязал, прыгнул в нарты и, помахав прощально хореем, скоро скрылся за сопками.

Афанасий проводил долгим взглядом удаляющегося, совсем ещё молодого, но толкового самоеда и, перекрестив его, сказал: «С Богом!»

Тут же, как только отъехал самоед, он, не теряя времени, отдал приказ собраться на круг — на сход всего отряда на поляне возле костров.

— Э-э, чёрт с ним! Дело серьёзное. Ивашка, бей набат, созывай народ, — решил сразу он брать быка за рога.

Ивашка притащил из воеводского шатра барабан и ударил по нему палочками, выбивая набатную дробь. Тучков сел на широкую скамью, сработанную из брёвен, выжидая, когда народ весь, за исключением охотников, что ушли в море, соберётся, и задумался. Люди сходились, недоумевая, в чём дело, зачем это среди бела дня воевода бьёт в набат, отрывает их от насущных дел. И вот нате вам, уже сам краем уха уловил нелицеприятные высказывания в свою сторону, но пока и бровью не повёл, накапливая гнев. Сидел, грозно и грузно опершись на свой воеводский посох — символ царской власти, дарованный ему государем.

— Походники! Я собрал вас среди дня не просто так, а вельми по тревожным обстоятельствам. Нашлись среди нас люди, которые в открытую высказываются против моего слова, моей власти, моих решений. Вы все знаете, что на корабле и в походе слово капитана — закон. Кто

они — эти люди? Как посмели выступить против закона, против моей воли?! — зычно и властно начал он. — Кто против капитана, кто против моей связи с Тар Ямалом? Кто?! — потребовал он ответа от разношёрстной толпы, взявшей его в кольцо и не предвещавшей, казалось, ничего хорошего. — Кто сеет смуту?! Выходи, говори. При всех говори, нечего за спинами шептаться. Или кишка тонка? Или трусите?!

— Я против, воевода, — раздвинул людей плечом иеромонах соловецкий Козьма и решительно вышел в круг, выпятив вперёд грудь и клокастую посеребренную бороду.

— Чем тебе, монах, не по душе моя воля? Говори!

— Тем, что язычников привечаешь. Зачем нам еретики в своём стане? Почто веру нашу православную позоришь?

В толпе поддерживающие его людишки глухо зароптали, толпа сплотилась и угрожающе придвинулась к Афанасию.

— Монах, здесь не монастырь, зачем ты со своим уставом на корабль лезешь?

— Да, здесь не монастырь, но Русь-то и здесь, она никуда не делась, а Русь — держава православная, зачем нам нехристь, язычники? Разве Ямал не данник Москвы? А раз данник, пускай и живёт по московским меркам.

— Какой ты, однако, тёмный и зловедный монах. Да, ты прав, на Ямале — московская власть, а вера у местного народа своя, в отличие от нашей, не православная, а языческая. Что же выходит — мы с людьми другой веры и дел не можем водить?

— Надо их крестить в первую очередь, а уж потом... — как-то неуверенно проговорил Козьма, видать, сам понимал, что это не выход.

— Ха, крестить, а ты знаешь, сколько на это уйдёт времени — не одно и не два лета, а десятки. А дело наше что?! Пускай постоит, подождёт? Или ты хочешь, как великий князь Руси Владимир, огнём и мечом загнать инородцев в воду и насильно, против их воли, за один день окрестить всех? Ты думаешь, они, как бараны, пойдут за тобой, они войну объявят. Крови человеческой хочешь. А как же заповедь Христа: «Не убий!..» Ты зачем сюда на эту землю пришёл, монах?! Воевать, местный народ резать?

— Что ты, что ты, воевода! Я не хочу никакой крови. Помилуй бог, Афанасий Тихонович, — попытался иеромонах, задёргал козлиной бородой. — Я хотел, чтобы так же, как в Коле, это происходило, как в Перми, на Двине.

— Хотел он... Там, прежде чем крестили, изучали уставы, устои, нрав народа, чем он дышит, чему молится, упорно и неустанно разьясняли, что такое вера в Христа, наша православная вера, чем она лучше языческой? Надо, чтобы люди к нам шли добровольно с открытой душой и чистой совестью, а не озлоблёнными принуждением. Веру отцов, предков разве возможно похерить наскоком, за один день. Тут терпение нужно и ещё раз терпение. Не к этому ли нас призывает Священное Писание.

— Тебя послушать, Афанасий Тихонович, так долго ещё прихожан из местных жителей не будет в нашей церкви. Я о той часовне, что собрались поставить на Зелёной... — чуть поумерив пыл, ответил Козьма.

— Тебе какие прихожане нужны? Чтобы в церкви отмечались или такие, которые сердцем чувствовали прикосновение к телу Христа, чтоб верили. Фарисеев хочешь наплодить в ямальской тундре? Как ты собрался проповедовать свою веру? Ты хоть одно слово знаешь по-ненецки? Ты хотя бы «Отче наш» сможешь по-самоедски прочесть? Что молчишь? Отвечай! Не сможешь, не выучен, а смуту сеять выучен! Как же ты собрался зазывать их в свою церковь? Их шаман, кстати, по-русски довольно споро говорит.

— Пусть говорит, нам-то что! И дело нам с ним нечего иметь, ересью мараться. Веру нельзя подтачивать, — не унимаясь, сгоряча крикнул иеромонах.

— Козьма, окстись. Я в своей жизни с какими только еретиками дело не имел: и с мусульманами, и с евреями, и с католиками, и с протестантами. И, как видишь, ничего, жив, здоров и дела за мной не маленькие, не еретические. Если ты в вере стоек, то тебе ничто не грозит, наоборот, крепчаешь в ней. К тому же я дело с вождём иметь буду, он нам помощь оказать должен в деле государевом. На то у меня грамота есть, подписанная самим царём Михаилом Романовым. Делать я это буду без ко-

лебаний и спрашивать согласия ни у кого не стану. Тебе же, Козьма, запрещаю людей мутить, смутой заниматься!

— Ты забыл, Афанасий, они кровавые жертвы приносят, — попытался уцепиться хоть за что-нибудь, чтобы взять свою сторону в споре, Козьма.

— Они же не людей в жертву приносят, а свою скотину, — перебил его Афанасий. — Несомненно, надо будет терпеливо отучать от этого, а не шарахаться от них как чёрт от лада-на. Ладно, с тобой всё ясно. Кто ещё против моей воли? — обвёл воевода толпу тяжёлым взглядом, изнутри полыхающим неумным гневом. — Что, нет таких? Тогда всё. На этом и кончим.

— Меня не запугаешь, — выкрикнул фальцетом, уже, правда, из толпы, неунявшийся Козьма. — Я на своём стоять буду.

— Что же, пусть будет по-твоему, но с сего часа ты списан с корабля, следовательно, должен уйти с похода. День тебе на сборы, чтобы тебя в отряде не было, — металлическим голосом отчеканил Афанасий и ударил посохом о деревянный настил. Звук вышел глухим, но дошёл до всех. — Повелеваю, — добавил тихо, почти шипяще он: — Все — поморы, казаки, стрельцы, зарубите себе на носу, так будет с

каждым, кто покусится на наше дело или начнёт сеять смуту. Мы не в разброде, а в единстве должны быть, им и сильны, и непобедимы.

(Продолжение следует)

Примечание

- 1 Т.е. отогнали.
- 2 Здравствуй, друг (*здесь и далее ненецк.*).
- 3 Хорошая собака.
- 4 Еркара — род.
- 5 Аркан.
- 6 Слопец — ловушка для песка, похожая на пасть.
- 7 Тадибей — шаман.
- 8 Аргиш — несколько упряжек, обоз.
- 9 Хельмеры — покойные.

□

Юрий Михайлович БЛИНОВ

родился на Урале в 1946 году.

Окончил политехнический институт и аспирантуру в Твери.

В литературе более 30 лет.

Публиковался в журналах, альманахах, сборниках, газетах: «Юность», «Урал», «Сибирские огни», и многих других.

Издal двенадцать книг: «Изгой» под номерами 1, 2, 3, «Сын хозяина», «Древние мужи Ямала», дилогию «Дороги Чубарова», «Медвежий след», «Лесные вольные», «Охолонь»,

в том числе книги на польском и итальянском языках.

Член Союза писателей России,

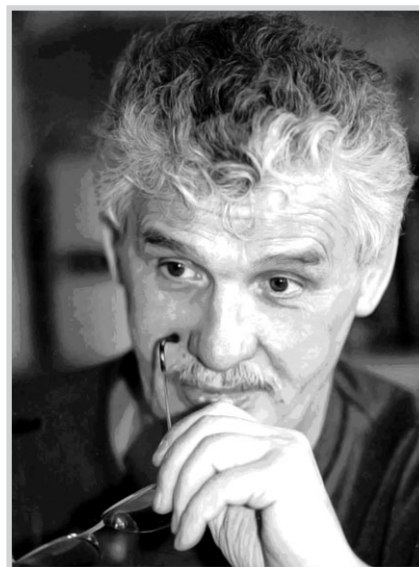
член Союза писателей Москвы.

Лауреат премии имени В. Катаева 2002 г.,

имени А. М. Горького 2007 г.

Живёт в Москве, активно работает.

В журнале «Север» публикуется впервые.

«Я глубоко уверен: каких бы мы законов ни добились, какое бы правление ни установили, но, если мы, в отдельности каждый, у себя дома не будем трезвые, – а от этого честнее и лучше... то написанные на бумаге законы будут храниться в нынешних музеях... Они века пролежат, а мы в недалёком будущем будем обезличены и стёрты с лица своей родной отцовской земли. И на это самое место, где мы сейчас живём, придёт другой народ: трезвый, честный, сильный, и будет жить и обсуждать свои дела».

М.Д. Челышев.

Главная причина нашего несчастья.

Самара. 1907

В современной трактовке истории России начала XX в., идущей ещё от советской апологетики большевизма, и в либеральной новорусской истории, часто пропагандирующей прямо противоположные ценности, этой почти победе места не нашлось.

А победа была так близко, прямо накануне Первой мировой войны. И если бы не война, то, мне кажется, что у России могла бы быть совсем другая судьба. Это почти состоявшаяся победа – победа над многовековым российским пьянством, переходящим в алкоголизм.

В этой борьбе с позорной российской традицией был близок к победе прежде всего один человек, один в поле воин, крестьянин Михаил Дмитриевич Челышев (Челышов) (1866–1915).

Он родился в деревне Ворынино Владимирской губернии, где все крестьяне на заработках в городе работали малярами. Вспомним, что оттуда же

выходили на Русь и «владимирские богомазы». Отец Челышева был маляр. И юный Миша стал маляром. С официальной учёбой у него не получилось – его выгнали из второго класса церковно-приходской школы, и какое-то образование он получил в семье. Возможно, что это была старообрядческая семья, противница пьянства. М.Д. Челышев не производил впечатления малограмотного человека. Он проявил себя как блестящий оратор, грамотный политик, успешный предприниматель, достаточно начитанный человек.

В 1880 г. он вместе с отцом переехал в Самару, где и работал в малярной артели своего отца. Дело Челышевых развернулось в торговый дом «Д.Е. Челышов с сыновьями». Михаил Дмитриевич записался в купцы и стал владельцем нескольких торговых заведений и бань. Источник благосостояния семьи Челышевых до сих пор остаётся загадкой. Но существует легенда, что купец Семён Аржанов, увидев как-то Михаила, читающего книжку, пригласил его к

себе и дал за просто так 10 000 рублей. Легенда эта очень сомнительна, так как, по свидетельству современников, С.Л. Аржанов был скуп до крайности.

Как бы то ни было, но имущественный ценз вполне позволял М.Д. Челышеву стать депутатом Самарской городской думы. И он им стал с 1892 года и был до самой смерти, случившейся в 1915 г. после неудачной операции по поводу аппендицита.

В 1907 г. М.Д. Челышев, примкнувший к октябристам, был избран депутатом III Государственной думы от Самарской губернии.

Советская историография характеризовала III Думу как реакционную, и на это были все основания. К тому же в Думе было всего четверо большевиков, и погоды они, естественно, не делали. Но речи депутата-октябриста М.Д. Челышева и последующие вслед за речами дела Думы, на мой взгляд, были весьма прогрессивны и многообещающи.

На одном из первых заседаний Думы М.Д. Челышев поставил вопрос о национальном отрезвлении:

«В 1902 г. было продано 63 000 000 вёдер водки, а в 1906 г. – уже 85 000 000 вёдер... Если мы не будем трезвы, то мы в скором времени будем обезличены и стёрты с лица нашей родной земли... Кто разграбил Одессу, кто выжиг Владивосток? Пьяная, озверелая толпа... Гладстон говорил, что ни война, ни чума не берут от народа столько материальных жертв и здоровья, как водка». Речь прерывалась смехом и свистом депутатов, а один из них назвал выступление Михаила Дмитриевича пустяком по сравнению с другими проблемами.

Освистать-то его освистали, но тем не менее включили в состав думской противоалкогольной комиссии.

М.Д. Челышевым начали активно разрабатываться проекты, направленные на уменьшение пьянства в стране. Причём не только разрабатываться, но и приниматься Думой.

В 1912 г. Михаил Дмитриевич говорил с трибуны Думы:

– Плоды моей борьбы с пьянством, на первый взгляд, может, и невелики, но они непоколебимо свидетельствуют о том, что в деле потребления алкоголя произошёл крупный сдвиг в сторону трезвости... Всего 3–4 года назад на все призывы к борьбе с пьянством слышались стереотипные ответы, что это и бесцельно, и опасно, раз пьянство охраняется правительством, и все пути к трезвости заказаны.

Теперь подобные препятствия отошли в область преданий и пути трезвости широко и свободно открыты для каждого... Если до сих пор наше русское общество отличалось бездеятельностью только потому, что его деятельности мешало правительство, то теперь в вопросе борьбы с пьянством правительство отступило и тем дало обществу возможность проявить свою деятельность самым разнообразным способом. Эта интеллигенция может как никогда проявить свои лучшие намерения по отношению «забитого и забытого» мужика и принести ему действительную, а не теоретическую пользу.

В 1909 г. М.Д. Челышев был избран главой Самары. Его деятельность на посту мэра способствовала гласности и прозрачности контроля за чиновниками. Пресса получила доступ к документам Думы. Естественно, что многие гласные самарской Думы его за это невзлюбили. Мэр стал издавать беспартийную газету «Самарский край», конечно же, резко антиалкогольного направления. На газету часто накладывались штрафы. Редактора иногда заносило, и он давал исключительно резкую оценку событиям. Так, в частности, он утверждал, что во время Русско-японской войны все русские солдаты были алкоголиками. Газету вскоре прикрыли.

Сейчас нам трудно представить в полном объёме противоречивую личность М.Д. Челышева, ис-

полненную колоссальной внутренней энергии. Да, он был авантюрен. Целенаправленно авантюрен, если так можно сказать. Но авантюризм этот, на мой взгляд, сыграл исключительную роль в борьбе с алкоголизмом.

Л.Н. Толстой дал М.Д. Челышеву такую характеристику: «Соединение ума, тщеславия, актёрства, мужицкого здравого смысла и самобытности». Актёрства М.Д. Челышеву было не занимать. Он постоянно держал публику в напряжении. Однажды он успешно выступил перед десятью тысячами рабочих (!) за Нарвской заставой и убедил некоторых из них бросить пить.

Благодаря М.Д. Челышеву Самара стала пионером Поволжья в деле озеленения и асфальтирования городов. Говорят, что Михаил Дмитриевич был человеком прижимистым, и тем не менее он руководил строительством храма во имя Святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Самарские гласные постоянно раздували конфликт в своих отношениях с мэром из-за постоянных отлучек последнего в столицу и пожаловались губернатору Н.В. Протасьеву (1854 – 1915), с 1902 по 1910 г. бывшему начальником Олонецкой губернии: «В те... очень немногие дни, когда он пребывает в городе Самаре, он не может сразу войти в курс тех дел, которые прошли или были налажены в его отсутствие, и вносит в эти дела только один хаос. Отбывая крайней самоуверенностью, он начинает делать безапелляционные распоряжения, идущие вразрез тому направлению дел, которое создавалось в его отсутствие». Сочувствуя Челышеву, губернатор всё-таки не смог ему помочь.

На предложение гласных добровольно оставить свой пост М.Д. Челышев ответил отказом и заявил:

– Стоя во главе движения за уничтожение народной отравы в России алкоголем, я полагаю принести своей любимой родине и Самаре большую пользу, чем если бы я неотлучно находился в Самаре и занимался только делами города.

Дальше М.Д. Челышев окончательно дал волю своим эмоциям, чем и окончилось его пребывание на посту главы Самары:

– Я, как и раньше, высоко держал голову, так и впредь буду держать. Не трогайте больше меня. Я не хочу, чтобы прикасались ко мне грязными руками.

В октябре 1912 г. он добровольно оставляет свой пост. В IV Государственную думу его не избрали. Но вопросы, связанные с русским пьянством, поднятые депутатом М.Д. Челышевым, всколыхнули всю Россию, включая и Олонецкую губернию.

Мне кажется, что на протяжении всей истории России лекционная деятельность не приносила такой пользы, как накануне Первой мировой войны.

Связано это с созданием в России в конце 1913 г. общества борьбы с народным пьянством. Особенно активны были в антиалкогольной пропаганде религиозно-церковные общества. Лекции, в которых преобладала антиалкогольная тематика, читались и в Благотворительном обществе, и в Назарьевском братском доме, и в чайной общества борьбы с народным пьянством, и в гимназиях.

Воскресенское Братство трезвости открыло в помещении петрозаводского Александро-Невского училища бесплатную читальню, главной деятельностью которой видело пропаганду трезвости и борьбу с пьянством. Впечатляет количество названий периодики, выписанной для читальни: «Олонецкие губернские ведомости», «Олонецкая неделя», «Известия Общества изучения Олонецкой губернии», «Вестник Олонецкого губернского земства», «Русское чтение», «Трезвая жизнь», «Трезвые восходы», «Вестник трезвости», «В борьбе за трезвость», «Отрезвление», «Отдых христианина», «Паломник», «Нива», «Вокруг света», «Дружеская речь», «Русское чтение», «Московские ведомости», «Свобода и порядок», «Гроза», «Сельский вестник», «Воскресный благовест», «Троицкое слово», «Божия нива», «Вестник Союза русского народа», «Известия Вытегорского округа путей сообщения», «Российское животноводство», «Верность», «Русская земля», «Нева». Читальня стала пользоваться огромной популярностью у рабочих Зареки и Голиковки. Мастеровые охотно брали книги и журналы на дом. Причём в этой читальне не брали залог, а только записывали в карточке точный адрес читателя.

Р. Прушевский приводит в «Олонецких губернских ведомостях» программу чтений в читальне и отмечает, что зал, когда читаются лекции (по воскресеньям с 6 вечера), всегда переполнен рабочими. Темы лекций:

Религиозно-нравственные основы трезвости.

Жизнь алкоголика и трезвенника.

Бутылка погубила. О вреде пьянства.

Пагубность пьянства.

Как идёт жизнь в человеческом теле...

Горе-злосчастье, пагубность пьянства и святочный рассказ.

Весенние и грозные явления природы; смерть пьяницы и «с пьяных глаз».

История Петербурга; пьянство хуже смерти...

Разговор о трезвости и пьянстве.

Волга и ревизор.

Народная мудрость о винопитии; жизнь в море и Некрасов.

Столь же важную роль в борьбе с пьянством играл и Назарьевский братский дом, действовавший с 1900 г. Но деятельность Братского дома была несравненно шире борьбы с пьянством.

Значение Назарьевского братского дома в культуре старого Петрозаводска достаточно велико. Под его кровлей помещались несколько епархиальных библиотек: Александро-Свирского братства, Карельского и Палестинского обществ, епархиально-миссионерская и церковно-учительская. Здесь же размещался церковно-школьный музей Олонецкой церковной старины.

В помещении Братского Назарьевского дома устраивались курсы для учителей и миссионеров, общества потребителей, изучение Олонецкого края, чтения, лекции, концерты, школьные праздники и т.д.

На одном из чтений в Братском Назарьевском доме 26 января 1914 г. Преосвященный владыка Никанор так оценил просветительскую деятельность Назарьевского дома: «Что влечёт вас сюда? Лекции, чтения? Но не всегда у всех чтецов они бывают содержательны и интересны... Быть может, вас влечёт благозвучность пения стройного хора? Но не всякий хор владеет в достаточной мере своим искусством... Что же вас привлекает сюда? То, что дороже всего во всяком православном человеке, ибо в том весь смысл его жизни: живая душа, желание, стремление сохранить свою душу живой, дать ей хлеб духа, которого она ищет...»

Колоссальную помощь в борьбе с пьянством оказал кинематограф. 27 и 28 марта 1914 г. в зале Общественного собрания Петрозаводским уездным комитетом попечительства о народной трезвости была показана кинокартина в четырёх частях «Пьянство и его последствия». В фильме были сняты опыты в лаборатории Московских женских курсов о влиянии алкоголя на отдельные органы и весь организм человека. В последней четвёртой части были показаны типы пьяниц и сцены из их жизни. Комментировал картину доктор И.А. Шиф. За два дня картину посмотрели 2500 человек (!).

Мощная антиалкогольная пропаганда 1914 года оказала на жителей Петрозаводска и Олонецкой губернии положительное действие. В статье Чубина говорилось о том, что «наступившая трезвость освободила массу сил, которые раньше парализовывались губительным влиянием алкогольного яда». Статистика показала, что упало количество преступлений, значительный процент которых совершался в состоянии алкогольного опьянения. Значительно ослабли нелады в крестьянских семьях. Кроме того, появилась надежда на улучшение в будущем здоровья людей. И в заключение статьи Чубин пишет о значении народных чтений в борьбе с алкоголизмом: «Между трезвостью и народными чтениями существует тесная взаимосвязь – трезвость делает более полезными чтения, а чтения усиливают трезвость».

Следует отметить, что в 1914 г. борьба с пьянством велась на государственном уровне.

В 1914 г. по всей России по инициативе Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников 8-9 апреля был устроен Всероссийский праздник трезвости. Во всех храмах – Божественная литургия с поучениями, крестными ходами и раздачей листовок, призывающих к трезвости. Проводился денежный сбор в пользу общества трезвости. А вечером в Братском Назарьевском доме состоялось общенародное чтение. Были прочитаны рассказы из жизни пьяниц. Причём рассказы эти были горькими, а не, как часто бывает, юмористическими. Доктор И.А. Шиф рассказал о последствиях пьянства. После этого состоялся Соборный ход с пасхальными песнопениями. Брошюры о вреде пьянства раздавались бесплатно. Продавались жетоны и конверты с изречениями против пьянства.

8-9 апреля все питейные заведения в городе были закрыты.

Не прошло и месяца, а 11 мая Воскресенское братство трезвости вновь устроило в городе Праздник трезвости с архиерейским богослужением, с молебном, крестным ходом и раздачей листовок о трезвости.

С 6 до 10 вечера на Мариинском бульваре было гулянье под оркестр. Проводился кружечный сбор с раздачей жетонов на устройство в Петрозаводске народного театра. Было собрано 347 руб. Питейные заведения в этот день были закрыты.

Борьба с пьянством в Олонецкой губернии была настолько успешной, что весной 1914 г. по ходатайству крестьян д. Лазаревской Ряговской волости Каргопольского уезда были закрыты две казённые винные лавки. Также по требованию крестьян

были закрыты все винные лавки в деревнях Парфиевской, Патракиевской и Пилатниковской Девятинской волости Каргопольского уезда. Волостной сход крестьян Тихмангской волости Вытегорского уезда 29 марта 1914 г. вынес приговор «о воспреещении открытия в будущем заведений с продажей крепких напитков во всей Тихмангской волости», а лица, осуждённые за тайную торговлю алкоголем, подлежали выселению.

С 1 июля 1914 г. согласно ходатайству крестьян д. Калинкина Горка Петрозаводского уезда торговля алкоголем была запрещена в черте усадебной осёдлости. Многие крестьянские общества собирались ввести запреты и ограничения с 1915 г. В Олонце были введены ограничения в торговле алкоголем: в будние дни торговля была разрешена с 8 до 20 часов, в воскресные и праздничные дни с 12 до 17 часов. В двенадцатые праздники, Новый год, Рождество и Пасху торговля алкоголем была запрещена.

Оценивая обстановку в России в первой половине 1914 г., я думаю, что это был период самой мощной и эффективной за всю историю России борьбы с алкоголизмом. Причём главным оружием этой борьбы была достаточно успешная пропаганда и лишь частичные ограничительные запреты. Самое главное, что на призывы почти одинокого борца за трезвость М.Д. Челышева откликнулись всё разнородное российское общество, церковь и государство. Помешала война.

□

Борис Александрович ГУЦИН

(род. в 1941 г.).

Старший научный сотрудник

*Государственного историко-архитектурного
и этнографического музея-заповедника «Кижь».*

*Историк, этнограф, писатель, театральный критик,
член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.*

*Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого,
повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),*

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.).

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

Светлана Вячеславовна СУПРУНОВА

родилась в 1960 году в г. Львове.

Окончила филологический факультет

Калининградского государственного университета

и Литературный институт им. А.М. Горького.

Проходила воинскую службу в Афганистане (1985–1988)

и Таджикистане (1995–2000).

Печаталась в отечественных и зарубежных изданиях,

лауреат международных конкурсов

«Литературная Вена-2012»

и «Согласование времён-2012» (Германия).

Автор четырёх поэтических сборников.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Светлана
СУПРУНОВА**

г. Калининград

«Куда опять пути ведут?..»

* * *

Молилась бабушка три года,
Слезой писала мне в Афган:
«Есть или нет такая мода,
Но при себе держи наган».

Хоть и на всё Господня воля,
Ты первой не беги вперёд
И, раненых таская с поля,
Смотри, не надорви живот».

Каракули вешали бойко,
Советовали, что куда,
А мы посмеивались только
Над милой бабушкой тогда.

В ладонях чай вчерашний грели,
На кавардак махнув рукой,
Мы доползали до постели
С куском печенья за щекой.

Порой, родные вспомнив дали,
Минорный поднимая лад,
Цепляли новые медали
Тайком на выцветший халат.

И, вырвав листик из тетрадки,
Я бабушке писала так:
«Вперёд не рвусь. Живот в порядке.
Наган не выдадут никак».

* * *

Как получается — не знаю,
Что, чуя дух родных ветров,
Опять дорогу выбираю
Вдали от храмов и крестов.

Намаявшись по белу свету,
Я в край попала, да такой,
Где с небом сходится по цвету
Мечети купол голубой,

Где Бог сменил свои уборы —
Венец терновый на чалму.

Не загораживают горы
Лампад таинственных в дому.

Восток Руси моей не прячет,
А добавляет в грудь тепла,
Но молится, как будто плачет
О чём-то горестно мулла.

И эхо катится, рыдая,
И я смотрю туда, где Русь,
И, за муллой не поспевая,
Словами русскими молюсь.

* * *

Доев ломоть последний хлеба
И плоть свою вернув земле,
Я всё же дотянусь до неба,
Повиснув на одном крыле.

И знаю, это может случиться:
Всегда тоскуя о былом,
Я в землю буду упираться
Другим – опущенным – крылом.

Мне не стоять перед божницей,
От музыки небес не млеть,
Я буду век распятой птицей –
И не упасть, и не взлететь.

* * *

Падает снег за окошками низкими,
Плавают яблоки в кадке мочёные.
Были мы дальними, стали мы близкими –
Полосы белые, полосы чёрные.

Слева заброшено, справа не кошено,
И по обочинам ягоды спелые.
Словно тельняшка мне под ноги брошена –
Полосы чёрные, полосы белые.

ОГОНЬ, ВОДА И МЕДНЫЕ ТРУБЫ

Взметнётся пламя выше роста,
И улетит крылатый конь –
Не поверну назад, а просто
Перешагну через огонь.

Пусть испытанье будет дважды,
И я хочу такой лишь путь,
Чтоб, измождённая от жажды,
Смогла ручей перешагнуть.

Я оближу сухие губы.
Куда опять пути ведут?
О только бы, услышав трубы,
Не понимать, о чём поют!

Как беспризорные ветры шатаются,
Чувства нездешние, мысли безродные.
Чёрные полосы часто сливаются
В реки широкие, реки холодные.

Боль не уляжется, боль не отвяжется,
Страшно от грая ворон оголтелого,
И не доплыть мне до берега, кажется,
Дальнего-дальнего, белого-белого.

ПОМИНКИ

Осенний день. Безмолвье околотка.
Дешёвый гроб трясётся на возу.
В пальтишке куцем сухонькая тётка
Смахнула пальцем пьяную слезу.

Ни всхлипа и ни воя от ухода,
Ну что ж, пожил, пора и на покой.
Всего-то горстка хмурого народа
Застыла над развернутой землёй.

Сюда, сюда сбегаются дороги,
Сошлись сегодня тот и этот свет.

Под белый саван положили в ноги
Бутылку водки, пачку сигарет.

Потом в избе раскладывали ложки,
Звенели чарки, люд повеселел.
И дождь пошёл, и крест торчал в окошке,
Но вот никто в окошко не глядел.

И гармонист уселся посередке,
Запели песню, как шумел камыш.
«А что за праздник нынче в околотке?» –
«Да много всяких... Разве уследишь?»

*Великий мастер с нивелиром
Стоял среди грохота и гула
И прошептал: «Идите с миром,
Мы побеждаем Вельзевула».*
Н. Гумилев. «Средневековье»

Бывают странные сближения.
А. Пушкин

...и вечно совершает благо.
**Гёте. «Фауст»,
эпиграф к «Мастеру и Маргарите»**

Образ мастера, творца, писателя – центральный в произведениях Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» (роман опубликован в 1966–67 гг. журналом «Москва») и Владимира Набокова «Дар» (журнальная публикация 1937–38 гг., «Современные записки», Париж, без четвёртой главы о Чернышевском, отдельное издание 1952 г., США). Судьба обоих произведений в чём-то схожа. Русский писатель Сирин в 1940 году, после отъезда в Америку, становится англоязычным Набоковым, пережив мистериальную смерть, его произведения стали широко издаваться в СССР лишь с конца восьмидесятых. Булгакову суждено было уйти из жизни в марте 1940 года. Оба центральных героя – Фёдор Годунов-Чердынцев из «Дара» и Мастер, утративший своё имя, – почти вне места и времени. В их судьбе – и духовном посвящении – много общего – одиночество, потеря культурной родины, которая исчезла, растворилась, возможно лишь продолжение её культуры и диалог с писателями прошлого. Они создатели легенды об Иешуа и Чернышевском, чьи жизнеописания претендуют на некую истину. Писатели и их персонажи ведут напряжённый диалог – с культурным наследием человечества, а также с русской классикой: Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, Достоевским, Серебряным веком и современниками. Каждый роман можно прочесть как некие комментарии одного к другому, и в этой зеркальности отражений проступают их новые смыслы и накладывающиеся водяные знаки, образуя узор двуединства.

Рискну высказать предположение, что на последнюю редакцию романа «Мастер и Маргарита» повлияла публикация в «Современных записках» романа Набокова «Дар», который увидел свет весной и

Алексей ФИЛИМОНОВ
г. Санкт-Петербург

Образ Мастера у Булгакова и Набокова

осенью 1937 года (первая глава и часть второй). В 1927 году критик Юлий Айхенвальд погиб под трамваем, возвращаясь с вечеринки у Набоковых, что также могло подсказать Булгакову сюжетный ход с трамваем, словно продолжившим своё путешествие из стихотворения Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай». Нельзя не вспомнить ранний рассказ Набокова «Сказка» (1936), где мотив темной силы (Сатаны в образе госпожи Отто), провоцирующей и в то же время оградительной, несомненно, был использован Булгаковым в романе в сцене на Патриарших.

Той же осенью 1937 года у Булгакова возникло окончательное название его произведения – «Мастер и Маргарита»¹, и он интенсивно трудится над окончательной редакцией. Читал ли Булгаков в действительности «Дар», а может быть, слышал о нём в пересказе? Об этом мы можем лишь догадываться. Два русских писателя были словно два соседа, исподволь, ревниво косящиеся в черновики друг друга через непреодолимые границы стран. Иван Бездомный бросает писать стихи после встречи с Мастером. Фёдор переходит от стихов к прозаическому жанру. Обоих сопровождают вдохновляющие музы, готовые разделить судьбы писателей в произведениях, Маргарита и Зина Мерц. «Это все чудно, – сказала Зина. – Это мне все страшно нравится. Я думаю, ты будешь таким писателем, какого еще не было, и Россия будет прямо изнывать по тебе, – когда слишком поздно спохватится...»²

Герой «Мастера и Маргариты» – Мастер, пишущий историю некоего пророка, не удостоенный в конце света, и Фёдор Годунов-Чердынцев из «Дара», создавший тенденциозную биографию Чернышевского (для соратников он мессия, для недоброжелателей бес), имеют много общего в отношении к ним и к их произведениям писательского мира. Оба автора продолжают традицию классической литературы в абсурдные для литературы времена. Также у Булгакова мы можем найти немало набоковских приемов – «многoplanовости мышления» или «космической синхронизации», магического вплетения «потусторонности» в повседневность, многозначности писательских ходов, женского образа, проецируемого из Вечной Женственности. Пушкин наряду с Толстым и его проповедью переписанного, человеческого евангелия передают писателям свои художественные заветы. Мастер страдает творческого покоя, для Федора Годунова-Чердынцева за граница оказывается пространством спасительной свободы. В сердцах обоих персонажей звучат пушкинские строки:

*Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дольнюю трудов и чистых нег.*

Во многих собраниях пушкинских сочинений «дольняя» написана с ошибкой, как «дальняя», что придаёт мерцающую двойственность в стремлении к земному и горнему покою. Имя Фёдор – один из псевдонимов Бога – поначалу было взято Булгаковым для... Воланда: «У Булгакова Воланда в ранних редакциях звали Теодор, что в переводе с древнегреческого означает «божий дар». Здесь не только пародия, но и указание на связь Воланда с Иешуа Га-Ноцри, который решает судьбу мастера (надо с заглавной буквы?) и Маргариты, но выполнить это решение просит Воланда»³, – отмечает исследователь Борис Соколов.

Булгаковский Мастер, утративший имя, также поначалу был стихотворцем. Исследователь Борис Соколов пишет: «В черновых набросках Мастер именовался Фаустом и Поэтом. Сатана спрашивал Мастера, перед тем как отпустить его: – Неужели ж вы не хотите, подобно Фаусту, сидеть над ретортой в надежде, что вам удастся вылепить нового гомункула?»⁴ Новых людей в это время искусно производят в ретортах России и Германии. «Я – мистический писатель», – подчеркивает Булгаков в письме к правительству.

Обе книги – о противостоянии добра и зла, поиске истины. «Мастер и Маргарита» намного больше, чем политический памфлет, отголоски которого можно найти и в «Даре». Они о том, как перебороть страх, ведущий к предательству и преступлению, – Иешуа у Булгакова «в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость»⁵.

Булгаков создал жанр нового карнавального романа-мениппеи, что в то время было немыслимо в официальной советской литературе. Михаил Бахтин в книге «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» писал: «В дальнейшем развитии смеховой латинской литературы создаются пародийные дублеты буквально на все моменты церковного культа и вероучения. Это так называемая «parodia sacra», то есть «священная пародия», одно из своеобразнейших и до сих пор недостаточно понятых явлений средневековой литературы. До нас дошли

довольно многочисленные пародийные литургии («Литургия пьяниц», «Литургия игроков» и др.), пародии на евангельские чтения, на молитвы, в том числе и на священнейшие («Отче наш», «Ave Maria» и др.), на литании, на церковные гимны, на псалмы, дошли трагедии различных евангельских изречений и т.п.

Рабле отлично понимал новизну того типа серьезности и возвышенности, который внесли в литературу и философию платоники его эпохи. Он понимал отличие этой новой серьезности от мрачной серьезности готического века. Однако он и ее не считал способной пройти через горнило смеха, не сгорев в нем до конца. Поэтому голос Рабле в этом знаменитом споре эпохи был, в сущности, совершенно одиноким... /.../ но этот голос звучит здесь на высшей ступени художественной формы и философской мысли»⁶.

Смех, пародирование, глумление над обществом и его «незыблемыми» ценностями видятся при поверхностном прочтении романов. Наиболее трудной для принятия современниками явилась четвертая глава «Дара» о жизни Чернышевского, не допущенная цензурой к журнальной публикации, сегодня камнем преткновения является вставная новелла жизнеописания Иешуа. Так, современный биограф М. Булгакова в книге из серии «Жизнь замечательных людей» возмущается: «...как мог человек с неповрежденным христианским сознанием, а именно неповрежденность сознания предполагает понятие фундамента, основы, как мог такой человек роман о литературном Христе написать...»⁷ Автор прото-евангелия о Иешуа-Христе совершил дважды запретную вещь – во-первых, пропагандировал в СССР образ Спасителя, а во-вторых, пропагандирует ересь с точки зрения современной Русской православной церкви. Федор также преступает границы дозволенного. Осмеянная им, увезенная русской интеллигенцией в изгнание «икона» Н.Г.Чернышевского, идеолога партийной печати, и сейчас висит на доске почёта факультета журналистики любого российского вуза.

Мотив пародирования христианства прослеживается в судьбе Николая Гавриловича Чернышевского. «Проследим и другую, тему «ангельской ясности» (в глазах ребенка *Николеньки*. – **А.Ф.**). Она в дальнейшем развивается так: Христос умер за человечество, ибо любил человечество, которое я тоже люблю, за которое умру тоже. «Будь вторым Спасителем», – советует ему лучший друг, – и как он вспыхивает, робкий! слабый! (почти гоголевский восклицательный знак мелькает в его «студентском» дневнике). Но

«Святой Дух» надобно заменить «Здравым Смыслом». Ведь бедность порождает порок; ведь Христу следовало сперва каждого обуть и увенчать цветами, а уж потом проповедывать (проповедовать) нравственность (Так *Мефистофель* у *Гёте*, берясь за перевод Библии, подменяет первую евангельскую строку: «В начале было дело» – стих гласит⁸. – **А.Ф.**). Христос второй прежде всего покончит с нуждой вещественной (тут поможет изобретенная нами машина). И странно сказать, но... что-то сбилось, – да, что-то как будто сбилось. Биографы размечают евангельскими вехами его тернистый путь (известно, что чем левее комментатор, тем питает большую слабость к выражениям вроде «Голгофа революции»). Страсти Чернышевского начались, когда он достиг Христова возраста. Вот, в роли Иуды, – Всеволод Костомаров; вот, в роли Петра – знаменитый поэт, уклонившийся от свидания с узником. Толстый Герцен, в Лондоне сидя, именуется позорный столб «товарищем Креста». И в некрасовском стихотворении – опять о Распятии, о том, что Чернышевский послан был «рабам (царям) земли напомнить о Христе». Наконец, когда он совсем умер и тело его обмывали, одному из его близких эта худоба, эта крутизна ребер, темная бледность кожи и длинные пальцы ног смутно напомнили «Снятие со Креста», Рембрандта, что ли».

Зло представлено в романе Булгакова в двух ипостасях, оно само борется с другим злом, но что такое мир зла в романе «Дар»? Набоков пунктирно обозначает атмосферу немецкого общества, удивительно напоминающую его родину, отмечая «жестокость во всем, самодовольную, как же-иначную», а в русской эмигрантской среде – расцветшие идеи нигилизма, проповедуемого наследниками Чернышевского и Базарова из «Отцов и детей», отрицание русской культуры, пренебрежение к Пушкину, коррупцию и бездарности писательской среды.

Всесильная Московская писательская организация МАССОЛИТ (масонская и одновременно солярная, раблезианская символика проступает в этой аббревиатуре, подчеркивая слитность её членов в погоне за материальными благами) заседает в особняке Грибоедова, ныне здании Литературного института на Тверском бульваре, 25. Алчность, приземленность и беспринципность писателей находят отражение в стихийной любви к площадной культуре, выраженной в плясках. Нечистая сила также любит бальные представления: «И ровно в полночь в первом из них что-то грохнуло, зазвенело, посыпалось, запрыгало. И

тотчас тоненький мужской голос отчаянно закричал под музыку: «Аллилуйя!!» Это ударил знаменитый Грибоедовский джаз... и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда. /.../ Словом, ад».

Напротив, герой «Дара» Федор Константинович танцевал плохо, немецкой богемы не переносил, а кроме того, наотрез отказывался превращать фантазию в мундир, к чему в сущности сводятся бальные маскарады. Сошлись на том, что он пойдет в полумаске и смокинге, года четыре тому назад сшитом и не более четырех раз надеванном. «А я пойду...» – начала она мечтательно, но осеклась». Примечательно, что Федор, увлеченный описанием жизни Чернышевского, в последний момент забывает о костюмированном бале, куда собирался отправиться с Зиной. Та возвращается далеко за полночь. Подробностей ее пребывания там автор «Дара» не сообщает, также в неведении остается и Федор, часы его вдохновения совпали с маскарадом, который словно через метафизические трубы некоего алхимического перегонного куба питал его страницы о социалисте-революционере.

Чернышевский «не умел полькировать ловко и плохо танцевал гроссфатер, но зато был охоч до дурачеств». В книге «Что делать?» «его веселый вечерний бал, основанный на свободе и равенстве отношений (то одна, то другая чета исчезает и потом возвращается опять) очень напоминает, между прочим, заключительные танцы в «Доме Телье», – заключает Федор. Впрочем, «не раз, во время летнего пути по длинной Лене... старик пускался в пляс, распевая гексаметры». Драматург Буш изображает «Танец Масков», что совершенно не к месту веселит публику, собравшуюся у однофамилицы социал-демократа А. Чернышевской, скорбящей по сыну-самоубийце. Возможно, любовный треугольник Яша Чернышевский – Оля – Рудольф намекает в романе Набокова на тройственный союз Маяковского и Бриков, в имени поэта – Володя – есть явственная переключка с именем самого Набокова, а также Владимира Ульянова-Ленина и Воланда. Латинская «V» на шапочке Мастера – также намек на сакральность буквы «В».

Переключаются окончания имени Воланда и фамилии в «Даре» вымышленного французского мыслителя Делаланда: ланд. Это некая земля вне, «Ultima Thule» (название одноименного рассказа Набокова), остров спасительного уединения. Взгляд оттуда – некий метод, сумма приемов, которая помогает если не постигнуть истину, то разглядеть невидимое за суетой, приотво-

рить иные измерения в повседневности. Такова «многоплановость мышления» или «космическая синхронизация» – выраженная в стихотворении Федора, прорастающем из потока сознания, посвященном полу-Мнемозине:

*Люби лишь то, что редкостно и мнимо,
что крадется окраинами сна,
что злит глупцов, что смердами казнимо,
как родине, будь вымыслу верна.*

*.....
Как звать тебя? Ты полу-Мнемозина,
полумерцанье в имени твоём,
и странно мне по сумраку Берлина
с полуvidеньем странствовать вдвоём.*

*.....
Есть у меня сравненье на примете
для губ твоих, когда целуешь ты:
нагорный снег, мерцающий в Тибете,
горячий ключ и в иinee цветы.*

*.....
За пустырем, как персик, небо тает:
вода в огнях, Венеция сквозит, –
а улица кончается в Китае,
а та звезда над Волгою висит.
О, поклянись, что веришь в небылицу,
что будешь только вымыслу верна,
что не запрешь души своей в темницу,
не скажешь, руку протянув: стена.*

Подобная формула взгляда извне ради постижения истины описана в трактате Делаланда: «Наиболее доступный для наших домоседных чувств образ будущего постижения окрестности, долженствующей раскрыться нам по распаде тела, это – освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии».

Маргарита тоже становится свидетелем мистериального, овеществленного процесса, разглядывая живой глобус, подобный одноименному шекспировскому театру: «Рядом с Воландом на постели, на тяжелом постаменте, стоял странный, как будто живой и освещенный с одного бока солнцем глобус. Он умолк и стал поворачивать перед собою свой глобус, сделанный столь искусно, что синие океаны на нем шевелились, а шапка на полюсе лежала как настоящая, ледяная и снежная.

– Кровь – великое дело, – неизвестно к чему весело сказал Воланд и прибавил: – Я вижу, что вас интересует мой глобус.

– О да, я никогда не видела такой вещицы.

– Хорошая вещица. Я, откровенно говоря, не люблю последних новостей по радио. /.../ Мой глобус гораздо удобнее, тем более что события мне нужно знать точно. Вот, например, видите этот кусок земли, бок которого моет океан? Смотрите, вот он наливается огнем. Там началась война. Если вы приблизите глаза, вы увидите и детали.

Маргарита наклонилась к глобусу и увидела, что квадратик земли расширился, многокрасочно распался и превратился как бы в рельефную карту. А затем она увидела и ленточку реки, и какое-то селение возле нее. Домик, который был размером в горошину, разросся и стал как спичечная коробка. Внезапно и беззвучно крыша этого дома взлетела вверх вместе с клубом черного дыма, а стенки рухнули, так что от двухэтажной коробки ничего не осталось, кроме кучечки, от которой валил черный дым».

При выходе из физического тела и слиянии с космосом приходит ощущение счастья в предвкушении свидания с Зиной: «Завтра уезжают мои хозяева, и от радости я вне себя: в н е себя, – очень приятное положение, как ночью на крыше», – мыслит Федор. На крыше находились наполовину во вневременье, перед отбытием, представители нечистой силы, с которыми Мастер и Маргарита пребывают в пространстве грез. Терраса дома Пашкова, открытая небу, стартовая площадка для перехода в пакибытие: «Кони уже неслись над крышами Москвы». Именно в такие мгновения, свидетельствует Набоков в стихотворении «Слава»: «Я увидел, как в зеркале, мир и себя, / и другое, другое, другое».

Слово «истина» частый гость на страницах «Дара», весь роман «Мастер и Маргарита» – вопрошание истины. Что такое религия? – задаются вопросом оба писателя. «Ибо в религии кроется какая-то подозрительная общедоступность, уничтожающая ценность её откровений. Если в небесное царство входят нищие духом, представляя себе, как там весело. Достаточно я их перевидал на земле. Кто еще составляет небесное население? Тьма кликуш, грязных монахов, много розовых близоруких душ протестантского, что ли, производства, («...всем открытый, Протестантский прибранный рай»⁹, – Н. Гумилев. – **А. Ф.**), – какая смертная скука!» – восклицает вслед за своим творцом Фёдор Годунов-Чердынцев.

В «Откровении Иоанна Богослова» Христос говорит о своём втором пришествии: «Се, иду как тать» (15:16), что в богословии трактуется как некий таимый облик. В прямом смысле тать – это

вор, разбойник, мошенник, разрушитель, именно таким с точки зрения власти или обывателя является Воланд. Амбивалентность его образа, напоминающего о Христе, явившемся очистить мир, проступает в романе, намекая на то, что Воланд может быть предтечей или ипостасью самого Спасителя.

«– Зачем же ты, бродяга, на базаре смущал народ, рассказывая про истину, о которой ты не имеешь представления? Что такое истина?» – пытается Понтий Пилат Иешуа. Что такое истина о Христе, кто обладает на неё монопольным правом, если оно возможно, то есть знает саму истину? В романе «Мастер и Маргарита» у пророка всего один ученик. «Образ Левия Матвея, – пишет исследователь Борис Соколов в книге «Тайна «Мастера и Маргариты», – бывшего сборщика податей и единственного ученика Иешуа Га-Ноцри, восходит к евангелисту Матфею, которому традиция приписывает авторство «логий» – древнейших заметок о жизни Иисуса Христа, которые легли в основу трех Евангелий: Матфея, Луки и Марка, называемых синоптическими. Булгаков в романе как бы реконструирует процесс создания Левию Матвеем этих «логий» – первичного искажения истории Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата, умноженного затем в канонических Евангелиях (*точный перевод слова евангелие – свет Евы. – А. Ф.*). Сам Иешуа подчеркивает, что Левий Матвей «неверно записывает за мной»¹⁰. Такова мысль Мастера о том, что жизнеописание Иешуа мессии было изначально искажено биографами и писателями, наделившими его баснословными чудесами и подробностями. По этому же пути интуитивно идёт Иван Бездомный, на что Берлиоз возмущенно говорит ему: «...выходит по твоему рассказу, что он действительно родился!..»

Что есть истина для Федора? Она в движении духа, связанном с гармонией, творчеством и открытостью счастью:

*Увы! Что б ни сказал потомок просвещенный,
все так же на ветру, в одежде оживленной,
к своим же Истина склоняется перстам,
с улыбкой женскою и детскою заботой
как будто в пригоршне рассматривая что-то,
из-за плеча её невидимое нам.*

«– Эти добрые люди, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И

все из-за того, что он неверно записывает за мной» («Мастер и Маргарита»). Все будет перепутано, высокое и низкое, память и забвение, и подмена произойдет мгновенно. «А в общем – пускай все пройдет и забудется, – и опять через двести лет самолюбивый неудачник отведет душу на мечтающих о довольстве простаках (если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, – впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно все равно)» («Дар»). У Федора есть пространство его воображения, всемогущего дара в мире теней: «Он воспользовался совершенной свободой в этом мире теней, чтобы взять её за призрачные локти; но она выскользнула из узора и быстрым толчком пальца включила свет». Свет уничтожает тень, без теней мир стал бы статичен, об этом диалог Воланда и Левия Матвея, упрекавшего Сатану:

«– Не будешь ли ты так добр подумать над вопросом: что бы делало твое добро, если бы не существовало зла, и как бы выглядела земля, если бы с нею исчезли тени? Ведь тени получаются от предметов и людей. /.../ Не хочешь ли ты ободрать весь земной шар, снеся с него прочь все деревья и все живое из-за твоей фантазии наслаждаться голым светом? Ты глуп.

– Я не буду с тобой спорить, старый софист, – ответил Левий Матвей».

Пушкин у Набокова – камертон художественной истины для Фёдора: «Пушкин входил в его кровь. С голосом Пушкина сливался голос отца». Пушкину у Булгакова смертельно завидуют советские литераторы: «Вот пример настоящей удачливости... – тут Рюхин встал во весь рост на платформе грузовика и руку поднял, нападая зачем-то на никого не трогающего чугунного человека, – какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не понимаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. Повезло, повезло! – вдруг ядовито заключил Рюхин...»

Зина Мерц и Маргарита читают критику на книгу о Чернышевском и отрывок из рукописи Мастера с одинаковой брезгливостью, фамилия критика-очернителя Латунского словно отзывается в «Даре»: «Икры. Латы. Откуда этот римлянин?» На биографию Чернышевского «появился отзыв Христофора Мортуса (Париж), – так возмущивший Зину, что с тех пор у неё тарасились глаза и напрягались ноздри всякий раз, как упоминалось это имя» («Дар»). Мастер вспоминает: «Остолбенев от этого слова «Пилатчина», я раз-

вернул третью газету. Здесь было две статьи: одна – Латунского, а другая – подписанная буквами «Н. Э.». Уверяю вас, что произведения Аримана и Лавровича могли считаться шуткою по сравнению с написанным Латунским. Достаточно вам сказать, что называлась статья Латунского «Воинствующий старообрядец»¹¹.

Такая латунная критика в духе Христофора Мортуса и Латунского на произведения Булгакова и Набокова не редкость и в наши дни.

Забавно совпадение портрета Воланда с писателями-эмигрантами в «Даре»: «Ни на какую ногу описываемый не хромал, и росту был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой – золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой. Словом – иностранец». Подобный тип встречается на заседании Общества русских литераторов в Берлине: «Рядом с ним сидел маленький, но крепко-упругий присяжный поверенный, с выдающейся челюстью, волчьим огоньком в правом глазу (другой был от природы прищурен) и целым складом металла во рту».

При всем различии поэтического дарования Фёдора и Ивана Бездомного оба они оставляют стихотворные опыты: «...Федор Константинович с тяжелым отвращением думал о стихах, по сей день им написанных, о словах-щелях, об утечке поэзии, и в то же время с какой-то радостной, гордой энергией, со страстным нетерпением уже искал создания чего-то нового, еще неизвестного, настоящего, полностью отвечающего дару, который он как бремя чувствовал в себе».

«– ...Хороши ваши стихи, скажите сами?

– Чудовищны! – вдруг смело и откровенно произнес Иван.

– Не пишите больше! – попросил пришедший умоляюще.

– Обещаю и клянусь! – торжественно произнес Иван».

«Он не заслужил света, он заслужил покой», – эта фраза вполне относится и к Мастеру, и к Фёдору, от которого ускользают ключи от блаженства в конце «Дара».

Набоков и Булгаков могли лишь мечтать и надеяться на публикацию их главных произведений на родине. Это время настало, и мы видим,

что корни русской литературы, генетика писателей, помноженная на талант и завоеванную внутреннюю свободу, являются причиной удивительных совпадений. Полемика вокруг «Мастера и Маргариты» и «Дара» продолжается, это означает, что оба писателя нетленны вместе со своими персонажами в обителях дальней и дольней. Пушкинское «покой и воля» (не отсюда ли имя Воланда – волеизъявляющего?) продолжает звучать как призыв к свету.

Примечание

¹ Белодубровцева И., Кульюс С. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Комментарий. – М., 2007. С. 28.

² Владимир Набоков. «Дар». Здесь и далее цитируется по изданию: Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. – СПб.: «Симпозиум», 2000. Том IV.

³ Соколов Б. Расшифрованный Булгаков. Тайна «Мастера и Маргариты». – М., 2006. С. 291.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита». Здесь и далее цитируется по изданию: Булгаков М.А. «Мастер и Маргарита». Роман. – М.: АСТ, 2006.

⁶ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1990. С. 267.

⁷ Варламов А. Михаил Булгаков. – М.: Молодая гвардия (Жизнь замечательных людей: сер. биограф.: вып. 1362), 2012. С. 743.

⁸ Пер. Б. Пастернака.

⁹ Гумилёв Н. «Я и вы».

¹⁰ Там же. С. 524.

¹¹ Примечательно, что Глеб Струве, подчеркивая пристрастие молодым поэтом Набоковым классической традиции, назвал его «поэтическим старовером». Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж – Москва.: Русский путь. М., 1996. С. 120.

□

Алексей Олегович ФИЛИМОНОВ

родился в 1965 г. в г. Электросталь Московской обл.

Поэт и литературовед.

Окончил факультет журналистики МГУ

и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А.М. Горького.

Автор книг поэзии «Ночное слово» (СПб, 1999),

«Сиреневая гроза» (Болгария, 2012, на 2-х языках)

и научных работ о творчестве Владимира Набокова.

Редактор отдела поэзии журнала «Аврора»,

руководитель семинара экспериментальной

литературы при СПб отделении СП России.

Алексей КАЗАКОВ

г. Челябинск

Чародейная песнь Риммы Крапивиной

В традиционные Дни славянской письменности и культуры, когда в России, начиная с 1991 года, на государственном уровне повсюду чествуют святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, первоучителей славянских народов 13 государств, создателей кириллической азбуки, положившей начало становлению современного русского языка, мы вправе вспомнить и об истоках отечественной духовности и о тех, кто сохраняет прекрасное в наши дни.

На былинной земле Русского Севера есть небольшой городок Пудож, имеющий давнюю историю. Само это имя Пудож запечатлелось еще на берестяных грамотах новгородской летописи, датируемой 1382 годом. Столь дальний отсыл, когда преодолено 630-летие Пудожа, необходим для уяснения значимости нашего дальнейшего разговора о культурных традициях этого заповедного края, издавна славящегося фольклорным богатством: преданиями, легендами, былинами, песнями... Как поется в местной бывалинке:

*Пудож очень далеко,
Если ехать низко.
Если ехать высоко,
Пудож очень близко.*

Сказители Русского Севера – былинщики и песенники – Иван Рябинин, Ирина Федосова, Мария Кривополенова, Василий Щеголенок, Аксинья Фомина, Федор Конашков, Никифор Прохоров, Потап Антонов, Андрей Сорокин и многие другие, известные и совсем безымянные, составили песенно-былинную славу всей Олонецкой губернии от Кижского погоста и Повенца до Пудожа, Вытегры и Каргополя (нынешние Республика Карелия, Вологодская и Архангельская

области). К числу этих славных легендарных имен, конечно же, принадлежит имя большого русского поэта, уроженца Олонии Николая Клюева (духовного наставника Сергея Есенина), начавшего свой творческий путь в самом начале XX века (первые публикации – в 1904 году). Именно поэзия Клюева вобрала в себя лучшие традиции древнерусского фольклора, став постоянным живоносным источником «на песнотворческих пирах» нашего времени. Напомню клюевское высказывание: «Не железом, а красотой купится русская радость». И не случайно здесь, на земле древней Пудоги, обрел свое высокое песенное звучание дар солистки Пудожского народного хора Риммы Николаевны Крапивиной, пропагандирующей художественное наследие поэта-земляка, а равно исполняющей притчевые, обрядовые, похоронные и свадебные плачи.

В этом дальнем заповедном крае издавна появляются люди, призванные хранить в песне душу народа, его традиции. Римма Крапивина родилась в пудожском поселке Кубово и с детства исполняла вместе со взрослыми русские народные песни, романсы. Тогда еще был такой обычай собираться соседям на распевки. «К нам обычно приходили голосистые Анна и Иван Васины. У нас, детей, тоже было принято устраивать концерты во дворе дома. Мы закрепляли на веревке для сушки белья чистые покрывала (это был как бы задник сцены) и выступали перед соседями», – рассказывает Римма Николаевна.

Звонкие детские голоса летели над рекой Водлой, привлекая во двор местных жителей. В этой семье все любили петь, особенно когда собирались гости. От этих проникновенных песен на детской душе становилось легко и тепло. Как в пословице: «Петь и плясать смолоду учись: под старость не научишься». Юной Римме предрекали большое артистическое будущее, всем нравился ее высокий красивый голос. Отец – Николай Яковлевич – всю жизнь проработал на стройплощадках, участвовал в строительстве лесных поселков. Родом он был из Костромской области. Отец ушел из жизни, когда Римме исполнилось всего 13 лет. Мать – Надежда Тихоновна – осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Поэтому Римме некогда было думать об артистической карьере, хотя мама, родом из Москвы, часто рассказывала дочери о ее бабушке Аграфене Федоровне Дрюченко, которая, обладая замечательным «народным» голосом, пела в художественной самодеятельности московского завода «Калибр», выступая с сольными номерами перед сеансами в кинотеатре «Диско». Ее

любимыми песнями были: «Из-за острова на стрежень...», «Валенки», «На Муромской дорожке», «Позарастали стежки-дорожки...». Зрители, рабочие завода, ее очень любили, называли «наша Русланова». Надежда Тихоновна часто говорила Римме: «У тебя бабушкин голос». С этим напутствием девушка и начала свою самостоятельную жизнь, когда в 15 лет она оставила родной дом и по объявлению, опубликованному в районной газете, уехала в Подмоскovie, в городок Павлов Посад, в котором работала на ткацкой фабрике. На новом месте она не затерялась, и здесь ее ждало признание благодарных зрителей. Кубовский учитель Борис Боботин написал девушке прекрасную характеристику, отметив ее артистические способности, поэтому Римму сразу пригласили в художественную самодеятельность. Певческая школа в Павловом Посаде была в профессиональном плане сильная, заниматься с хоровиками приезжал баянист из Москвы. В качестве солистки павловопосадские зрители узнали Римму Крапивину по песне «Травушка-муравушка зелененькая...», из-за чего к ней прочно пристало прозвище «Римма Зеленая». Она довольно быстро освоилась на огромной сцене местного Дворца культуры. Зал буквально раскалывался от аплодисментов, когда весело и задорно Римма запевала «Семеновну».

Вскоре она была приглашена в Москву на прослушивание к Людмиле Зыкиной, которая набирала голоса в свой ансамбль «Россия» (в этом отборе, кстати, участвовала и ставшая впоследствии известной певица Людмила Николаева). Но для пудожской Золушки не нашлось феи, которая могла бы превратить ее поношенные сапожки в изящные туфельки, а штопаную одежду в красивое платье. В итоге Римма потеснялась ехать в Москву. А зря. Как говорят в Пудоже: «С гола да шапливо» (одета бедно, но сама красива).

Она вернулась в родную Карелию к маме. Из участницы самодеятельности стала ее организатором, когда в конце 1980-х годов заведовала клубом в поселке лесозаготовителей Поршта. Там Римма познакомилась с нынешним руководителем пудожского народного хора, заслуженным работником культуры Республики Карелия Виктором Жемойтуком (этот коллектив был организован им в 1985 году; с тех пор хор является ярким носителем и пропагандистом местного и общенационального русского певческого материала).

Хор часто бывал в поселке Кубово с концертами. Виктор Иосифович пригласил Римму Крапивину в свой коллектив. Переехав в Пудож, она

сразу стала солисткой хора и на протяжении двух десятилетий (с 1991 года) является неременной участницей всевозможных музыкально-певческих смотров, фестивалей, зональных и республиканских конкурсов, народного праздника «Зори Пудожья», побеждая в них. Десятки почетных грамот и дипломов наглядно свидетельствуют об успехах «пудожской соловушки», как ее любовно называют в городе. Скажем, очередная встреча в городской библиотеке. По просьбе многочисленных гостей-ветеранов выступает Римма Крапивина, и льется песня: «А где родились – там и сгодились, а где сгодились – там и живем...»

Многих почитателей русской песни просто ошеломил сольный концерт Риммы Крапивиной, прошедший с громадным успехом в феврале 1996 года в Пудоже. «Чудесный голос, манера исполнения песен (в основном русских народных) в сопровождении ансамбля и без музыкального сопровождения – все трогало сердца и души зрителей, которые также оказались более чем на высоте. Они сумели оценить мастерство и певицы, и ансамбля русских народных инструментов. Отрадно было видеть, что половина зрителей – дети и подростки. А как они воспринимали музыку и песни. Это значит быть песенным Пудожскому краю! И хвала всем, кто не дает замолкнуть и забыться песням и музыке народным, будят и берегут души людей. Пусть не гаснут у вас такие искорки, как Римма Крапивина, которая воспринимается слушателями даже лучше, чем все уже поднадоевшие звезды эстрады», – гласил отзыв в газете «Пудожский вестник». И рядом строки: «Римму Крапивину хорошо знают в Пудоже и далеко за его пределами любители народных песен. Задумчивость, поэтичность, даже фантазию надо иметь, чтобы песню принял не один слушатель, а весь зал. 22 песни исполнила в своем первом сольном концерте под названием «И снова песня молодая прольется радостью своей» самодеятельная певица. Он прошел на «бис»... Пришли стар и млад. Первая же песня «Дочери, дочери...» взволновала, заморозила всех. Наверное, день 16 февраля 1996 года запомнится Р. Крапивиной на всю жизнь... Не каждый день бывают такие сольные концерты...»

И, как итог, коллективное мнение сотен зрителей: «Вне всяких сомнений, звезда народной песни в настоящее время – Римма Крапивина».

(В скобках замечу: в этом же году в местном кинотеатре «Октябрь» шли западные фильмы, наглядно показывающие нравы тех «лихих 90-х»: «Конец невинности», «Земные девушки легко доступны» и т. п., и это в древнем русском городе

с 600-летней историей!.. Впрочем, так было по всей перестроенной России, когда всплыла на поверхность вся накипь от насаждаемых повсюду порновидеосалонов до «прихватизационной» новой буржуазии из числа бывшей партийно-комсомольской номенклатуры. Так что от липового революционного Октября осталось одно название, так же, как и от кинотеатра с тем же названием, ныне сгинувшего...)

В последние годы визитной карточкой Пудожа, неофициальным гимном древнего города стала песня «Край наш Пудожский» (слова и музыка Ольги Федорченко), ставшая телевизионным видеоклипом (благодаря директору местного ТВ Игорю Захарову) и разошедшаяся по всей Карелии в исполнении Риммы Крапивиной, в которой есть такие строки:

*В краю берез и сосен город наш укрылся,
В зеркальной глади тихой речки отражен.
За шесть столетий он, конечно, изменился.
Земле родной и милой наш земной поклон.*

Песенный шлейф следовал за Риммой Крапивиной повсюду, где бы ей ни приходилось жить и работать. Павлов Посад, поселок Бородинское под Выборгом, пудожские поселки Кубово и Поршта – всюду она участвовала в художественной самодеятельности, все больше и больше погружаясь в песенную стихию. И постоянно ширился репертуар. В основном она исполняет народные песни: «По сею лебеду», «Баня», «Со вечеру, с полуночи» и многие другие. Раньше пела патриотические песни о Родине, например, «Я лечу над Россией», «Снег седины». Менялась жизнь, менялись и песни. Появились духовные песнопения, славящие Бога и веру. И тоже не случайно – Римма Николаевна с 1998 года активный участник местного общественного объединения «Возрождение», целями которого были передача разрушенного храма Александра Невского православной церкви и его восстановление. И она вместе с единомышленниками-помощниками о. Николаем, о. Иоанном, о. Тарасием, С. Мокрушиной, Н. Веселковой, Е. Аникиной, Н. Пуховой, Е. Ниловым, В. Наумовым, В. Базегским, А. Костиным, Г. Шаровым, Л. Марковой, отцом и сыном Мосендз, Н. Насоновым, М. Игнашевой, Б. Фофановым, И. Смирновым, В. Борисовым, А. Головановым, А. Дегтяревым, телеканалом «Ника + Пудож», И. Захаровым, редакцией газеты «Пудожский вестник» подняли храм из руин, обустроив и исторический погост в Журавицах в 400-летнем бору, в центре которого – вновь построенная часовня Михаила-Архангела.

Сегодня здание храма, построенного 110 лет назад на средства купца Н. А. Базегского, постепенно принимает свой подлинный исторический облик (благодаря усердию и молитвам нынешнего настоятеля о. Илии с братией), став ныне подворьем Муромского монастыря.

*Ну а с храмом вымолить у Бога
Всё возможно. Отче, помоги!
Чтоб крещеным не ходить по кругу
Замкнутому. Отче, защити!*

Н. Ермолович

А в дни столетия храма, в 2003 году, благодаря усилиям Р.Н. Крапивиной впервые прошел молебен у разрушенных стен и впервые за полвека был помянут о. Платон (Глазычев), последний настоятель Александро-Невской церкви, расстрелянный близ Пудожя у Черной речки в 1937 году... Его дочь, Л. П. Глазычева, ценила песенный дар Риммы Крапивиной и всегда ходила на ее выступления в Пудожский дом культуры.

«В судьбе святынь – судьба России» – так назывался один из благотворительных концертов в районном Доме культуры с участием Риммы Крапивиной.

Народной песне она верна и поныне, обогащая свой репертуар авторскими композициями. Причем Крапивина не переделывает народные песни, а воссоздает их как настоящий художник, потому что сама вышла из народа. Оттого и воспринимаются те песни, словно ожившая историческая память русского народа-страстотерпца.

Размышляя о личности Риммы Крапивиной, ее человеческой сути, я невольно вспоминаю героиню прозы Федора Абрамова «Чистая книга» – Махоньку, прототипом которой послужила великая сказительница Русского Севера Марья Дмитриевна Кривополенова. Автор «Чистой книги» воспринимал Махоньку как «меру всех людей». Не завидуя богатству скаредных соседей, не тяготясь нищенством, странница-вещунья вмещала весь мир в себе. Она была счастлива свободой, когда «каждый день нов, каждый день новые люди».

Луга, леса и воды местные – вотчина ее. Хозяйкой по ним шла, где каждая березка, кустик и травинка ей в пояс кланялись. И птицы хорошо привечали, свои песни пели.

Да, была неграмотная, но духом выше всех грамотных. И еще одно богатство Махоньки – ее поразительная память, способность жить одновременно в разных мирах. Она научилась преодолевать время, путешествуя из одной эпохи в другую. Запоет былинку, и она уже в Киевской Руси, посте-

пенно слушателей уводя туда. Свободно могла в любую старину съездить – никакие дороги ей не были заказаны. В этой песельнице «вся память нации, своего народа». А зима надоест – она напоеет себе лето, раз уж так захотелось. Из дома в дом, из деревни в деревню, проселками, буераками – каждый день новые встречи в хождениях по окрестным весям. Словом песенным своим Махонька радость людям несла, облегчение давала. Она с достоинством несла свой дар Божий, а для людей – поддержка духовная. Ходила по земле, излучая добро и радость среди скудной жизни. В лесу, храме лесном – всё зверье ее друзья. Со всеми разговаривала: сорока в ответ проверещит – Махонька ответит на птичьем языке. Оттого и была у нее часто переплеталась с пророческой сказкой. Добрая, незлобивая, но нравная. И цену себе знала, талант свой высоко ставила: «Мое-то золото не в кошеле лежит, а в голове да сердце». В душе носила свое единственное богатство.

А народ вокруг нее всё больше был скареды, кроты земляные, без солнца в глазах, как она их сама называла. Во время болезни бывальщины не пела и слово чародейное не сказывала. А в здравые дни – силой необъяснимо удивляла. И ничего не боялась – чего бояться, когда с ней былинное слово! И дар этот чародейный по жизни не теряла.

«Всего, всего было напихано в Махоньке, от всех взято: от ребенка, от взрослого, от праведницы, от скомороха, от бродяги (странницы), от бабушки в избушке на курьих ножках и от вещей старушки было. И по виду: реальная, живая, во плоти, а в то же время и сказочная. Такого замеса еще не было в человеческом мире. Над Махонькой посмеивались, но и побаивались. Отбредет, отчитает – что с ней сделаешь? Не от мира сего. Да и не дорожит она тем, чем дорожат другие. Небывалый человек. Реальный и нереальный. Чудо в образе человеческом. Чудо, в котором теряются границы между плотью и духом. Где плоть переходит в дух, где жизнь переливается в сказку, сказка – в жизнь. Впервые!» – с восторгом и удивлением отмечал Ф. А. Абрамов.

Открыв для себя поэзию Клюева, Римма Крапивина воочию увидела и услышала «звука лик» былой китежской Руси. А чарующая музыка петербургского композитора Виктора Панченко, автора многих произведений на стихи «олонецкого ведуна», помогла певице создать собственную большую концертную программу, возродив клюевское песенное слово в нашей духовной жизни. Отраднo, что теперь на этих песнях и романсах вырастает новое, молодое исполнительское по-

коление. Столь высокий образец музыкально-поэтической русской классики наглядно выявляет и голосовую особенность самой Риммы Крапивиной. Выступая на «Клюевских чтениях» и литературных вечерах в Москве, Санкт-Петербурге, Вологде, Череповце, Петрозаводске, Вытегре, Томске, пудожская певица просветительно расширяет границы звучания лиро-эпического слова великого поэта России вплоть до Европы и Америки, где еще предстоят выступления Крапивиной, где впервые в давние 1950–1960-е годы вышли наиболее полные издания сочинений Н.А.Клюева, тогда как в своей стране-мачехе ссыльный поэт, расстрелянный в 1937 году в Томске, был предан полному забвению...

Когда-то давно, в XIX – начале XX в. Пудож славился своими меценатами, купцами Базегскими и Малокрошечными, много сделавшими для культурного процветания родного города. Нынешний бренд Пудожа – это Народный хор и его солистка Римма Крапивина, имя которой известно всей Карелии. Она – настоящий почетный житель Пудожа (звание присвоено в 2011 году), прославившая свою малую родину. Дважды Р.Н.Крапивина выступала в Финляндии, в городе Муроме Владимирской области, в близком Каргополе и далее – от Петрозаводска и Санкт-Петербурга до Рязани, Челябинска, Новосибирска, Барнаула, Тобольска...

Действительно, песня дает силы и молодость. «Народная песня – это наш клад, достоинство и ум многих поколений людей. Она очень разнообразна. Рядом с лихой, «приплясывающей», всегда была и другая – лирическая. Она носит исповедальный характер. Про нее говорят: «Спела – душу отвела». Вот и я больше всего люблю исполнять именно такие – под баян, без всякого эстрадного кокетства и жеманства. Учась их петь, слушаю фольклорные записи, собранные в Пудожском районе у старожилов. Песня как слеза – ее не зовешь, она сама приходит. Наша народная песня всегда хороша на все случаи жизни, и в то же время она была и есть праздничная одежда людской души, историческая память многих поколений, наполняет содержанием размеренную жизнь, текущую по обочинам и обрядам, связанным с трудом, природой и почитанием отцов и дедов», – размышляет Римма Николаевна.

Ее яркие, незабываемые выступления на Алтае в шукшинских Сростках или на Рязанщине в есенинском Константинове принесли известность и очередное признание сотен людей, выраженные в благодарственных письмах организаторам этих фольклорных празднеств.

Перед концертом она всегда очень волнуется, но на сцене волнение уходит, остается только песня, которую она поет так, что зрители замирают...

Невольно вспомнишь пудожское присловье: «Не все в людишки рассказывай, а больше по сердцу размазывай».

В притихшем зрительном зале вновь звучат слова народной старины: «Летал голубь, гурковал...», «Ванька кудри кудрил...», «Провожала я дружка милого далеко...», «Уродилась я во поле былинка...», «Вставай, солнце». Звучат, трогая и облагораживая наши души, спасая их от безумия житейской безысходности нынешнего ожесточенного времени. И эта распахнутая, открытая напевность уникального голоса идет и от мудрого поэтического слова Николая Клюева, сказавшего:

*Пусть ветром нагорным душа моя станет
Пророческой сказкой баюкать тебя.*

Прямо скажем, сегодня русская песня находится в загоне, ее теснят и уничтожают со всех сторон. Невольно вспомнишь слова ныне почти забытого русского поэта Льва Мея, сказанные им в XIX веке и повторенные Клюевым в 1920 году: «Эх, пора тебе на волю, песня русская, непогодю, невзгодою повитая, во крови, в слезах крещенная, омытая!» Но она не умирает в душе нашего народа, прорастая сквозь закатанный асфальт гламура и попсы, ибо всегда была сродни духовной молитве – в горе и радости. Пропеть русскую песню – означает вознести сердцем и умом, причаститься к нашей общей духовной обедне, открытой и объединяющей всех нас, атеистов и верующих в слово Божие. Без отеческой песни – гибель народу, потому как жаждет душа его чистого звука и слова, красивой мелодии и, говоря языком Достоевского, «всякого прекрасного восприятия». Хорошая песня на родном языке всегда возбуждает сильное чувство сопричастности к своему краю, родине, дает веру в лучшее, светлое, оставляя благодатную память в душе человека. Не зря сказано: «Праведник отходит, а свет его остается».

Вся наша великая русская литература (от «Слова о полку Игореве» до Клюева, Есенина, Рубцова) пронизана звуковым рядом народного напева, будь то величавая ода или скорбный деревенский плач. «Царевна в царских палатах причитает о своем женихе совсем так же, как любая крестьянская девушка в своей избе. И та и другая живут одной культурой, чувствуют, мыслят и го-

ворят одинаково», – писал исследователь русского фольклора Г.А. Гуковский.

Когда Крапивина, отвергнув бодряческую парадность, ибо это и день памяти-скорби, спела в День Победы родственную ей по духовному настрою давнюю русскую песню, это тут же заметила местная газета: «Солистка Римма Крапивина исполнила несколько народных и близких им песен, где отдельно почти стоит «А брат сестру обидел в пиру» – слишком грустное произведение» (2003).

И когда она приезжает в заброшенную, почти островную деревню, затерянную в глухой лесной стороне, среди сотен болот, где всего четыре жителя, и поет им, возвращая молодость души, то именно здесь зримо и осязаемо ощущается – вот она, этническая земля. Пласт вековых народных песен-плачей, поднятый Крапивиной, которые звучат окрест близким эхом, совсем рядом с такими же еще чудом сохранившимися вековыми поморскими избами (клюевский образ «изба – святилище земли»). И этот заповедный остров-деревня гораздо больше, чем простое селение – это настоящий избяной космос в гниущем крестьянском архипелаге. И лишь звучащая песня дарует ему жизнь...

Нет, не зря один из слушателей назвал Крапивину «нашим северным сиянием». Приведу некоторые дарственные надписи, обращенные к певиче на книгах.

«Это не просто женщина, это произведение искусства. Станислав Лесневский».

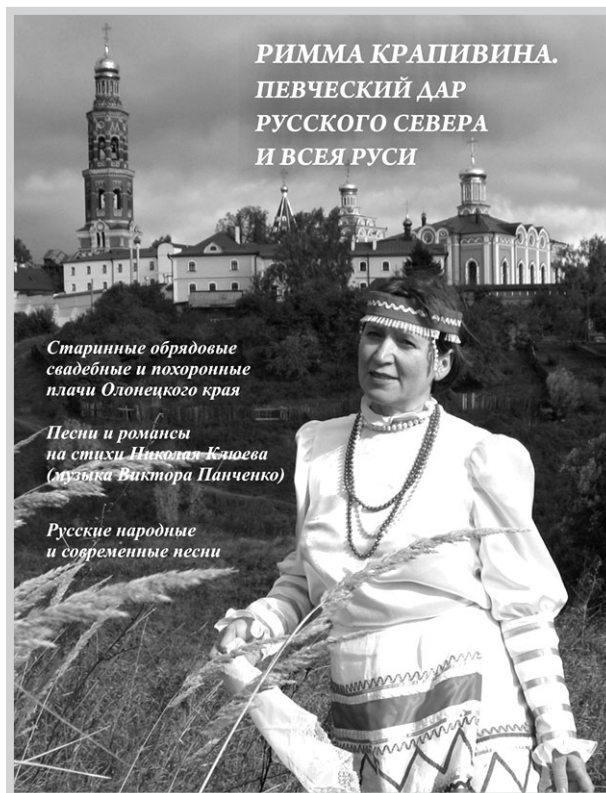
«Прекрасной Римме Крапивиной – талантливой, красивой, навсегдашней! Феликс Медведев, журналист-огоньковец».

«Дорогой Римме Крапивиной – на долгую добрую память. Россия – Крапивина; женский род, и держится на женщинах. Мудростью и талантом своим Вы вдохновляете людей на добрые мысли и поступки. Желаю удач и успехов! С уважением – Анатолий Ковтун – художник-фотограф».

«Римме Крапивиной – с нежностью. Евг. Евтушенко».

«Народной певиче от народного художника Н.А. Селиванова».

«Дорогой нашей Римме Крапивиной, жемчужине Вторых Всероссийских Клюевских чтений в Томске (19–22 октября 2011 г.), от всей души томские писатели, ученые Томского университета, библиотекари «Пушкинки», а также примкнувшие исследователи и писатели из Москвы,

Санкт-Петербурга, Челябинска, Новосибирска, Кемерово, Анжеро-Судженска, Барнаула, а также работники и сидельцы Томского СИЗО. Целуем и желаем СЧАСТЬЯ!»

Поясню последнюю надпись. Дело в том, что в те осенние дни 2011 года Римма Крапивина выступала не только в университете и библиотеках Томска, но и перед заключенными местной тюрьмы, где в 1937 году находился в заключении ссыльный поэт Николай Клюев. Она пела нынешним сидельцам клюевскую «Ноченьку», сочиненную в Петрозаводском центре в 1906 году. Так в России сближаются времена и судьбы людские...

Слушая песни в исполнении Риммы Крапивиной, веришь в правду народного обычая, где каждая нота стучится в наши сердца чутким недремлющим дозорным крылом певчей жар-птицы. Оттого и не затрет нас скверная среда!

«Кто из русских людей скажет, напишет или сделает что-нибудь свое, свое неотъемлемое и незаимствованное, тот неминуемо становится национальным...» – утверждал Ф. М. Достоевский.

Думаю, что Римме Крапивиной удалось спеть свое. Самобытность ее чародейного песенного дара очевидна, имеющий уши да услышит. И вот это неповторимое свое и сделало ее, истинно народную певицу, нашим национальным достоянием не только Русского Севера, но и всяя Руси.

«Народ – это не большинство, это всё талантливое», – заметил как-то под шукшинским влиянием актер Георгий Бурков («Народ правду знает», – говорил В. Шукшин).

...Дом Риммы Крапивиной в Пудоже, построенный собственными руками, стоит близ воды, как она сама говорит о нем языком пудожских сказаний: «Хороша угодушка – подугольна вóдушка».

Звучит над широкой просторной гладью Водлы-реки, устремясь к самому горизонту, близкий и родной напевный голос:

*Край наш пудожский, край старинный.
Край наш песенный и былинный.
А дни сплетаются в года, но это не беда –
Здесь будет продолжаться жизнь всегда.*

Челябинск – Петрозаводск – Пудож

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России», «Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

У вас была в детстве мечта? Такая, которую воображение выписывает тщательно в деталях, красках и чувствах; обладающая теплым счастьем и манящая сказочной таинственностью?

Она была, наверно, у каждого, но не каждый признается в том, чего он хотел. Потому что детские мечты невелики, как сами дети, а большие взрослые стесняются признаваться в том, что их может сделать мельче в глазах окружающих.

А я признаюсь...

Потому что моя детская мечта сбылась недавно. Совершенно неожиданно. И она – маленькая – не показалась мне утратившей свою магичность на фоне событий и достижений взрослой жизни.

В детстве, чтобы вечером быстро уснуть, я представляла себе великолепный зимний лес. Может быть, потому, что любимой сказкой была зачитанная до дыр книжка «Морозко». И я, как героиня этой сказки, уставшая и продрогшая, мысленно искала радости и спасения.

И мне представлялось, как я в этом заснеженном лесу выхожу на склон высоченной белой горы и вижу за лесом солнце, а внизу – сказочный домик с проросшим из трубы дымом.

И солнце, и незнакомый очаг – символы радости и тепла. Воображение переносит меня в домик мгновенно; в нем горит огонь в камине, потрескивают дрова, на стене – полка с книгами любимых писателей, на столе – чашка с горячим чаем, за окнами – янтарное солнце барахтается в белом снегу замерзшего озера...

И – ни с чем не сравнимое ощущение тепла, покоя и счастья...

Почувствовали?

А теперь я скажу, где оно на Земле, это место мечты или радости. Это Ялгора под Петрозаводском. И белые горы, и сказочный лес, и озеро с накрахмаленным хрустящим снегом, и домик, в котором горит камин, а на полках – книги любимых писателей – всё это здесь. И не в сказке, а в реальности.

**Елена
ПИЕТИЛЯЙНЕН**
г. Петрозаводск

В этом сказочном месте недавно открылся современный горнолыжный курорт «Ялгора». В переводе в вепсского языка это означает «большая гора». И смысл названия – не только в величине горы. Большая гора сулит большие возможности... Кому? В первую очередь нам с вами. Мы много говорим о здоровье, придумываем самые трудоёмкие и затратные программы оздоровления и омоложения, а сами толком не знаем простого – как проводить свободное время.

Точнее, знаем как, но не знаем где...

В Ялгоре – великолепные горнолыжные спуски, большие и малые, для взрослых и детей. На большие горы лыжников поднимают удобные подъемники, на малые несёт лента транспортера, как движущаяся лестница в метро, – ведь малые для таких неумех, как я, и для детей.

Не хочешь или ещё не научился кататься на лыжах и сноубордах – гуляй пешком по лесным прочищенным дорогам, любуйся удивительными коническими соснами, их снежными ажурными пелеринами, дыши свежим воздухом с живительными фитонцидами!

Из личного опыта: вскарабкаешься на самый верх (сам или при помощи подъемника) – не забудь заглянуть в панорамное кафе, из огромных окон которого открываются захватывающие дух виды на бескрайние леса, заснеженное озеро и глянцевое небо, забрызганное влажным солнечным светом...

И вниз тоже – можно мчаться на лыжах с ветром, а можно прогулочным шагом по знакомым уже дорожкам. На берегу озера – кафе, тот самый сказочный домик с камином и книжными полками, который встретит вас радушным теплом, уютным интерьером и вкусными блюдами.

Меня в домике встретил еще и хозяин – Дмитрий Вайткус. По его убеждению, Карелия – это настоящий клад, не отысканный кладоискателями. Он показал на склоны, на берег красивейшего залива Онежского озера Ялгуба и на противоположный берег, где виднеются дома деревни, и сказал: «Вот здесь лежит ещё один бюджет Карелии».

Полвека назад карельские спортсмены уже обживали эти склоны. В 60-е годы здесь зародился горнолыжный спорт республики под руководством председателя федерации Виталия Выборнова. Нынешний инвестор ООО «Эверест» выстроил концепцию Ялгоры иначе. Теперь это не только современная база для подготовки классных спортсменов-горнолыжни-

ков, но и центр активного зимнего отдыха для всей семьи, а также место для тренировок юных спортсменов.

Дмитрий Вайткус рассказал, что в администрации Петрозаводска и Прионежского муниципального района направлены предложения открыть здесь горнолыжные отделения детско-юношеских спортивных школ. И это очень здорово!

– Склон Ялгоры построен с перепадом высот до 100 метров и длиной до 400 метров, – отметил Дмитрий. – На территории центра есть лыжные трассы, учебный склон, прокат, кафе, парковка, организовано освещение. Одним словом, наш комплекс оснащен современной инфраструктурой, которая соответствует уровню современного комфортабельного горнолыжного спортивно-туристического центра.

– Мы ориентируемся, в первую очередь, на жителей Петрозаводска, поэтому очень внимательно относимся ко всем пожеланиям, – особо подчеркнул Дмитрий.

Однако отдых от отдыхом, но Ялгора уже сегодня представляет собой прекрасный объект для подготовки спортсменов высокого класса. «Хозяин снежной горы» Дмитрий Вайткус не без гордости сообщил, что вырастить на склонах Ялгоры чемпиона по горнолыжному спорту вполне реальная задача. И это не только его мнение. С ним согласен и приехавший летом в Карелию двукратный обладатель Кубка мира Калле Паландер.

Близость к Петрозаводску, ориентация на массовый семейный отдых (даже специальный подъёмник для начинающих лыжников построили!) – всё это очень нравится! Мне рассказали, что уже сегодня по выходным здесь бывает так много гостей, что трудно припарковать машину. И как всякое доброе дело, Ялгора открывает новые горизонты, даёт новые возможности. Министр по туризму карельского правительства Александр Воронов подчёркивает в интервью:

– Горнолыжный центр «Ялгора» даст возможность юным спортсменам заниматься на бесплатной основе и предоставит необходимый инвентарь. Мы же рассматриваем планы создания в этом местечке загородной спортивной базы, стадиона, лыжной трассы, двух лыжных трамплинов, развития в летнее время гребных видов спорта.

Мы прощаемся с хозяином на пороге его тёплого сказочного домика у подножия белой горы.

Дмитрий Вайткус сообщает, что центр дал название новой улице в местечке Пиньгуба – Горнолыжная, и это вовсе не просто так. Мы, конечно, будем развиваться, говорит он. В планах – расширение склонов, строительство еще одного подъемника и дополнительных объектов инфраструктуры. Здесь ожидают и частную инициативу.

– Приветствуется появление близ Ялгоры гостевых домов, большей предприимчивости и деловой активности жителей близлежащих Пиньгубы и Ялгубы. Ведь ожидается много гостей зимой и летом. Потребуется хорошие места для ночлега и отдыха. Уже сегодня жители могли бы оборудовать для этого свои дома и выстраивать индивидуальный бизнес...

Несомненно, что Ялгора стала привлекательной для жителей Карелии, особенно петрозав-

водчан. Не только в выходные, но и в будни здесь множество людей – взрослых и детей, которые приезжают сюда за удовольствием и радостью, а кто-то – за своими будущими спортивными достижениями.

Нет своей спортивной экипировки – не беда! Работает прокат лыж, сноубордов и другого инвентаря. Не умеешь кататься – научат! Есть учебные пологие спуски и опытные инструкторы. И главное: нет в жизни счастья – найди! Оно рядом. Например, на белой сказочной Ялгоре.

□

Открытие горнолыжного центра «Ялгора».

*Глава Республики Карелия
А.П. Худилайнен с внуком*

Вениамин ЯШИН

г. Петрозаводск

СОЛОМЕНСКИЙ ЛЕСОЗАВОД

7 марта 140-летие своей деятельности отмечает одно из старейших и самых успешных предприятий лесоперерабатывающей отрасли Республики Карелия – ЗАО «Соломенский лесозавод», входящий в десятку крупнейших экспортеров среди предприятий-изготовителей России.

В преддверии юбилея наш корреспондент побывал на предприятии.

Помня об истории

На проходной предприятия – изображение ордена Трудового Красного Знамени. Сейчас заводы не получают таких наград, это – примета прошлого. Скорее, роль играют цифры объемов производства и показатели финансовой деятельности. Но в том, что сохраняется память и о наградах, полученных прежде, еще в другом государстве, виден знак. Это знак верности традициям, сохранения преемственности поколений, бережного отношения к труду и опыту предков, осознания своего предназначения и своей, может быть, не скромной, а сравнительно недолгой роли в истории завода, малой родины, страны, в истории, уже намного превысившей масштабы жизни одного человека. Это знак сопричастности к бедам и праздникам всего рода, всей общности людей, веками живших на нашей земле.

На Соломенском лесозаводе чтут историю предприятия. Фрагменты этой истории – в заводском музее, которым занимается сейчас заведующая отделом городского дома культуры в Соломенном Зоя Викторовна Бабич.

**СОЛОМЕНСКИЙ
ЛЕСОЗАВОД**

- 140 ЛЕТ ИСТОРИИ

В музее хранятся не только кубки и грамоты предприятия, не только большие альбомы с газетными вырезками, но и другие предметы эпохи. Телефоны, которые стояли в послевоенные годы на столах руководителей завода, школьные костюмы с пионерскими галстуками, которые носили дети тех, кто жил и работал здесь, шкаф 1906 года, стоявший в доме одного из жителей Соломенного, ткацкий станок, самовары и посуда... И красные знамена, врученные когда-то коллективу за отличия в трудовом подвиге.

Вот знамя комсомольской организации Петрозаводского лесопильно-мебельного комбината – так называлось предприятие в советские годы, а вот – знамя победителя социалистического соревнования по досрочному выполнению заданий IX пятилетки... Вспоминаю, какие же это годы... 1971–1975. Знамя победителя соцсоревнования в честь 50-летия образования СССР. Это тоже начало 70-х, может быть, лучшее время советской истории.

– Это грустные воспоминания, как мы собирали знамена, – рассказывает Зоя Викторовна. – После перестройки, когда мало кому было дело

до истории, знамена растащили. В одном из домов я даже видела, как из них нашили подушки. Но совет ветеранов Соломенного не дал пропасть экспонатам.

Музей создавал совет ветеранов, председателем которого была Зоя Викторовна, непосредственно созданием музея занималась Людмила Александровна Серкина, ушедшая из жизни пять лет назад. Но во многом благодаря им мы сейчас можем увидеть, как жили и работали здесь люди.

И сейчас музей ведет огромную работу, начиная с общения со школьниками. Зоя Викторовна показывает множество детских рефератов или, как их называют сейчас, научных работ, аккуратно подшитых в папочки. Школьники изучают литературу, собирают информацию о различных фактах истории. Есть работы о логозерских рудках, о визитах в эти края Александра Даниловича Меншикова... А вот и наша тема – Громовский завод, Беляевский завод...

– Вы знаете, что до сих пор часть Соломенного за проливом называют Громовской стороной? – спрашивает Зоя Викторовна.

Громов и Беляев

Карельский лес осваивали петербургские купцы. Известна, например, деятельность лесопромышленника Митрофана Беляева, построившего лесозаводы в Карелии. Этому человеку многим обязана русская музыка, благодаря его деятельности мецената могли творить наши выдающиеся композиторы.

В Соломенном тоже деятельность начал лесопромышленник из Петербурга Илья Федулович Громов, член известной купеческой династии. В мае 1873 года он обратился к олонцекому губернатору с предложением «устроить пародействующий лесопильный завод... при Соломенском проливе между церквами и деревнею Наволок». И годом позже 9 марта петрозаводский полицмейстер отрапортовал Олонцекому губернскому правлению: «Действие завода началось с 7 числа сего месяца». Об истории завода рассказывает книга «Петрозаводский лесопильно-мебельный», выпущенная в 1977 году.

В начале XX века завод Громова был одним из самых крупных в Южной Карелии. Продукция завода шла за рубеж и в Петербург.

Уже в 1901 году неподалеку другой купец поставил лесозавод, вскоре сгоревший. Но на его месте в 1908 году был построен лесозавод Александра Беляева.

В упомянутой книге, выпущенной в советские годы, немало места уделено рассказу о тяжелых условиях, в которых приходилось трудиться и жить рабочим. Конечно, все это правда. Иначе не поднялась бы в России революция, сменившая строй, разрушившая прежний социально-экономический уклад. Но история, как и каждый человек, не бывает только черной или только белой. Те же купцы, владевшие лесозаводами в Соломенном, известны как благотворители, меценаты. В современных изданиях, посвященных петербургским благотворителям, о Громове сказано: «оказывал помощь Дому призрения малолетних бедных, позже получившему имя В.Ф. и И.Ф. Громовых, и Демидовскому дому трудолюбия, был основателем и попечителем Громовского дневного приюта для бедных детей, деятельным членом Николаевского православного братства и Петербургского благотворительного общества; завещал на благотворительные цели приютам, учебным заведениям и православным храмам более 350 000 руб.». Был Громов, кстати, почетным гражданином Петрозаводска и Вытегры.

В 1914 году его завод сгорел, хотя сам он до этого дня не дожил. С началом Первой мировой войны встал и завод Беляева – поставки лесоматериалов и на внешний, и на внутренний рынок прекратились.

За войной последовала революция. В 1918 году завод был национализирован.

До войны и после

Восстановление работы на предприятии имело огромное значение и для Карелии, и для всей России. Предприятие, как и прежде, как и сейчас, оставалось ориентированным на экспорт. Благодаря карельскому лесу Россия получала валюту, необходимую для восстановления хозяйства. Причем четверть экспортного фонда карельского леса было предоставлено в распоряжение Карельской Трудовой Коммуны. Золото, вырученное от продажи продукции предприятия, давало возможность приобретать за рубежом необходимое продовольствие и промышленные товары.

В начале 20-х годов завод в Соломенном был вторым по величине (после Онежского) промышленным предприятием Петрозаводска.

Развертывание трудового соперничества, движение за ударный труд, стахановское движение, комсомольские субботники... Энтузиазм первых пятилеток не обошел стороной Соломенное. Росли объемы производства, благоустраивался поселок. Завод именовался «Соломенский лесозавод имени Октябрьской революции».

Оценки времени оставим историкам. Как сказались на работе предприятия период репрессий, а немало американских финнов, приехавших на эту землю, сложили головы в лагерях, как сказались Советско-финляндская война – предмет исследования ученых. Мы же напомним только, что в войне приняли участие многие жители Соломенного, а продукция завода в это время шла большей частью не на экспорт, а на нужды военных ведомств.

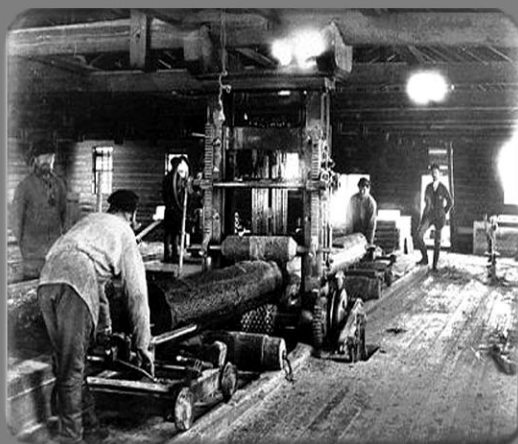
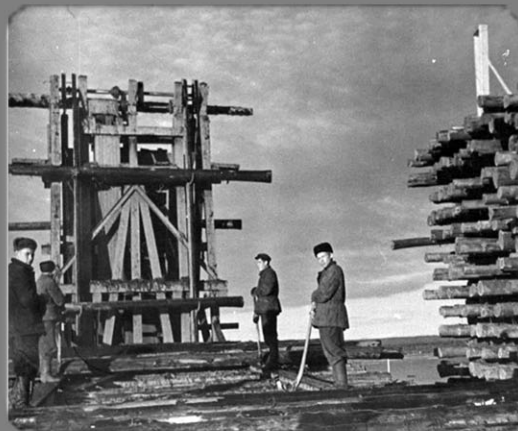
С началом Великой Отечественной вновь мужчины ушли на фронт. «В первые же дни войны отряд тружениц Соломенского лесозавода пополнили более шестидесяти женщин-домохозяек, которые пришли сюда, чтобы заменить своих мужей, ушедших на фронт», – говорится в уже упомянутой книге «Петрозаводский лесопильно-мебельный».

На эту землю пришли финские солдаты. Незадолго до их прихода, в июле-сентябре 1941 года, был произведен демонтаж оборудования, завод был эвакуирован в город Луза Кировской области.

В 1944 году Петрозаводск был освобожден, началось возрождение предприятия, и уже к 1 мая 1945 года была выпущена первая продукция.

Отстраивались новые цеха, осваивались новые виды продукции. Было нелегко. А вот одна из примет времени, «эхо войны». Лесопильщики постоянно рисковали. Древесина на завод поступала с берегов Шуи, где в годы войны шли жестокие бои. В стволах застревали пули, осколки мин. Из-за них пилы ломались, лопались. Бывало, что одновременно выходили из строя десятки пил, и больше половины рабочего времени смены уходило на ремонт.

Но выстояли, возродили предприятие, продолжали работу. В 1948 году завод достиг довоенного уровня валовой продукции.

Орденоносный завод

История послевоенных лет до конца советского периода – это перечисление трудовых успехов. Открывались новые цеха и участки, ширилось движение рационализаторов, цеха, соревнуясь, получали переходящие красные знамена... И росли объемы производства.

Сейчас, когда читаешь об успехах советских предприятий, можно только удивляться – куда же шла вся эта продукция, объемы которой возрастали из года в год. Изменилась экономическая система, и в настоящее время увеличение объемов производства – не самоцель. Важно увеличивать объемы реализации; произвести продукцию – хорошо, но главный вопрос – как ее реализовать, получить прибыль. Нет прибыли, нет реализации – предприятие долго не протянет. Потому так часто мы слышим о банкротствах. Не миновали горькие времена и завод в Соломенном, пока не пришли на предприятие новые владельцы, новая команда управленцев. Но это – уже в нашем XXI веке. А мы пока вернемся в XX.

В 1963 году завод был награжден дипломом по итогам выставки товаров народного потребления и хозяйственного обихода, а также дипломом II степени Выставки достижений народного хозяйства.

В сентябре того же года произошло значимое событие – Совет народного хозяйства Северо-Западного экономического района принял постановление об объединении Соломенского лесозавода и Петрозаводской мебельной фабрики. Тогда и появился Петрозаводский лесопильно-мебельный комбинат имени Октябрьской революции.

Соревнования, соревнования... Коллектив выступил инициатором соревнования среди предприятий деревообрабатывающей промышленности Карелии, соревнование в честь XXIII съезда КПСС, в честь 50-летия Великого Октября, в честь столетия со дня рождения В.И. Ленина... Обновление оборудования, внедрение новых технологий...

1974 год – Петрозаводский лесопильно-мебельный комбинат награжден орденом Трудового Красного Знамени. Высокая награда была вручена на торжественном собрании, посвященном 100-летию предприятия.

И орден не был последней наградой, уже на следующий год за успехи в выполнении плана Министерство лесной и деревообрабатываю-

щей промышленности СССР и ЦК профсоюзов наградили комбинат почетными дипломами.

Перечисление успехов и наград можно продолжать. Правда, далеко не все, что характеризовало работу предприятия, вошло в книги и газетные публикации.

– Видели нашу проходную? – спрашивает Зоя Викторовна Бабиш. – За ее строительство директор получил выговор по партийной линии за нецелевое использование средств. А проходная до сих пор стоит...

Сегодняшний день

Новейшая история предприятия началась в 2005 году, когда в экономику республики пришел надежный инвестор – удмуртская Группа предприятий «АСПЭК». Лесоперерабатывающее направление в ней представлено карельскими предприятиями ЗАО «Соломенский лесозавод», ЗАО «Шуялес» и ООО «Поросозеро». В ноябре 2007 года состоялось официальное открытие обновленного Соломенского лесозавода.

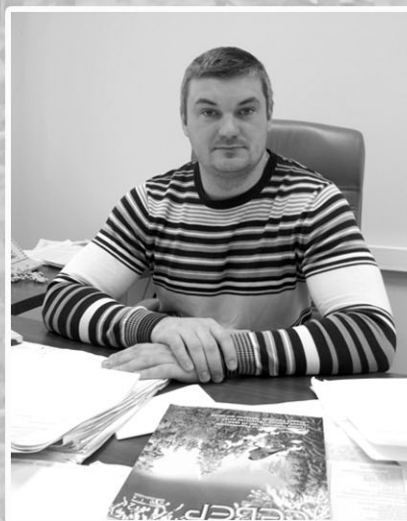
О сегодняшнем дне предприятия рассказал заместитель генерального директора по экономике и финансам Вячеслав Викторович Резанов.

Прежде всего я спросил, оказывает ли какое-либо моральное воздействие на сотрудников предприятия то, что завод имеет такую длинную историю? Наверное, приятно работать на предприятии, зная, что и до тебя в течение почти полутора столетий велась почти такая же деятельность, осознавая связь поколений.

Как оказалось, долгая история оказывает не только моральное влияние.

– Исторический аспект очень интересно скандывается на взаимоотношениях с кредитными учреждениями, – рассказал Вячеслав Викторович. – С предприятием, имеющим такие длинные корни, уходящие в историю, интересно работать. Особенно важно, что наше предприятие работает успешно, является крупнейшим экспортером среди деревообрабатывающих предприятий.

Играет роль и моральный аспект. Мы, здесь работающие, можем быть, лучше понимаем, что наш труд – это только часть того огромного труда многих поколений, который позволил лесозаводу в Соломенном пережить тяжелые времена потрясений – и революцию, и войну, и перестройку. И это позволяет остро чувствовать ответственность за работу завода, за его сохранение и развитие, за коллектив.

*Сверху вниз (слева направо)
Проходная Петрозаводского лесозавода.
Вячеслав Викторович Резанов –
заместитель генерального директора
по экономике и финансам.
Зоя Викторовна Бабич –
заведующая отделом городского
дома культуры в Соломенном.
Экспонаты музея.*

В 2005–2006 годах была проведена масштабная реконструкция предприятия, построены новые производственные мощности, можно сказать, что было построено новое предприятие: появились сушильные камеры, новая линия лесопиления, линия производства строганых материалов, автоматизированный склад, автоматизированная котельная, реконструированы цеха. По сути, был обновлен весь производственный цикл, начиная от линии сортировки круглого леса и заканчивая отгрузкой готовой продукции. Оборудование приобреталось у ведущих европейских производителей, представители которых обучали специалистов завода.

В настоящее время на предприятии работают порядка 270 человек, и к этому числу надо прибавить сотрудников компаний, работающих на аутсорсинге, а это компании, не имеющие прямого отношения к осуществлению производственной деятельности, но в любом случае необходимые предприятию, осуществляющие уборку, сортировку, охрану и другие виды работ.

Предприятие является градообразующим для района. В первую очередь, именно оно дает рабочие места для жителей Соломенного, а также Петрозаводска, Заозерья. Доставка работников осуществляется транспортом предприятия. Обеспечивается достойная заработная плата, средняя зарплата составляет около 30 тысяч рублей, что немало в сравнении с другими производственными предприятиями.

Кроме того, через теплоцентраль предприятия осуществляется отопление Соломенного, летом производится отпуск воды на технические нужды для подсобных хозяйств.

Вячеслав Викторович не упоминает о том, что предприятие, как сейчас говорят, помнит о социальной ответственности бизнеса. Продолжая традиции первых владельцев заводов в Соломенном, ЗАО «Соломенский лесозавод» помогает городу и республике. И узнать об этом можно, рассматривая последние по времени экспонаты музея – многочисленные грамоты и благодарственные письма: за участие в реализации программы занятости населения, за помощь в организации и проведении Дня города, за заботу о ветеранах войны и труда, за поддержку проведения праздничных мероприятий в Соломенном, за помощь для нужд церкви от прихода храма Покрова Богородицы поселка Пряжа и многие другие.

Планы развития

ЗАО «Соломенский лесозавод» перерабатывает хвойную древесину, начиная от тонкомерного пиловочника. Поставляют ее как предприятия, входящие в группу, – ЗАО «Шуялес» и ООО «Поросозеро», так и другие лесозаготовители. Выпускаются сухие обрезные и строганые пиломатериалы, пользующиеся устойчивым спросом. 92% продукции идет на экспорт – в Японию, Голландию, Францию, Англию, Японию, Финляндию, Египет, Израиль.

Кстати, такая география поставок позволяет осознавать, сколь сильно связаны сейчас между собой страны и континенты, как события на одном конце земного шара могут сказываться на другом. Например, Соломенский лесозавод поставлял свою продукцию в Сирию, Ливию, но сейчас в связи с известными событиями на Ближнем Востоке сирийское направление через Египет закрылось. Однако появляются новые потребители, так, к числу стран, в которые поставляется доска из Соломенного, прибавился Китай.

В основном связи давние. Скажем, в Европе славилась продукция ПЛМК, и нынешний коллектив предприятия старается поддерживать качество продукции на высоком уровне и даже выше поднимать планку качества в соответствии с растущими требованиями. Отрадно, что предприятию остались верны клиенты, которые сотрудничали с лесозаводом еще в советское время.

Но это не означает, что не требуется развитие. Новые клиенты предъявляют свои требования. Для Японии, например, выпускается продукция, имеющая японские названия – мабашира и ламина. Красиво звучит, а под экзотическими названиями скрывается та же доска особого типа, активно используемая при строительстве малоэтажных индивидуальных домов в этой восточной стране.

Спрашиваю, не выгоднее ли японцам приобретать пиломатериалы где-нибудь на Дальнем Востоке. Оказывается, японских партнеров привлекли технические характеристики карельского леса, в частности плотность древесины. Им нужны именно наши карельские пиломатериалы, которые для них и производит Соломенский лесозавод.

На внутренний рынок поставки тоже осуществляются, но их объемы значительно меньше. К сожалению, российский платежеспособный спрос в настоящее время ограничен. Зато на

внешнем рынке спрос превышает предложение, которое обеспечивается существующими объемами производства. Именно поэтому у Соломенского лесозавода есть серьезные планы развития. Предприятие намерено запустить новую инвестиционную программу, построить линию распиловки тонкомерного пиловочника, чтобы освободить основные производственные мощности и увеличить объемы производства.

Увеличение объемов ожидается серьезное – в два раза по отношению к сегодняшним показателям, то есть до 600 тысяч кубометров лесопиления в год. Соответственно, объем выпускаемой продукции возрастет до 250-270 тысяч кубометров пиломатериалов в год. Программа развития рассчитана, как минимум, на два года. В настоящее время подготовлен и начал реализовываться инвестиционный проект, который может получить статус приоритетного.

С планами развития не все просто. Лесоперерабатывающая отрасль – это сложный комплекс, и разные звенья этого комплекса зависят друг от друга. Так, для увеличения объемов производства пиломатериалов нужна сырьевая база. Но лес в Карелии не только хвойный. Пиловочник составляет порядка 40% лесозаготовки, остальное – балансы и дрова. И если дрова реализовать можно, то балансы потребляют в основном целлюлозно-бумажные предприятия, а, как мы знаем, в последние годы в ЦБК Карелии тоже трудностей немало. Получается, что лесозаготовителям сбывать балансы некуда, на предприятия, находящиеся в предбанкротном состоянии, отдавать древесину нет смысла, поскольку за нее не платят. Лесозаготовка не является высоко маржинальной отраслью, она выгодна, когда четко налажена реализация продукции, всей заготовленной древесины. В общем, круг этих вопросов известен...

Однако Соломнский лесозавод видит перспективу развития, и потому планы будут воплощаться в жизнь. Предприятие так выстраивает свою деятельность, что обеспечивается стабильная успешная работа. Во многом это достигнуто благодаря постоянному наращиванию качества продукции, учета запросов клиентуры, заботы о сохранении и расширении рынков сбыта – всего того, что необходимо сейчас современному предприятию для осуществления успешной деятельности. Именно поэтому Соломнский лесозавод входит в десятку крупнейших лесозэкспортеров России среди предприятий-производителей. Есть чем оправданно гордиться

ся. А после реализации планов развития намерен войти в тройку крупнейших.

В завершение беседы задаю пафосный вопрос – будет ли лесозавод в Соломенном существовать через еще 140 лет? Вячеслав Викторович пафоса не поддерживает, что объяснимо – он и другие руководители завода находятся внутри процесса, ежедневно анализируют ситуацию в отрасли, ежечасно решают встающие перед предприятием вопросы. И потому ответ звучит так:

– Если на международном уровне сохранится спрос на продукцию лесопереработки, если на российском уровне изменится отношение к лесной отрасли и в лесе начнут наконец видеть неиссякаемый источник развития экономики, если каждый лесопользователь будет добросовестно выполнять свою работу, соблюдая баланс вырубки и лесовосстановления, тогда предприятие будет жить долго.

Иван ЩЁЛОКОВ,

член редколлегии альманаха «День поэзии»,
главный редактор
литературно-художественного журнала
«Подъём»
г. Воронеж

«Нет
нумерации...
поэтов»

Размышления на полях всероссийского альманаха «День поэзии – 2013»

Вышел восьмой по счету всероссийский альманах «День поэзии». На этот раз в Петрозаводске при участии журнала «Север». Ранее стартовой площадкой для него были «Литературная газета», журналы «Второй Петербург», «Нева», «Юность», «Подъём».

Возрожден был ежегодник в 2006 году по инициативе группы энтузиастов из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежа, при участии ассоциации «Лермонтовское наследие», возглавляемой прямым потомком и полным тезкой великого поэта М.Ю. Лермонтовым.

Теперь уже можно говорить, что «День поэзии» как уникальный издательский проект состоялся, преодолел первый «звуковой» барьер в путешествии по пространствам русской словесности. Будут ли преодолены второй, третий, последующий барьеры, гадать не будем. Не потому что прогнозы – дело неблагодарное, хотя и помечать вроде бы тоже не вредно, просто для нас в данный момент важнее сам факт появления очередного номера и все, что за этим явлением следует.

Почему-то верится, что для большинства читателей знакомство с новоявленным «Днем поэ-

зии» – не столько ностальгия о том еще альманахе, который выходил в советские годы с 1956 по 1990 год, сколько желание возродить в себе чувства духовного и эстетического приобщения к прекрасному. Сегодняшние страницы альманаха – это десятки известных и малоизвестных поэтов из разных уголков России, из Белоруссии, Казахстана, Украины, Армении, Израиля, других стран. Это о них и о себе, как всегда, афористично говорит со страниц «петрозаводского» выпуска Евгений Евтушенко:

*Нас Пушкин выдышал
одноупряжно.
Кто кого выше был –
не так уж важно.
У русской нации
среди пуль, наветов
нет нумерации
её поэтов.*

Зато есть здесь калейдоскоп чувств и мыслей, волнений и тревог, метафор и образов, созвучий и настроений. И все это светло просачивается в

душу, напитывает волшебством и счастьем, энергией любви и сопричастности к великому таинству постижения мира через Слово.

Можно сказать, что «День поэзии» – айсберг, осколок русского поэтического архипелага с прилегающими к нему территориями из малых национальных литератур. Каждая книжка ежегодника – духовная матрица, блуждающая в поиске культурного кода, утраченного нами на обломках вчерашней цивилизации, в несущих конструкциях которой поэзия, изящное слово вообще являлись одной из опорных колонн суперэтнуса. Вот и несет в себе этот метафорический айсберг память о ней, сталкиваясь с воинствующим отрицанием прошлого, с отторжением национального духа в угоду декларируемой абсолютной свободе личности, для которой в эпоху диктатуры менеджеров, пресс-секретарей, сетевых технологий, Интернета и транснациональной коммуникации поэзия – лишь смешная забава предков. Но что-то ведь осталось в нас, если там, внутри, саднит, кровоточит, как, например, в строчках Александра Анашкина:

*Нам пьянеть от границ, от цветных лоскутов
домотканой материи кровных историй...
Хоть картины пиши широтой-долготой,
хоть стирай нас водой из пяти океанов, –
мы останемся здесь...*

Гражданская, врачующе-отрезвляющая сила поэзии в том и состоит, чтобы, проникая в нас, не только радовать, побуждать к добру и состраданию, но и питать противоречиями и горечью времен, в которых нам выдалось жить. И этим особенно ценен возрожденный альманах «День поэзии» для отечественного и русскоязычного читателя, ибо не бывает поэзии вне конкретной эпохи, вне конкретного человека.

«Петрозаводский» выпуск не исключение. Несмотря на свои оформительские изюминки, дизайнерскую фантазию, содержательные, фундаментальные смыслы, в «Дне поэзии – 2013» остались верны выбранному направлению. Ибо куда ж мы даже в самую разнеможно технологичную эпоху от своих эмоций и переживаний, от листопадов и зимних перламутров, любви и предательства. И всякий раз, когда нам дрянно на душе, берем в руки, например, есенинский томик и с потайной жадностью повторяем вслед за ним: «Отговорила роща золотая...», «Не жалею, не зову, не плачу...» или «Пускай ты выпита другим, // Но мне осталось, мне осталось // Твоих волос стеклянный дым // И глаз осенняя уста-

лость...» Ни одна техногенная революция не вытеснит из сердца этих ощущений! Прав Глеб Горбовский, с пафосом строк которого из обозреваемого номера альманаха трудно не согласиться:

*Мы пьем современного мира
коктейли: любовь за бесценку...
А страсти людские Шекспира
не сходят со сцены!*

Не знаю, как кому, но мне, читая новый выпуск «Дня поэзии», хочется воскликнуть: браво, русская поэзия жива! И замечательно, что издание в последние годы активно прирастает провинцией. В этом есть историческая справедливость и неиссякаемый источник новизны и свежести отечественного стихосложения. Слияние в одном издании поэтических потоков двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга с поэтическими потоками из глубинки создает уникальный опыт воссоздания единого российского литературного процесса, который за последние десятилетия порядком обмелел и в силу различных причин застоялся в болотах регионального «самодостатка». Думаю, что с перемещением центра тяжести в подготовке и выпуске альманахов в регионы организаторы проекта выполняют благородную собирательную миссию, без которой невозможно с максимальной полнотой получить представление о состоянии современной поэзии страны.

Прекрасно, что этот совместный столично-провинциальный проект нашел поддержку на государственном уровне: за инициативу по возрождению альманаха «День поэзии» президент ассоциации «Лермонтовское наследие» Михаил Лермонтов, российские поэты Дмитрий Мизгулин, Сергей Мнацаканян и Андрей Шацков в 2013 году стали лауреатами премии Правительства Российской Федерации в области культуры и искусства.

Еще одно важнейшее объединительное начало «Дня поэзии» – в дружбе организаторов проекта с авторами из других государств. Такой, с позволения сказать, «таможенный союз» русскоязычной поэзии помогает сохранять ареал нашего языка и его словесности за пределами административно-государственной территории.

Доброй традицией ежегодника стали публикации статей о классиках русской поэзии. Минувший календарный год был необычайно урожайным на юбилеи. От одного только перечисления имен захватывает дух: Херасков, Державин, Тютчев, Маяковский, Смеляков, Заболоцкий, Яшин, Корнилов, Вознесенский... Отдельная публикация рассказывает о 400-летию рода Лермонто-

вых, в чем мне видится определенная логика: эта статья – мостик к великой дате нынешнего, 2014 года, когда мы будем отмечать 200-летие гения русской поэзии Михаила Лермонтова.

Симбиоз современной лирики и литературоведческого раздела раздвигает тематический горизонт издания, повышает его культурную и духовную ценность. Передайте экземпляр альманаха в школьную библиотеку – и какой богатейший, живой, сочный, честный материал попадет в руки преподавателя русского языка и литературы! Жаль, что так увлекательно о классиках сегодня не пишут в учебниках: «кастрация» русской классической литературы делает свое черное дело, порождая беспамятство, вырванную из единого литературно-исторического контекста вульгарную эпизодичность.

Конечно, на фоне глобальных процессов, внутри которых трансформируется сложившееся после Второй мировой войны равновесие политического и культурного мироустройства, выход ежегодника представляет собой мизерное событие. И все-таки есть в этом маленьком празднике слова что-то симптоматичное: Россия ведь – неотъемлемая часть этого мироустройства, она исторически обладает мощным запасом влияния на общецивилизационные культурные тенденции. И не случайно сегодня она как огромная этнокультурная держава и хранительница традиционных планетарных ценностей подвергается жестокому прессингу со стороны культурного глобализма.

Не знаю, согласятся ли читатели, но острая общественная востребованность в поэтическом альманахе лично мной воспринимается как своеобразная защита от агрессивной пошлости и эстетической безвкусицы в мировом искусстве. И вновь позволю себе обратиться к строчкам А.Городницкого:

Цивилизация устала от культуры...

*.....
Ей дела нет до Ветхого Завета,
Ей важно то, что сделано сейчас.
Достигшая всемирного охвата,
Сметая или ставя города,
Она, как Каин, убивает брата,
Не признаваясь в этом никогда.*

Есть в Воронежской области на берегу Дона село Костенки. Там расположен уникальный археологический музей-заповедник с одноименным названием. Он широко известен в мире открытиями стоянок первобытных людей, проживавших на этой территории от 40 до 20 тысяч лет

назад. Предки жили охотой на мамонтов. При раскопках ученые среди прочих предметов быта (наконечники к копьям, иглы из бивней мамонтов, крючки для ловли рыб, ножи и т.д.) нашли женские фигурки из камня. Причем ученые пришли к выводу, что эти небольшие по размеру скульптуры представляют собой изваяния беременных женщин. Самую первую фигурку так и назвали: костенкинская Венера.

Я часто спрашиваю себя: почему наш предок, дикий человек, пребывая в жесточайших древнетундровых условиях выживания, сердцем и духом стремился ввысь, к звездам, солнцу, чтобы оторвать себя хотя бы взором от брэнного бытия, от кишашей опасностями тверди и почувствовать духовное, молекулярное единение себя и мира, земли и неба? Для чего его огрубелые в черновой и часто кровавой работе пальцы так трепетно и нежно валяли образ возлюбленной, чтобы эту красоту донести до соплеменников, научить их восхищаться и стремиться к гармонии? У него, предка, не было планшетника и «мобилы», он не пользовался электронной почтой и Интернетом, не запускал «оранжевые» проекты глобализма. Он жил как умел и испытывал потребность в высшей красоте. Почему же некоторые «продвинутые» современники (при «мобилах», айпадах, «мерсах» и прочей суперцивилизованной «утвари») производят впечатление простейших. Восторгаются до визга голыми задницами на театральной сцене, без краски на лице внимают отборному мату в стихах, восторгаются выставками, где вся художественность бытия и гармония мира – это куски железа, ржавые гвозди, ведра и корыта, поддоны из-под кирпича, а то и просто рассыпанные горки сахара или подсолнечных семечек? Я не говорю, что такие атрибуты публичной демонстрации не могут быть использованы в авторской фантазии. Могут, конечно, но не как самостоятельная художественно-философская ценность, а как вспомогательный материал, деталь для создания произведения. Здесь как раз тот случай, когда от перемены мест слагаемых рушится здравый смысл. И самое главное: зачем же продукты-то сюда... Кошунство ведь... Голода, видать, как наши родители в годы войны, не знавали...

Кстати, я не противник экспериментаторства в искусстве, в том числе и в стихотворчестве. Поэтика не может быть застывшей в классицизме, романтизме, критическом или советском реализме. Поиск новых форм и содержания – нормальное явление для каждой эпохи. Эксперимент, художественно оправданный, освежает стихи, как

морской бриз. Слава богу, в альманахе, в том числе и нынешнем, не делят авторов на традиционалистов, приверженцев классической формы, и новаторов, допускающих вольности в стихосложении. Но здесь это органично, талантливо, это изящно, и значит, это настоящая поэзия!

В противном случае получается, что за 40-20 тысяч лет до наших дней общество, проделавшее колоссальный путь от дикаря к человеку творящему, созидающему, развившему в себе способность поэтически-одухотворенно постигать окружающий мир, вступило в эру обратного хода времени, вооружившись какой-то кирпично-щебеночной культурой и верлибро-звериной идеологией с доминантой массового потребления. Разве не ложное устремление к абсолютной свободе от тысячелетней морали и нравственности, не обоснование вседозволенности и разврата похоронили под осколками традиции такие уникальные цивилизации, как Древний Египет и Древний Рим?

Нынешний мир стоит у такой же черты.

Сетевая (торгово-посредническая) модель организации различных сторон человеческой деятельности, принцип поточного производства, обеспечение непрерывного коммерческого успеха отрицают индивидуальный, штучный товар (и поэтический вкупе), а сфера чувственного, традиционное искусство и литература объявляются атавизмами, бреднями «воскрешенных» романтиков. По их замыслу, свободная личность не должна быть мотивирована к серьезной, духовно насыщенной работе души и сердца – это требует затрат времени на осмысление и сопереживание. Такой личности отведена роль поглотителя массового арт-попкорна в красочных обертках всевозможных «фабрик звезд», сценических действий с демонстрацией гениталий и однополый любовью, бесформенного и бессодержательного стихопотока с нецензурной бранью...

С этой точки зрения «Дни поэзии», конечно же, мощный фильтр, активный чистильщик современного поэтического пространства. Отсортировывая «околокультурный мусор», он нейтрализует вредоносные мифы о свертехногенности и непоэтичности нынешнего времени. Однако вопрос о том, какое время поэтично, а какое нет, это как пат в шахматной игре: и проиграть невозможно, и победить нельзя. Каждое поколение находило свои аргументы по сути этих определений.

Когда-то давным-давно, на заре перестройки, в одной из публикаций «Комсомольской правды» вычитал любопытную фразу, не помню, правда, автора, а произнесена она была в отношении Ба-

беля: было время, когда в России молодые люди из коммерсантов уходили в писатели, а в наше время они предпочитают уходить из писателей в коммерсанты...

Не знаю, закончилось ли на Руси жуткое время не только комиссарства, но и коммерсантства. Но, судя по всему, нет, если в рейтингах по популярности профессий пока еще побеждают юристы и экономисты – главный резерв в пополнении диктатуры «менеджеров»: «белых воротничков» и «офисного планктона».

Но нередко вижу и другое: в наше внешне «непоэтичное» время почему-то растет число пишущих стихи. Значит, черпают в чем-то молодые авторы вдохновение, находят его в окружающей действительности. Что-то подвигает их выплескивать на-гора вулканическое состояние душ и духовную аритмию сердец? Значит, болит, тревожит, беспокоит что-то; достают неокрепшую душу «проклятые» вечные вопросы бытия, даже виртуальная зараза не затягивает по горло в болото бездуховности и личностного краха. Значит, не все еще отдано на откуп «юристам», «экономистам» и другим рабо- и роботоподобным офисным существам. Значит, крепка еще в крови нашей библейская заповедь: в начале было Слово...

И если это слово действительно Божье, и если живы в нем стыд и грех, вера, надежда и любовь, то не скоро еще его опорочат гонцы беспамятства и разврата. Верней, никогда не опорочат!

В начале ведь было Слово...

И оно – Начало Начал...

И оно – Традиция...

Все остальное – подражание, производное от Сотворенного...

Генетическая память человека прочней новомодных течений. Мы по природе своей отзывчивы на умное и красивое Слово. В этом и состоит высшая степень осознания нами своей личной свободы. И такая свобода не имеет ничего общего со свободой бегать по сцене без штанов, горланить в микрофон рифмованный или нерифмованный мат либо вываливать горы строительного мусора в выставочных залах, приравнивая сиюминутное к вечным ценностям.

Вениамин СЛЕПКОВ*г. Петрозаводск*

О времени и о стране

Спустя девять лет после выхода романа «Колдун здесь», новаторского для карельской литературы, Татьяна Мешко выпустила новый роман – «Железный фарфор» – в котором продолжает освоение необычного для нас художественного метода, сплетая в тексте реальное и ирреальное.

Профессор Евгений Неелов характеризовал мир романа «Колдун здесь» как «сказочно-фантастический и реальный одновременно. Автор предпринял смелый художественный эксперимент, попробовав соединить несоединимое: жанр сказки, точнее фэнтези, и жестокое реалистическое (даже порой натуралистическое) бытописание». Говоря о втором романе, Е. Неелов также отметил, что роман многопланов, и назвал эти планы: фантастический, социально-психологический и философский.

На презентации «Железного фарфора» наш известный мыслитель, публицист Роберт Коломайнен предложил свои определения: «постреализм» и «метареализм».

Все названные определения имеют право на существование, даже при том, что Е. Неелов находит истоки такого рода произведений, а Р. Коломайнен говорит о новейших жанрах, идущих на смену реализму. Попытки синтеза реального

и ирреального в литературе известны достаточно давно. Можно привести немало примеров из литературы русской (В. Одоевский, Н. Гоголь, etc.). В советское время это прежде всего «Мастер и Маргарита», а далее – более близкие нам по времени авторы (В. Орлов, Н. Евдокимов и другие). Можно искать точки соприкосновения с жанром, получившим название «социальная фантастика» (О. Тарутин и другие). Однако все это близко и все – не то.

В книгах прежнего времени реальность могла сочетаться со сказкой, именно – со сказкой. Для читателя изначально не были секретом заданные условия, а значит, речь не шла о метафизическом плане, о первоначальной природе бытия. Нередко фантастическое давало возможность автору рисовать сатирические картины. Особенно это использование фантастического и тем более мистического характерно для литературы советского периода, для времени, когда безраздельно царствовал социалистический реализм. Использование фантастических допущений оправдывалось несколько ироничным стилем, опять же дававшим четкий сигнал читателю – перед вами сказка.

Вряд ли можно отнести романы Татьяны Мешко и к жанру фэнтези. Как правило, в романах

фэнтези действие происходит в сказочных условиях, большинство персонажей – сказочные герои. Фэнтези, по сути, это современная литературная сказка.

Романы Татьяны Мешко сказочными не назовешь, фантастический элемент настолько органично сплавляется с реальностью, что перестает восприниматься как фантастический. На мой взгляд, такого органичного сочетания достигали латиноамериканские авторы, чьи книги получили мировое признание, а выработанный ими художественный метод получил название магического реализма. Татьяна Мешко демонстрирует более широкий взгляд на мир, обнимающий видимое и невидимое, то реальное, что можно осязать, и то необъяснимое, что можно лишь почувствовать.

И не удивительно, что магический реализм стал встречаться в книгах российских авторов все чаще. То, что произошло за последние четверть века с нашей страной, требует объяснения. Но объяснение достаточно трудно найти, опираясь лишь на реальные представления. Слишком уж резки и кардинальны перемены, приведшие к разрушению привычной жизни. Изменилось все – от политического устройства и экономической системы до внутреннего мира человека, системы ценностей, самих основ, на которых были воспитаны люди, начинавшие жизнь в Советском Союзе и вынужденные стать эмигрантами без права возвращения в стране, которая имеет мало общего с родиной.

Причин – прямых и косвенных – обращения авторов к магическому реализму можно насчитать немало. Одна из них – необходимость объяснить перемены. Другая – возможность отказаться от правил, на которых воспитывались литература и литераторы. Действие всегда вызывает противодействие. Если в советские годы мистическое всячески изгонялось из литературы и жизни, то в постсоветское время, напротив, преобладает. Много ли найдется сейчас литературных героев, не пытающихся, хотя бы в крайних ситуациях, найти поддержку в Боге, в религии, в мистике или оккультизме – в чем угодно, выходящем за рамки реальности?

Еще одна причина в том, что явления, прежде отнемавшиеся наукой, вдруг получают научное обоснование. О материальности мысли, об ауре и биополе не говорит сейчас только ленивый. А это значит, как минимум, что многие другие тео-

рии, касающиеся устройства мира, не могут быть со стопроцентной уверенностью объявленными не имеющими права на существование.

Наконец, вечные вопросы о смысле жизни, о смысле бытия по-прежнему не дают покоя человечеству. Ответы, даваемые марксистско-ленинской философией, базирующейся на материалистической основе, перестали удовлетворять людей, и потому требуется иное объяснение. Объяснения, предлагаемые традиционными религиями, также часто не удовлетворяют современного человека. Поиски причин этого должны быть и являются темой совершенно иных исследований, здесь мы ограничимся лишь констатацией факта. И вот мы видим расцвет различных оккультных, метафизических, эзотерических учений, то опирающихся на идеологию древних культов, то создаваемых практически с нуля.

Разумеется, все эти поиски находят отражение в литературе.

Каким образом Татьяна Мешко сплетает воедино план реальный и план метафизический? Для этого в распоряжении автора, прекрасно владеющего словом и мастерски создающего нужную атмосферу, много средств.

Вот, например, одно из них – это изображение взаимосвязи людей, осуществляемой и в материальном, и в духовном мире. Когда героиня романа не знает, в какую сторону ей двигаться (в буквальном смысле), на помощь приходит еще не рожденный младенец: «Ребенок словно подслушал тревоги мамы и сильно ударил в бок – в этот день ребенок так сильно бился о живот, словно решил выпрыгнуть наружу и покатиться вперед мамы вроде клубка из старых, мудрых сказок, чтобы указать верную дорогу». Есть примеры и того, как мертвые приходят на помощь живым, будь это мама героини романа Кати Непомнящей или старушка Василиса Митрофановна, удерживающая профессора Морфинского от рокового шага. «Профессор Морфинский в одночасье решил: сегодня без чекушки никак нельзя, купить чекушку, зубами отодрать пробку и вылить в себя <...> Семен Андреевич метнулся было из комнаты, но что-то схватило его за щиколотку, цепко и твердо. Он дернул ногой – нога застряла, словно попала в капкан для крупного зверя... не капкан, скрюченная ладонь Василисы Митрофановны держала его за щиколотку... Василиса, даже мертвая, хотела удержать его на краю пропасти».

С большим интересом отслеживается еще один прием сращивания реальности и ирреальности – одушевление вещей. Использование этого приема позволяет Татьяне Мешко не только играть читательским воображением, создавая таинственную атмосферу книги, но и давать зримые описания, позволяющие представить условия, в которых происходят события. «В этот сумрачный час дом увиделся особенно уродливым и злобным. Показалось, что здание согнуло в коленях мускулистые, сосновые лапы, что вот-вот начнутся предродовые схватки и на свет Божий выпрыгнет или свежее бревно, или сам купец Морозов», «Здание... смотрело угрюмо, окна враждовали друг с другом», «Сундук почуял Катю Непомнящую, как чует рыбак рыбака, и подал знак – внутри него что-то зацарапалось...», «Ослепшая от лунного света лампа звенела комариной песенкой», «Комната хохотала от ярких лучей, как от щекотки». Можно долго приводить цитаты, таких ярких метафор в романе множество.

Единая сущность мира проявляется не только в одушевлении вещей, но и в обратном процессе: «Кате очень хотелось превратиться в стальную пружинку...»

Той же цели создания метафизического пространства служат многие описания, показывающие взаимосвязь предметов и явлений. Когда звучат пророческие слова, за ними наступает тишина, а затем звуки, которые обычно не замечаются: падает капля, скрипит дощечка, взлетает муха, сдвигается стрелка часов... Шаман обращается к духам, и сшибаются рогами олени, падает с верхушки скалы галька, лисица хрустнула веткой, чайка закружила над озером... Мы видим, как происходит нечто и вызывает за собой множество событий, которые в обычной жизни могут быть не связаны друг с другом, но на самом деле на том плане бытия, который уловим нечеловеческим глазом, а может быть, только странными неясными ощущениями, их связь несомненна.

Наконец, в романе, как в сказке, животные повинуются некоему импульсу (волчица согревает замерзающего ребенка) и служат замыслам той высшей силы, проявления которой столь очевидны, сколь непризнаваемы. И люди, герои романа, будто не сами принимают решения, их что-то подхватывает, несет, понуждает...

Все эти приемы органично воспринимаются в

«Железном фарфоре» благодаря умению Татьяны Мешко найти нужные слова, выстроить текст так, что сказанное в нем воспринимается как реальность. Автор в ряде эпизодов приоткрывает свой подход к работе над языком романа, над словом: «Катя не помнила... термина «летаргический сон», но это слово показалось нехорошим: Катя не любила, когда сливаются согласные «р» и «г», от таких встреч веяло чем-то острым, ржавым, колючим и безжалостным», «...название станции было какое-то рыбе: Лабитнанги. Катя играла с этим словом, представляя блестящих, радужных рыбин...»

Кстати, умение Татьяны Мешко работать со словом проявляется и в метких характеристиках. Вот, например, описание всего в двух словах дает портрет человека: «... Срочные послания... приносила секретарша, вылитая пудреница, и в кабинете... несколько секунд витал земляничный запах дешевой косметики...»

Мистика затягивает читателя, но, в данном случае, хочется разобратся, зачем автору создавать произведение, где метафизика играет такую большую, основную роль. На мой взгляд, Татьяна Мешко обращается именно к этому жанру, чтобы объяснить (себе? читателю?) все, что происходило с нашей страной. В немалой степени роман можно рассматривать как взгляд целого поколения россиян, разочарованных в своих ожиданиях. На презентации романа один из карельских писателей прямо сказал, что не приемлет взгляд автора на советское прошлое. И его можно понять. Мы становимся старше, уходящие годы покрываются дымкой ностальгических воспоминаний. Таково свойство человеческой памяти – не помнить плохого, поскольку негативные воспоминания могут разесть душу, разрушить личность и жизнь. И потому мы инстинктивно от них избавляемся. Но Татьяна Мешко заставляет вспомнить все самое плохое, бросить негативный взгляд на прошлое. Негатива полны описания людей и явлений. Даже у положительных героев, вызывающих симпатию, сочувствие читателя, автор находит нечто отвращающее. Так, у героя «бульдожьей щеки», у героини – «жирные косы». Такие описания не назовешь случайностью, зная, как трепетно работает автор со словом.

Что уж говорить о многочисленных описаниях общностей людей! Дети в детдоме, повинуюсь

движениям указки директора, как волшебной палочке злой колдуньи, превращаются в механических кукол. Пассажиры поезда, наполненного запахом грязных носков, колбасы и влажного постельного белья, испытывают «друг к другу раздражение и подозрительность». Описание вокзала: «пустые скамейки, заплыванный пол, наглухо закрытый буфет», а за шторками кассы матерятся женщины. Героиня отличается от «советских людей, от этой тусклой массы, с устремленными в никуда взглядами и плотно сжатыми ртами». Действие происходит в стране Советов, где «все люди серые, у людей серые не только лица, но и души». Отвратительные картины видятся и в прошлом («...члены комиссии... будто созерцали убогую царскую Россию с ее неизлечимыми, как врожденное родимое пятно, бездорожьем, трактирами...»), и в настоящее, постсоветское время (... «ворюги и бандиты ворочают миллионами, а простые смертные, уже не с серыми лицами и душами, а окрашенные в нездоровый румянец, равнодушно выброшены на свалку»).

Многие из нас испытали глубочайшее разочарование, увидев, как обещания и надежды, появившиеся в перестроечные годы, обернулись падением нравственности и культуры, уничтожением социальных отношений и производства. В таких условиях невольно бросаешь ностальгические взгляды в прошлое. Но Татьяна Мешко, знакомая с репрессиями на примерах своей семьи, и в прошлом не видит очарования. И где же в таком случае искать опору, смысл существования, как не в ирреальном?

В прошлом тоже видится насилие, сплошное насилие, где красота фарфора может быть спасена, только если фарфор – железный. Конечно, невозможно воспринимать мир только в черном цвете. Татьяна Мешко предлагает поразмышлять о времени. Не случайно роману предпосланы два эпиграфа. Это слова Софокла: «Время открывает все сокрытое и скрывает все ясное» и слова К.Ф. Циолковского: «Время, возможно, существует, однако мы не знаем, где его искать». Есть множество теорий, описывающих понятие времени, но единой теории нет. Для Татьяны Мешко время – это четвертое измерение. И если в трех измерениях мы можем двигаться в разных направлениях, то автор допускает, что и в четвертом измерении действуют те же законы. И это значит, что возможно не одно-

линейное движение от прошлого к будущему через настоящее, но и обратное движение. Точнее, некто способен забрасывать в настоящее что-либо (кого-либо), что сможет изменить ход событий, вернувшись из будущего в прошлое.

С другой стороны, может, не так важно исправление произошедших событий – об этом можно только помечтать. На последних страницах книги получает объяснение композиция романа, когда читатель мог сочувствовать героям, еще не зная, что это просто призраки, что Кате Непомнящей с ее несчастьями не будет места в новой реальности.

В романе есть строки: «...ребенок появился... для постижения непостижимого – Времени». И еще: «Время выработало свой план, и простым смертным этот план не по карману: его нельзя постичь». Может быть, для нас важнее не исправлять прошлое, а попытаться осознать неосознаваемое, принять жизнь такой, какая она есть, со всеми печальными и трагическими событиями, и таким образом примирить себя с миром.

Уверен, что роман Татьяны Мешко не оставит читателя равнодушным, вызовет немало споров и эмоциональных откликов и станет ярким явлением в современной литературе Карелии.

Татьяна Мешко.

Железный фарфор: роман.
Петрозаводск, «Verso», 2013.

Этот номер для Вас подготовили:

Елена Пиетияйнен
главный редактор

Елена Бермус
редактор отдела
прозы

Евгений Кудрявцев
дизайн, верстка

Вениамин Слепков
редактор отдела
очерка и публицистики

Николай Трухин
художник

Александр Воронин
редактор отдела поэзии
и сайта журнала

Ирина Боякова
секретарь

Людмила Шанина
корректор

Редакционный Совет

Большакова Надежда (Мурманская обл.)

Васильева Надежда (Петрозаводск)

Востряков Игорь (Петрозаводск)

Гнетнев Константин (Петрозаводск)

Крапивин Владислав (Тюмень)

Ковалев Александр (Санкт-Петербург)

Лемесов Валерий (Швеция)

Маркова Елена (Петрозаводск)

Миккола Мария-Леена (Финляндия)

Минеева Инна (Петрозаводск)

Мустонен Раиса (Петрозаводск)

Неёлов Евгений (Петрозаводск)

Переяслов Николай (Москва)

Пиетияйнен Елена (Петрозаводск)

Попов Андрей (Сыктывкар)

Пронин Сергей (Петрозаводск)

Соломещ Илья (Петрозаводск)

Журнал зарегистрирован Министерством РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-3570 от 31.05.2000 г.

Цена договорная